

Консерватория: музыка моей души

Лисавета Синеокова

Аннотация к книге "Консерватория: музыка моей души"

Консерватория имени Вилмара Аберга Мирноосца. Там, где звук сливается с гармонией, а талант становится Даром, там, где музыка, переплетаясь с вдохновением, порождает искусство, там, в точке соприкосновения многих причин и следствий, рождается Чудо. Итак, олламы и оллемы, добро пожаловать в Консерваторию Аберга. Здесь из вас, обладающих задатками редчайшего дара, сотворят величайшее сокровище!

Глава 1

Едва влажная тряпка скользила по крышке старого рояля. Он был похож на потрепанного черного лебедя, не ушедшего, когда было должно, и теперь доживающего свой век без возможности взлететь. Провела куском ткани, смахивая пыль. Тряпка то и дело цеплялась за отшелушивающийся от старости черный лак, открывающий прожилки светлого дерева. Казалось, будто выступившие от древности вены изрезали поверхность рояля, а закрытая крышка инструмента так отчаянно походила на крыло, что ассоциация стала почти уверенностью, и, показалось, вот-вот послышится стон утомленной птицы, уставшей от одиночества и бессмысленности давно уже тягостного существования.

Очистив как горизонтальные, так и вертикальные поверхности давнего инструмента, провела рукой по крышке, скрывающей пожелтевшие от времени клавиши. Мне тоже не хватает полета, как и этому старому черному лебедю. Улыбнулась, будто замершей в радостном ожидании когда-то великолепной птицы, и едва слышно прошептала:

- Сейчас... уже почти... - после чего подняла маленькую крышку и коснулась клавиш. Они все те же: грязно-желтого оттенка с потрескавшимся лаком. Черные сохранились немного лучше, но и они местами облуплены. Бедный старый черный лебедь. Блиставший когда-то и отдавший всего себя. Теперь уже никто и не вспомнит твоего звучания. Все, что можно было взять у тебя, уже взято. Теперь ты лишь памятник былой славе, никому не нужный и покрывающийся пылью. Хотя так уж и никому? Сделала два шага и бережно подняла тяжелое черное крыло, открывая вид на струны, зафиксировала крышку, провела пальцами по натянутым металлическим жгутам. Те отозвались тихим, еле различимым гулом, словно давно задубевшие нервы. Возвратилась и села на старый винтовой табурет. Руки замерли в миллиметре над клавишами.

- Ну что ж, приятель, давай попробуем вспомнить чувство полета, - тихо произнесла и опустила пальцы, глубоко погружая грязно-желтые пластины. Ощущение, будто с непривычки они увязали, утопали в штутьраме словно в трясине, недоверчиво прятались, страшась быть обманутыми, но скоро мы приноровились друг к другу, увлекаясь мелодией все больше, и они стали послушней, доверившись моим рукам.

Звук старого рояля словно голос старика: кое-где прорывается сип, а то и скрип, но чувствуется скрытая не до конца растраченная сила, мелодичность и певучесть. Что это, как не едва не забытая воля к жизни? И даже фальшь давно не настроиваемых струн не перекрывает былого величия звука. Улыбаюсь, и мелодия полностью захватывает нас, меня и моего старого черного друга - лебедя с одним крылом.

Тональность Лунный Сапфир. Моя любимая. Я закрываю глаза и перед внутренним взором будто разливается море, играющее всеми оттенками синего. Оно ласкает мои пальцы. Морской ветер едва заметного голубого оттенка переливается и вьется вокруг меня, не задевая ни волос, ни кожи. Он играет со мной на расстоянии. Сердце охватывает тоска. Сильная, будто звериная. До боли хочется почувствовать хоть малейшее дуновение, завивающегося в спирали, сверкающего голубыми искорками ветерка. Пальцы уже не ласкают клавиши, а бьют, умоляя и одновременно неистово требуя прикосновения. Неосознанно подаюсь вперед, чтобы ощутить движение легкомысленного и немного жестокого порыва воздуха, и в этот момент раздается скрип двери. Волшебство момента пропадает, осыпаясь стремительно угасающими сапфировыми искорками, а я открываю глаза.

У двери, облокотившись плечом о стену и скрестив руки на груди, стоял незнакомый мужчина и внимательно смотрел на меня. Нежданный гость был высок и черноволос. От его внушительной атлетически-сложенной фигуры веяло неприкрытой властностью и силой. Зеленые глаза смотрели прямо в мои собственные, как будто пытаюсь найти подтверждение каким-то своим мыслям. Все время, что мужчина посвятил изучению моих глаз, в комнате царил тишина. Я словно застыла в той позе, в которой увидела его: повернув голову к выходу и едва оторвав пальцы от клавиш. Я знала, что не совершила ничего предосудительного и ругать меня не за что, но внутри, вопреки логике, легким тремоло дребезжал трепет от появления незнакомца. Наконец, придя к решению,

что стало ясно по сведенным друг к другу бровям, мужчина произнес:

- Как вас зовут?

Голос оказался глубоким и сочным, с дремавшими где-то в глубине, на самой периферии слуха рокочущими нотками, словно лава, едва начавшая бурлить глубоко в кратере вулкана. Слова обволакивали черным бархатом, одновременно лаская и требуя подчинения, а конкретно сейчас - ответа на заданный вопрос.

Я сморгнула наваждение, сглотнула непонятно откуда взявшийся в горле сухой ком и произнесла, перемещая руки на собственные колени:

- Таллия Хейс. А вас?

Не знаю, почему спросила. Слова слетели с языка как горячие угольки, которые невозможно удержать. С другой стороны, почему мне было не спросить о его имени, если он без видимых на то причин поинтересовался моим?

Губы мужчины дрогнули в мимолетной немного ироничной улыбке, и снова зазвучал голос цвета горького шоколада:

- Маркас Двейн.

Я удивилась. Не думала, что на этот вопрос он ответит, да и на мгновение мне показалось, что он принял решение представиться в самый последний момент, как будто неожиданно для себя.

- Таллия Хейс, я приглашаю вас к обучению в консерватории имени Вилмара Аберга Мирноосца.

Я что-то говорила про удивление? Ерунда. По-настоящему изумлена я была именно сейчас, после этой невозможной фразы, произнесенной сильным, словно ветер, гнувший стволы деревьев, не терпящим возражения голосом. Консерватория Аберга - самое известное и самое закрытое высшее учебное заведение Эйрина. В него стремятся попасть все музыкально-одаренные жители Эйрина вне зависимости от сословия, но поступают только упорные, целеустремленные и, конечно, талантливые. Поговаривают, для зачисления нужно обладать всего одним качеством, но никто доподлинно не знает, каким. Скептики утверждают, что это увесистый кошелек с золотыми монетами, а романтики - что в консерватории учатся люди, чувствующие музыку. Так или иначе, я поступать не планировала. Ни у меня, ни у моей семьи не было достаточно средств, чтобы нанять мэтра с достойной репутацией, который помог бы подготовиться. На то чтобы снимать жилье в другом городе тоже бы не наскреблось. Поэтому консерватория Аберга была даже не мечтой, она была сродни света далекой звезды в утреннюю пору - чем-то эфемерным и недостижимым.

***В комнате, заваленной старым музыкальным инструментом, пришедшим в негодность, снова воцарилась тишина. Маркас Двейн ждал ответа, а я не могла произнести и звука от потрясения. Устав ждать или поняв, что ничего вразумительного от меня не добьется, мужчина вздохнул и опять рассеял тишину:

- Таллия Хейс, я буду ждать вас завтра в шесть утра перед главным входом этой музыкальной школы, - после чего опустил руки, развернулся и вышел. Это был не вопрос и даже не предложение, а прямое руководство к действию. Дверь открылась перед ним совершенно бесшумно, а закрылась со скрипом, как, впрочем, и всегда - у старой двери, как и у многих вещей ее возраста, был свой уникальный характер.

Сквозь изумление робко пробилась мысль - сколько же он простоял незамеченным? Но была мгновенно вытеснена другой: меня пригласили учиться в консерваторию Аберга?!!!. Очень захотелось ущипнуть себя, чтобы проверить, не сон ли это, но озорной ветерок от закрывшейся двери пустил мне горсть пыли в лицо, подхваченной со сломанной виолончели, сиротливо приютившейся у самого входа, чем разрешил мои сомненья по поводу собственной бодрости. Чихнув несколько раз, улыбнулась, смотря на потрескавшуюся и изъеденную щелями входную дверь. После перевела взгляд на черного лебедя, и улыбка сползла с моих губ. Рояль будто понял, что скоро последний человек, оживлявший его пыльную старость, покинет его. Он словно застыл, разом превращаясь из черного лебедя в выцветшую скрипящую рухлядь, как старик, незаслуженно забытый и оставленный нерадивыми детьми и внуками.

На глаза навернулись слезы. Мне хотелось прошептать «прости», но горло сжалось в спазме не позволяя вырваться даже самому тихому звуку. Осторожно, с благоговением закрыла крышкой клавиши, а после сложила единственное крыло доброго, незаслуженно обиженного старого друга. С щемящей тоской проведя пальцами по шелушащейся поверхности, резко развернулась и быстро вышла из складского помещения. Мой бедный старый черный лебедь, прости меня.

* * *

Следующим утром без пятнадцати шесть я уже стояла у входа в музыкальную школу, в которой училась на протяжении семи лет, а потом еще два года работала секретарем директрисы. Вплоть до вчерашнего дня.

Покинув склад старых инструментов и поплутав по парку, примыкавшему к школьной территории, чтобы навести в беспорядочных цветных пятнах мыслей хотя бы подобие порядка, я направилась в кабинет своей начальницы, госпожи Оноры Дрейс. Полностью седая, но еще нестарая женщина уже ждала меня. Я не знала, как начать разговор. Чувство неловкости желеобразной сумрачно-голубой массой наполняло тело от пальцев ног до самой макушки. К моему облегчению, разговор начала именно директриса:

- Таллия, ты вовремя. Я только что подписала приказ о твоём увольнении.

Я подняла на женщину полный непонимания взгляд. Её голос, как и всегда, пестрел ранними осенними цветами, но сегодня в нём смутно различалась горькая аметистовая нота с вкраплением серебра. Я не успела даже рта открыть, чтобы поинтересоваться причиной неожиданного увольнения, потому что госпожа Дрейс заговорила снова, заполняя воздух переливами весенней капли:

- Согласно расписанию посещение куратора нашей музыкальной школы значится следующей неделей, - я кивнула. Мне это было прекрасно известно: я сама заносила эти сведения в расписание, и читала уведомление директрисе тоже я. А работы в связи с грядущей проверкой в последние две недели было невпроворот: подправить неподправленное, подшить неподшитое, отдать на подпись Оноры неподписанное. И много других мелочей, о которых вспоминают исключительно перед самой ревизией. - Но лорд Двейн освободился пораньше, поэтому приехал сегодня. Пару часов назад он забрал у меня документацию для проверки и отправился на осмотр здания, попросив в отношении сопровождающего не беспокоиться, он, дескать, сам с экскурсией справится. Через каких-то полчаса лорд вернулся и приказал подготовить бумаги на твой перевод в Консерваторию Аберга.

Мои глаза расширились еще больше, хоть я и не подозревала в них такой анатомической перспективы. Заметив мою реакцию, директриса кивнула и продолжила:

- Вот-вот, представь мое удивление! Услышав, что ты не ученица, а работник, он только пожал плечами и распорядился подготовить приказ об увольнении. Конечно, я так и сделала, но перед тем, как поставить на нем печать, хотела поговорить с тобой, - госпожа Дрейс вздохнула и посмотрела мне прямо в глаза. - Таллия, мне будет очень жаль потерять такого добросовестного секретаря, но Консерватория Аберга - это великолепный шанс для тебя. Ты понимаешь?

Я несколько раз с энтузиазмом кивнула. Конечно, я понимала! Ведь Консерватория была даже не мечтой, а призраком мечты для очень многих. И не только обыкновенных горожан, но и дворян, в том числе и для меня. А тут - приглашение. Отказаться? Нет. Это не в моих силах.

Заметив мое выражение лица, директриса тепло улыбнулась, хитро прищурилась и с громким стуком опустила печать на приказ о моем увольнении. Никогда еще этот резкий звук, похожий на маленькую вспышку молнии, не казался мне настолько прекрасным.

- Что ж, с этого момента ты официально уволена, - в голосе Оноры Дрейс зазвучали торжественно-медные нотки фанфар, которые она отпускала лишь один раз в году: на вручении свидетельств об окончании музыкальной школы. Но сегодняшний день был исключительным. - Наша школа верит в тебя и твой музыкальный талант, Таллия Хейс.

Я радостно улыбнулась и произнесла слегка ломающимся от эмоций голосом:

- Спасибо, госпожа Дрейс.

Женщина махнула рукой, мол, не о чем говорить, после чего добавила:

- Кстати, лорд Двейн сказал, что вы не успели обговорить детали, поэтому попросил предупредить, чтобы ты не беспокоилась насчет жилья: тебя поселят в общежитие при консерватории.

Из кабинета директрисы я выпорхнула, словно птичка, почти не чувствуя веса собственного тела, мысленно уносясь в будущее и пытаясь представить учебное заведение, где мне предстояло оказаться уже завтра, но и этого не получалось, голову будто заполнили сверкающие в молочном облаке звездочки неожиданного счастья.

А вечером был непростой разговор с обескураженными родителями. Не сказать, что они не

поверили моим словам, но вязкая тишина наполнила комнату на целых десять минут, во время которых папа и мама старались осознать новость. Сама виновата, не следовало начинать разговор с фразы «меня ПРИГЛАСИЛИ учиться в КОНСЕРВАТОРИИ АБЕРГА!». Первой пришла в себя мама:

- Тали, но как такое возможно? – мамин голос... как я буду без него, такого солнечного, теплого, уютного?

Отец сосредоточенно свел брови к переносице и смотрел на меня, тоже ожидая ответа. Я аккуратно села на диван рядом с мамой и рассказала все от начала до конца. По мере повествования лица родителей то светлели, то темнели. Я не могла сказать с уверенностью, о чем они думали в этот момент, но какое-никакое представление имелось: наверняка они были в еще большем ошеломлении, чем я.

После того, как я замолчала, заговорил папа.

- Таллия, - я улыбнулась. Он всегда называл и меня и маму полным вариантом имени, но сколько же любви было в его словах, звучащих привычно, как старые деревянные маятниковые часы, стоящие у нас в гостиной сколько я себя помню и всегда точно отбивающие полдень, - общежитие – это хорошо, но тебе нужны деньги на жизнь. Мы с мамой сможем помочь тебе только очень ограниченной суммой, сама знаешь, художественный лицей Норы тянет приличную часть нашего с мамой дохода.

Я снова улыбнулась. Конечно, я знала. Отец был из семьи обедневших дворян, слишком гордых, чтобы пачкать руки плебейским трудом. К счастью, его понимание заботы о семье не ограничивалось прививанием детям придворных манер и сплетнями о соседях и аристократах. Встретив маму, дочь портного, он пошел наперекор родным, мечтавшим, чтобы старший сын нашел родовитую пассию и, желательно, с хорошим приданным. После свадьбы он стал помогать тестю в работе, придавив горло дворянскому гонору, чем заслужил уважение родителя жены и еще более яркое сияние глаз мамы. Дедушка научил папу всему, что знал сам. И теперь я с гордостью могу сказать, что наша лавка – одна из лучших в городе. Заработок родители предпочитали тратить на образование детей, причем выбрать школу, в которой хотели бы учиться, нам с сестрой разрешили самим. Я выбрала музыкальную, а Нора – художественную.

Воспоминания снова пробудили волну благодарности к семье.

- Я знаю, пап. У меня есть сбережения. На первое время должно хватить, а уже в консерватории я постараюсь получить стипендию. Я должна попытаться: такими возможностями не разбрасываются.

Отец кивнул, мама грустно улыбнулась, лаская взглядом мое лицо, словно запоминая каждую его черточку.

- Хотя, если там окажется полный пансион, это будет очень кстати, - добавила я, чем разрядила обстановку: на лицах родителей засверкали понимающие улыбки.

Поток картин вчерашних событий прервал голос черного бархата позади меня:

- Доброго утра, Таллия Хейс.

Я обернулась. Маркас Двейн стоял у входных дверей в школу, напротив которых я расхаживала туда и обратно в ожидании мужчины. Мимо меня он пройти незамеченным он бы не смог, значит, вышел из здания школы.

- Школа открыта? – удивилась я.

- Да. Мне нужно было обсудить пару деталей по документации с директрисой Дрейс.

- Так рано? – не смогла не поинтересоваться я.

- Такая работа, - пожал плечами мужчина. – К полудню я должен быть в консерватории, так что стоит поторопиться.

С этими словами он преодолел три ступеньки, достал из кармана маленькую серебряную трубочку и дунул. Раздался едва уловимый писк, похожий на комариный, а через несколько секунд из-за угла здания показался экипаж. Остановив карету перед нами, кучер проворно спрыгнул со своего места, поймал указующий на мой чемодан взгляд Маркаса Двейна, подхватил поклажу и снова взобрался на козлы, чтобы разместить и закрепить ее на крыше.

Мужчина открыл передо мной дверь экипажа и предложил руку, чтобы помочь забраться. Я отказываться от вежливого жеста не стала и через несколько мгновений уже находилась на удобном сиденье, а мужчина, расположившийся напротив, стучал по стенке кареты, давая знак

кучеру трогаться. Легкий рывок - и дома в окне экипажа поплыли стройной чередой один за другим, словно провожая меня в дорогу.

Долгая поездка наедине с незнакомым человеком - не самое приятное времяпрепровождение. Поначалу неловкость накатывала волнами после каждого движения, его или моего, если он обращал на него внимание. Но потом, когда мы выехали за пределы родного городка, серебристо-серый шорох гравия и строгий, словно метроном, стук лошадиных копыт заполнили пространство расцветной мерцающей дымкой, в которой, то и дело, расцветали бутоны пения то одной, то другой птицы. Я заслушалась. Мне еще никогда не приходилось выезжать из города, поэтому сочетающиеся именно таким образом звуки я слышала впервые. Перед глазами проплывали зеленые деревья и трава, умытая росой, поблескивающей в отсветах утреннего солнца, а перед внутренним взором, по мере вплетения новых звуков, сероватая картина насыщалась все большим обилием красок. В какой-то момент, мне подумалось, что такую честную мелодию жизни я могла бы слушать гораздо дольше, чем половину дня. Мерное движение экипажа очень скоро укачало меня, и я задремала, забыв о неловкости и смущении. Проснулась же от внезапного появления прямо по середине яркой палитры грязно-коричневой кляксы, звучащей, как... Как сотня разбитых тарелок? Вздрогнула, распахнула глаза и удивленно осмотрелась: рессоры экипажа мягко пружинили на брусчатке, мы медленно проезжали мимо опрокинутой телеги, возле которой стояли необхватного вида женщина и не уступающий ей в объемах мужчина. Первая голосила на всю округу и костерила несчастного подрагивающего телесами супруга так грозно и увлеченно - если не сказать, вдохновенно - что боязно стало даже мне. Звуки ругани, глухих пинков злосчастной телеги и черепков посуды, смещающихся все дальше и громче с каждым, полным злости ударом, заставили передернуть плечами: стало физически неприятно, как будто в уши пытались забраться толстые коричневые гусеницы.

Когда карета отъехала на достаточное расстояние от скандалящей горожанки, я с облегчением вздохнула, чем привлекла к себе внимание попутчика и вызвала его понимающую усмешку.

Судя по открывающемуся через окно кареты виду и внутреннему ощущению времени, мы практически прибыли к месту назначения, поэтому я решила задать молчаливому мужчине напротив тревожащий меня вопрос:

- Лорд Двейн, я хотела узнать, предусмотрена ли в консерватории стипендия?

- Конечно, но назначается она после сдачи экзаменов и по их же итогам, - ответил Маркас Двейн.

Я кивнула. Вполне справедливо поощрять денежными средствами не просто талантливых, но и трудолюбивых студентов. К тому же на три-четыре месяца моих сбережений должно хватить.

Снова посмотрела на спутника и подумала: а кем он, собственно, трудится в консерватории и работает ли он там вообще? Удивилась тому, что этот вопрос у меня возник только сейчас, и решила прояснить ситуацию:

- Лорд Двейн, а вы работаете в консерватории Аберга?

- Можно сказать и так, - произнес мужчина.

На моем лице отразилась крайняя степень непонимания. Маркас Двейн усмехнулся и пояснил:

- Я курирую многие музыкальные учебные заведения. В том числе, и эту консерваторию.

- Значит, вы работаете в министерстве музыкального образования? - попыталась разобраться я.

- Нет. В консерватории Аберга. Проректором, - внес ясность мужчина.

- Как же тогда вы находите время для кураторства музыкальных школ? - удивилась я. - Ведь у проректора, должно быть, множество обязанностей.

- Это - одна из них, - коротко бросил Маркас Двейн и устремил взгляд в окно.

Я последовала примеру проректора и оставшуюся часть пути рассматривала проплывающие мимо дома, лавки и магазины и прислушивалась к таким знакомым звукам жизни города, но все же неуловимо другим, чужим, что ли.

Долго поездка по улицам города не продлилась. Спустя десять минут экипаж остановился у одного из зданий. Проректор покинул карету, но очень скоро вернулся с каким-то тщательно упакованным свертком в руках, после чего мы продолжили движение. Очень быстро камень снова сменился гравием, а дома - открытым полем, отделяемым от дороги, пересекающей его двумя рядами стройных высоких деревьев.

Удивленно посмотрела на мужчину.

- Консерватория располагается за чертой города. Но не слишком далеко, - ответил на невысказанный вопрос он.

Странно. И навряд ли удобно как для студентов, так и для преподавателей. Уточнить с чего бы вдруг учебное заведение выносить за пределы города, не стала, опасаясь исчерпать запас терпения попутчика. Не производил он впечатление долготерпеливого человека. Решила, что лучше потом спросу у кого-нибудь из ребят-студентов.

Лорд Двейн не обманул, до консерватории мы ехали действительно недолго. Всего минут двадцать. Завидев впереди какое-то строение, я припала к окну и стала жадно всматриваться в открывшуюся картину. Консерватория, в которой мне предстояло учиться, оказалась трехэтажным, довольно длинным зданием с большими окнами и изящным светлым фасадом, украшенным колоннами и лепниной на карнизах. Оно понравилось мне с первого взгляда.

Территория учебного заведения была строго огорожена двухметровым кованым забором. Как только мы подъехали к воротам, из сторожевой будки выскочил низенький крепенький мужчина и стал быстро и проворно их открывать без единого вопроса: наверняка узнал прибывшее начальство. Перед главным входом в здание располагался фонтан, вокруг которого лежало кольцо вымощенной камнем дорожки для кареты. Экипаж остановился напротив входной двери. Первым из него вышел проректор, учтиво подавший мне руку, чтобы помочь спуститься. В тот момент, когда я оказалась на дорожке и принялась осматриваться, взглядом зацепилась за движение у дверной створки. Облокотившись о косяк, там стоял парень и с интересом смотрел на меня. Захотелось опрavitить одежду и убедиться, что с ней все в порядке, но этого я делать не стала: и так понятно, что после шестичасовой поездки я не выгляжу свежей райской птичкой, так что и переживать нечего. Маркас Двейн проследил за моим взглядом и, увидев, молодого человека, повернулся к тому и произнес.

- Оллам Кеннет, идите-ка сюда.

Парень отлепился от косяка и в три шага преодолел пять ступеней, спускаясь к нам.

- Добрый день, мэтр Двейн, - поздоровался он.

- Чудесный. Будьте добры, отнесите чемодан новой студентки коменданту девичьего общежития, - озадачил парня лорд.

Я попыталась было возразить: что за глупости, и сама могу отнести свою поклажу - но Маркас Двейн не дал мне даже слова вымолвить:

- Таллия у меня нет времени на вашу возню с багажом. Сейчас нужно оформить документы. Впереди еще уйма дел, - произнес он непререкаемым тоном, как будто черный бархатный отрез туго спеленал волю, не позволяя не согласиться или возразить, а потом добавил. - Кеннет - парень порядочный, рыться в вашем белье не станет.

- Что я, женского белья не видел, что ли? - Кивнул молодой человек и весело мне подмигнул.

На звонкий голос цвета весеннего зеленого луга я ответила улыбкой.

Решив, что дольше наше присутствие не потребуется, проректор сделал знак следовать за собой и направился к входу. У самой двери я обернулась на звук ворчания и увидела, что Кеннет стоит рядом с экипажем и с интересом смотрит нам вслед, а кучер, уже отвязавший мою поклажу и держащий ее на вытянутых руках, пытается привлечь его внимание, попутно выдавая едва слышные перлы о глазастых студентах. Парень повернул голову к кучеру и подхватил мой чемодан. Через секунду он снова посмотрел в мою сторону и в приветливом жесте взмахнул рукой. Я снова улыбнулась и поспешила за лордом Двейном.

Вместе с ним по широкой лестнице поднялась на второй этаж и, повернув направо, прошла до самого конца коридора, где располагался кабинет мужчины. Открыв дверь без стука (кто же стучится в собственный-то кабинет?) лорд зашел сам и придержал дверь для меня. В маленькой светлой комнатке, которая оказалась приемной, стоял диванчик, напротив него - стол, а за столом сидела женщина. На вид ей было лет тридцать. Красивая, невероятно женственная, рыжеволосая, с глазами насыщенно-малахитового цвета и не предвещающей ничего хорошего улыбкой. Я поежилась и порадовалась, что улыбка предназначалась не мне.

- Маркас! - нарочито нежно пропела секретарь, но в ее невероятно мелодичном, словно льющееся в хрустальный бокал выдержанное красное вино, голосе сквозили острые, как иголки, нотки негодования.

Проректор не дал ей продолжить, положив на стол тот самый тщательно упакованный сверток. В глазах женщины на секунду вспыхнули огоньки предвкушения, но потом она прищурилась и заявила:

- Не рассчитывай, что это будет помогать тебе всякий раз. Ты знаешь, сколько всего я услышала по поводу отсутствия твоей подписи на документах?

- Уверен, Милдред, ты не осталась в долгу и не дала себя в обиду, - с улыбкой ответил мужчина.

- Ясное дело! - фыркнула секретарь. - Но ты ведь не доплачиваешь мне за регулярные посягательства на мою профессиональную честь. И попробуй, донеси до ректората, что проректор Двейн срочно отбыл по важным делам и подписать просто не успел.

- В следующий раз направляй этих недоверчивых прямо ко мне, - ответил лорд Маркас.

- Конечно! Так они к тебе и направятся, - скептически приподняв бровь, произнесла женщина. - А если и направятся, ты же знаешь, у этого порога все претензии как будто вылетают у них из мозгов.

Мужчина довольно ухмыльнулся, а Милдред нахмурилась.

- Точно тебе говорю, когда-нибудь мне это все окончательно надоест, и я уволюсь. Или уйду от тебя к любому другому проректору.

- Они были бы счастливы, но ты не сможешь меня бросить, Милдред. Тебе с ними будет скучно, и, к тому же, я знаю твою слабость, - лорд Двейн кивнул в сторону свертка и расплылся в довольной улыбке.

- Маркас, ты невыносим, - вынесла вердикт секретарь. - Документы ждут тебя на столе.

Проректор кивнул в знак того, что принял к сведению данную информацию, и направился к дверям в свой кабинет. Перед тем как скрыться за ними, повернулся и отдал распоряжение:

- Милдред, оформи новенькую.

- Первый курс? - деловым тоном поинтересовалась женщина.

- Первый, - подтвердил лорд и закрыл за собой створку.

Теперь все внимание секретаря принадлежало мне, полностью и безраздельно. Вопреки опасениям, красавица доброжелательно улыбнулась, указала на второй стул, стоящий по другую сторону стола, и произнесла:

- Присаживайтесь. Как вас зовут?

- Леди Таллия Хейс, - ответила я. И внезапно поняла, что вчера представилась лорду Двейну одним только именем и фамилией, и, что примечательно, он сделал так же.

- Я Леди Уорд. Будем знакомы, - назвала свою фамилию секретарь, а потом добавила. - Кстати, будьте готовы к тому, что здесь вас называть «леди» никто не станет.

Не то чтобы это был фатальный удар по моему самолюбию - отец был наследником титула барона, но род его обеднел, так что трудился он, как обыкновенный ремесленник, чтобы обеспечить семью всем необходимым, справедливо рассудив, что дворянской гордостью сыт не будешь. Так что я не привыкла выделять свой статус - но стало интересно, ведь я не единственная дворянка в консерватории. Неужели и отпрысков маркизов и графов тут не величают «лордами»?

- Почему? - спокойно спросила я.

- Указ ректора, - роясь в каких-то бумажках в верхнем ящике стола, ответила мне Милдред.

- Как же тогда тут друг ко другу принято обращаться? - решила прояснить ситуацию я.

- К преподавателям - «мэтр» или «мэтресса», а к студентам «оллам» или «оллема», или просто по имени, там сами ориентируетесь, - с готовностью просветила меня секретарь, после чего, выдохнув «нашла», положила перед собой скрепленную стопку листов.

- Итак, - в голосе Милдред появились нотки похожие на игристые пузырьки благородного напитка, отливающие золотинками. - Вот вам стандартный договор. Ознакомьтесь, впишите своё имя и распишитесь, - с этими словами секретарь придвинула стопку ко мне.

Я погрузилась в чтение документа. В общем и целом, договор действительно был стандартным, зацепили только пара пунктов: студентам первого года обучения воспрещалось самовольно покидать территорию консерватории без предварительного уведомления куратора. Покидать территорию консерватории можно было только с письменного разрешения последнего, заверенного подписью. И Студенту воспрещалось проводить кого-либо на территорию консерватории. Второй был вполне обоснованным, хоть и необычным, но мотивы первого я не смогла понять, поэтому

решила уточнить у Милдред.

- Леди Уорд, откуда такой странный пункт в договоре? – спросила я, указывая пальцем на строчку, предварительно развернув документ к секретарю. Та пробежалась глазами по написанному, хмыкнула и ответила:

- Это формальности, леди Хейс, на первом году обучения вам просто некогда будет покидать стены консерватории, если вы, конечно, планируете добросовестно учиться и получать стипендию. Программа очень насыщенная. Да и незачем, в общем-то: у нас полный пансион и даже формой обеспечивают. Так что переживать не стоит.

Я снова придвинула документ к себе. Собственно, идти-то мне все равно пока никуда не нужно. Приехала учиться, значит, буду учиться. Поэтому, пожав плечами, вписала свое имя и расписалась, проставив дату. У всех свои причуды и понятия. Существуют же закрытые школы, почему бы тогда не существовать закрытой консерватории?

- Замечательно. Благодарю, - произнесла Милдред, принимая у меня из рук договор, после чего протянула мне листок, на котором предварительно размашисто расписалась, - Это отдадите коменданту. Женское общежитие располагается на территории парка слева от главного корпуса.

Я кивнула и поинтересовалась:

- Это все? Я могу идти?

- Конечно. Занятия начинаются послезавтра, - ответила секретарь.

- Спасибо, - поблагодарила я. Получив в ответ вежливое, сопровождающееся приятной улыбкой «это моя работа», встала и, попрощавшись, вышла из приемной.

* * *

Милдред Уорд проводила новую студентку консерватории взглядом, дождалась, пока дверь за той закроется, открыла верхний ящик стола и достала из него чистый лист бумаги и разноцветные карандаши. Пока девушка сосредоточенно и вдумчиво изучала договор о предоставлении образовательных услуг, секретарь первого проректора столь же внимательно изучала саму Таллию Хейс и теперь четкими уверенными движениями, то и дело меняя карандаши, наносила на лист линии, складывающиеся в портрет студентки: лицо овальной формы, лоб высокий, нос ровный, нижняя губа немного больше верхней. А когда девушка улыбается, на левой щеке появляется очаровательная ямка. Волосы черные, забранные в пучок, но, судя по его объему, длинные. Глаза изумительного голубого оттенка с лазурной радужкой, от которого душа художника, живущая в секретаре, пребывала в восторге.

Отложив карандаш, Милдред осмотрела работу и осталась довольна увиденным. Портрет получился очень точным. Таллия Хейс была весьма интересной девушкой. Однако в консерваторию брали, руководствуясь отнюдь не внешними данными, поэтому, учитывая, что Маркас пригласил леди Хейс, предварительно не собрав о ней информации, новоиспеченная студентка должна была быть весьма перспективной.

Прикрепив рисунок к договору, секретарь встала и направилась в кабинет к проректору. Коротко постучав, открыла дверь и вошла. Маркас Двейн сидел за столом и ставил подписи в документах, предварительно бегло их просматривая. Милдред подошла к столу и положила договор с прикрепленным к нему портретом прямо перед ним. Мужчина бросил взгляд на рисунок и вопросительно произнес:

- Улыбка?

- Я так вижу, - не сочла нужным оправдываться секретарь. - К тому же девушка действительно часто улыбается.

Проректор усмехнулся и кивнул.

- Спасибо. Отправишь запрос по ней?

- Конечно, - ответила Милдред и, развернувшись, вышла из кабинета, предусмотрительно закрыв за собой дверь.

Снова обосновавшись на своем рабочем месте, леди Уорд привычно составила письмо-запрос, запечатала и положила к стопке ожидающих отправки писем, после чего пододвинула к себе так и

лежащий на краю стола сверток и, прикусив губу, стала его разворачивать. Через пять минут небольшое пространство приемной наполнил запах сборного травяного чая, а в открытой коробке, с которой была содрана упаковочная бумага, лежал рахат-лукум, янтарем обволакивающий очищенный цельный лесной орех. Странно или нет, но именно к этой сладости Милдред Уорд испытывала самую большую слабость. Через пару мгновений дверь проректорского кабинета снова открылась, и в приемной места стало еще меньше.

Мужчина посмотрел на блаженствующую помощницу и хитро прищурился.

- Угостишь? - спросил он, уже зная ответ.

- Только чаем, - ответила секретарь, прекрасно осведомленная, что сладости мужчина не жалуется.

Маркас кивнул и устроился на стуле напротив секретаря. Еще через минуту уже они оба наслаждались травяным чаем, заваренным Милдред.

- Маркас, где ты нашел эту девушку? - решила спросить секретарь после третьего кусочка любимого лакомства.

- В Трентоне. Проверял очередную музыкальную школу, когда услышал, как она играет. Она совершенно точно оллема - и неслабая, - ответил проректор.

- Нашел еще кого-нибудь или она там единственная была? - снова поинтересовалась Милдред.

- Двое по всем признакам проявят себя приблизительно через год, так что надо будет наведаться туда еще раз.

После недолгой паузы женщина задала другой вопрос:

- Почему ты всегда сам лично едешь по школам в поиске одаренных?

- Потому что отчитываюсь сам. Хочу быть уверен, что никого не пропустил, а если и получать за ошибки, так только за свои, а не какого-нибудь нерасторопного ассистента, - пояснил Маркас после очередного глотка душистого напитка.

- Да уж, - вздохнула Милдред. - Начальство у нас суровое. Отчитываться перед ректором было бы куда проще.

- Может быть, но тогда было бы гораздо больше неразберихи, - пожал плечами мужчина и снова сделал глоток, после чего добавил. - Кстати, очередной отчет через месяц после начала учебного года. Ты едешь со мной.

- Ты не жалеешь нервы ценных кадров, - со вздохом констатировала секретарь, не особо усердно пряча зажегшийся азартный блеск в глазах.

- Ну-ну. Я даже могу сделать вид, что верю, что тебе каждое посещение кабинета начальства неизменно треплет нервы, - ответил он, иронично приподняв бровь.

Милдред лишь хитро прищурилась и не менее хитро улыбнулась.

Глава 2

Здание консерватории мне понравилось с первого взгляда: высокие потолки, удобные широкие коридоры. Большие окна и много, очень много света. Да и ориентироваться в ней было совсем не сложно. Дорогу в вестибюль я вспомнила сразу же, так что возможности поплутать по запутанным коридорам не представилось, ввиду отсутствия запутанности. Выйдя на крыльцо, осмотрелась и, спустившись со ступенек, направилась по дорожке, которая вела влево, в сторону парка. Идти долго не пришлось, уже спустя десять минут зеленая аллея вывела меня к зданию, которое, очевидно, являлось женским общежитием. Трехэтажное и тоже с большими окнами, что не могло не радовать. Зайдя внутрь, оказалась в просторном холле. Справа была открытая дверь, к которой я и направилась, предполагая, что комендант находится именно там. И не ошиблась. Убранство довольно узкой комнаты было весьма специфичным: примерно посередине стоял стол, разделявший помещение на две половины. Первая была «хозяйской», на которой располагались стеллы с крючками, на которых висели ключи - каждый крючок был пронумерован - шкаф со множеством маленьких ящичков, так же пронумерованных, и стеллаж с папками. Вторая оказалась гостевой. На ней стоял диван, а напротив него - какое-то раскидистое зеленое растение вполне серьезных размеров, произраставшее из внушительного напольного горшка. За столом на казенном, выдавшем виды, но вполне добротном стуле восседала, словно на троне, немолодая женщина, а на диване вольготно расположился парень, которого проректор попросил отнести сюда мой чемодан - кажется, Кеннет. При виде меня он улыбнулся и подмигнул. Чемодан, собственно, стоял возле стола, под бдительным присмотром комендантши.

- Доброго дня, - поздоровалась я, переступая порог. - Меня отправили к вам вот с этой бумагой, - с такими словами приблизилась к столу и положила на него листок, врученный мне Милдред. Женщина взяла листок в руки и, подарив мне подозрительный взгляд, вчиталась. По мере чтения ее лицо становилось все менее подозрительным и все более дружелюбным.

- Значит вы новая студентка, оллама Таллия. Добро пожаловать, - улыбнулась она. Голос у комендантши оказался сродни разнотравью в окружении вековых сосен: таким же многоцветным, пестрым и душистым, но с пробивающимися строгими нотками цвета грозового неба. Сразу становится ясно: человек она добрый, но строгий и любящий порядок.

- Спасибо, - ответила я на приветствие.

Женщина раскрыла толстый журнал перед собой и стала перелистывать страницу за страницей. Я наблюдала за ее действиями.

Наконец, найдя графу в таблице с пустой строкой, она произнесла:

- Свободных первокурсниц нет, так что придется вас селить с девочкой постарше, - после чего комендантша аккуратным разборчивым почерком вписала в пустую строчку мое имя и постучала пальцем по номеру графы.

- Комната номер двести семь, - произнесла она, после чего встала и подошла к одному из стендов, нашла нужный крючок и сняла оттуда ключ, вернулась, развернула журнал ко мне и произнесла. - Распишитесь в графе о получении и дату поставьте.

Я так и сделала, после чего мне торжественно вручили ключ.

- Вот и все. Можете идти заселяться. Комплект постельного белья занесу чуть позже.

Я поблагодарила женщину, взяла чемодан и развернулась, чтобы уйти, но дорогу мне преградил студент с подозрением на нервный тик.

- Давай помогу, - произнес он с располагающей улыбкой.

- А что, молодым людям разрешается бродить по женскому общежитию? - спросила я.

Сзади послышалось грозное фырканье, которое можно было истолковать как «вот еще!».

- Нет, но я получил одноразовый пропуск у замечательной госпожи Кин. Не могу же я позволить, чтобы леди надрывалась, - голос Кеннета стал не просто зеленого, а насыщенного изумрудного оттенка с отчетливыми серебристыми перезвонами колокольчика. Кто-то определенно валял дурака.

- А фривольное обращение, значит, слух не режет? - с улыбкой спросила я.

- Так в консерватории это принято. Все олламы между собой общаются на «ты», - удивленно посмотрел на меня парень, потом, видимо, напомнил себе, что я новенькая, и пояснил. - Порядок такой.

- Указ ректора? - догадалась я, вспомнив разговор с Милдред?

-Да, - подтвердил Кеннет.

- Хорошо, - кивнула ему, а заодно и своим мыслям по поводу необычности ректорских указов. - Буду благодарна, если сможешь, - с такими словами опустила чемодан на пол между нами.

Парень подхватил мой багаж и направился к выходу:

- Отлично. Идем, я провожу тебя к твоей комнате.

Обернувшись, попрощалась с комендантшей, подозрительно смотрешшей вслед студенту, и последовала за парнем.

Молодой человек уверенно, но не очень скоро повел меня к лестнице, находящейся в конце длинного коридора с закрытыми дверями.

- Номер двести семь означает, что комната находится на втором этаже, - поделился студент. - На первом живут преподаватели.

- Ты неплохо ориентируешься, - ответила я и хитро прищурилась. - Часто тут бываешь?

Кеннет хмыкнул, бросил на меня веселый взгляд и ответил:

- Не то чтобы очень часто. Госпожа Кин к посещениям парнями женского общежития относится с большим подозрением, поэтому выдает только одноразовые пропуски.

- А бывают какие-то другие? – поинтересовалась я.

- Да, бывают на постоянной основе, - ответил парень и пояснил. - Такие получают родственники: братья с сестрами или троюродные какие-нибудь, но такие пары встречаются крайне редко. Последние года три таких точно не было.

- Откуда знаешь? – не смогла не спросить я.

- Так я тут три года учусь. При мне не было таких ни разу, - ответил он.

- Ясно.

- А тебя, значит, Таллия зовут? – спросил Кеннет, сверкая веселыми карими глазами.

- Да. А тебя Кеннет, верно? – ответила я.

- Правильно, - подтвердил он.

- А что значит оллам и оллема? – решила прояснить я, пока была возможность.

- Вообще, это в общих чертах после прохождения экзаменов объясняют, - ответил Кеннет, с непониманием смотря на меня.

- Я не сдавала. Меня проректор пригласил, - пожала плечами я.

- А, тогда ясно, - кивнул парень и пояснил. -Оллам или оллема – это обращение к людям, которые чувствуют и слышат музыку не так, как остальные. У нас в консерватории принято обращаться друг ко другу именно так или просто по имени. В основном «оллам» нас зовут преподаватели.

- Странно как-то, - протянула я.

- Погоди, послезавтра все станет ясней, - понимающе улыбнулся студент.

- А что будет послезавтра? – несколько настороженно, но с интересом спросила я.

- Так посвящение будет, - просто ответил Кеннет.

- Посвящение? Надеюсь, без кровавых ритуалов? – улыбнулась я.

- Нет. В этот раз без них, - рассмеялся он. - Так называется приветственно-разъяснительная речь ректора и торжественная программа.

- Еще и торжественная программа. Как у вас все... официально.

- А ты как думала. Это тебе не школа, - подмигнул студент.

За разговором я не заметила, как мы дошли к нужной комнате. На двери висела железная табличка, с оттиском, изображающим номер двести семь. Я вставила в замочную скважину ключ и открыла дверь, после чего повернулась к парню и произнесла:

- Спасибо за помощь, Кеннет. Дальше я сама.

- Что, даже не пригласишь на чашечку чаю? – лукаво прищурился студент. В его голосе ярко-серебристыми сверкающими нотками звенело веселье, так что я ответила в тон.

- Увы, но чашка пока только одна, а чаю так и вовсе нет пока. Может, сбегаешь, попросишь у госпожи Кин? У такой обстоятельной комендантши просто не может не оказаться чаю и лишней кружки.

- Что-то жажда резко прошла. С заселением тебя, - Кеннет улыбнулся, поставил мой багаж на пол и уже хотел было направиться обратно, но я его остановила:

- Кеннет, подожди.

Парень вопросительно посмотрел на меня.

- Я только что поняла, что совершенно не представляю, где находится столовая, а есть очень хочется, - призналась я.

Студент понимающе улыбнулся и ответил:

- Тогда оставляй свой чемодан в комнате, и я устрою тебе небольшую обзорную экскурсию.

- Спасибо, - ответила я и открыла дверь комнаты номер двести семь.

Увиденное мне понравилось с первого взгляда. В комнате было два больших окна, сейчас задернутых светлыми занавесками. У разных стен стояли две с виду добротные кровати, между окнами - один, но большой стол со стульями. Ближе к двери располагался шкаф, тоже один и тоже внушающий доверие, и маленькая тумбочка для обуви, а с другой стороны - стеллаж, скорее всего для учебных принадлежностей, не помещающихся в стол, имеющий по два ящичка с каждой стороны. В целом вполне прилично. Главное, что светло и чисто.

Поставив чемодан в пустой шкаф, вернулась и снова заперла дверь, после чего была готова идти.

- Куда сначала: в столовую или в учебный корпус? - спросил Кеннет.

- В столовую. Определенно в столовую, - ответила я, осознавая, что еще пара минут - и живот начнет непотребно вещать.

Предварительно отдав одноразовый пропуск по-прежнему нарочито-подозрительно поглядывающей на парня госпоже Кин, мы вышли на тропинку, ведущую в главный корпус.

- Что может быть лучше короткой прогулки перед приемом пищи? - с энтузиазмом возгласил Кеннет, хитро смотря на меня.

- Только прогулка в мороз или под дождем, - ответила я.

- Эм... но разве это не романтично? - наиграно-удивленно спросил парень.

- Только если считать еду любовью всей своей жизни, - произнесла я с улыбкой.

Кеннет расхохотался, слегка запрокинув голову вверх, а я отметила, что волосы у него теплого каштанового оттенка, да и сам он достаточно смуглый. Неожиданно в голову пришла мысль, что такой ярко-изумрудный голос больше бы подошел блондину, но потом, заглянув в лучащиеся весельем карие глаза, признала, что к ним цвет насыщенной зелени подходит как нельзя лучше. Не слишком похожие, они несли одинаковую, а оттого правдивую информацию о своем носителе: Кеннет был искренним и умел радоваться. С ним было на удивление легко, учитывая, что я впервые его увидела не больше часа назад.

Столовая оказалась на первом этаже главного корпуса в левом крыле здания. Вполне ожидаемо, но все равно неожиданно она оказалась вполне людной. Нет, я не думала, что во всей консерватории сейчас находимся только мы с Кеннетом, проректором, Милдред и госпожой Кин, но почему-то тихий гомон и присутствие людей в помещении стали сродни откровению.

Особо пристального внимания я на себе не поймала, чему искренне порадовалась. Да и не думаю, что старшекурсники стали бы показывать пальцем на первокурсницу. Судя по всему, в частности по положению стрелок на часах, время обеда уже закончилось, и поваров уже давно не было видно. Кеннет, беглым взглядом оценив обстановку, уверенно повел меня в святая святых столовой: прилегающую к ней кухню.

- Кеннет, - прошептала я, придерживая его за рукав, - может, не надо?

Парень только сверкнул веселыми глазами, расплылся в улыбке и произнес

- Не бойсь, тебя тут не съедят, - после чего уверенным шагом переступил порог. Я вздохнула и пошла за ним, потому что есть хотелось и сильно.

Кухня оказалась просторной и светлой, подозреваю, как и большинство здешних помещений, несколько столов по периметру, один в центре и несколько солидных по размеру печей, весьма вместительных даже на мой скромный непрофессиональный взгляд. Спиной к нам стоял шаровидной формы мужчина с завязками фартука закрепленными за спиной хитрым узлом. Он что-то напевал то негромко, то наоборот, отпуская силу звучания, но не совсем. Я с интересом прислушалась. Голос, судя по всему, главного повара напоминал бульканье картофельно-томатного соуса в горшочке: такой же веселый, пряный и красный, с вкраплением оранжевых соломок и почти незаметных прозрачных колец, не дающих никакого цвета, но добавляющих специфических ноток. Слушая такой голос, словно отогреваешься у теплого огня печи. Улыбка сама по себе расцвела на моих губах.

- Мастер Аодх, у нас незваные гости, - прервал веселое бульканье непонятных, но приятных слуху звуков звонкий, словно весенняя капель голос.

Я посмотрела в сторону, откуда он исходил: справа с боевым нахмуренным видом стоял поваренок

не старше двенадцати лет, с упертыми тыльной стороной запястий руками в бока и картофелиной, зажатой в одной ладони, и ножиком для чистки - в другой. Мальчик напоминал нахохлившегося воробушка и был таким забавным, что я чуть было не пропустила самого интересного.

Старший повар медленно и величественно повернулся всем корпусом в нашу сторону, окинул нахмуренным взглядом Кеннета, потом меня. На мне внимание задержалось. Брови шарообразного мужчины практически слились в одну суровую полосу, и в следующее мгновение раздался голос, уже похожий не на мирное побулькивание, а на яростный свист чайника. Красный цвет стал ярче, теперь он был не теплым, а обжигающим:

- Оллам Кеннет, опять вы здесь! Чем вам тут намазано, что вы регулярно возвращаетесь?! И кто это невесомое создание со впалыми щеками и животом, прилипшим к спине, рядом с вами?!

Это он обо мне, что ли? Оглядела себя. И вовсе я не невесомая. Вполне себе нормальная.

Тем временем ушлый парень не терял времени даром:

- Да вот, мастер Аодх, привел к вам свежеступившую.

- Что-то она свежей не выглядит, - прищурившись проворчал повар. - Совсем замотали девочку вступительными экзаменами эти мэтры!

Я улыбнулась и не сдержала слов:

- Нет, мастер Аодх, меня измучили не мэтры, а шестичасовая дорога.

- Так ты еще не обедала? - на брови шарообразного мужчины снова слились в одну, причем весьма неодобрительную, если не сказать гневную.

- Нет, - подтвердила я.

- А завтракала? - испытывающе прищурившись, спросил он.

Улыбнувшись еще шире, ответила:

- Нет.

Мастер Аодх всплеснул поварешкой, затем обличительно направил ее на меня и непререкаемым тоном цвета раскаленных угольков заявил:

- Сейчас сядешь тут и съешь все, что дам. До последней крошки. Чтобы мне показалось, что тарелка чистая. Ясно?

Улыбка была уже предельно умиленной и широкой, так что я просто кивнула в знак согласия.

- Так чего стоишь тогда? Живо за стол! - и только я повернулась, чтобы вернуться в столовую, как услышала. - Куда? Здесь садись! А то еще, чего доброго, не дойдешь. Как тебя только ветер не сдувает?

Кеннет, стоящий рядом со мной и тихонько похрюкивающий от смеха, решил, что настало самое время напомнить о себе, а потому принял серьезный вид и спросил:

- Мастер, а как же я?

Шарообразный мужчина критическим взглядом из-под недоверчивого прищура оглядел студента и ответил:

- Ты тоже садись и ешь, - после чего сделал знак помощникам, которых на кухне был в избытке, и снова повернулся к своему столу, как и в прошлый раз, медленно и всем корпусом, по ходу дела ворча что-то о молодежи, у которой ветер в голове гуляет и мысли легкие, потому что желудок вечно пустой.

Мы с Кеннетом примостились с краю одного из столов. Один из поварят уже через минуту принес и поставил перед нами поднос, после чего быстро удалился, пожелав приятного аппетита. Еда была очень вкусной и сытной, а мастер Аодх нет-нет, да и поглядывал в нашу сторону. При виде нашего энтузиазма в деле поглощения пищи он только одобрительно хмыкнул и вернулся к работе.

С обедом мы расправились быстро и с аппетитом, тем более что он был действительно очень вкусным. От всей души поблагодарив добросердечного старшего повара, который от наших благодарностей отмахнулся рукой, держащий внушительных размеров нож, мы покинули кухню сытыми и довольными. Когда проходили столовую, в ней уже никого не было. В коридоре тоже было пусто, и снова складывалось впечатление, что мы одни во всей консерватории, хоть теперь я точно

знала, что это не так.

- Я смотрю, у тебя налажены самые важные контакты в консерватории, - с улыбкой и легкой иронией обратилась я к парню.

Ответом мне был непонимающий взгляд, так что пришлось пояснить мысль:

- Повар и комендант женского общежития тебе благоволят. При таком раскладе твоя жизнь в консерватории должна быть похожей на сказку.

Кеннет хитро усмехнулся и ответил:

- Люблю комфорт и ничего не могу с этим поделать. Да и к тому же природное обаяние так и хлещет во все стороны, я не могу это контролировать.

- Так вот в чем дело! - делано-удивленно произнесла я - Ты, оказывается, обаятельный!

- Конечно! А ты что, только заметила? - сверкнул весельем в глазах студент из-под нарочито нахмуренных бровей.

- Как бы тебе сказать..., - ненадолго замялась я, после чего продолжила с воодушевлением - Но зато я теперь точно знаю, что выплескивающаяся из тебя энергия - это обаяние, а не шило в ... ну ты понял.

- Понял я, понял, - проворчал парень и добавил. - Идем уже.

Мы снова вышли в холл, и проводник повел меня в противоположное крыло, попутно объясняя структуру здания консерватории. Второй этаж был отдан под кафедры и деканаты, там же располагались кабинеты ректора и проректоров. Большую же часть занимал большой концертный зал. На третьем этаже располагались кабинеты для занятий по специальности, и лекционные аудитории, которых было много. Первый этаж был пристанищем гардеробной, столовой, кладовой для инструментов консерватории, которые не использовались чаще раза в неделю, и библиотеки. Именно к ним мы сейчас и направлялись. Конечно, они были еще закрыты, но Кеннет справедливо рассудил, что мне необходимо знать место расположения этих мест, чтобы потом не плутать. Гардеробная находилась сразу на входе, напротив широкой лестницы, ведущий на следующий этаж. Затем следовала библиотека с большим читальным залом. Довольно просторная, опять же, по рассказам парня, кладовая примыкала к помещению мастерской, где давали новую жизнь старым инструментам и чинили искореженный кривыми студенческими руками казенный музыкальный инвентарь.

Из рассказа Кеннета я узнала, что в консерватории Аберга четыре факультета: вокальный, факультет музыковедения, исполнительского искусства и композиторский. На всех, кроме последнего, срок обучения составляет четыре года, композиторы же учатся пять лет. На вопрос, почему такое различие, Кеннет отвечать не стал, сказал, что узнаю об этом после посвящения. Мне оставалось лишь подивиться подобной скрытности. Нет не парня, а начальства учебного заведения.

Как оказалось, выбирают факультет и, соответственно, специальность не студенты, а преподаватели по итогам вступительных экзаменов и собеседований, и объявляют о результатах в торжественной обстановке. То есть узнать о собственном направлении обучения мне предстояло только послезавтра.

Ознакомившись с расположением наиважнейших для студента мест, самым посещаемым и популярным из которых оказалась, конечно же, столовая, мы продолжили ознакомительную прогулку. Концертный зал был, ожидаемо, закрыт, зато я теперь ориентировалась в расположении деканатов и кафедр и даже знакомую дверь в приемную проректорского кабинета приметила.

Но лестничном пролете между вторым и третьим этажом нам встретила девушка, облокотившая даже с виду тяжелый контрабас на стену и тяжело дышавшая.

- Делма? - удивился Кеннет, а потом перевел взгляд на инструмент едва ли не больший, чем сама девушка и нахмурился. - Ты что это делаешь?

- Привет, - поздоровалась она и ответила. - Да вот нужно отнести контрабас в кладовую. Здоровьяка, видимо, неаккуратно поставили и он упал. Теперь придется чинить.

Голос девушки был очень чистым, как вода в горном источнике. Он звучал лиловым оттенком цветов сирени с серебристыми капельками росы на них.

Я с сомнением осмотрела миниатюрную точеную фигурку Делмы, которой что-то тяжелей скрипки-примы и давать-то страшно, а она тащит такую махину.

- Так, чтоб больше я подобного не видел! Это не твой инструмент и уронила его не ты, а даже если бы и так, могла бы и о помощи попросить, - с некоторым удивлением скосила глаза в сторону Кеннета. Парень негодовал и вполне серьезно.

- Да брось, Кнет, не сломаюсь, - улыбнулась девушка и откинула за спину платиновую косу. - Да и не такой уж он и тяжелый. Кстати, кто это с тобой? - взгляд студентки обратился ко мне, ясные голубые глаза с интересом рассматривали новенькую.

- Я Таллия, - почему-то решила представиться сама. - Первокурсница. Только сегодня приехала.

- Добро пожаловать. У нас тут замечательно, - улыбнулась мягкой теплой улыбкой девушка и спросила. - Ты в какой комнате живешь?

- В двести седьмой, - ответила я.

- А я в двести двадцать первой. При случае заходи в гости.

Я улыбнулась и кивнула. Лиловые волны мелодичного голоса были полны дружелюбия.

- Таллия, ты уж прости, но я не могу позволить этой... - Кеннет хмуро посмотрел на Делму и продолжил. - Увлекающейся девушке тащить контрабас самой.

- Конечно. Только подскажи мне дорогу до ближайшего фортепианного класса? - кивнула я.

В итоге дальше я пошла одна, а Кеннет подхватил инструмент и вместе с Делмой стал спускаться вниз, попутно говоря ей что-то про то, что, если девушки все будут делать сами, они загубят на корню всякое рыцарство в мужских душах.

После лестницы - направо и третья дверь с левой стороны коридора - маршрут был прост, а двери аудиторий на ключ не запирались, как уверил меня Кеннет. Не то чтобы я сомневалась в словах парня, но когда нужная дверь не только нашлась, но и открылась без особых усилий, доверия к студенту у меня прибавилось.

В небольшом помещении стоял самый обыкновенный кабинетный рояль, с откинутой крышкой-крылом, рядом с ним стул. Прокрутив круглую поверхность дважды, подкорректировала высоту, села и открыла крышку. Провела пальцами по клавишам, знакомясь с инструментом. У каждого рояля свой характер, который открывается, как только нажимаешь первую клавишу. Мой потрепанный черный лебедь был стар и благороден. Каков же из себя этот его брат, покажет звук.

С интересом опустила пальцы на клавиши, закрыла глаза и представила себе мелодию.

Тональность - Солнечный Гелиодор, веселая, солнечная, ведь знакомство нужно начинать с улыбки, верно? Нет, определенно этот инструмент не был так хорош, как мой черный лебедь, но у него было одно неоспоримое преимущество: он был настроен. Чистые звуки без примесей наполняли пространство, проникая в материю. Постепенно стены, пол, потолок, стул, сам рояль и даже мои руки будто приобрели сияющее-желтый оттенок. Звуки заполняли мое тело, заставляя то слегка светиться. Я видела это царство солнечного света, оно разливалось перед моим взором теплым озером. Мне стало весело, хотелось смеяться, мелодия играла всеми оттенками желтого: от легкомысленно-лимонного до роскошно-золотого.

Рояль был хорош. То, что надо для учебы: в меру жесткие клавиши и немного осложненное звукоизвлечение. Этот инструмент сам по себе был учителем: чтобы сыграть на нем произведение с требуемыми оттенками, нужно хорошенько отточить технику, приноровиться, разработать пальцы и вслушаться. Навык слушать инструмент важнее всего, иногда он подскажет лучше, чем любой учитель.

Не знаю, сколько я играла. Солнечный Гелиодор сменил Лунный Рубин на золотой нити, потом был Солнечный Топаз, а за ним - Лунный Аквамарин. Мне хотелось выплеснуть свои эмоции, а как это сделать, если не посредством музыки? По крайней мере, другой способ был мне неизвестен. Радость сменялась неуверенностью и нервозностью, но не надолго, потому что большей удачи я и представить себе не могла. Я в консерватории Аберга, играю на рояле. Еще вчера мне могло такое только привидеться, а сегодня - происходит наяву.

Расстались мы с роялем довольные друг другом: я поделилась чувствами, а он вспомнил собственное звучание после каникул.

Осознав, что время близится к ужину, направилась в столовую, снова ощущая довольно сильный голод. Странно, но после такой игры, как сегодня, когда я рассказывала нотами то, что было у меня на сердце, я всегда чувствовала голод, даже если незадолго до этого ела.

Зайдя в столовую, огляделась и, заметив знакомые лица, направилась к ним. Студенты сидели за

столами и ждали, занимая время разговорами и общением. Кеннет и Делма, увидев меня, улыбнулись и призывно махнули руками, приглашая за свой стол. Как только я заняла место напротив них и поздоровалась, спросила:

- Как все прошло? Контрабас спасен?

Кеннет нахмурился, а Делма попыталась скрыть улыбку.

- Кладощик ворчал не менее получаса, пока искал номер, пока описывал повреждения и смотрел на нас так, будто мы собственноручно нанесли увечье несчастному инструменту, а не сквозняк, - пробурчал парень

- Старый Имон просто очень ответственно относится к своей работе и бережет инвентарь, - попыталась сгладить углы восприятия студента девушка.

Кеннет на это только скептически фыркнул. Видимо не со всеми важными сотрудниками консерватории у него хорошие отношения.

В этот момент дверь, ведущая на кухню, отворилась, и в столовую медленно и грациозно вошел старший повар. Воцарилась тишина, а из-за спины шарообразного мужчины стали выкатывать вместительные тележки. Народ поднялся и скудным ручейком потянулся к источнику пищи и приятного запаха. Мы тоже не были исключением. Подхватив подносы, стопка которых возвышалась на крайнем от дверей в кухню столе, мы приблизились к одной из тележек. Поваренок споро выставлял на протянутые подносы тарелочки и стакан, очередь двигалась быстро. Получив свою порцию каши, салата, отбивной, украшенной зеленью, душистого хлеба и ароматного отвара, мы вернулись к своему столику.

Пока еще никто не приступил к еде, мастер Аодх громко и царственно, голосом полным багряных оттенков произнес:

- Приятного аппетита!

На что нестройный хор с энтузиазмом ответил ему «спасибо», и пространство столовой заполнил не только аппетитный запах свежей еды, но и стук ложек о тарелки, сопровождаемый тихим гомоном. Лицо старшего повара стало умилено-возвышенным, и он подал знак помощникам удаляться, после чего медленно развернулся и скрылся за кухонными дверьми. Еда была очень вкусной, и, я так полагаю, у мастера Аодха она другой попросту не могла быть; заметно было с первого взгляда, что старший повар всей душой любит свое дело, растворяясь в нем без остатка.

После ужина мы с Кеннетом и Делмой решили пойти в парк. Там Делма обычно играла на флейте, если время года и погода располагали. Ребята объяснили, куда нужно идти, а я обещала их догнать: природа напоминала о себе очень недвусмысленно. Когда я вышла из здания консерватории, солнце уже катилось к закату и пространство пронизывали теплые красновато-оранжевые лучи. Обходя здание, чтобы выйти на нужную дорожку, ведущую в парк, услышала звуки. Мелодия была тихой. Но завораживающе-прекрасной и доносилась не из парка, а из здания. Судя по расположению окон - из концертного зала. Я замерла. Никогда еще я не слышала, чтобы в музыку вкладывали столько страсти. Алые и оранжевые сполохи сменяли друг друга и, дополняя, переплетались и смешивались.

Ноги сами понесли меня обратно. Взлетев на второй этаж, почти добежала до приоткрытой двери. Тут звуки были ближе, громче и несравнимо ярче. Открыв створку проскользнула внутрь.

Концертный зал овальной формы был поистине огромным. Расположение кресел напоминало амфитеатр, над самыми дальними нависал просторный балкон и ложи ближе к сцене, находящейся внизу. А на сцене стоял он. Большой концертный рояль, идеально настроенный, идеально звучащий. Это был самый прекрасный и гордый инструмент, который я когда либо видела. Великолепный, чуткий, послушный, благородный. За роялем сидел молодой темноволосый мужчина, пальцы которого творили волшебство. В тени от балкона меня не было видно, поэтому я устроилась на ближайшем сиденье и, закрыв глаза, погрузилась в музыку.

Солнечный Рубин и Лунный Топаз делили неслышимое раннее произведение на двоих, но звучание было цельным и монолитным. Эти две тональности обвивали друг друга. Покорные воле музыканта, они выводили невероятной красоты двухцветные узоры. Такие разные и такие похожие, они говорили об одном, и их языком была страсть. Закатными всполохами алел Рубин, огненными своевольными молниями резко и неумолимо обволакивал его Топаз. Красный и Оранжевый. Был бы играющий чуть мене умелым, музыка могла бы превратиться в скопище ярких пятен, но этого не происходило даже на самых трудных пассажах, перед внутренним взором яркую страсть дня медленно, но верно пронизывала и зажигала стихия огня, не менее жаркая, но более таинственная и решительная.

Какая-то струна глубоко во мне звенела от этой музыки и с каждым аккордом, с каждым

размашистым арпеджио на несколько октав звучала все громче и требовательней. Внутри поднималась отчаянная жажда чего-то, тянущее чувство потребности, я будто физически ощущала зов - сильный, напористый. Открывать глаза не хотелось. Этот яркий контрастный мир перед внутренним взором был столь прекрасен, что даже мысль о том, что скоро мелодия прервется, вызывала бурный протест и отчаянно сжатые зубы.

Но ведь ничто не вечно. Музыка прервалась на громкой ноте, последний крик огласил пустой концертный зал и эхом вернулся к роялю, последний яркий всполох огня. Пространство заполнила тишина.

Я дышала будто эти несколько минут или десятков минут - не знаю, чувство времени затерялось и исчезло, как только я зашла в эту дверь - бежала, а не слушала музыку, сидя в кресле. Посмотрев на исполнителя, заметила, что его грудь тоже тяжело вздымается, как после сильной физической нагрузки, а рука стирает испарину со лба. Молодой мужчина как будто вложил все свое естество в это произведение. О небо, если эта музыка - отражение души этого человека, то мне не хочется сталкиваться с ним и уж тем более близко общаться. Слишком много силы, страсти и слишком уж мятежный дух.

Встала с насиженного места и, стараясь не издать ни звука, выскользнула обратно за дверь. В коридоре с изумлением поняла, что тело сотрясает мелкая дрожь. У этого человека определено невиданный талант. Но проникнуться еще большим уважением и восхищением я уже не могла, поэтому просто прикрыла подрагивающей рукой дверь. Уже почти соприкоснувшись с косяком, та издала тихий, но из-за царящей тишины пронзительный стон-скрип. Я вздрогнула. Мне уж точно не хотелось быть пойманной на подслушивании: слишком уж личной была эта музыка, поэтому так быстро, как только могла, я покинула здание консерватории в последний раз за этот день, больше мне возвращаться сегодня было незачем.

Будто в тумане добралась по запомнившемуся маршруту, растолкованному Кеннетом, к скамейке в парке, где они с Делмой весело проводили время: девушка играла на флейте, а парень дурачился, делая вид, что аккомпанирует ей на барабанах, стуча ладонями по скамье, коленям и время от времени оглушительно хлопая.

Странное дело, но четкий серебристый звук флейты будто тонул в остаточном багряном тумане с яркими огненными всполохами, до сих пор находившемся в моей голове.

Спустя какое-то совсем короткое время ребята заметили мою молчаливую отрешенность и стали выпытывать, что случилось, но каким-то шестым чувством я понимала, что о произошедшем лучше молчать. Или включилась обыкновенная человеческая жадность: мне не хотелось делиться чудом, которого я коснулась ни с кем, даже с дружелюбными новыми знакомыми. Моё и только моё.

Кеннет как джентельмен провел нас с Делмой до самого общежития. К окончанию вечера память алыми оковами с янтарными прожилками, держащая мое восприятие и сознание, стала более пластичной, и мне удалось вырваться из пелены остаточного звучания, так что ребята перестали задавать вопросы о моем самочувствии. Комната Делмы оказалась не так далеко, как представлялось. Улыбнувшись и снова пригласив заходить в гости, как будет настроение, девушка скрылась за дверью, и я последовала ее примеру.

Солнце уже закатилось за горизонт, и в комнате царил полумрак. Прикоснувшись рукой к светильнику, копившему энергию весь день, активировала его, и он наполнил пространство уютным теплым светом. На одной из кроватей стопочкой высилось постельное белье. Улыбнувшись, сделала себе заметку поблагодарить госпожу Кин.

После душа и распределения вещей на полках шкафа, наконец, заправила постель и упала в ее гостеприимные, хрустящие и пахнущие свежестью объятия. В страну грез меня сегодня провожало тихое звучание мелодии рубинового заката с янтарными отсветами.

Глава 3

Следующий день перед официальным началом учебного года был наполнен гамом и неразберихой. Студенты возвращались с каникул, распаковывали вещи, громогласно здоровались, не могли найти вещи, делились впечатлениями друг с другом и совершали множество других действий, вызывающих повышенный уровень шума. Я, конечно, давно приспособилась отсекай лишний гомон, но полные сил студенты - это вам не базарная площадь в праздничный день, наполненная размеренным плавно меняющимся интенсивностью сероватым гулом, это фейерверк красок, с характерными взрывами в самые неожиданные моменты затуханиями, только придающими контрастность последующим цветовым выбросам.

Олламы были везде: в общежитии, на улице, в парке, в столовой. Единственным местом, оказавшимся лишенным их невероятно активного и громкого присутствия, был учебный этаж. Там я и провела большую часть времени предучебного дня.

Уже знакомый рояль как будто припомнил меня. Или мои пальцы узнали его, неважно. В этот раз время привыкания, притирки друг к другу было совсем коротким. Руки порхали над клавиатурой, я почти не чувствовала их веса. Я была полна любопытного предвкушения, рояль же - настороженной решимости. Улыбнулась. Его нетрудно понять: инструменту предстоит целый учебный год терпеть терзания студентов, но строгий безмолвный учитель видел в этом свое предназначение и был полон воодушевления исполнить его. Расстались мы с роялем, успокоенные друг другом, незадолго до ужина.

Оказавшись в комнате, сразу заметила изменения: дверцы шкафа открыты, ранее незанятые полки теперь были забиты вещами, на столе высилась куча разных предметов: от тетрадей до надкушенного кекса. На соседнюю кровать было небрежно накинуто цветастое вязаное покрывало. Складывалось ощущение, что по комнате пронесся ураган и оставил все эти вещи.

Я так и стояла у самой двери, когда она открылась и сзади раздалось теплое канареечно-желтое и очень мелодичное:

- Ой!... Привет, а ты, наверное, моя соседка, да?

Обернувшись, встретилась взглядом с сияющими глазами, цвета раннего заката. Они были настолько светлыми, что их оттенок скорее можно было назвать янтарным, а не карим. Сама соседка была примерно моего роста - чуть выше среднего. Распущенные, немного растрепанные золотого цвета волосы девушки спускались до пояса, и в отсветах лучей стремящегося к закату светила, падающих из окна коридора, находящегося как раз напротив нашей двери, она и сама необыкновенно напоминала маленькое светящееся солнышко.

- Привет, - улыбнувшись, ответила я. - Да, соседка.

- Отлично! - просияла девушка и зашла в комнату. - Не представляешь, как скучно жить одной. Меня, кстати, Орния зовут, но можешь звать просто Ния. А тебя?

- Таллия, но ты можешь звать просто Талли, - снова улыбнувшись, ответила я.

Девушка излучала какое-то неуловимое внутреннее тепло и свет, в лучах которого хотелось нежиться, щурясь от удовольствия.

- Отлично! Приятно познакомиться, Талли. Ты первокурсница, верно? - спросила соседка, направляясь к столу и начиная разгребать вываленную кучу вещей.

- Да, думаю, первокурсница, - ответила я, после чего закрыла дверь за рассеянной девушкой и устроилась на своей кровати.

- Думаешь? - Ния, усмехнулась и вынесла вердикт. - Раз так, то точно первокурсница. Ты вообще откуда?

- Из Трентона. Это...

- Это не очень далеко. Я знаю Трентон. У меня там какие-то дальние родственники живут, - перебила меня девушка. Ее речь сопровождалась изящной, но активной жестикуляцией. Я смотрела на нее и любовалась. Мне даже не представлялось никогда, что бывают такие люди. Однозначно - с соседкой мне повезло. Пусть она слегка рассеянна и неряшлива, зато добрая и веселая, это сразу видно.

Пока Ния разбирала привезенные вещи, которых было немало, канареечно-желтые переливы с сияющими золотинками звучали не переставая. Оказалось, что Орния моя ровесница, но я по этому поводу совершенно не должна расстраиваться, потому что в консерватории нет ограничений по возрасту, в котором оллады обнаруживают в себе дар. Первокурснику может быть хоть сорок, хоть шестнадцать, все зависит от того, когда проявятся способности. Или их приводят, как меня. По этому поводу мне беспокоиться тоже не нужно: ни у студентов, ни у преподавателей насчет того, что меня пригласили, внутреннего протеста не будет: это обычное дело, и поблажек тоже ждать не стоит. Соседка также рассказала, что учится уже на третьем курсе вокального факультета, и осталось всего два года до выпуска, а там... А там она запнулась, виновато посмотрела на меня и объяснила, что лучше остальное узнать из уст ректора завтра, все равно лучше него не расскажет никто. Выяснилось, что с Кеннетом и Делмой Ния хорошо знакома и даже дружит, но с тех пор, как у нее появился молодой человек, у них не получается общаться столько, сколько хотелось бы, но флейтистка-второкурсница и подающий надежды третьекурсник-скрипач - замечательные ребята, и я молодец, что с ними подружилась.

К тому моменту, как куча со стола превратилась в аккуратно разложенные по местам вещи, Ния успела не менее десяти раз уверить, что мне здесь обязательно понравится, потому что преподаватели - замечательные, студенты - замечательные, условия - замечательные, и кормят очень вкусно. Кстати о еде!

Соседка взглянула на настольные часы, привезенные с собой и расположенные строго по центру, и всплеснула руками:

***- Ужин уже начался! Скорей пойдем, я умираю с голода! – с этими словами солнечная девушка схватила меня за руку и потащила прочь из комнаты навстречу аппетитным запахам и вкусной еде.

Мы оказались не единственными закрутившимися и едва не пропустившими время вечернего приема пищи: многие парни и девушки, весело переговариваясь, двигались по направлению к столовой, и редко кто из них при виде моей соседки не здоровался с ней с улыбкой искренней радости на лице. Ния действительно была маленьким солнышком, находящим для каждого ответную улыбку и пару слов, не жалевшим своего тепла ни для кого.

В столовую мы ввалились почти вовремя: тележки с блюдами уже стояли, и очереди практически не было. Воскликнув «как замечательно!», Ния быстро устремилась к источнику пищи и умопомрачительного запаха, попутно делясь со мной радостью, что не придется истекать слюной рядом с тележками, а мы успели очень даже вовремя.

Наполнив свой поднос, я оглянулась в поиске свободного места и увидела, что из-за столика неподалеку мне приветственно машет Делма. Улыбнувшись, кивнула Ние, приглашая за стол к друзьям.

Едва мы подошли, раздалось веселое:

- Ния! Ты уже приехала? А почему не зашла? – Делма радостно улыбнулась и подвинулась к самому краю скамьи, предоставляя нам с соседкой место.

- Привет, Дел! Да только-только. Еще даже не все вещи рассовала по углам. Спроси у Талли, - ответила ей Ния и, расположив поднос на столе перед собой, порывисто и крепко обняла флейтистку. После объятий нанизала на вилку котлету и радостно ей взмахнула:

- Привет, Кнет!

- Привет, Ния. Осторожней: не нужно в мою честь котлетного салюта, - с улыбкой ответил парень.

Солнечная девушка с удивлением, будто впервые видела, посмотрела на столовый прибор, на котором красовалась румяная вкуснотень и, прыснув в ладошку, сказала:

- А я и внимания не обратила, - после чего обернулась к другому парню, сидящему рядом с Кеннетом, и тоже поздоровалась. – Привет, Кей!

Темноволосый парень улыбнулся и ответил:

- Привет, Ния, - его как будто журчащий голос был похож на голубой веселый ручеек, сбегающий с крутого склона горы, которому приходится огибать камни и русло его очень извилистое, но он видит в этом лишь занимательное приключение, а не труд.

- Кстати, Таллия, ты еще не знакома с Кейдном. Он учится на втором курсе музыковедческого. Если не будешь знать, где искать нужную тебе информацию, смело спрашивай его, Кей в библиотеку знает как свою лютню: вдоль и поперек, - произнес Кеннет, после чего повернулся к парню с радостно-голубым голосом и обратился уже к нему. – Это Таллия. Я тебе про нее рассказывал.

Кейдн кивнул и улыбнулся мне:

- Приятно познакомиться, Таллия, добро пожаловать в нашу консерваторию.

- Спасибо, - ответила я. – Мне тоже приятно познакомиться.

После всеобщих приветствий и, как оказалось, традиционного ритуала с умиленным взглядом и пожеланием приятного аппетита старшим поваром, мы, наконец, принялись за еду. Даже бледно-фиолетовый гул голосов в столовой стал тише, а в звучание добавились серые оттенки стука приборов о тарелки. Я как раз разделывалась с обжаренной в истертых в мелкую крошку сухарях котлетой, когда боковым зрением заметила, что на плечи Нии легли чужие руки, а Кеннет и Делма перестали есть.

- Здравствуй, Орния, - голос, произнесший эти слова, был красив, глубок, но от чего-то в нем хотелось скривиться. Едва уловимая приторная нотка была как черная капля в стакане с прозрачной водой: не растворяясь, рисовала объемные причудливые узоры, но постепенно делала воду все более мутной.

- Привет, Грейнн, - Ния запрокинула голову, чтобы встретиться глазами с подошедшим и улыбнулась. Ее сияние стало практически осязаемым и как будто более ярким. Значит, это ее возлюбленный? С интересом повернулась, чтобы посмотреть на того, кому повезло купаться в

сиянии солнечной девушки.

Парень оказался высоким, обладателем утонченной даже изящной внешности, темных волос и холодных льдисто-серых глаз. Вроде бы и зрелище во всех смыслах приятное, но что-то настораживало: то ли будто одолженная ленивая улыбка, то ли напряжение Кеннета, с силой сжимавшего вилку.

- Я думал, ты будешь ужинать со мной, - произнес Грейнн, глядя на Нию сверху вниз.

- Ой, а я тебя не заметила. Думала, ты еще не приехал, - ответила девушка. - Присоединяйся к нам. Ребята подвинутся.

- У вас тут тесновато. Давай лучше ты ко мне? - плавные изгибы черной субстанции будто закручивались спиралью в прозрачной воде.

- Да? - сияние голоса Нии слегка потускнело. Невооруженным глазом было заметно, что ей не хочется оставлять друзей, но и обижать сердечного друга тоже. Девушка изводилась от осознания того, что не может подружиться таких важных для нее людей. Уже одного этого хватило, чтобы настроиться в отношении Грейнна.

Соседка встала, извинилась перед ребятами, подхватила поднос и покинула наш стол, чтобы переместиться за другой, через два от нашего.

Я проводила ее взглядом, а потом повернулась и вопросительно посмотрела на Кеннета. Очень хмурого Кеннета, неотрывно смотрящего на Нию... или на Грейнна?

- Вот... Змей, - тихо, но недовольно проговорила Делма. Теперь вопросительный взгляд уперся в нее. Только Кейдн по-прежнему жевал и не смотрел в ту сторону, куда ушла моя соседка по комнате, но уже не так жизнерадостно, как до появления странного молодого человека.

- Ребят... - произнесла я и замялась, сомневаясь, стоит ли лезть не в свое дело.

- Знаешь, Таллия, любовь - она слепа. Вот и наша Ния совершенно не видит, что на самом деле за человек ее обожаемый Грейнн, - тихо произнесла Делма

- А он...

- Двуличная скотина, вот кто он! - перебил меня Кеннет и с остервенением принялся разделываться с котлетой.

Продолжать расспросы мне не захотелось. Видно было, что никому из присутствующих за столом это не будет приятно.

На пустом месте такая неприкрытая неприязнь не образуется, тем более у нескольких человек одновременно. Значит, есть что-то, что ребята знают о Грейнне, но чему не хочет верить Ния. И, кажется, Грейнн прекрасно осведомлен, о подозрениях друзей солнечной девушки и намеренно сводит время их общения к минимуму. Собственные выводы мне решительно не понравились. Да, с Нией я знакома всего ничего, но при мысли, что кто-то может обидеть такого светлого человека, внутри поднималась буря протеста.

Увидев мое замешательство, Делма пододвинулась ко мне и пояснила:

- Грейнн - лучший на выпускном потоке исполнительского факультета. Девчонки больше, чем по нему сохнут только по Дарраку с композиторского. А в Нию в то или иное время, наверное, был влюблен каждый парень консерватории. Ты ведь уже заметила, она очень светлая девушка, рядом с такой каждому хочется быть лучше. Грейнн - парень тщеславный, потомственный аристократ, сын герцога, ему подавай самое лучшее. Вот и вскружил ей голову. Но у Нии не то воспитание, чтобы влюбившись бросаться в омут с головой, а Грейнн не привык себе ни в чем отказывать. На выходных его не раз замечали с горожанками облегченного поведения, мы с Кеннетом пару раз лично видели, как он уходил с какими-то девицами в гостинный дом. Нии, конечно, говорили, но она не верит. Да и как такому светлому человеку поверить в черную натуру собственного любимого...

Да... Ситуация...

- Ладно, дамы, давайте не будем об этом за столом, - не выдержал Кеннет. - И так, гад, аппетит испортил.

Кейдн согласно кивнул, а мы с Делмой молча вернулись к еде.

Нет, я не думала, что в консерватории не будет проблем. Ведь они существуют везде, где есть люди, но не ожидала, что они проявятся так скоро, пусть и не мои, а соседки по комнате. После ужина я решила сразу пойти в комнату, планируя выспаться перед первым учебным днем. Ния разделяла

эту мою позицию, так что до общежития мы шли в сопровождении Грейнна, решившего проводить девушку.

Всю дорогу чистый глубокий голос, прозрачный будто готовый в любой момент поменять окраску, вещал о том, как его хозяин провел каникулы: о том, как отец на званых вечерах знакомил его с важными людьми, с которыми в будущем ему придется вести дела, о том, что родитель подумывает его женить на аристократке с достойной родословной, о том, как он рад вернуться в консерваторию из-под неусыпного ока родительской опеки, о том, что к его мнению отец прислушивается в недостаточной степени, особенно в вопросе женитьбы. Право слово, какая может быть женитьба?!

Ния слушала любимого с понимающей улыбкой и в особенно эмоциональные моменты повествования успокаивающе поглаживала его руку. Мне же раз за разом колот слух тот факт, что парень говорил исключительно о себе.

Когда у дверей общежития он распрощался с Нией и едва заметно кивнул мне, я лишь облегченно выдохнула, о чем немедленно пожалела, потому что солнечная девушка повернулась ко мне и глаза ее были полны грусти.

- Он тебе не понравился, верно? – спросила она резко потускневшим голосом.

- Ния... - а что ответить? Конечно, не понравился! Но не могу же я вот так все сказать - это принесет ей боль. Поэтому я набралась смелости и произнесла. - Какая, собственно, разница понравился ли он мне? Главное, что он нравится тебе.

- Я знаю, что ребятам Грейнн не по душе, - вздохнула Ния. - Они его подозревают во всяких глупостях, но правда в том, что он действительно очень хороший, и любит меня. Грейнн похож на улитку: он скрывается в скорлупе и не показывает людям своего настоящего лица, только тем, кому по-настоящему доверяет.

- Я не спорю, Ния. Хороший - значит, хороший. Главное, чтоб тебя не обижал, - пожала плечами я.

Не доказывать же мне, обладая непроверенной лично информацией, с пеной у рта и основываясь исключительно на восприятии его голоса, что парень совсем нехороший - и весьма - и скорлупы у него никакой нет, а все высокомерие самое что ни на есть настоящее?

Соседка по комнате улыбнулась снова обретающей сияние улыбкой.

- Пойдем, - сказала она и первой зашла в общежитие. Я последовала за ней. На сердце был неприятный осадок от общения с первым исполнителем выпускного курса. Надеюсь, в дальнейшем слишком часто пересекаться с ним не придется.

В комнате уже перед самым сном Ния долго копалась в шкафу, зарывшись в него по пояс, после чего с криком «нашла!» вынырнула из платяного вместилища, попутно задев стопку одежды с глухим мохнатым звуком упавшей на пол. Но девушка не обратила на это никакого внимания. Она держала в руках какой-то сверток и смотрела на меня сияющими глазами.

- Вот, это тебе. В честь зачисления в консерваторию и того, что мы будем жить в одной комнате, - в голосе девушки золотинки играли и искрились от сдерживаемого предвкушения.

Ния протянула сверток мне. Я осторожно его приняла и развернула. Внутри оказалось разноцветное покрывало, похожее на то, что накрывало постель соседки, но все-таки немного другое.

- Ния... - прошептала я, поглаживая разноцветный узор. - Какая красота!

- Бери, не сомневайся, - произнесла довольно улыбающаяся девушка.

- Но как же...

- А вот так. Просто бери и все! И вообще, я его дарю тебе исключительно из практических интересов: хочу, чтобы наша комната была уютной и красивой, а значит, на твоей кровати должно быть это покрывало.

Я снова взглянула на Нию. Девушка светилась такой искренней радостью, что заподозрить в холодном расчете ее мог бы только слепоглухонемой.

- Спасибо, - улыбнувшись, поблагодарила я. - Оно очень красивое.

Ния махнула рукой, мол, ерунда, запихала обратно в шкаф стопку вещей и, пожелав спокойной ночи, дотронулась до светильника, тем самым его деактивируя.

Я засыпала с улыбкой, осознавая, что мне досталась лучшая соседка во всей консерватории.

* * *

Первой мыслью, как только я открыла глаза утром, была та, что сегодня первый день учебы. Эта звенящая серебряными переливами нотка маленькой яркой птичкой порхала у меня в голове и, не переставая, щебетала, мелькая цветастым пятнышком снова и снова. Улыбнувшись проказнице, встала и принялась приводить себя в порядок. Вернувшись из душа, обнаружила, что соседка еще спит, поэтому решила ее разбудить:

- Ния... - Из-под одеяла донеслось что-то не разборчивое.

- Ния, уже полвосьмого. В восемь уже нужно быть в концертном зале, - предприняла я еще одну попытку.

В тот же момент девушка резко села на кровати и стала тереть глаза. Спросонья и со всклокоченной шевелюрой она еще больше напоминала солнышко, так что я не смогла сдержать улыбки.

- Который, ты говоришь, час? – разомлевшим со сна голосом, с медленно парящими, еще не проснувшимися золотинками, переспросила она.

- Полвосьмого, - повторила я и взялась за гребень.

- Что?! Полвосьмого?! – бодрости в голосе явно прибавилось, как и слегка панически-искрящихся ноток. – Я проспала! – с таким возгласом Ния превратилась в солнечный вихрь, пронесшийся по комнате и с громким стуком двери удалившийся в сторону душевой. Одеяло с кровати девушки свесилось до самого пола, створка шкафа осталась открытой – маленький солнечный ураган, а не соседка.

Вернулась она тоже быстро, переделалась и стала приводить в порядок всклокоченные сном и быстрым бегом волосы. Собственно, причину такой реакции я поняла только тогда, когда Ния стала расчесывать свою шевелюру. Шевелюра яростно сопротивлялась расчесыванию. Складывалось впечатление, что волосы живые и переплетаются между собой чуть ли не в узлы в знак протеста. Чтобы разобрать ночное безобразие соседке понадобились двадцать минут, пять из которых я передевалась и причесывалась и пятнадцать – смотрела на то, как расческа раз за разом вносит все больший порядок в золотистый водопад. Ния остановилось лишь тогда, когда расческа с частыми зубьями перестала находить даже самые маленькие препоны своему движению. Собрав две пряди на затылке, закрепила их заколкой, она мельком оглядела себя в зеркале и, бросив «идем скорее!», поспешила к выходу из комнаты.

До главного корпуса мы практически долетели. Как оказалось, мы были не единственными недисциплинированными студентами, наравне с нами «летела» добрая треть консерватории. Мы успели за какую-то минуту до начала и даже места заняли не самые верхние, а в центре зала. Студенты гомонили. Но не так шумно и громко, как вчера, когда от сумбурных цветных фейерверков не было места, чтобы скрыться, а гораздо тише, хоть и не менее возбужденно. Воздух как будто искрился, сдерживая молнии, но пропуская мелкие разряды.

Когда на сцену взошел среднего роста, представительный, седеющий мужчина, в зале воцарилась тишина. Он окинул внимательным взглядом пространство, улыбнулся и произнес:

- Я приветствую вас, студенты консерватории, в этом новом учебном году! – прозвучал мощный резонирующий голос, похожий на громовые раскаты в темном грозном небе, я как будто даже почувствовала легкую вибрацию воздуха. – По многолетней традиции сейчас прозвучит гимн нашей консерватории, в исполнении оркестра. Прошу.

С этими словами ректор - а кто еще это мог быть? – сделал приглашающий жест, и на сцену из первого ряда поднялись студенты. Пока они занимали свои места и подстраивали инструменты, Ния наклонилась ко мне и прошептала:

- Тебе понравится. Знаешь, я влюбилась в это гимн с первых звуков, когда услышала.

Я стала с интересом рассматривать подготовившихся музыкантов. Ния меня изрядно заинтриговала своим таинственным шепотом, поэтому услышать мелодию уже очень хотелось.

После того, как струнные настроились, пространство заполнила тишина. Но длилась она не долго. Дирижер дал ауфтакт и ... льются звуки: мягкие, тонкие. Будто лианы, они оплетают пространство и каждого присутствующего, нежно, но не давая возможности уклониться. Я словно лежу, раскинув руки, в нефритовой траве и наблюдаю, как ноты-лианы купаются в тональности Солнечный

Изумруд, отсвечивая насыщенно-зеленым цветом, радуя внутренний взор яркостью и жизнелюбием. Музыка цвета первой весенней травы фонтанирует энергией и наполняет энтузиазмом. В какой-то момент изумрудно-зеленый растворяется в фиолетовом мареве Солнечного Аметиста на серебряной нити, которое появляется лишь на короткое мгновение, чтобы подготовить слушателей к переходу. Модуляция завершается окончательным вступлением в права Лунного Аквамарина. Голубая тональность. Такая же жизнеутверждающая, цвета голубого неба. Но, в отличие от ее параллельной Изумрудной предшественницы, в ней ощущается какая-то неуловимая тоска по лазурной недостижимой выси, в которую хочется упасть. Теперь перед внутренним взором только небо. Манящее, зовущее, шепчущее о чем-то, и я подаюсь вперед, чтобы расслышать, какой секрет оно готово поведать мне. Я ни за что и никому его не открою. Он только мой. Мой и небесной лазури, в которую я, кажется, взлетаю, вместе со вступлением партии фортепиано. И хоть мои глаза закрыты, я совершенно уверена в личности пианиста: это он, тот, кто играл музыку страсти и неистового стремления день назад. Сегодня он играет по-другому: нет напористости и противоречий, нет яростного желания, только легкость и приглашение следовать за ним в бирюзовое небесное море, но это совершенно точно он. Мне не нужно открывать глаза, я слышу, как длинные полные силы пальцы ласкают клавиши рояля, давно прирученного этим молодым мужчиной. Инструмент кристально-чистым звуком с готовностью отзывается на ласку, добавляя звучанию мелодии благородства и налета волшебства. Я лечу вслед за звуками, вырывавшимися из-под умелых пальцев музыкантов, все выше, погружаясь в небесную высь все глубже, а аквамаринные небеса шепчут и шепчут, раскрывая мне свои тайны, словно зная: я не выдам, сохраню, буду беречь, больше самых ценных сокровищ.

Гимн закончился на торжественной громкой ноте, оставляя зал в тишине, без малейшего намека на гул. Оставляя слушателей опустошенными и наполненными одновременно, полными сожаления и благодарности. Меня так уж точно.

Постепенно студенты стали приходить в себя и по пространству прозрачной пеленой поползли шепотки. Я повернулась к Ние. Она улыбалась и смотрела на меня. На ее лице царило воодушевление и одухотворенность

- Как тебе? – спросила она едва различимым шепотом, практически одними губами.

Я ее понимала, после таких звуков нарушать тишину своим голосом казалось кощунственным, поэтому ответила я так же едва слышно:

- Я даже не знала, что так бывает. Это волшебство.

Солнечная девушка снова улыбнулась мечтательной нездешней улыбкой, соглашаясь, что звучание действительно было практически чудом.

На сцену снова поднялся ректор. Теперь, когда студенты, находящиеся под впечатлением от гимна, стали значительно спокойней, ему больше не нужно было напрягать голос. Его слова и так были слышны в каждом уголке зала.

- Итак, оллары и оллемы, сегодня первый день нового учебного года. И я надеюсь, что вы приложите все свое старание, чтобы овладеть своим даром и научиться его применять лишь на благо. Я искренне рад, что консерватория пополнилась новыми одаренными молодыми людьми, надеюсь, вам будет тут приятно учиться. Прилагайте усилия и вы обязательно увидите результат, - ректор говорил веско, но без тяжести, звучание его голоса наполняло зал предгрозовой сизовой дымкой и особым запахом, который бывает только перед дождем. - А сейчас проректор Двейн огласит списки распределения первокурсников. Мэтр Двейн, прошу вас, - закончил он свою на удивление короткую речь.

Маркас Двейн поднялся и встал рядом с начальником. Если бы я совершенно точно не знала, что он не является главой учебного заведения, то обязательно перепутала бы их должности. От первого проректора волнами расходилась властность.

- Благодарю, лорд Нейс, - произнес мужчина и обратил все свое внимание на студентов. - Приветствую и поздравляю с началом учебного года. Надеюсь, для всех вас возвращение к учебе - праздник, - по залу прокатились смешки: атмосфера медленно, но верно разряжалась. - Раз уж мне досталась честь огласить первокурсникам факультеты, на которые они были распределены, то я не буду испытывать их терпение и начну без долгих предисловий.

У проректора слова с делами не расходились, и следующие несколько минут он зачитывал имена первокурсников и места их дальнейшего обучения. Я чуть было не пропустила свое собственное имя, потому что заслушалась, пытаюсь понять, как голос, банально зачитывающий список, может так ненавязчиво, но в то же время непреклонно, обволакивать, словно заворачивая в кокон из черной замши, доставляя наслаждение прикосновением, но не давая возможности освободиться.

Очнувшись, когда в унисон с произнесением моего имени руки коснулись Ния, возвращая меня к

действительности.

- Таллия Хейс – композиторский факультет, - горьковатые пряные нотки и чуть заметно хмурящиеся брови.

- Талли, - невероятно ярко, хоть и тихо, прошептала соседка, - поздравляю! Это замечательно! Ты будешь учиться на композиторском!

Я улыбнулась. В действительности мне было все равно, на каком именно факультете учиться, лишь бы учиться, лишь бы быть здесь, погружаться в атмосферу мелодий и дышать музыкой.

- Спасибо, - ответила я и сжала пальцы подруги.

Конечно, подруги. Разве может быть кем-то другим человек, так искренне радующийся твоему успеху и за которого переживаешь, словно, за родного? Ведь, по сути, время с момента знакомства не так важно, как внутреннее чувство родства.

- Ты не понимаешь! – сияя, продолжила девушка. – Зачисление на композиторский означает, что у тебя высокий уровень дара! Я уже молчу про преподавателей композиции, да к ним полконсерватории мечтает попасть учиться. Один проректор Двейн чего стоит!

- Дара? Ты имеешь виду музыкальный талант? Никогда не думала о степени его... высоты, - с улыбкой произнесла я.

- Нет. Я говорю не о предрасположенности к музыке, - сверкнула глазами Ния. Я нахмурилась и хотела спросить, что же тогда, если не это она имела в виду, но подруга загадочно улыбнулась и не дала мне промолвить и слова. – Тебе лучше объяснит куратор. У композиторов это первый проректор. Поверь, он расскажет лучше.

После того, как Маркас огласил список полностью, он еще раз поздравил студентов и спустился с возвышения. В честь начала учебного года прозвучало еще одно произведение от симфонического оркестра, но на этот раз без партии фортепиано. Конечно, и без нее оркестр играл чудесно, но все равно было жаль. Исполнение пианиста было поистине виртуозным и завораживающим. На секунду показалось, что оставленный рояль разделяет мои чувства. Я улыбнулась. Заметив это, Ния наклонилась ко мне, чтобы поинтересоваться причинами улыбки.

- Да так. Всякие глупости в голову лезут, - отмахнулась я, а потом решила и задала интересующий вопрос. – Ния, а кто был за роялем во время исполнения гимна?

- Даррак? – солнечная девушка посмотрела на меня с вопросом на лице, но, увидев непонимание, опомнилась и пояснила. – Даррак Кейн. Пятый курс композиторского. А почему ты спрашиваешь?

- У него очень яркое исполнение, - призналась я. – Ярче я еще никогда не слышала.

- Да, Даррак очень сильный оллам. Преподаватели с исполнительского на него нарадоваться не могут. Один из талантливейших студентов консерватории. На его академические концерты собираются практически все мэтры и очень многие студенты.

Как я их понимаю. На миг мне стало необъяснимо и невыносимо обидно, что возможностей наслаждаться игрой молодого человека у меня будет несправедливо мало, потому что этот учебный год для него последний.

После окончания концертной программы ректор пожелал всем студентам удачи и попросил первокурсников подойти к собственным кураторам, которые ожидали нас у самой сцены, попутно обозначив каждого, чтобы первокурсники не метались от мэтра к мэтру, робко интересуясь, не он ли их куратор. Что примечательно, ответственными наставниками всех факультетов, кроме композиторского, были преподаватели, и только на моем факультете студентов курировал лично проректор.

Попрощавшись с подругой, стала продвигаться к сцене. Маркас Двейн стоял, облокотившись спиной на помост и скрестив руки на груди. Как только перед ним, неловко перетаптываясь, сгрудилась не особенно большая группа студентов, проректор окинул пронизательным взглядом всех и каждого в отдельности, отлепился от сцены, опустил руки и сделал знак всем следовать за ним.

Дружной стайкой мы шли за лордом Давейном, приведшим нас в итоге в одну из лекционных аудиторий на третьем этаже. Дав знак занять места, он выждал, пока мы все рассядемся, и в комнате восстановится тишина, после чего, опершись о кафедру, произнес:

- Думаю, на сегодня поздравлений достаточно, поэтому хотелось бы перейти к важной для обучения здесь информации, - тишина стала напряженно-заинтересованной. - Все вы не раз уже слышали

слово «оллам» в этих стенах, да и к каждому из вас так наверняка хоть раз, но обратились. Поясню, что это означает. Оллам – человек, обладающий очень редким даром, способный посредством мелодии влиять на сознание и чувства слушающих его людей. В консерватории Вилмара Аберга Мирносоца обучаются только и исключительно оллады. – тишина стала ошарашенной.

Моему удивлению не было предела. Дар? Какой еще дар? Разве можно управлять людьми посредством музыки? Как подобное может быть правдой? И если это действительно так, то почему об олладах никто и никогда ничего не слышал? Моя голова стала напоминать котел с бурлящими мыслями и вопросами, которых каждое мгновение становилось все больше. Судя по напряженности молчания, такое происходило не только со мной.

Маркас Двейн обвел аудиторию внимательным взглядом и продолжил:

- Абитуриентов зачисляют на факультеты по итогам вступительных экзаменов, на которых, как вы уже могли догадаться, оценивают не столько музыкальное мастерство, сколько наличие и уровень дара. То, что вы оказались на композиторском факультете, означает, что уровень дара у вас весьма высок. Настолько, что вы сможете научиться создавать мелодии, проникающие в человеческие души. Первый месяц вашим куратором буду я. В дальнейшем у большинства из вас курирующий преподаватель сменится, но за вашими успехами я лично буду пристально наблюдать. Композиторы – сильнейшие оллады. От каждого из вас зависит очень многое, и ошибки каждого будут очень дорого стоить, – после этой фразы лорд обвел всех присутствующих суровым предостерегающим взглядом, выдержал недолгую, но грозную паузу и продолжил:

- Теперь о некоторых организационных моментах. Уроки композиции и специальные музыкальные занятия будут индивидуальными, остальные – общепоточными. На сегодняшний момент вы уже закреплены за преподавателями, которые будут обучать вас игре на основном музыкальном инструменте. В процессе обучения вам нужно будет выбрать еще один инструмент, которым вы не владеете, и, соответственно преподавателя, который научит вас с ним обращаться. Вопросы?

Последнее слово было настолько неожиданным, что все присутствующие в аудитории студенты, которых было не менее пятнадцати, растерялись, и на какое-то время в пространстве повисла гулкая бесцветная тишина, которую прервал молодой и несмелый девичий голос, журчащий серебристо-голубоватым ручейком:

- Мэтр Двейн, вы не могли бы подробнее рассказать о наших способностях?

- Я, конечно, мог бы, – ответил лорд. – Но лучше вам об этом расскажет мэтр Муррей на следующем занятии. Он будет вести у вас «Основы оллады», так что все вопросы по этому поводу – к нему. Еще что-нибудь?

Сведенные друг к другу брови прозрачно намекали, что лучше нам всем сейчас полюбовно разойтись, потому что отвечать на вопросы первокурсников у Маркаса Двейна настроения не было совсем. Не заметить красноречивое выражение лица было сложно, поэтому все пятнадцать студентов синхронно покачали головами, в знак того, что вопросов нет.

- Очень хорошо. Тогда до скорой встречи. И да! Расписание висит на этом этаже. В самом начале коридора. Так что изучите его и на занятия не опаздывайте. Сейчас можете быть свободны и удачи в учебе.

С такими словами лорд кивнул и вышел из аудитории. Как только за ним закрылась дверь, пространство заполнил переливающийся всеми оттенками фиолетового гул: студенты с каждой секундой все активней и возбужденней обсуждали услышанные пару минут назад новости.

Я же сидела и молча пыталась осознать информацию. Я оллада. Я могу воздействовать на эмоции людей с помощью музыки. Не верилось. Вообще. Мысли казались еще более бредовыми, чем даже если бы я их произносила вслух. Осознав, что разобраться с неожиданными сведениями все равно сейчас не смогу, встала и направилась к выходу. Маркас Двейн сказал, что мы свободны до следующего занятия, значит, будет не лишним ознакомиться с дальнейшим расписанием во избежание опозданий. Это, конечно, проверенный способ запомниться преподавателю, но мне не хотелось, чтобы мэтр запомнил меня опоздавшей.

Стенды с расписанием нашлись быстро. Итак, сегодня первым занятием значилась беседа с куратором, затем Основы оллады, а после них История музыки. Обе лекции на третьем этаже в аудиториях, место расположения которых было мне известно: я знала, в какой стороне коридора они находятся. Для первого дня расписание вполне щадящее. Я подумала, что, скорее всего, даже успею после занятий навестить уже знакомый рояль и улыбнулась. Коснуться глянцевого черно-белых клавиш, хотелось как никогда.

Ознакомившись с расписанием, медленно стала спускаться вниз, думая, что делать с внезапно освободившимся временем: до следующего занятия оставалось еще приличное количество времени. Коридоры не пустовали, как день назад. Теперь здание консерватории наполнилось звуками

голосов, смеха, шагов и другими мелодиями жизни.

Ноги сами привели меня к столовой (или желудок, не кормленный с утра). Она звучала гораздо громче и жизнерадостней, чем все пространство консерватории, вместе взятое. Естественно, что на сытый желудок, конечно, жизнь кажется ярче. Подумав так, улыбнулась и погрузилась в разноцветное море чужого смеха и разговоров.

Мастера Аодха не было видно, зато его помощники с тележками пребывали на своем обычном месте, раздавая запрашиваемые блюда. Решив, что на завтрак мне вполне хватит впечатлений вприкуску с чаем и булочкой с корицей, я обернулась, держа поднос, и стала высматривать свободное место. Сегодня в столовой найти его было гораздо сложнее, чем обычно. Народу стало не в пример больше, чем вчера. Осматривая зал, зацепилась взглядом за знакомые лица однокурсников и направилась к их столу, за которым как раз виднелось свободное место. Когда подошла, приветливо улыбнулась и поздоровалась:

- Привет. Вы же с первого композиторского?

Сокурсники обратили заинтересованное внимание на меня. Ответил парень, сидящий ближе всего ко мне и теперь обернувшийся всем корпусом в мою сторону.

- Точно. Ты ведь тоже, верно? Я видел тебя в лекционной аудитории, - голос молодого человека был похож на играющий всеми оттенками оранжевого костер. Веселый и располагающий к себе с первых звуков, не слишком низкий, но приятный и с различимой приятной хрипотцой, добавляющей огню искр.

- Верно, - кивнула я, подтверждая его слова.

- Тогда присоединяйся к нам. Будем знакомиться, - ответил он с невероятно-приятной улыбкой. Я даже на мгновение опешила - умеют же люди так улыбаться! - но быстро пришла в себя и заняла пустующее место, с краю скамьи. Соседями по столу оказались три парня и две девушки.

- Мы вот как раз знакомимся, - произнес парень-огонек. - Меня зовут Байл, а тебя?

- А я Таллия, - представилась я.

После меня назвали себя и другие сокурсники: парней звали Джед и Гай, а девушек Калли и Аерин. Все они звучали ярким энтузиазмом и волнением, но эмоции эти были приятных, местами восторженных оттенков.

- Как тебе знаменитая консерватория Аберга, Таллия? - спросил Байл.

- Я даже представить себе не могла, какая она. На данный момент мне все очень нравится, - с готовностью ответила я.

- Еще бы! - парень усмехнулся и переглянулся с однокурсниками. - Мало кто мог представить. Они ведь даже вступительные экзамены проводили не здесь, а в городе, в здании театра. - Присутствующие закивали в знак того, что да, действительно место очень интригующее, если не сказать скрытное.

В процессе знакомства выяснилось, что все присутствующие однокурсники из разных городов и семей, но с детства мечтали поступить именно сюда. Эйфория в их словах светящимися звездочками воспаряла к потолку и пронизывала пространство. И парни, и девушки многого достигли и упорно трудились, готовясь к поступлению, так что мне стало неловко и даже немного стыдно за то, что мне все это досталось без малейших усилий, просто по приглашению. С другой стороны, мои сокурсники попали в консерваторию не за музыкальное мастерство, а потому что обладали редким даром, который в них разглядели экзаменаторы. Если рассматривать ситуацию с этой точки зрения, то стыд отступает и появляется ощущение всеобщего равенства. Успокоив себя таким образом, я все равно обрадовалась, тому, что когда дошла очередь до меня рассказывать о поступлении, раздался переливчатый медный звук, означающий, что предыдущее занятие закончилось. С рвением, присущим всем первогодкам мы решили, что лучше прийти пораньше, чем опоздать и тем самым создать о себе не самое радужное мнение у преподавателя. А потому все вместе направились на третий этаж в лекционную аудиторию, где у нас должна была состояться первое в этом учебном году занятие. Воодушевлением также наполнял тот факт, что лорд Двейн обещал, что на этой паре нам подробней объяснят, что представляет собой наш дар и что с ним делать.

Оказалось, что спешили мы напрасно. Преподаватель не только не поджидал нас в аудитории еще на перемене, что было вполне закономерно, но и опоздал на несколько минут на само занятие. Мэтр оказался преклонного возраста. Весь седой, кроме бровей - те пестрели разноцветными чернобельными волосками - с аккуратно подстриженной недлинной бородой и усами и коротко стриженными волосами, зачесанными назад. Стройный, в пиджаке-визитке и классических брюках,

подчеркивающих его подтянутую, несмотря на возраст, фигуру. Если бы не редкие морщины и абсолютная седина, я бы подумала, что мужчине не больше тридцати пяти - столько жизненной энергии он собой излучал.

Войдя в аудиторию, он поприветствовал всех первокурсников консерватории - занятие было общепоточным, как и предупреждал лорд Двейн:

- Хорошего дня, уважаемые оллары и оллемы! - по пространству обширной комнаты разнесся его голос: сочный, как стекающая капля спелого фрукта, поблескивающая в дневном свете и играющая множеством оттенком, по сути, не примеряя на себя ни один, но сохраняя их всех в балансе между собой. В нем не было ни намека на старческое дребезжание или слабость - и не только в нем. Теперь, рассмотрев мужчину внимательней, я бы ни за что в жизни не рискнула назвать его старым. Да, немолодой, но и уж точно не старый, хоть и седой. Какой интересный звук. И не менее интересный мужчина.

Преподаватель встал рядом с кафедрой, положил на нее руку и принял свободную позу, перенес основной вес на опору. Смотрелось отнюдь не развязно, как могло бы, будь это кто-нибудь другой, а наоборот, с таким флером истинно-мужского шарма, обаяния, приобрести которое невозможно: им либо обладаешь с рождения, либо нет.

- Поздравляю вас с поступлением в консерваторию имени Вилмара Аберга Миронсца и первым учебным днем. Меня зовут Тиган Муррей. Вы будете звать меня мэтр Муррей. Предмет, который я буду вам читать, называется «Основы олларии». Название, конечно, корявое, но принцип отражен верно. Другими словами я здесь, чтобы рассказать вам, что есть дар оллары, и как развить и использовать его по максимуму.

Мужчина превосходно владел голосом. В огромной лекционной аудитории было тихо, все слушали мэтра Муррея, чуть ли не затаив дыхание. Особенно девушки. Снова окинула оценивающим взглядом стройную, ни в малейшей мере не обрюзгшую фигуру и мысленно улыбнулась: есть такие мужчины, которые интригуют женщин вне зависимости от возраста, причем как своего, так и самих заинтригованных. Я как будто видела, как он контролирует переливы собственного голоса, держа в идеальном балансе все оттенки выработанной за годы преподавания привычкой. Он мастерски владел умением удерживать чужое внимание. Или это пресловутый дар?

Тем временем преподаватель продолжал:

- Знакомиться мы с вами будем не по журналам и ведомостям. Знакомиться мы будем на занятиях и лично. Каждый из вас за этот год побывает у кафедры и не раз. Но всему свое время. Вам наверняка интересно узнать, чем же так щедро одарила вас природа, что этот дар окутан флером тайны и спрятан за семью печатями.

Недвусмысленное выражение жажды знаний и информации на лице каждого студента подтвердило слова мэтра. Тиган Муррей усмехнулся и решил-таки приоткрыть, наконец, завесу над невероятной, скрываемой ото всех тайной.

Оллары - одаренные. Люди, чувствующие и понимающие музыку, как никто другой, имеющие способность передать мелодией чувства, ощущения тем, кто их слушает. Самые сильные оллары могут внушать слушателям определенную информацию посредством песни под музыкальный аккомпанемент. Но таковые встречаются нечасто. Зачастую одаренные с помощью музыки или вокала вызывают у слушателей порывы на уровне эмоций: умиротворение, патриотизм, стремление к выражению себя и другие. В зависимости от силы оллары и того, насколько правильно он все рассчитал, действие может быть разной степени длительности: от пары минут до многих десятков лет.

- Взять, к примеру, сегодняшнее, несомненно, блистательное концертное выступление фортепиано с оркестром. Действие посыла, отправленного ими каждому присутствующему в то время в зале, будет длиться более ста лет, - эта фраза была сказана в таком спокойном тоне, будто мэтр говорил о своей ежедневной зарядке и комплексе физических нагрузок, или что там еще помогало ему так великолепно выглядеть в его почтенном возрасте.

В аудитории тишина из восторженно-жадной за короткую длительность одной шестнадцатой ноты превратилась в ошеломленно-настороженную - и немного испуганную, что уж скрывать. Серовато-молочная, она стала сгущаться и приобретать все более темные оттенки. Я почувствовала холодок мурашек, пробежавшихся по спине сверху-вниз. Показалось, что я потеряла способность двигаться. Сумрачно-серое марево будто замуровывало меня, окутывая слой за слоем, каждый из которых был темнее предыдущего. Что нам всем внушили? Почему не предупредили? Что они хотят от нас? Что они хотят от меня?!

- Спокойней, молодые люди. Все не так страшно, как вы себе напридумывали, - мой темнеющий кокон стал расползаться от звуков голоса мэтра Муррея, иронично давшего нам время на

размышление над сообщенной информацией, и наблюдавшего за реакцией. – Вы ведь уже давно поняли, что информация о способностях и самом существовании олламов находится в строжайшей секретности. Сегодняшнее выступление было призвано поставить в вашем подсознании блок. Теперь вы не сможете никаким образом передать эти знания лицам, не являющимся олламами. Меры предосторожности, не более. Так что не стоит беспокоиться. Здесь из вас не станут делать покорных безвольных рабов.

Атмосфера медленно, но верно начала становиться все менее гнетущей. Мне как будто стало легче дышать. Конечно, жаль, что я не смогу поделиться с родными такими новостями, но с другой стороны, вполне возможно, что им действительно лучше ничего об этом не знать. Настолько охраняемые тайны не зря охраняются. Теперь бы еще понять, чем это все грозит.

- Прекрасные оллемы, успокаивайтесь скорей, вашим нежным щечкам не идет эта задумчивая бледность, - тем временем позволил себе подшутить мэтр Муррей, чем заметно разрядил атмосферу. Парни стали усмехаться, а девушки краснеть. Мои щеки не стали исключением и тоже слегка окрасились румянцем. Мужчина сумел создать ощущение, что обращается конкретно к каждой девушке в аудитории, по сути, не обращаясь ни к одной.

Оставшееся время занятия пролетело незаметно. Больше столь потрясающих новостей преподаватель нам не сообщал, да и что смогло бы превзойти уже поведанную новость с тем же эффектом? Мэтр Муррей говорил интересно, будто увлекая в путешествие, так что к окончанию пары я только утвердилась в своем мнении, что он – сильный оллам и активно пользуется даром на преподавательской стезе. Лекция закончилась советом обязательно посетить библиотеку и получить там учебники, потому что сегодня первое и последнее занятие. Когда великодушный Тиган Муррей отпускает нас без задания. Мы заверили преподавателя, что так и поступим, и он покинул аудиторию, пожелав нам удачи.

Следующую лекцию по истории музыки вела метресса Дервила Хьюз, оказавшаяся строгой дамой средних лет с аккуратной, волосинка к волосинке, прической и пенсне в форме кошачьих глаз на носу, прикрепленной тонкой серебряной цепочкой к пуговице строгого платья; очень высокой и очень тонкой, похожей на собственную указку, которую она зачем-то все занятие держала в руках. Никто так и не понял, зачем, потому что за всю пару она ни разу ни на что ей не указала. Голос, метрессы был строг, как и облик и отзывался в ушах низким и сдержанным звучанием фагота. Как ни странно, но собранное негромкое, но звучное контральто было нестерпимо белым, на таком будет заметно любое, даже самое маленькое и светлое пятнышко. Метресса сразу же непреклонным тоном заявила, что поблажек не видать никому и спать на лекциях она настоятельно не рекомендует. И не потому, что считает свое предмет важнейшим из всех консерваторских дисциплин, а потому, что олламам нужно знать ошибки прошлого, их причины и следствия, чтобы не привносить их в будущее. И в этом свете, согласитесь, знание истории музыки одаренных приобретает невероятную ценность. Студенты согласно кивали и вели себя тише мышей. Но не потому, что было увлекательно, как на предыдущей паре, а потому, что метресса Хьюз недвусмысленно пригрозила недопуском к зачету в конце полугодия. А недопуск – однозначное «прощай» стипендии. Конечно, не всем присутствующим была так необходима стипендия, как мне, но и их строгая преподавательница сумела убедить в соблюдении на ее занятиях строжайшей дисциплины, пригрозив сорванной зимней практикой. Не сказать, чтобы мы в деталях понимали, о чем речь, но если этим грозят, значит, вещь стоящая, верно? Вот и мы так подумали. Да и слово «практика» в ее устах звучало как-то особенно. Поэтому тишина на вводной лекции, описывающей всю значимость знания истории музыки одаренных и музыкантов-олламов, была абсолютной, даже ее серый оттенок как будто притих и сжался, опасаясь сверкающе-белых, до рези в глазах лучей голоса нашего светоча знаний и опыта.

Даже после того, как занятие окончилось и метресса Хьюз, сдержанно попрощавшись и предостерегающе блеснув линзами пенсне, покинула аудиторию вместе со своей указкой, тишина еще какое-то заполняла собой пространство. Впрочем, не долго. Студенты ведь, по сути, народ отходчивый, и чтоб их как следует напугать, одного недопуска мало. Как, впрочем, и двух.

Какими бы всепоглощающими ни были воодушевление от начала учебного года и восторг от поступления, окончание занятий было встречено радостным разноцветным гулом. Я в компании Байла и остальных, с которыми мы сидели в одном ряду, отправились напрямик в библиотеку за учебниками, которые потом ребята помогли нам донести, проводив до общежития. Пристроив книги на стеллаже, специально для них предназначенном, снова поспешила в главный корпус, чтобы быстро пообедать и отправиться к знакомому роялю. Правда, обедать пришлось не так уж и быстро, потому что встреченная в столовой Делма объяснила, что раньше трех часов пополудни аудитории с инструментами обычно не освобождаются.

Кеннет, сидевший тут же, смотрел на меня и понимающе ухмылялся:

- Что - не терпится скорей почувствовать музыку? - спросил он.

- Знаешь, такое ощущение, что сегодня звук будет другим, - ответила я, отчего-то смутившись.

- Да, я тоже так думал, когда узнал про дар. Но, ты же понимаешь, что звук не изменится. Потому что ты ведь не изменилась: ты не стала оллемой, в тот момент, когда мэтр Муррей рассказал правду, ты была ей всегда, - голос цвета зелени первой травы успокаивал.

- Да, наверное, понимаю, но мне нужно убедиться, - ответила я.

Кеннет и Делма оба расплылись в улыбках.

- Теперь ты понимаешь, почему я не мог тебе рассказать? - спросил парень, заглядывая в мои глаза.

- Да. Я ведь еще не была... посвященной, - кивнула я. - Тебя сдерживал блок.

- Без обид? - на всякий случай уточнил Кеннет.

- О чем, ты? Какие обиды? - улыбнулась я.

- Вот и хорошо, - подытожила Делма.

Едва дождавшись нужного времени, я поспешила на уже опустевший третий этаж. Кончики пальцев зудели от желания почувствовать покрытые лаком клавиши, охотно отзывающиеся на их прикосновения. Я понимала, что Кеннет прав и другого звучания просто не может быть потому, что дар оллама всегда жил внутри меня, но проверить я была просто обязана. А вдруг?

В кабинет я практически забежала, подгоняемая нетерпением. Рояль как будто излучал ехидную снисходительность к моим детским порывам. Откинув крышку, присела. Прошлась легким ласкающим движением по клавишам, набрала полную грудь воздуха и погрузила первую глубоко в штутьраму.

Тональность Лунный Сапфир. Моя любимая. Вне зависимости от настроения я всегда нахожу в ней отражение собственных чувств. Пока мелодия заполняла пространство синими волнами, расходящимися веером от инструмента и почти осязаемо обтекающими меня, я прислушивалась, стараясь уловить хотя бы малейшее изменение в звучании. Нет, конечно, его не было. Звук был точно таким, как и всегда, именно таким, каким я хотела его слышать. Улыбнувшись, уже привычно закрыла глаза и погрузилась в ультрамаринное пространство, то темнеющее до цвета маренго, то, наоборот, светлеющее до самой солнечной лазури. Сердце учащенно билось, хотелось уйти всем естеством в эти волны все глубже, зная, что не утону, нет. Насыщенная синева пронизывала меня, напитывая собой, заполняя от кончиков пальцев до кончиков волос. Мелодия становилась все исступленней и насыщенной, я будто искала ответ, жизненно важный, необходимый как воздух под толщей морской воды.

Все прекратилось, когда я была практически уверена, что вот-вот коснусь его, ответа, которого ищу. Мелодию сияющим расчерком молнии перекрыл чужой голос:

- Прекрати немедленно.

Руки соскользнули с клавиатуры, я излишне резко, от испуга, повернула голову в сторону, откуда шел звук, и распахнула глаза.

Рядом с роялем, совсем близко ко мне стоял молодой мужчина. Тот самый, в игру которого я влюбилась с первого звука. Он окинул меня полным острого неодобрения взглядом, из-под сурово сведенных бровей. Я опешила. В голове поселилась гулкая пустота. На ум не приходило никаких мыслей, кроме одного вопроса: что ему так не понравилось в моей музыке?

Даррак Кейн непримиримым жестом закрыл крышкой клавиатуру и произнес:

- Ты такая отчаянная или такая глупая? - пространство вновь пронзила молния, с синим отсветом.

- Что? - прошептала я в полном непонимании происходящего.

- Когда играешь, нужно всегда закрывать дверь в помещение, чтобы никто, случайно проходящий мимо, не попал под влияние твоей музыки. Ты чем вообще на занятии Муррея слушала? - брюнет был зол. Не недоволен, не сердит, а именно зол.

Я ступевалась еще больше. Действительно, мэтр Муррей говорил об этом, но мне так не терпелось скорей увидеть звук, проверить, тот же он, что и всегда, или нет, что, я не удостоверилась в том, что закрыла за собой дверь кабинета. Понимание обрушилось набором диссонантных интервалов. Вместе с пониманием пришла и смутная благодарность к выпускнику, что остановил, не дожидаясь, пока меня услышит кто-нибудь из преподавателей: за подобную невнимательность в консерватории наказывали, об этом мэтр, читающий нам основы оллами, тоже упоминал.

По мере осознания, моя голова опускалась все ниже.

- Вижу, начинаешь понимать, - уже спокойней произнес оллам.

Снова вскинув голову, посмотрела ему в глаза и ответила:

- Спасибо! Большое спасибо, что остановил. Я увлеклась и совершенно забыла про дверь.

Слегка прищуренные серые глаза, с едва заметными голубоватыми проблесками, вдруг впились в мой яростным взглядом, полным недоверия и... растерянности? Это выражение, на всего секунду назад уверенном лице, было настолько неожиданным, что я даже не подумала прерывать зрительный контакт.

Даррак, наклонившись и продолжая удерживать мой взгляд, произнес гораздо тише, чем до этого:

- У тебя голубые глаза?

Я кивнула в подтверждение очевидного факта, не понимая его заинтересованности нередким, в общем-то, оттенком.

Оллам моргнул, и растерянность улетучилась, будто ее и не было. Возможно, так и было, и она мне всего лишь примерещилась.

- Больше не забывай закрывать дверь, - густой голос, похожий на граненый сапфир благородством и насыщенностью цвета, снова обрел былую громкость, но теперь он как будто приобрел оттенок задумчивости.

Медленно отвернувшись, Даррак направился к дверям. Он покинул кабинет, плотно прикрыв за собой створку, оставив меня в блекло-серой тишине.

Рука потянулась к крышке и замерла на полпути. Я посмотрела на слегка подрагивающую кисть и только сейчас осознала, насколько велико было потрясение. Нет, не тем, что Даррак Кейн прервал меня, и не тоном его разговора, а тем, что я позволила себе серьезную оплошность, предполагающую наказание. Ярким откровением вспыхнула мысль: я оллама, на мне лежит огромная ответственность. Пока я не умею контролировать свой дар, нужно быть осторожной. Я могу навредить. Пусть на данном этапе не сильно, но все же могу. Поэтому позволять вот такую невнимательность больше нельзя. Никогда.

Я опустила руку на колени. Нет. На сегодня, пожалуй, достаточно. С сожалением окинула взглядом рояль, излучавший собой укоризненность то ли оттого, что могла наворотить по собственной неосторожности, то ли оттого, что позволяю отвлекать себя от музыки и покидаю его так скоро. Прости, учитель, но сегодня я играть уже не смогу.

Глава 4

В комнате меня ждала Ния, складывающая свои учебники на свободную полку стеллажа.

- Ничего себе! Неужели с каждым курсом количество предметов увеличивается вдвое? - произнесла я вместо приветствия, увидев внушительную стопку.

- Что? - не поняла соседка, но потом проследила мой взгляд и, улыбнувшись, ответила. - Нет, просто я люблю читать. Тут много трудов по истории музыки, не входящих в обязательную программу, а мне интересно.

- Как ты эту кипу только дотащила? - снова спросила я, пытаюсь представить себе тяжесть двух десятков солидных томов.

- Мне Кеннет помог, - произнесла подруга. - Он никогда не может пройти мимо девушки, несущей что-либо тяжелее скрипки.

- Да, это я уже заметила, - усмехнулась я, вспоминая эпизод с Делмой и контрабасом. - Он славный.

- Да, Кеннет очень хороший, - подтвердила солнечная девушка, определяя на полку очередной талмуд. - Его и госпожа Кин всегда пускает в наше общежитие, знает, что он девушкам помогает без далеко идущих коварных планов.

Я снова улыбнулась. Так вот почему третьекурсник так хорошо ориентируется в женском общежитии. Оказывается, редкая студентка, взваливающая на себя непосильную ношу, остается без помощи сильного плеча оллама Кеннета. Не понимаю, как на его фоне подруга вообще могла заметить этого своего Грейнна. Кстати, о нем.

- А почему тебе Грейнн не помог? - не смогла удержаться от вопроса я.

- Грейнн на дополнительных занятиях по специальности, - с готовностью ответила Ния.

- Он у тебя с исполнительского? - уточнила я.

- Да, играет на скрипке. Очень красиво. Он лучший на факультете. Это и неудивительно: Грейнн очень талантлив, - с желтыми лучиками гордости в голосе подтвердила подруга.

Мне вдруг почему-то стало стыдно за свои недавние мысли. Ведь раз солнечная девушка видит в своем любимом хорошее, значит, оно должно в нем быть.

- Кстати, Ния, я ведь так и не спросила тебя, как тебе учиться на вокальном? Должно быть, ты владеешь своим голосом, как инструментом?

Подруга улыбнулась своей солнечной лучащейся улыбкой и ответила:

- Знаю, на нашем факультете учатся оллары не с самым высоким уровнем дара, но мне очень нравится. И да. Нас учат многому и контролю в том числе.

Соседка говорила правду: самыми перспективными и сильными были оллары композиторского факультета, после них - исполнительского, затем - вокального, а самыми слабыми считались студенты музыковедческого. Но никто из них не жаловался, потому что изучать феномен оллары и создавать теоретическую базу, облегчая труд познания дара другим, было не менее интересно. Так, по крайней мере, утверждал мэтр Муррей.

- Главное, что нравится, - ответила я. - Я бы хотела послушать, как ты поешь.

- Тебе представится такая возможность во время зимних академконцертов, - ответила соседка.

- Обязательно приду послушать и поддержать, - заверила я подругу.

За разговором состояние после встречи с Дарраком Кейном притупилось. Руки уже давно перестали дрожать. Так что на ужин мы вместе с Нией отправились в хорошем настроении. В этот раз я не опоздала к началу приема пищи, поэтому снова застала явление старшего повара в столовую. Мастер Аодх, как и в прошлый раз, осмотрел присутствующих в столовой и величественно пожелал приятного аппетита своим насыщенно-томатным голосом. В ответ ему прозвучал нестройный благодарный гул, после чего повар с достоинством развернулся и покинул помещение, а к раздаточным тележкам потянулась вереница голодных студентов.

После того, как мы с Нией наполнили свои подносы, усаживаясь за стол к Кеннету и Делме, я произнесла:

- Мастер Аодх такой вежливый. Неужели он желает приятного аппетита студентам каждый прием пищи?

- Конечно, - ответил парень. - У него такой ритуал: в течение учебного года он приветствует студентов перед раздачей, а на каникулах - после нее. Сама понимаешь, на каникулах людей меньше, а на протяжении года народ растягивается и приходит в разное время.

Я кивнула. Дисциплина у студентов - вообще слабое место, а у творческих студентов так вообще - уязвимее не придумаешь.

После ужина извинилась перед друзьями и оставила их. Мне нужно было снова подняться на третий этаж, чтобы переписать расписание, о котором я совершенно забыла, обескураженная сегодняшним происшествием.

Благополучно переписав необходимые сведения, я уже хотела спускаться, когда услышала чей-то игривый переливчатый смех, потом звук удара, как будто что-то упало, а затем совсем уж непонятный - как будто на клавиши рояля прыгнули. Не понимая, что происходит, я пошла к кабинету, откуда доносились странные звуки. Дверь была не заперта, именно поэтому я и услышала эти странности. Подойдя вплотную, я занесла руку, чтобы постучать, но в этот момент посмотрела в щель и застыла.

Вплотную к роялю стоял парень. Он, одной рукой крепко прижимая к себе девушку, сидящую на клавишах инструмента, увлеченно ее целовал, собрав ее волосы в кулак свободной руки. Сам факт такого фривольного использования инструмента уж явно не по назначению разозлил меня настолько, что я уже была готова распахнуть створку и... не знаю, что бы я сделала, но встать с черно-белых клавиш дамочку заставила бы. Однако в этот момент парень оторвался от губ своей пассии, и я разглядела его лицо. Улыбка полная предвкушения, страсти и превосходства растянула губы Грейнна. Девушка же смотрела на молодого человека с восторгом и обожанием. Она вздохнула, облизала губы. В глазах Грейнна зажглись темные огоньки, и поцелуй продолжился под аккомпанемент стонов неизвестной мне студентки и тихо возмущающихся подобным возмутительным использованием своих клавиш рояля. Эти звуки и ошеломление черными змеями приковали меня к месту, не позволяя пошевелиться. В голове не было никаких мыслей, только

узкая картинка в обрамлении грязно-фальшивых вскриков инструмента и красных всполохов тихих стонов девушки.

***Змеиные цепи разбил негромкий желто-солнечный знакомый голос:

- Талли, я тут подумала, ну чего нам поодиночке обратно в общежитие идти? Мне же совсем не трудно тебя подождать.

Я вздрогнула и медленно опустила руку. Повернуться было страшно. Парочка, занятая собой не услышала голоса подруги и продолжила самозабвенно и довольно активно целоваться, терзая ни в чем не повинный инструмент.

- Талли, все хорошо? – снова пробился солнечный лучик в набравшую яркость грязную действительность.

Мне не хотелось, до крика не хотелось, чтобы Ния увидела происходящее. Не потому, то я не желала, чтобы подруга знала правду, а потому, что мне было страшно увидеть реакцию солнечной девушки на предательство. Я до ломоты в теле боялась увидеть ее слезы.

- Талли, что происходит? – раздалось совсем близко.

Ния положила руку мне на плечо, но секунду спустя рука безвольно соскользнула и с негромким звуком ударилась о бедро подруги.

Увидела...

Я медленно обернулась. Ния расширенными от удивления глазами смотрела в недостаточно узкую, чтобы скрыть личность присутствующих в кабинете, щель. На ее лице было непонимание, как будто перед девушкой возник очень странный ребус. Я смотрела на подругу, не зная, что сказать и как прекратить все это. Внезапно вместо стоны, раздалось сиплое «Грейни» и в лучистых янтарных глазах солнечной девушки вспыхнуло осознание, а в следующую секунду из них полились слезы. Молчаливые горькие капли, полные разбитого доверия и растоптанной любви, катились, по щекам, срывались с подбородка и капали на платье.

Я вздрогнула, увидев первое мокрое пятнышко на ткани. В душе поднялась волна темной ярости. Хотелось сделать виновнику слез очень больно, невыносимо больно, до срывающего голос крика, во всю мощь глотки. Взяв подругу за руку, я аккуратно, но непреклонно развернула ее от действия и повела вниз. Ния не сопротивлялась. Она все так же плакала, не издавая ни единого звука, ни единого всхлипа, ни единого вздоха. Казалось, она вообще не дышала, и только слезы непрерывным потоком струились по ее лицу.

Мерзавец!!!

Остановившись в холле перед самым выходом, я повернулась к подруге и произнесла:

- Ния, сейчас мы выйдем на улицу. В отличие от здания там много студентов. Постарайся не плакать, хорошая. Иначе они обступят тебя с вопросами. Нам нужно быстро и без помех добраться до комнаты. Ты постарайся, Ния?

Подруга посмотрела на меня потускневшими глазами и кивнула, после чего все так же молча ладонью стерла мокрые дорожки со щек. Я сжала ее руку, и мы вышли за дверь.

Чужих расспросов удалось избежать. Подруга не проронила ни слезинки, пока мы не заперли за собой дверь собственной комнаты.

Я со страхом ждала истерики солнечной девушки, не зная чем утешить и как поддержать. Она ведь действительно любит его. Что может исцелить от предательства? Уж точно не дружеское участие и фразы типа «держись, все будет хорошо» и «он еще пожалеет». Но Ния и тут меня удивила. Зайдя в комнату, она сразу направилась к стеллажу, достала оттуда самый толстый том, вместе с ним забралась на кровать и погрузилась в чтение.

Первые несколько минут я стояла и смотрела на нее, ожидая, что в следующую секунду снова горьким ручьем польются слезы, но ни через пять, ни через десять минут, этого не произошло. Слез не было ни через полчаса, ни через час. Она все так же сидела одетая в верхнее платье и в туфлях на застеленной ярким покрывалом кровати, и читала, размеренно перелистывая страницы.

К тому моменту, когда пора было ложиться спать, ничего не изменилось, поэтому я решила не выключать свет.

Сон сморил меня после полуночи, Ния по-прежнему читала, не издавая ни звука.

Утро встретило меня солнечным лучом, щекощущим носи птичьими трелями. Я поднялась с кровати

и посмотрела в сторону подруги, от всего сердца надеясь не увидеть ее с заплаканными несчастными глазами, красным носом и искусанными губами. Ния меня испугала и удивила одновременно: она по-прежнему читала, находясь все в той же позе. Под ее глазами залегли тени, но это было единственное отличие по сравнению со вчерашним вечером.

Подойдя к кровати подруги, присела и произнесла:

- Ния, сколько ты прочла?

- Больше половины, - ответила мне девушка, глазами пробегая строчки. - Жизнеописание Вилмара Аберга очень интересно. Знаешь, нашу консерваторию не просто так в честь него назвали.

Голос тоже был обычным, разве что радости в нем не было совсем и веселого сияния тоже.

- Дашь мне потом почитать? - спросила я, пристально следя за ней.

- Конечно, - ответила девушка.

- Скоро завтрак, - заметила я, немного помолчав.

- Да. Нужно собираться, - кивнула подруга, после чего еще на минуту в нашей комнате воцарилась тишина.

По истечении этой минуты Ния закрыла книгу, предварительно заложив закладку на нужной странице, и положила ее рядом с собой.

- Нужно собираться, - произнесла она, подарив мне робкую улыбку, после чего встала с кровати, взяла полотенце, зубную щетку и пошла умываться.

Я выдохнула. Кажется, с первым потрясением девушка справилась. Очень необычным способом, но справилась. На минуту стало неимоверно стыдно, что ничем не помогла, никак не утешила солнечную девушку в ее горе. Мне было страшно ее трогать и теребить, я боялась, что у Нии начнется истерика, и сегодня мерзкий Грейнн увидит ее с распухшими веками и насморком от непрекращающихся слез. Я не стала ее трогать, надеясь, что так она скорее сможет взять себя в руки и, кажется, оказалась права, но червячок вины все равно делал свое дело.

Довольно быстро приведя себя в порядок, мы отправились на завтрак. К счастью, в столовой Грейнна не оказалось. Хотя... может, и не к счастью, ведь особых причин пропускать утренний прием пищи у него не было, а значит, парень явно был чем-то занят... или кем-то.

Мы с Нией уже по привычке присоединились к друзьям. И хоть приветствуя Кеннета и Делму, подруга даже улыбалась и совсем не выглядела расстроенной, скрипач-третьекурсник после первого же взгляда на нее переменился в лице: исчезла добродушная веселая улыбка, стекла с лица, будто ее и не было. Непривычно серьезный, со слегка нахмуренными бровями, он спросил:

- Что случилось? - в голосе насыщенной зеленью звенело беспокойство.

Я промолчала. Не мне об этом рассказывать.

- Все хорошо, Кеннет. Ничего незаконмерного, - ответила Ния и улыбнулась светлой, но до боли в сердце грустной улыбкой.

Кулаки парня с силой сжались, глаза сощурились, на скулах заходили желваки.

- Грейнн?! - зелень в голосе стала острой, колючей и до рези в глазах насыщенной - парень был в ярости, которую сдерживал огромным трудом.

- Это неважно, Кеннет. Больше неважно, - с неожиданной твердостью в голосе ответила Орния.

Именно Орния. В этот конкретный момент не было мягкости и податливости - одна железная решимость.

- Для тебя может быть, - не уступил по-прежнему хмурый парень.

- Ну и что? Пойдешь ему морду бить? - неожиданно резко вступила Делма. - Хочешь, чтоб тебя отстранили от обучения или вообще отчислили?

Кеннет даже не повернулся в ее сторону, он все так же напряженно всматривался в Нию, которая отвечала ему спокойным взглядом почти прежней солнечной девушки. Почти...

Первой отвела взгляд подруга. Она взяла в руки ложку и молча приступила к завтраку. С небольшой временной задержкой ее примеру последовали и мы с Делмой, только Кеннет по-

прежнему сидел со сжатыми добела кулаками и смотрел на Нию. Через какое-то время она подняла глаза от тарелки и попросила:

- Кнет, я не могу есть, когда ты сверлишь меня взглядом.

Парень хмуро кивнул и тоже вооружился ложкой. Все время завтрака мы провели, медленно поглощая пищу и изредка бросая друг на друга взгляды. Вернее переглядывались мы с Делмой. Кеннет, если куда и смотрел, то только на солнечную девушку и то не часто, памятуя о ее просьбе, а Ния не смотрела ни на кого. Она медленно, размеренно и вдумчиво ела, не отвлекаясь ни на что.

К середине завтрака в дверях столовой появился Грейнн. Заполнив свой поднос и оставив на столе неподалеку от нашего, он, как обычно, подошел к подруге сзади и положил руки ей на плечи.

- Привет, - произнес прекрасно звучащий, но от этого не ставший менее отвратительным голос.

Ния передернула плечами, скидывая с них холеные кисти скрипача, и ответила ровным голосом без каких бы то ни было эмоций:

- Здравствуй, Грейнн.

Парень в недоумении приподнял бровь. Так его девушка никогда не реагировала. Обычно она запрокидывала голову и освещала его счастливой радостной улыбкой, в этот раз даже не повернулась. Недолго помолчав, он снова открыл рот, чтобы сказать:

- Идем. А то время завтрака скоро закончится.

- Нет, Грейнн. Сегодня я буду завтракать со своими друзьями. Ты можешь и без меня справиться с едой. Ты вообще со всем можешь справиться без меня, - в голосе подруги в какой-то момент прорвались до боли ослепляющие яркие нотки, но он быстро стал ровным снова.

Грейнн сузил глаза, окинул темнеющим взглядом нашу компанию, задержался на карих, бушующих пламенем едва сдерживаемой ярости глазах Кеннета и, не сказав ни слова, отошел.

Как только он расположился спиной к нашему столу, плечи Нии чуть заметно дрогнули, выдавая напряжение, но уже в следующую секунду она снова приступила к прерванному завтраку.

После столовой мы все вместе поднялись на третий этаж и разошлись в разные стороны, у каждого начиналось свое занятие. Я проводила взглядом подругу и поспешила в другую сторону. Моим первым занятием значился урок фортепиано в знакомой аудитории и со знакомым инструментом, но совершенно неизвестным метром.

Я не опоздала, но преподаватель уже ждал меня в кабинете. Вернее, ждала. Ею оказалась молодая женщина с виду лет двадцати пяти, среднего роста, с поблескивающими золотом каштановыми волосами и живыми и яркими темно-кариими глазами. Женщина оказалась очень красивой, настолько, что я замерла на пороге.

Увидев меня, преподаватель улыбнулась и произнесла:

- Проходите. Таллия Хейс, верно? - голос женщины был приятным, низковатым, загадочным, сизовато-черничного цвета.

Я кивнула и зашла в кабинет, предусмотрительно закрыв за собой двери.

- Присаживайтесь, - снова раздалась мелодичные насыщенно-ягодные звуки. - Меня зовут Санна Линдберг, и, как вы уже догадались, я буду вести у вас уроки фортепиано.

Я заняла место на винтовом табурете и повернулась к преподавательнице.

- Для начала сыграйте мне что-нибудь, - ободряюще улыбаясь, попросила красавица. И, предвосхищая мои уточнения, добавила. - Все равно, что.

Я повернулась к роялю. Знакомец был в полной боевой готовности и будто излучал желание откликаться на малейшее движение, словно хотел продемонстрировать моей наставнице, что не зря со мной время терял. Улыбнувшись, на секунду задержала пальцы над клавишами.

«Движения ветра» Морана, тональность Лунный Изумруд на золотой нити. Мое любимое произведение легендарного композитора. Как мне теперь думается, оллама. Тихое, даже робкое вступление, звук переливается степными колокольчиками, покачивающимися от дуновения зарождающегося ветерка. Еще неокрепшего и полного сомнений. Травинка за травинкой, и вот уже все полевое разнотравье подхватывает танец набирающего опыта ветра, веселящегося и играющего с каждым соцветием, лепесточком, а звук становится ярче, звонче. Постепенно игривый проказник набирает мощь: теперь ему мало одной степи, он стремится к виднеющемуся перелеску и

запутывается в ветвях лиственных деревьев, удивленно шуршащих от его движений; не только листья, но и ветки поддаются стихии, приветственно помахивая ветру. Восторг и задор, постепенное крещендо выводят произведение на форте. Ветер купается в зелени трав и деревьев, но потом замечает, что в небе гораздо больше простора. Веселым порывом он поднимается вверх, набирая силы с каждым движением, он вплетается в воздушный поток таких же ветерков, как и он сам, и теперь они в унисон поют свою песню вместе, сгоняя облака друг к другу, словно пастырь стадо овец. Их громкий хор заставляет пальцы отдавать клавишам всю имеющуюся в них силу, чтобы фортиссимо звучало так, будто, и правда, в комнату проник мощный атмосферный фронт. Из собранных туч на луг и деревья стаккато падают живительные капли, изможденная земля с благодарностью принимает влагу, тут нежно, благодарно, легато и гораздо тише. Напоив землю и ее детей, благодатный ливень уходит вслед за своим источником, уносимым собранием ветров. Диминуэндо. Становится все тише и тише. А в следующую секунду между зелеными травинками нежно и пиано зарождается новый ветерок, юный и совсем не смелый, но уже с интересом играющий между луговых стеблей.

Закончив историю ветра на нерешительном пианиссимо удаляющегося маленького озорника, оторвала руки от клавиш и медленно повернула голову, чтобы посмотреть на метрессу. Санна Линдберг смотрела на меня задумчиво, с зарождающейся улыбкой, отчего понять насмешливая эта улыбка или, наоборот, поощрительная, было невозможно. Она могла бы выйти любой из этого самого зарождения.

Вышла обнадеживающей.

- Очень хорошо, оллема Таллия. Манера игры своеобразная, техника отличная, звукоизвлечение на высоком уровне. Только один момент: как вы представляете себе это музыкальное произведение?

Постепенно расплываясь в улыбке от слов преподавательницы, ее последнему вопросу я удивилась. Никто раньше не задавал мне подобных.

- Смелее, Таллия, не бойтесь выглядеть глупо. У меня нет намерения высмеять вас, - подбодрила уже словами метресса.

Выдохнув, рассказала женщине все перипетии маленького ветерка, сжато и кратко, но стараясь не потерять настроения.

- Понятно, - кивнула Санна Линдберг и сказала. - Давайте-ка мы с вами поменяемся местами.

Я удивилась снова. Встала, уступая метрессе винтовой табурет. Преподавательница устроилась перед роялем и оглянулась на меня.

- Слушайте.

После короткого руководства музыкальный кабинет снова наполнили изумрудные звуки «Движений ветра», но теперь они были совсем другими. Игра метрессы явственно и очень разборчиво повествовала о путешествии ветра в небе, о его приветствии солнцу, о том, как он играет, витая между облаков, а потом возвращается и пронизывает их. Он творит, то собирая их в кучи, то раскидывая невесомыми перьями по небосводу. Мой ветер был озорным, игривым, веселым, радующимся и насыщенно зеленым. Ветер Санны Линдберг был увлеченным, степенным и... взрослым, но гораздо более свободным, и зелень в нем была прозрачной и едва заметной. Он был практически бесцветным, каким и положено быть ветру.

По окончании исполнения метресса поднялась, уступая мне место, и произнесла:

- Вы уловили разницу, оллема Таллия?

- Да, - я кивнула, снова занимая винтовой табурет.

- Тогда расскажите, как вы слышали это произведение, - с улыбкой попросила преподавательница.

Я рассказала, стараясь передать все оттенки. Гораздо подробней, чем говорила о своем исполнении. После того, как я замолчала, Санна Линдберг снова окинула меня задумчивым взглядом, словно пыталась разглядеть сокровище, а потом произнесла:

- Вы очень точно уловили суть моего исполнения. И очень хорошо передали суть своего. Не идеально, конечно, но мы над этим поработаем. Видение у вас весьма необычное. Но мне это нравится. Чувствую, работать нам с вами будет интересно.

Метресса снова улыбнулась, затем устроилась рядом на стуле, взяла с рояля нотный сборник, раскрыла его, поставила передо мной и сказала:

- Теперь я бы хотела посмотреть, как вы читаете с листа.

Оставшееся занятие преподавательница давала мне то одно, то другое задание, по мере выполнения поясняя, направляла. Из ее объяснений я узнала, что от степени точности владения даром зависит ясность и четкость восприятия слушателями той информации и эмоций, которые исполнитель закладывает в свою музыку. Поэтому над точностью нужно долго и упорно работать, доводя ее до ювелирного совершенства. Не просто играть ноты, а наделять их частичкой души. В моем случае максимально четко стараться передать, что вижу, пропуская через себя. Со временем, по заверениям, метрессы Линдберг, я должна была научиться с помощью этого самого ювелирно-точного управления менять не только чужое восприятие музыки, но и свое, чтобы быть способной играть совершенно в разной манере одно и то же произведение и, соответственно, выплескивать совершенно разные эмоции вне зависимости от характера исполняемой музыки.

К концу урока мне предоставили три нотных сборника, наказав выбрать пять произведений на первое время, с которых мы начнем практиковаться: приобретать и оттачивать управление даром. Покидала кабинет я, прижимая сборники к груди, окрыленная и преисполненная намерения приступить к выбору сегодня же после оставшегося занятия, до зуда в пальцах хотелось попробовать и увидеть новые созвездия нот. Метресса Линдберг провожала меня понимающей улыбкой, а знакомец-рояль покровительственно-суровым видом: мол, смотри не оплошай, чтобы мне стыдно не было откликаться на неподготовленные, неотработанные движения.

Следующей парой значилась гармония метрессы Айморе Дели, как оказалось кругленькой аккуратной женщины, милой и приятной, которая могла бы быть символом собственного предмета. Невзирая на собственную некоторую полноту и маленький рост, она олицетворяла порядок и выверенность. В ее движениях не было ни одного лишнего или ненужного, ее одежда демонстрировала безупречный вкус, лазурный голос тек спокойной рекой без намека на бурное течение, плавно огибая преграды и располагая аудиторию к тишине и вниманию.

Это занятие, как и предыдущее, показалось мне невероятно интересным. В аудитории стояла полнейшая тишина, пока лазурная река, мягко огибая каждого, струилась в просветах между стульями и студентами. Уровень сложности, в сравнении со школьным сольфеджио, был гораздо выше, но метресса Дели сразу успокоила нас тем, что повышаться он будет постепенно, и если на занятиях лениться не будем, то успех нам гарантирован.

- Гармония любит точность, пунктуальность и внимательность, - такими словами напутствовала нас Аймора Дели, провожая с занятия.

Выходя из аудитории, я планировала быстро пообедать, а потом просмотреть нотные сборники, чтобы после трех часов пополудни уже точно знать, что именно я хочу услышать и увидеть в первую очередь. Но моим планам не суждено было сбыться. Навстречу мне уверенной очень женственной походкой, с грацией пантеры шла Милдред, секретарь проректора Маркаса Двейна. Отыскав меня взглядом, она под удивленными и восхищенными взглядами парней нашего потока направилась прямо ко мне.

- Оллема Таллия, проректор просил вас зайти к нему немедленно, - произнесла она своим насыщенным, похожим на выдержанное вино и терпкостью, и цветом голосом. Парни остолбенели и не двигались с места, но их реакция женщину заботила мало. Она вопросительно-ожидательно смотрела на меня.

- Да, конечно, леди Уорд, - кивнула я, выказывая готовность следовать за ней в кабинет проректора. Нас провожал несмелый гул, состоящий исключительно из цветочных девичьих голосов, и восторженные мужские взгляды.

Войдя в свою маленькую приемную, Милдред направилась к своему столу и попутно указала мне на стул напротив:

- Присядьте. Он скоро освободится.

- Спасибо, - поблагодарила я и через несколько секунд тишины все-таки рискнула поинтересоваться. - А зачем лорд Двейн меня вызвал?

В ответ получила понимающую улыбку и хитрый прищур насыщенно-зеленых глаз:

- Неизвестность - худшая пытка для женщины, - с той же улыбкой произнесла женщина-секретарь и следующими словами развеяла полог таинственности, переходя на более простой тон. - Скорее всего, чтобы обсудить время занятий композицией. Так что не переживай. Или ты уже успела что-нибудь натворить?

Взгляд женщины стал испытывающе-заинтересованным.

- Насколько я могу судить - ничего, - ответила я.

- Значит, все будет хорошо, и переживать не о чем, - подмигнула мне рыжеволосая красавица и

погрузилась в бумаги, лежащие перед ней на столе.

Потекли длинные минуты ожидания, за которые я успела передумать все возможные причины того, чем был занят проректор и зачем ему понадобилось звать меня, пока он не освободился. Потом я опомнилась и решила не терять даром времени: какая разница, где просматривать ноты? Открыв первый сборник, стала скользить взглядом по нотному стану, изучая пассажи маленьких черных пятнышек с хвостиками Рассветного и Сумеречного ключей, несущих в себе столько цвета и звука. Милдред работала тихо и только изредка бросала на меня изучающие взгляды.

На десятой минуте и мое занятие, и дела секретарши прервал лаконичный, но напористый стук в дверь. Нет, не в дверь проректорского кабинета - было бы странно и немного нездорово, если бы он стучал в полотно с той стороны - а во входную. Мы с Милдред переглянулись, и она произнесла чуть громче обычного:

- Войдите.

Створка распахнулась и в приемную вошел низенький, абсолютно седой, с солидной лысиной на голове пожилой человек в рубашке с закатанными рукавами, землистого цвета жилете и таких же брюках. Вида он был хмурого и явно неодобрительного. Я вся подобралась под его взглядом внезапно сощуренных глаз, который, впрочем, сверлил меня не долго, устремившись к секретарю.

- Доброго дня, мастер Имон, - поздоровалась та с приветственной улыбкой, от которой растаяло бы не одно мужское сердце. Но только не сердце лорда Имона.

- Какой там доброго, леди Уорд?! Совсем даже наоборот! Срам! Позор! Безобразие! Что творится?! - низкий слегка дрожащий но не от старости, а от негодования, голос цвета коры старого дерева.

- А что творится, мастер Имон? - осторожно поинтересовалась Милдред, не прерывая зрительного контакта с kloчочущим от гнева мастером-кладовщиком.

- Разврат! Бесстыдство! Полнейшее неуважение к Искусству! - с каждым словом старый мастер все активней потрясал бумагой, которую держал в правой руке. На последнем слове листок выскользнул у него из рук и плавно спланировал мне под ноги фронтальной стороной.

Я наклонилась, чтобы поднять его и не смогла удержаться, чтобы не пробежать глазами по строчкам.

Это была докладная. Очень гневная, хоть и целиком выдержанная в сухом официальном стиле, чье содержание очень удивило меня. Докладная гласила:

Первому проректору Консерватории

Вилмара Аберга Мироносца

Лорду Маркасу Двейну

Кастеляна мастера Вилея Имона

докладная записка

Я, мастер Вилей Имон, с прискорбием и негодованием вынужден сообщить Вам, что, направляясь вчера, (первого дня первого осеннего месяца), из малого концертного зала в свой рабочий кабинет, проходил мимо музыкального кабинета номер триста сорок семь. Привлеченный странными звуками, вынужден был наблюдать вопиюще безнравственное и безответственное поведение олламов Консерватории, вверенных Вашему попечению. Означенные оллары предавались развратным действиям, приспособив под свои нужды концертный рояль (1523 года изготовления, мастерской «Каландея», инвентарный номер 463975), не найдя ничего лучше, чем усадить девицу на клавиши инструмента филеем.

Личность девицы опознать не удалось, ибо оллама, скорее всего, из первокурсниц, но имя ее, уверен, легко сможет назвать юноша, в котором я с немалым разочарованием узнал оллама Грейнна, студента четвертого курса исполнительского факультета. При необходимости, могу самостоятельно опознать нарушительницу, для этого достаточно лишь взглянуть на оллем этого года набора.

Будучи застигнутыми на месте преступления, парочка раскаяния не проявила, слушать порицаний и требований явиться в Ваш кабинет не пожелала, а грубо и бесцеремонно сбежала.

Данная ситуация, помимо законного негодования, вызывает у меня два вопроса:

Кто дозволил олламам ровнять Консерваторию с борделем?

Каким образом, лицам, настолько лишенным уважения к Искусству и сему учебному заведению, удалось пройти отбор на обучение в Консерватории Аберга?

В связи с чем, хотел бы рекомендовать:

Оллему, после установления личности, с испытательным сроком перевести на факультет более низкой наполненности дара, с ограничениями по допуску к изучению базовых предметов на время испытательного срока. Ибо она лишь приступила к обучению, силу и ответственность еще толком не осознала, но уже осведомлена о них, и, следовательно, пренебрежение демонстрировала осознанно.

Оллама Грейнна исключить без права восстановления с последующим запечатыванием дара.

Ибо, на мой взгляд, столь аморальное, безответственное поведение среди олламов, что будут в перспективе наделены немалой силой и властью, свидетельствует о полном неуважении к инструменту, Искусству, учебному заведению, в стенах которого им выпала честь пребывать, и собственному дару, что является признаком профнепригодности и может привести к печальным последствиям в будущем. И пресекать подобное следует жестко и безжалостно.

Под всем этим текстом стояла личная подпись мастера Имона и сегодняшнее число. Изумленная я с некоторым, но вполне безобидным запозданием протянула листок его владельцу, который принял его, буркнув «спасибо» и вперил обличающий взгляд в секретаря.

- Уважаемый мастер Имон, вы не позволите мне ознакомиться с содержанием бумаги? – все так же осторожно спросила Милдред.

- Да пожалуйста, если вам так угодно! Мне скрывать нечего! – возмущенно ответил старый мастер и положил докладную на стол леди Уорд.

Та без лишней порывистости и спешки придвинула бумагу к себе и вчиталась. По мере прочтения ее лицо становилось все более удивленным, а брови неумолимо приближались к волосам. К окончанию чтения Милдред отчего-то закусил губу, а потом незаметно для негодующего и бормочущего себе под нос едва слышные ругательства мастера бросила на меня быстрый лукавый взгляд. Я слегка покраснела. Милдред догадалась, что с содержанием докладной я успела ознакомиться, но выдавать меня не стала. Приняв суровый вид, она положила лис перед собой и произнесла:

- Да, мастер Имон, я согласна с вами. Это вопиющее дисциплинарное нарушение. Первым делом, когда проректор освободится, я передам ему вашу докладную.

- Уж будьте добры, леди Уорд, передайте, - громковато сказал мастер Имон.

- Что передать? – раздался голос цвета горького шоколада с другой стороны.

- Докладную, лорд Двейн, - в унисон ответили секретарь и мастер-кладовщик.

- Что за докладную? – нахмурился Маркас Двейн. – Милдред?

Леди Уорд поднялась и, приблизившись, вручила ему бумагу, после чего вернулась на свое место, откуда и стала наблюдать за выражением лица начальника. По мере ознакомления оно становилось все более хмурым, к вящей радости и удовлетворению мастера Имона.

- Вот значит как, - тяжелым, не предвещающим ничего хорошего голосом произнес проректор, дочитав бумагу.

- Именно так, лорд Двейн. Надеюсь, вы не подозреваете меня в клевете?! – ответил на, по большому счету, риторический вопрос старый мастер.

- Нет, мастер Имон, ни в коем случае. Я благодарю вас за своевременно донесенную информацию и обещаю, что виновники будут наказаны, - твердо и весомо произнес Маркас Двейн.

- Я очень и очень на это надеюсь, проректор! – с видом ангела справедливого возмездия кивнул мастер.

Перед тем как покинуть приемную проректорского кабинета, разгневанный и оскорбленный до глубины души мастер выплеснул все свое возмущение и ярость. Он говорил, что ему все равно, кто с

кем спит, но такое вопиющее неуважение его коробит! Возмущает до глубины души! И он хочет... нет, он требует от студента Грейнна подобающего уважения к инструменту!!! И если оллама не заботится о своей репутации - это ее будущее и ее выбор, но заботиться об инструментах консерватории, дающей ей образование, она обязана! Он акцентировал внимание то на том, что рояль - имущество Консерватории, и пусть купят свой, и на его клавиши сажают задницами своих подруг и занимаются с ними своими безнравственными делами, то на том, что музыканты, олламы, В ПРИНЦИПЕ позволили себе столь омерзительное неуважение к инструменту.

Мастер-кладовщик требовал мести и вселенской справедливости для Грейнна, и в его понимании справедливость заключалась в моральном уничтожении оллама силами преподавательского состава, входящего в дисциплинарный совет. Его бы воля, разъяренный мастер потребовал бы для прощтрафившегося студента смертной казни, и в какой-то степени понять его было можно. В своем прочувствованном монологе старый мастер пояснил категоричность собственной позиции: он ведь был не только кладовщиком, вот уже сорок лет он служит в консерватории и бережет, холит и лелеет вверенные ему инструменты, лечит их, латает, дает новую жизнь, возвращая возможность звучать, он знает каждый изгиб, каждую струну, каждую заделанную трещинку. И тут парочка не обремененных принципами студентов приспособливает его детище под плацдарм для поцелуйчиков! А что дальше?! Детей на подшефном ему рояле делать начнут?! Закончат свое мерзкое дело осквернения предмета искусства?!

Возмущению и негодованию мастера Имона не было предела. Он долго мог бы говорить, взывая к чувству солидарности и ответственности проректора и вопия о возмездии, но Маркас Двейн, воспользовавшись паузой, пока тот набирал воздух, твердо пообещал, что предпримет все необходимые меры, чтобы подобного впредь не повторилось, уверил мастера в суровости своего настроя и проводил из приемной, соглашаясь с видением кладовщика.

Когда за чуть поостывшим мастером Имоном закрылась дверь, лорд Двейн задумчиво потер подбородок и вздохнул:

- Милдред, перестань сверкать глазами и кусать губы и вызови мне Грейнна.

- Будешь жестоко пытаться перед казнью? - не сдержав улыбки, поинтересовалась секретарь, а потом, разом посерьезнев, добавила. - Но в целом мастер прав. Распоясался это Грейнн дальше некуда.

Проректор кивнул в знак согласия, а Милдред встала из-за стола и покинула приемную. После ее ухода лорд Двейн наткнулся взглядом на меня.

- Таллия Хейс? А вы что здесь делаете? У вас ко мне какой-то вопрос? - слегка удивленно поинтересовался он.

- Скорее, у вас ко мне, - ответила я. - Это ведь вы меня вызвали.

Проректор, на секунду нахмурился, но потом просветлел лицом и произнес:

- Точно. Я хотел поговорить с вами о занятиях композицией и, собственно, провести первое, пока у меня освободилось время, но, ввиду сложившихся обстоятельств, придется его отложить.

Я кивнула в знак того, что прекрасно все понимаю и возражений не имею.

- Тогда я могу идти? - уточнила я.

- Конечно, идите, - ответил лорд.

Встав с насиженного места, попрощалась с проректором и, выйдя из приемной, направилась в столовую. Обед еще не закончился, я вполне успевала, жаль только, что явление старшего повара мастера Аодха пропустила. Хотя, если задуматься, то не так уж и жаль. Ради увиденного зрелища я готова была пропустить и сам обед. Теперь, зная, что отвратительному Грейнну воздастся хотя бы за что-то, мне стало как будто легче, а когда вспоминала искренне и по делу негодующего мастера Имона, еще и веселее. Признаться, возмущение его хоть и являлось справедливым и обоснованным, в то же время было и забавным, и вызывало улыбку.

Думать, что произошедшее в кабинете проректора и предшествовавший этому инцидент, освещенный в докладной, останутся в секрете было, бы глупо. Да я и не надеялась, прекрасно понимая, что в закрытом обществе слухи разлетаются со скоростью одной тридцать второй ноты. Но я не собиралась становиться этому причиной. Боясь расстроить подругу еще больше я ни словом не упомянула об увиденном и услышанном, но этого и не понадобилось: сплетня разлетелась и без моего участия. Иначе и быть не могло, ведь мастер-кладовщик Имон не скрывал своего недовольства и охотно делился с коллегами, выплескивая бурлящее негодование. Да и Милдред, я уверена, с кем-то да поделилась произошедшим. А там кто-то из студентов услышал, кто-то увидел - и покатилося. К ужину здание консерватории наполнили возбужденные шепотки студентов, многозначительные улыбки, хихиканья и блеск глаз.

Я искренне переживала за Нию, потому решила все ей вечером в подробностях рассказать. Пусть лучше от меня, чем от какой-нибудь язвительной девицы-воздыхательницы Грейнна, считающей, что официальная пара оллама находится в неведении и ожидающая публичных слез и истерики в ответ на свои слова.

Однако планы пришлось пересмотреть. В зале столовой царил обычный гул, сопровождающий прием пищи. Мастер Аодх уже давно удалился. За нашим столом было непривычно тихо: Ния молча ела, смотря в тарелку, как за завтраком и за обедом, не обращая внимания ни на что, кроме еды, Кеннет тоже был необычно тихим и излучал странное суровое довольство. Мы с Делмой пытались поддержать разговор и привлечь к нему друзей, но безуспешно, так что наши старания постепенно сошли на нет. Вдруг гул в столовой затих и в воцарившейся тишине отчетливо стал слышен размеренный стук каблучков. Я повернулась на звук и увидела Милдред, приближающуюся к столу уверенной, полной достоинства, грации и женственности походкой. Причина тишины стала понятной. Остановившись у нашего стола, она произнесла:

- Приятного аппетита, оллемы, - после чего перенесла все свое внимание на парня и добавила. - Оллам Кеннет, будьте так добры, следуйте за мной. Вас немедленно ожидает первый проректор.

Парень кивнул и поднялся из-за стола, выражая готовность идти за секретарем, после чего все так же в полной тишине они удалились. Как только створка за ними прикрылась, возбужденный искрящийся оттенками эмоций гул снова заполнил пространство.

- Интересно, что произошло, что проректор Двейн вызывает Кеннета? - задумчиво проговорила я, снова поворачиваясь к тарелке.

- В общем-то есть за что, хотя я считаю, что Кнет поступил правильно, - тихо ответила Делма.

- Ты о чем? - спросила я, удивленно смотря на подругу.

Бросив быстрый взгляд в сторону Нии, Делма выдохнула и ответила:

- Кеннет самым доступным способом объяснил Грейнну, насколько тот был не прав.

- В каком смысле? Они подрались, что ли? - я удивилась еще больше, и даже Ния оторвала взгляд от тарелки, устремив его на рассказчицу.

- Подрались? - флейтистка презрительно фыркнула, и презрение адресовалось явно не Кеннету. - Нет. После того, как Кнет хорошенько дал поганцу в нос, тот и не думал драться или отвечать, молча поднялся и ушел в лазарет.

Теперь становилось понятным странное поведение Кеннета за столом: он держал ложку левой рукой, правой опираясь на скамью, вне нашей видимости. Видимо, не хотел показывать разбитые костяшки.

- О нет. Это все из-за меня, - прошептала Ния.

- Какие глупости! - не выдержав, яростным громким шепотом ответила ей Делма. - Кеннет на уровне инстинктов защищает девушек, у него это в крови! Ты еще скажи, что чуть ли не сама Грейнну нос сломала!

- Нос Грейнна мне безразличен. Я боюсь, как бы у Кеннета не было из-за этого неприятностей, - пояснила Ния.

- Не бойся, если и будут, то совсем небольшие, - вздохнула я.

Обе девушки вопросительно повернулись ко мне. Пришлось рассказать, какой сцене в приемной проректора стала свидетельницей. Рассказывала в красках и максимально подробно, так что даже Ния под конец улыбнулась, а Делма едва сдерживала смех.

- Да, старый Имон очень трепетно относится к музыкальному инвентарю, - хихикнула флейтистка, после чего разом посерьезнела и спросила:

- Ты тоже это видела, Ния, верно? Поэтому с самого утра такая расстроенная?

Солнечная девушка кивнула.

- Да. Видела. Вы с Кеннетом были правы, как ни больно мне это признавать, - тихим бледным голосом ответила вокалистка.

Делма тяжело вздохнула. Ей тоже было тяжело видеть подругу в таком подавленном состоянии, но потом она перевела взгляд на меня и, сощурившись, задала вопрос:

- Ты тоже знала?

Я кивнула

- Почему не сказала?

- Делма, ну ты сама подумай, тебе было бы приятно, если бы я рассказывала подобные события из твоей личной жизни, пусть даже и друзьям? – тихо ответила я вопросом на вопрос.

Флейтистка вздохнула и потупилась. Признавая мою правоту.

- Уверена, Ния бы сама вам все рассказала, когда решилась бы. Ведь так? – обратилась я к солнечной девушке.

- Все верно. Просто сегодня мне еще очень тяжело говорить об этом, - ответила подруга.

За нашим столом снова повисло молчание. Каждая снова погрузилась в свои мысли. Я чувствовала злорадное удовлетворение оттого, что Грейнн получил по носу в прямом и переносном смысле, и переживала за Кеннета. Нет, где-то в глубине души я понимала, что Маркас Двейн - умный мужчина и сходу разберется в ситуации, поэтому чересчур суровым наказание не будет, но тревога все равно не давала покоя. А еще рапирала благодарностъ к парню, заступившемуся за подругу, и искреннее им восхищение.

Глава 5

Кеннет Берглунд сидел в кресле по ту сторону проректорского стола и хмуро молчал. Молчал и Маркас Двейн. Первым тишину нарушил последний, оценив выдержку студента:

- Оллам Кеннет, мне никогда ранее не приходилось сомневаться в вашем благородии, - произнес мужчина.

Парень поднял спокойные глаза на мэтра, ожидая дальнейших слов.

- Я так понимаю, у вас были причины поступить так, как вы поступили, но это не отменяет того факта, что вы нарушили правила поведения в консерватории Аберга, за что полагается дисциплинарное наказание.

Кеннет все так же спокойно кивнул:

- Я осознаю это, мэтр Двейн.

Проректор вздохнул. Ох уж эти студенты с их разборками. Только их потасовок из-за обиженных оллам ему и не хватало. Будто забот у него мало! Нахмурившись, он вынес вердикт:

- Вы поступаете в распоряжение мастера Имона на неделю. Он найдет, чем занять ваше внеучебное время. И, я надеюсь, больше подобного не повторится.

Кеннет никак не поддержал и без того шаткой проректорской надежды, промолчав и снова просто кивнув.

- Можете идти, оллам Кеннет, - разрешил мэтр, после чего студент поднялся с кресла и покинул проректорский кабинет.

Маркас Двейн потер переносицу усталым жестом, прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Что же за день сегодня такой? Сначала мастер-кладовщик со своим праведным гневом, вполне оправданным, если посудить. Потом беседа с олламом Грейнном о пользе расставляемых приоритетов и заботе о собственном моральном облике. Теперь еще и драка. Весело начинается год. Первый проректор вздохнул и стал размышлять о том, что студент Грейнн держал себя с куда большим раскаянием и сразу признал за собой вину, в отличие от оллама Кеннета, который излучал лишь мрачное удовлетворение от собственного поступка. Но интуиция говорила проректору, что стоит присматривать за этими двумя, причем если третьекурсник всегда казался лорду Двейну парнем порядочным и надежным, то о выпускнике исполнительского времени от времени ходили не самые лестные слухи, хоть он и был лучшим на своем факультете и на занятиях всегда вел себя безукоризненно - преподаватели, особенно женская их половина, нарадоваться на него не могли. Личность девушки, по словам мастера Имона, осквернившей своими телесами проводник искусства, так и осталась нераскрытой. Что ж, в любом случае за подобные действия в первую очередь наказание должен нести мужчина. Лорд Двейн был уверен, что своего страха первокурсница натерпелась с лихвой, а если нет, то попадетсa на чем-нибудь еще и уж тогда получит заслуженное наказание.

В открытую створку постучала секретарь.

- Маркас, я чай заварила. Будешь? - спросила она.

- Давай, - согласился, не открывая глаз, мужчина.

Милдред, с чашкой в руках приблизилась к столу, поставила перед начальником сосуд и опустила в кресло для посетителей.

- Что-то оллары раньше времени стали фортели выкидывать. Обычно только к зимним экзаменам разогреваются, - отметила с улыбкой женщина.

- Милдред, не напоминай, - открывая глаза и протягивая руку за чашкой, поморщился первый проректор. - Хотя меня удивляет, что сцепились два, по сути, беспроблемных молодых человека.

- Маркас, ты же сам понимаешь: когда речь идет о девушке, беспроблемность мужчин тает, словно роса под палящим солнцем.

- Еще бы мне этого не понимать! Ты сама-то в курсе, кого они там не поделили? Ту вчерашнюю барышню, которую Грейнн, как там мастер Имон выразился, «усадил на клавиши инструмента филеем»? - поинтересовался лорд Двейн, делая первый глоток травяного сбора.

- Нет, дорогой. За ту девочку Кеннет не стал бы сбивать кулаки, - с улыбкой ответила Милдред. - Тут дело в том, что Грейнн состоял в постоянных отношениях с Орнией Бэрк, вокалисткой-третьекурсницей. Ты знаешь ее. Очень светлая девочка. И близкая подруга оллары Кеннета. Новости о вчерашнем происшествии разлетелись быстро. Мастер Имон ни от кого не скрывает своей злости. Вот мальчик и решил вступить за честь подруги.

- Взыграло ретивое, - понятиливо кивнул Маркас.

- Что-то вроде этого, - подтвердила Милдред и после небольшой заминки спросила. - Как прошли беседы с олларом Грейнном и олларом Кеннетом?

Проректор ухмыльнулся. Воспитательные беседы он всегда проводил за закрытыми дверями, но Милдред была истинной женщиной и тайн, кроме собственных, не переносила ни в каком виде. Да и скрывать тут особо нечего.

- Грейнн выказал раскаяние и получил распоряжение в ближайшую неделю во внеучебное время помогать в библиотеке, а Кеннет был угрюм и совершенно не считал себя виноватым, так что отправился в распоряжение мастера Имона, - ответил Маркас.

- Не знаю, дорогой. Кеннет мне нравится гораздо больше Грейнна, - с сомнением протянула секретарь.

- Это потому, что он представляется тебе окруженный светлым ореолом рыцарства? - приподняв бровь уточнил лорд Двейн.

- Может быть, - не стала спорить женщина. - Но Грейнну ты дал наказание легче.

- Он свое получил, Милдред, тебе не кажется? - спросил начальник.

- Нет. Я бы добавила, - тряхнула рыжей шевелюрой секретарь, блеснув изумрудными глазами.

- Я и не сомневался в твоей доброте, - улыбнулся Маркас.

* * *

Грейнн Бойл сидел на своей кровати и изредка шипел, когда оллама Идаоин, свежезачисленная вокалистка, меняла ему примочки под левым пострадавшим глазом и на еще более пострадавшем носу.

Мрак побери этого Кеннета! Какого драного вепря он вообще полез не в свое дело?! Раскатал губу на солнечную Орнию? Подумал, что если отстоит ее честь, она посмотрит на него с большей благосклонностью? Мразь!

Зато теперь понятно, почему Орния была с ним так холодна. Странно только то, что она отбрила его раньше, чем поползли сплетни. Это может значить только одно: она видела его с Идой собственными глазами. Это плохо. В этом случае заставить поверить его словам будет куда как

трудней. Но он справится. Эта девочка всегда верила ему, даже когда друзья говорили ей обратное, она не ставила его честность под сомнение. Да, ее было легко обманывать, но какой у него был выбор?! Ему нужна Орния Бэрк. Нет, не конкретно она. Ему нужна оллема со средним уровнем дара из хорошей семьи. Но он, Грейнн, всегда привык выбирать самое лучшее, а лучшей в консерватории была именно она, солнечная девушка, в лучах которой грелись не только студенты, но и преподаватели. Ему нужна достойная партия с безукоризненной репутацией, представительница его круга, располагающая к себе. Орния Бэрк именно такая. Ну а приятным бонусом к прочему прилагался тот факт, что солнечная девушка нравилась всем вокруг, с естественной легкостью вызывая в мужских душах крепкую привязанность и даже любовь, что могло бы быть ему крайне полезно в будущем.

И вообще, чего она ждала?! Они вместе почти год. Он здоровый молодой мужчина, близость с женщиной ему необходима. И если Орния не может ему дать, то, что ему нужно, почему бы не получить это в другом месте? Он ведь щадил ее чувства, всегда опровергал все слухи и старался быть осторожным. Все только ради нее. Ради ее спокойствия! А она, увидев как он единожды оступился, сразу вздумала отречься от него? Не выйдет, милая! Оллема Орния его по праву, на зимних каникулах он планировал представить ее родителям как свою невесту. Нет. Этой птичке он не позволит выпорхнуть из его рук. Он будет очень убедителен. Орния никогда не могла устоять перед ним, всегда верила - не сможет и сейчас. Солнечная девушка нужна ему, она выгодная партия и станет верной и преданной женой, а гулящие особы в спутницах жизни ему ни к чему, ему нужен надежный тыл, чтобы спокойно строить карьеру.

Холодный пропахший какой-то гадостью кусочек ткани сменил такой же, только нагретый, ссадина зашипала, Грейнн резко вдохнул.

- Прости, милый, - пролепетала первокурсница Ида. - Тебе очень больно?

Большие влажные глаза, полные восхищения и чувства вины смотрели на Грейнна с надеждой.

- Заживет, - делано-безразлично произнес он, а сам подумал: «Дура! Конечно больно! Чего вообще такие глупые вопросы задавать?!».

- Ах, Грейнн, ты такой смелый. Я знаю, тебя вызывал проректор. Он определил тебе наказание? - одну руку, не занятую примочкой, девушка в порыве чувств прижала к вздымающейся груди

- Да. Неделя в библиотеке, - коротко ответил студент, отмечая, что вздымается она весьма и весьма аппетитно.

- Но ты не назвал моего имени... - глаза Иды стали лучиться таким неподдельным восторгом, что парень неосознанно приосанился. - Ты мой герой, Грейнн! - возбужденно произнесла девушка громким шепотом, наклоняясь ближе нему.

- А герою полагается награда? - загадочно приглушенным голосом, стараясь, чтобы отек в носу не резонировал, создавая гнусавый звук, поинтересовался Грейнн, подаваясь ближе к оллеме.

Идаин робко улыбнулась и первой прикоснулась к губам парня. Глупая, неумелая, наивная, но очень и очень благодарная. И почему бы ему не принять эту благодарность, раз уж он действительно не назвал ее имени проректору, да и, судя по всему, свободен сегодня от отношений. Нет, давнишняя занятость его не останавливала, но сегодняшние обстоятельства только добавляли пикантности.

Мысленно благодаря коменданта мужского общежития, господина Лью, вовсе не такого строгого, как госпожа Кин, и справедливо полагающего, что если девушка приходит к парню в комнату, то это ее репутация и ее право, и сквозь пальцы и монеты глядевшего не только на дневные, но и гораздо более поздние посещения прекрасной половиной вверенной ему территории, Грейнн резким движением переместил оллему Идаин к себе на колени. Благодарность обещала быть сладкой.

* * *

Я сидела в музыкальном кабинете за роялем и ожидала мэтра Маркаса Двейна. Расписание занятий по композиции было окончательно утверждено: они должны были проходить дважды в неделю с разрывом в три дня. Кабинет был другим, как и рояль. Нет, визуально он был очень похож на моего молчаливого учителя, почти как брат-близнец, но я знала, что он другой, и как будто чувствовала настроенно-оценивающее настроение инструмента, словно изучающего меня. Прикасаться к клавишам не торопилась, еще успею познакомиться. Да и по какой-то неясной причине не хотелось, чтобы Маркас Двейн заставал меня за игрой. Все-таки музыка, исполняемая в одиночестве - очень личное дело, и когда оказывается, что тебя слушали, появляется ощущение

душевной наготы и нервозности. А кому приятно обнажать сокровенное? Правда, я и сама грешна, но ведь Даррак Кейн не знает, что это была я, да и вообще может не догадываться, о том, что кто-то слышал его музыкальную исповедь.

Мэтр запаздывал, и мысли стали двигаться все в более хаотическом направлении, перескакивая с одного на другое, с интереса, как будет проходить урок и где может задерживаться Маркас Двейн, на недавние события. Через день закончится срок отбывания дисциплинарного наказания Кеннета. Неприветливый и грозный мастер Имон, всегда смотревший на студентов, приходящих к нему с инструментами или за ними, исключительно подозрительно, узнав, от чьей доблестной руки зажегся фонарь под глазом осквернителя Грейнна и был сломан нос, отнесся к студенту со всей душевной широтой и теплом. Так что стало затруднительно сказать, чье наказание было легче: Грейнна, дышавшего библиотечной пылью преимущественно ртом, ибо отек на носу был неслабый, от которой не только подбитый, но и здоровый глаз постоянно слезился, и таскавшего тяжеленные талмуды, а то и стопки фолиантов из одного отсека помещения в другой – по случаю выделения временного помощника мастер-библиотекарь Мазуин затеял генеральную уборку и ревизию. Или Кеннета, которого отштенный кладовщик в дружелюбной обстановке посвящал в тонкости своего ремесла, обучая правильно определять болезнь инструментов и выбирать оптимально верный метод лечения. К тому же, мастер Имон не возражал, когда к Кеннету присоединялись после занятий друзья, чем мы с Нией, Делмой и Кейдном с удовольствием пользовались: старый Имон знал множество интересных вещей – и не только о музыкальных инструментах.

Проректор появился в кабинете с небольшим опозданием.

- Доброго утра, оллема Таллия, – поприветствовал преподаватель.

- Доброго утра, метр Двейн, – ответила я, поворачиваясь на винтовом табурете к преподавателю.

- Как продвигается знакомство с консерваторией? – спросил метр Двейн, садясь на один из двух стульев, стоящих рядом с небольшим столом напротив инструмента.

- Благодарю вас, хорошо, – улыбнулась я в ответ.

- Первые шаги всегда несмелые, оллема Таллия. Старайтесь, и у вас непременно все получится, – подытожил он обмен любезностями и продолжил:

- Итак, уроки композиции. Ближайший месяц они будут только дважды в неделю. Мне нужно оценить каждого студента. Но потом, когда ваши возможности и возможности ваших сокурсников будут для меня более ясными, и основная масса студентов-композиторов получит других кураторов, частота занятий композицией увеличится до трех раз в неделю.

Я кивнула в знак того, что информацию приняла к сведению.

- Хорошо. Теперь перейдем, собственно, к самому понятию композиции, – лорд Двейн сел поудобней, а я раскрыла тетрадь и взяла карандаш, чтобы конспектировать самые важные тезисы его лекции.

- Нет, оллема, писчие принадлежности можете пока отложить. Этот предмет больше практический, чем теоретический, так что они вам понадобятся только для записи нот, – улыбнулся моему энтузиазму Маркас Двейн.

Я слегка покраснела и отложила тетрадь и карандаш, сложив руки на коленях и приготовившись внимать. Отчего-то было слегка неловко.

- Способность создавать музыку души не часто встречается, – продолжил мэтр, отметив мою готовность короткой улыбкой. – Исполнять уже написанную музыку с продуманными оттенками и запечатленной историей всегда легче, для этого не требуется дар самого высокого уровня, нужно лишь уметь пропускать мелодию сквозь себя, насыщать ее собственными эмоциями. Музыка души не пишется, она рождается из глубины сердца оллема. Мое дело не научить вас производить на свет мелодию – судя по тому, что я слышал, вы это уже умеете – а облегчить понимание процесса, разъяснить взаимосвязи, чтобы вы понимали причины и следствия, разделяли их и могли писать так, как вам хотелось бы, но с меньшей затратой сил и большим откликом.

Лорд Двейн сделал небольшую паузу, убедился, что я слежу за ходом урока, и продолжил:

- Хочу сразу вас предупредить, оллема Таллия, что подобные уроки требуют определенной степени доверия, которая не может быть заслуженна за столь короткое время знакомства, но без нее никуда, – я напряглась. – Мне нужно, чтобы вы не боялись при мне играть вашу собственную музыку.

Преподаватель сделал паузу, пристально смотря на меня своими почти синими сейчас глазами. Я словно окаменела. Черно-бархатный нежный голос мужчины не вызывал опасений или страха, но настороженность перед незнакомым человеком я вот так в одно мгновение искоренил в себе не

могла. Только как об этом сказать метру?

Я не успела подобрать слов или открыть рот, чтобы сказать что-то неуверенное и полное сомнений. Маркас Двейн меня опередил:

- Оллема Таллия, я не прошу вас поверять мне свои секреты или сокровенные мысли. Мне нужно, чтобы вы могли играть в моем присутствии свою музыку, идущую из вашего сердца, - голос преподавателя был успокаивающим и обволакивающим. Только присутствовало ощущение, что этот мягкий замшевый кокон не позволит мне послушаться воли своего обладателя.

Если проректор хотел меня успокоить, у него не получилось. Музыка ведь гораздо интимней слов. Слова не могут передать чувства так же полно и всеобъемлюще, как мелодия.

Видя мою реакцию, мэтр вздохнул и произнес:

- Попробуйте, Таллия. Я не прошу вас о невозможном. Поделитесь тем, чем на данный момент можете поделиться, - вслед за этими словами он сделал приглашающий повернуться обратно к роялю жест.

Я медленно развернулась, следуя указанию, и откинула черную крышку. Поделиться тем, чем могу? А чем я могу поделиться? Я еще никому не играла своей музыки. Даже семье. Только дважды ее услышали люди, причем совершенно чужие для меня: сам Маркас Двейн и Даррак Кейн, выпускник композиторского. Насчет второго я не переживала, услышав мою музыку, он, в каком-то смысле, сквитался со мной, подслушавшей его собственную, хоть и не знал об этом. А вот при мысли, что придется обнажить душу перед проректором, внутри все сжималось от протеста. Наверное, мне было бы гораздо легче обнажить тело.

С большей, чем обычно, силой размяв пальцы, занесла кисти над клавиатурой. Несколько мгновений сомнений. Мизинец на левой руке подрагивал от напряжения. Успокаивающая черно-белая палитра передо мной не была ободряющей, но такой неизменной, такой знакомой, что поневоле напряжение стало отпускать. Быстро перебрав в голове мелодии, остановилась на той, что несла радость: радостью всегда легче делиться, чем грустью. Легко и неслышно выдохнув, коснулась пальцами правой руки клавиш первой октавы, перебирая их одну за другой с разными интервалами. Тональность Солнечный Аметист на серебряной нити расцветивала пространство фиолетовыми цветами. По комнате разлилась весна, цветущая сиренью. Мелодия была простой, без лишних изысков, только такая и могла рассказать о простых ежедневных радостях, которые замечаешь только после того, как лишаешься их, и о том ощущении благодарности и легкости, которое приходит, когда они возвращаются. Простой аккомпанемент левой руки, путешествующий по аккордам главных ступеней гаммы, призван нежно оттенять мелодию, не привлекая к себе лишнего внимания, но и он красив в своей переливчатости и точности. По крайней мере, мне так слышится. Чем хороша игра своих мелодий для себя? Я не должна никому объяснять, почему так или иначе, убеждать или заставлять верить, я и так интуитивно понимаю, почему и как звучат именно эти ноты. Я не должна смущаться за свои ассоциации и видение. Именно поэтому мне не нравится показывать свои мелодии другим.

Убрав все повторы, я сократила музыкальную историю на столько, насколько могла. Последние нежные сиреневые звуки стихли, как только я убрала ногу с педали и руки - на колени, где они произвольно сцепились в замок. В кабинете повисла тишина. Я и рада была бы, если бы она так и осталась в своих правах, но голос цвета горького шоколада легко развеял ее:

- Вот видите, оллема Таллия, не так уж и страшно, - в звуке этого голоса серебристым отсветом почудилась улыбка.

Я повернулась, но улыбки не увидела. Лорд Двейн был спокоен и уравновешен. Я снова повернулась к роялю, в ожидании его слов.

- Оллема, я хочу, чтобы вы поняли. Мне нужно было услышать вашу игру не для того, чтобы ее оценивать. Не сейчас. А для того, чтобы вы начали хоть немного доверять мне. Иначе как мне учить вас раскрывать душу?

Услышав такие слова, я снова повернулась, но на этот раз мое лицо отражало не напряженное ожидание, а удивление. Маркас Двейн только усмехнулся и продолжил:

- У вас очень неплохо получается. Я ощутил вашу радость.

Похвала яркими лепестками накрыла щеки.

- Вы раньше никому не играли свою музыку? - догадавшись, спросил метр.

- Это так заметно? - негромко ответила вопросом на вопрос я.

- Да. Заметно, - кивнул первый проректор. - Обычно те, кто, так или иначе, представляют свою музыку, смущаются мене интенсивно.

Я улыбнулась формулировке мужчины.

- Вы хотите научиться писать такую музыку, которая пронизывала бы сердца слушателей вашими чувствами? - спросил он.

Я бы очень, очень этого хотела! Если бы только я умела передавать то, что чувствую сама, чтобы объяснения были ни к чему, а о разнотолках и думать не приходилось, тогда я, без сомнения, хотела бы поделиться своими мелодиями. Этого всего я не могла сказать преподавателю, поэтому ответила все так же тихо:

- Да. Я бы хотела.

- Вот и хорошо. Тогда я вас научу, - голосом, полным уверенности, произнес Маркас Двейн.

Остальное время урока прошло быстро и незаметно: я играла это же произведение, прислушиваясь к рекомендациям преподавателя, стараясь отрешиться от всего окружающего, видеть только себя и инструмент, играть так, будто никого нет, и я хочу подарить эти чувства тишине. Ведь тишина - благодарнейший слушатель, она вбирает в себя каждый звук, поглощается им и обретает себя вновь после затухания последней ноты, но уже наполненной иным смыслом и настроением. Тишина важна в музыке не меньше, чем звучание.

Нет, что-то из этого я знала и раньше, но Лорд Двейн рассказывал о тишине так, будто она была одновременно и живой субстанцией, и приправой, без которой музыка не так вкусна. К концу урока я настолько увлеклась, стараясь вспомнить и передать те эмоции, что чувствовала, когда эта мелодия появлялась, что перестала испытывать неловкость.

Когда занятие подошло концу и я, поблагодарив метра, уже подошла к двери, намереваясь покинуть кабинет, проректор остановил меня и спросил:

- Оллема Таллия, мне было бы интересно узнать, что же вызвало в вас чувство светлой искренней летящей радости, которая наполняет эту мелодию, если это не тайна, конечно.

Поколебавшись секунду, я взглянула в глаза преподавателя и увидела в них спокойное принятие моего решения, каким бы оно ни было. Может быть, поэтому я и ответила:

- Той весной мама оправилась после долгой болезни, и в наш дом снова вернулся смех.

Маркас Двейн благодарно кивнул и отпустил меня.

На сегодня это было последнее занятие, и я отправилась на обед, чтобы после него и небольшого перерыва снова вернуться на третий этаж к уже хорошо знакомому роялю. Режим дня у меня уже вполне устоялся и как нельзя лучше устраивал меня. За эту неполную неделю Ния потихоньку снова становилась собой: солнечной улыбчивой девушкой, при появлении которой даже самые мрачные тучи чужого настроения рассеивались. Грейнн это время не давал о себе знать и как будто нарочно исчез из ее поля зрения. Слухи доносили, что отек и синяк сходят довольно активно, возвращая парню его первоначальный облик. Ния слушала рассказы о нем спокойно и с вежливой улыбкой на лице, если находились доброжелатели поделиться новостями, и даже благодарила, но было видно, что ей состояние физического здоровья лучшего исполнителя одноименного факультета безразлично. Поговаривали, что увечный не остался без женского участия и утешения, но и это не огорчало подругу. Она как будто вычеркнула этого человека из жизни, снизив его значимость до уровня знакомого знакомых и так еще пару раз. С того памятного первого учебного дня Ния больше ни разу не заплакала.

Обед, как всегда, прошел в теплой компании соседки по комнате, Делмы, Кеннета и Кейдна, последний был парнем довольно молчаливым, но если уж говорил, то непременно попадал в самую суть; полезное качество для музыковеда.

После приема пищи мы все компанией уже традиционно шли в кладовую мастера Имона, который привычно встречал нас нарочито-недовольным прищуром:

- Оллам Кеннет, опять вы привели свою банду!

- Что вы, уважаемый мастер Имон, какая из них банда! Поглядите, какие лица честные - сплошное расстройство! - с улыбкой ответил скрипач.

- Знаю я эти честные лица! Небось, перед зеркалом полдня репетировали, - проворчал старый мастер и улыбнулся: - Проходите уже. Для всех работа найдется.

У мастера-кладовщика, как мы выяснили, было непреложное правило: в мастерской бездельником и зевакам делать нечего. Так что оставаться он разрешал только при условии, что наши праздные глаза и руки будут заняты пусть и самой мелкой, но работой. Кладовщик с уверенностью утверждал, что все зло берет свое начало именно из праздности. Мы не возражали, тем более, что девочкам трудной работы мастер Имон не давал - так, для порядка и успокоения собственной совести: перебрать и рассортировать струны, аккуратно их смотать, на крайний случай пыль протереть, самая сложная работа доставалась, конечно, Кеннету, но тот не жаловался. Ему, как и нам, было интересно. Мы как будто находились в царстве инструментов, где, казалось, сам воздух дышал идеей музыки, а частицы душ мастеров, витали в пространстве, наблюдая за нами. Мастер-кладовщик по мере работы делился с нами историями своих подопечных, с любовью оглядывая их целиком и каждого в отдельности. Многие инструменты не были примечательными и требовали просто заботливого регулярного ухода, другие же были старыми и прошедшими богатый жизненный путь, но, благодаря заботливым рукам, не потерявшими свой звук и смысл существования.

- Уважаемый мастер Имон, - Кеннет обращался к кладовщику только в этой манере. Подхалимством тут даже не пахло, просто при более близком знакомстве парень проникся к старому мастеру действительно безграничным уважением. Впрочем, это было обоюдным действием: кладовщик, считавший, что скрипач-третьекурсник постоял не только за честь девушки, но и музыкального инвентаря, относился к нему со всей благожелательностью и ворчал исключительно по-доброму, больше для отвода глаз. Так что теперь можно было с уверенностью говорить, что Кеннет Берглунд имел налаженные контакты со всеми самыми важными для комфортного пребывания в консерватории людьми. - Давно хотел спросить вас о той скрипке на верхней полке.

С этими словами парень указал на предмет своего интереса: старую мастеровую скрипку, стоящую на застекленной полке слева от нас.

- А что с ней, оллам? - искоса бросив взгляд на инструмент, хитро спросил мастер-кладовщик.

- Вот это я у вас и хотел узнать, уважаемый мастер. Почему такой прекрасный инструмент пылится под стеклом, а не живет в руках умелого скрипача? - ответил студент.

Переглянувшись, мы притихли и стали прислушиваться. Интересно было всем. Эта старая скрипка притягивала к себе внимание с первого шага в мастерскую, она была и вправду очень необычной и с виду совершенно целой.

- Ах, вот оно что, - понятиливо поиграл бровями мастер Имон. - Эта скрипка действительно очень старая. Ее изготовителем был мастер Стайофан еще два столетия тому назад. Сколько знаменитых скрипачей повидала она на своем веку! - мастер замолчал, предавшись внезапно нахлынувшей ностальгии, такое с ним случалось.

- Но почему она оказалась здесь? - решил вернуть его к рассказу наказанный.

- Причина проста и прозаична, как жизнь. Ее последний владелец, безмозглый балбес, как-то напился и в порыве печали и избыточного горя по ушедшей возлюбленной от тоски и безысходности не придумал ничего лучшего, как шарахнуть бесценным инструментом. И вот что я вам скажу, олламы и оллемы: правильно та девица сделала, что ушла! Это ж каким идиотом надо быть, чтобы скрипку Стайофана ударить о стену! Да лучше бы головой приложился, все равно мозгов в ней отродясь не водилось!

К концу своей пламенной речи мастер Имон негодовал так, будто ему только вчера принесли незаслуженно покалеченный инструмент.

- Я несколько лет восстанавливал эту красавицу. Но, боюсь, она уже никогда не будет петь так, как прежде, - старый мастер с неподдельной горечью покачал головой.

- А этот молодой человек тоже учился в консерватории? - спросила Ния, чтобы отвлечь мастера, собирающегося, кажется, впасть в меланхолию.

- Нет, слава небесам! Это был какой-то избалованный богатенький мальчик, даже не оллам. Естественно! Оллам бы себе такого обращения с инструментом не позволил! Хотя, в этом я начинаю сомневаться, - последнюю фразу мастер Имон пробурчал себе под нос едва слышно.

Я тяжело вздохнула. Мастер Вилей Имон был редким обладателем золотых рук. К нему везли инструменты, нуждающиеся в ремонте, не только с окраин, но и из столицы. Он как будто чувствовал каждый инструмент, улавливал его настроение, предугадывал, каким должно быть восстановленное звучание. Непроизвольно я вспомнила своего старого черного друга, покинутого черного лебедя. Этот рояль был старым, очень старым и довольно долго пребывал в совершенно ужасных для подобного инструмента условиях, но почему-то казалось, что если бы мастер Имон взялся за его реставрацию, то лебедь снова встал бы на крыло. Но к чему травить себе душу, гадая о несбыточном? Я попыталась отодвинуть мысли о старом любимом рояле, тем более, что было к чему

прислушаться: Кеннет убеждал мастера дать скрипке шанс снова подарить свое звучание миру, мастер сопротивлялся, но довольно вяло и с интересом поглядывал на вдохновленного идеей оллама.

- Прошу вас, уважаемый мастер Имон! Не скрою, мне хочется попробовать хотя бы подержать инструмент столь знаменитого мастера в руках, но ведь и инструменту хочется звучать. Прошу ради нее, ради скрипки! Ведь больно слышать, как она молчит! – Кеннет был очень убедителен. А судя по лукавому прищурю мастера, особо убеждать его и не надо было.

Услышав последнюю фразу, он расхохотался и кивнул:

- Хорошо, оллам Кеннет, так и быть. Но только ради скрипки. Другому и дышать бы на нее не позволил, но раз вы один из немногих, радеющих за души инструментов, так и быть: дайте красавице спеть.

С этими словами мастер-кладовщик поднялся из кресла и прошел к застекленной полке. Отодвинув предохраняющее от попадания пыли стекло, он взял скрипку обеими руками, развернулся и направился к Кеннету, остановился перед другом, держа на вытянутых руках инструмент, предлагая тому прикоснуться к нему.

Кеннет бережно, словно новорожденного ребенка, принял скрипку у мастера и, кажется, даже задержал дыхание, любясь ее плавными линиями и изгибами. В глазах оллама горел восторг. Я подошла к парню и подала ему только натертый канифолью смычок. Он принял его, не отрывая взгляда от инструмента в своих руках. Встал. Плавным движением, положил скрипку себе на плечо, наклонил голову, чтобы зафиксировать инструмент. Ласкающим движением прошелся ладонью по грифу. Прикрыл веки и нежно коснулся смычком струн, одну за другой, после чего распахнул глаза, одновременно прервав звучание, и выдохнул:

- Идеально настроена!

- Обижаете, оллам! – ворчливо ответил ему мастер, с интересом наблюдая за дальнейшим развитием событий.

Кеннет улыбнулся и уже уверенней опустил смычок на струны, подсказывая той мелодию, старую, как и сама скрипка, и такую же красивую.

Объемный богатый голос инструмента заполнил пространство. На одном из концертов я слышала, как должна звучать подобная скрипка: полно, чисто, сочно, будто легкий ветер. В голосе этой добавилось что-то еще, как будто какая-то сдержанность, но это совершенно не портило звучания. Так прекрасный цвет глаз не портит поселившийся в них грустный опыт, но делает их более загадочными. Как от подобных глаз невозможно отвести взгляд, так и от звука этой скрипки невозможно было оторваться: хотелось пить звучание большими глотками, смакуя каждый. Хорошо известная мелодия разливалась в воздухе отсветами Лунного Рубина на золотой нити. Песня о потухшей любви то яростно сжимала сердце, не давая возможности вздохнуть, то отпускала, шепча прощальные слова, омывая пространство багряной пеной волн былых чувств. Ведь преданную любовь не воскресить в былом ее обличье: зачастую она гаснет и исчезает, оставляя шрам на сердце. Прекрасная мелодия завершилась на прощальной ноте, отпускающей душевную боль, чтобы дать возможность сердцу родить новое чувство.

На какое-то недолгое время пространство мастерской наполнила тишина. Мастер Имон задумчиво смотрел сквозь Кеннета, как будто погрузился в размышления так глубоко, что не сразу заметил угасание звука. Мы тоже не спешили нарушать атмосферу: каждый просто продолжил свое прерванное занятие. Сворачивая очередную струну, я посмотрела на Нию. Подруга задумчиво смотрела на Кеннета, по-прежнему удерживающего скрипку в прежнем положении и не отрывающего взгляда от солнечной девушки. Я опустила глаза на собственные руки. Кольнуло чувство, будто подслушала чужой очень личный разговор.

Вдруг мастер кладовщик громко вздохнул и произнес:

- Хорошая мелодия, оллам Кеннет, но уж больно печальная. Сыграйте чего-нибудь повеселей.

Парень улыбнулся и разорвал зрительный контакт с Нией.

- Повеселей? Повеселей – это запросто! – ответил он и резким движением вернул смычок к истосковавшимся струнам.

И заискрилась мелодия совсем другого характера. Солнечный Гелиодор на серебряной нити играл маленькими зайчиками утреннего ласкового светила, перепрыгивающими с места на место, зовущими, дразнящими, смеющимися и играющими в прятки. Тоже довольно известная мелодия, «Весенняя пора» Гельера, против воли вызывала улыбку, а манера исполнения отдельно взятого скрипача и вовсе заставляла в голос смеяться: Кеннет кривлялся, подмигивал и многозначительно

поигрывал бровями, вызывая не только девичий хохот, но и едва сдерживаемую улыбку старого мастера.

В три часа пополудни мастер Имон, как обычно, выставил группу поддержки оллама Берглунда вон из мастерской, по обыкновению заявляя, что он де тут вообще-то наказание отбывает. Вежливо попрощавшись с мастером и махнув другу, мы разбрелись по разным сторонам: Ния и Кейдн – в общежитие, им было безразлично, где готовиться к завтрашним занятиям. А мы с Делмой – на третий этаж. У подружки с ее соседкой по комнате, виолончелисткой, был составлен график: когда одна занималась в комнате, второй приходилось это делать в консерватории, ну а мне, понятное дело, ничего другого не оставалось. В мою комнату рояль бы не поместился, даже если бы он у меня был.

Прежде чем разойтись по кабинетам, я остановилась и обратилась к подружке:

- Дел, постой, – девушка повернулась и вопросительно посмотрела на меня. – Завтра намечается день открытых дверей на исполнительском. Не хочешь сходить вместе со мной?

В ясных голубых глазах девушки блеснуло понимание. Она улыбнулась и согласно кивнула.

- Конечно, Талли.

Поблагодарив ее на прощание улыбкой, скрылась за дверьми музыкального кабинета, плотно прикрыв за собой створку.

Вечером в комнате, уже после собственных занятий и ужина в кругу одноклассников, живо обсуждающих предстоящее нам завтра событие, отметила непривычную задумчивость соседки: ее обыкновенная рассеянность достигла прямо таки огромных размеров, вещи валились из рук, она то и дело замирала, устремляя отрешенный взгляд в окно.

- Ния, что-то случилось? – не выдержала я, когда, стоя посреди комнаты, девушка в очередной раз выпустила из руки яблоко, которое уже не весело, как в первый раз, а очень даже недовольно покатило под мою кровать.

- Что? – повернулась ко мне солнечная девушка.

- Что происходит, Ния? Ты уже в третий раз роняешь этот несчастный фрукт, – снова задала я вопрос, наклоняясь и поднимая трижды пострадавшего.

- Нет, все хорошо. Просто устала, наверное, – ответила подружка и села напротив, на свое спальное место.

- Уверена? – сочла нужным уточнить я.

- Конечно, просто задумалась. Надо поспать, – выдала невероятно логичное заключение оллема и снова оторвалась от происходящего.

Протерев несчастное поникшее яблоко, со вкусом откусила кусок от его зеленого бока. Громкий звук не привлек ни малейшего внимания со стороны соседки. Вздохнув, решила не терять подружку – расскажет, когда сама захочет – а доест витаминизированное, незаслуженно трижды обиженное яблочко.

Глава 6

Следующий день был очень волнительным: нам предстояло определиться с новым инструментом, знакомство с которым будет происходить с самых азов. Конечно, официально студентам-первокурсникам на это давался месяц, но оказалось, что лучше это сделать как можно скорей, потому что если с инструментом проблем не возникло бы в любом случае – закрома мастера Имона были невероятно обширны и богаты – то с преподавателями дело обстояло с точностью до наоборот. Оставшееся время они, и так нагруженные, всеми силами отбрыкивались от бонусных учеников: такая вот ежегодная игра «кто отобьет себе более свободный график».

Поэтому нервная атмосфера царила не только за завтраком, но и на первом лекционном занятии, заполняя пространство зигзагообразным колким серым гулом.

Мэтр Нуада, молодой преподаватель, читающий нам «Принцип действия музыки души», зайдя в аудиторию и обнаружив не спокойных и собранных, готовых внимать студентов, а взвинченных и возбужденных олламов, громко прочистил горло и, дождавшись сравнительной тишины, произнес своим негромким, похожим на звук перекатывающихся шестеренок голосом:

- Уважаемые олламы и оллемы, я все понимаю, но поверьте: предстоящее вам действо вовсе не так волнительно и судьбомерно, как недопуск к экзамену.

Гул и шепотки мгновенно прекратились, будто их и не было никогда. Несмотря на показавшуюся на прошлой лекции безобидность, внушаемую не только голосом, но и располагающим выражением лица, Ронан Нуада оказался весьма принципиален в определенных вопросах.

Его предмет был одним из основополагающих на нашем курсе, так что мне показалось вполне справедливым с его стороны требовать особого внимания к собственной дисциплине. Еще на прошлом вводном занятии мэтр рассказал нам, что музыка души – это не просто набор звуков, которые воспринимаются через слуховой канал. Это энергия, особая субстанция, имеющая уникальные свойства, благодаря которым она может воздействовать на человеческое сознание и даже проникать в него. Этот предмет был призван разъяснить нам, олламам, с чем именно мы будем взаимодействовать, что будет нашим орудием, методом, всем, чем мы захотим.

Сегодня, дождавшись, когда эффект от сказанного закрепится в студенческом мозге, мэтр Нуада стал рассказывать о тех самых особых свойствах музыки души, отличающих ее от обыкновенной музыки и их характеристиках. По его словам, все это передавалось музыке ее композитором и исполнителем, в большей степени, конечно, последним, потому что непосредственно он извлекает звук из инструмента, но и заслуги написавшего тоже нельзя преуменьшать, ведь именно он определил характер мелодии, направленность и музыкальные оттенки.

Несмотря на довольно молодой возраст, как я узнала от сокурсников (мэтр только в прошлом году окончил аспирантуру), преподавателя было очень интересно слушать, а животрепещущая тема только раззадоривала и укрепляла этот интерес. Лично мне даже сдвоенного занятия показалось мало.

После «Принципа действия», лекции, отвлекшей нас с сокурсниками от каких бы то ни было предвкушений, и занятия физкультурой у мэтра Дойла, имевшего ангельскую внешность, от которой девушки потока на первом занятии едва не расплылись восторженными лужицами, и дьявольский характер, быстро приведший прекрасную половину первого курса в чувство, восторг и предвкушение набрали обороты уже непосредственно в малом концертном зале, где ради знакомства с новыми инструментами была организована живая звучащая выставка. Любопытствующим студентам разрешалось вертеть заинтересовавший их инструмент (только бережно!), пробовать извлекать из него звук (только осторожно!), знакомиться и разглядывать (только под присмотром старших студентов!!!). Оказалось, что в последний момент и Делму на организационном уровне к этому действу привлек куратор, так что теперь она стояла с флейтой в руках и следила за тем, чтобы заинтересованные в ее инструменте олламы обращались с ним крайне почтительно, и показывала, как нужно извлекать из него звуки. На запястье флейтистки за самый конец был подвязан средних размеров платок, которым она протирала накладку после студенческих проб. Послав подруге сочувствующий взгляд и получив в ответ «страшные» глаза, решила осмотреться. Вполне просторное, несмотря на название, помещение, сейчас было освобождено от зрительских кресел, и вдоль стен примерно в двух метрах друг от друга стояли студенты с инструментами в руках, на подставках или на полу, в зависимости от размеров самих инструментов. Чего здесь было звуков! Звуковая палитра, казалось, сейчас перешагнет цветовой спектр, так много абсолютно разных по звучанию и цвету тут витало нот. И только присутствие кучкующихся неподалеку от входа преподавателей не давало набрать происходящему размеры цвето-звукового извержения. Правда расположение почтенных мэтров наводило на мысль, что они и сами не прочь удрать отсюда подальше. Стараясь отрешиться от постороннего шума, чтобы хотя бы мысли свои слышать, я так и стояла, когда вдруг над ухом раздался оранжевый всплеск с хриплыми искорками раза в два громче необходимого.

- Привет, Таллия!

Вздвогнув, обернулась и увидела одноклассника, Байла Фланна. Он стоял рядом и улыбался мне своей невероятной улыбкой. Полюбовавшись последней, перевела взгляд на его серо-зеленые глаза, и ответила:

- Привет, Байл.

- Испугалась? – спросил парень, отметив тот факт, что я вздрогнула. – Извини. Просто здесь так громко, что я опасался, что ты меня не услышишь.

- Ничего страшного, - улыбнулась я.

- Что-нибудь уже присмотрела? – поинтересовался он.

- Нет. Пока стараюсь хотя бы освоиться и оценить обстановку, - ответила я.

- Я тоже еще не определился, - повинился парень, с нарочито скорбным вздохом, а потом будто воспрянул духом и произнес. – Знаю! Давай искать вместе!

Я не смогла снова сдержать улыбки.

- А давай! – поддержала я его затею с тем же преувеличенным энтузиазмом в голосе, и мы решили начать осмотр по часовой стрелке, чтобы потом спокойно и без спешки было близко пробираться к выходу. Идея была выдвинута Байлом и показалась мне разумной и ничуть не хуже возможных других, поэтому я сделала вид, что немного поразмышляла, ввиду важности решения, и согласилась.

Инструментов было много, очень много! Разного вида и голоса, но каждый из них был по-своему красив и важен. Несмотря на шутливое настроение, мы решили не баловаться, пробуя каждый, а подходить только к тем, что действительно нравились больше остальных. Сомневаюсь, что студенты старшекурсники, демонстрирующие эти самые инструменты, оценили бы наш настрой, да и добавлять забот ребятам не хотелось.

В какой-то момент наше внимание привлекла повышенная концентрация девушек в одном определенном месте. Переглянувшись, мы с Байлом направились туда. Интересно же, что там происходит. Подойдя к довольно плотному первому кольцу зрительниц мы заглянули внутрь и увидели старшекурсника, долженствовавшего играть на интересном инструменте, похожем на скрипку с клавишами и гораздо большим количеством струн. Долженствовавшего потому, что как раз сейчас он передавал странную скрипку одной из девушек, показывая как ее нужно держать, какой рукой нажимать клавиши, а какой держать укороченный смычок. Девушка смотрела на оллама со смесью смущения и восхищения на лице и, казалось, совсем не слушала, что именно он говорил, как будто слова сейчас значили для нее гораздо меньше, чем движения его губ и звук голоса.

Вот теперь я поверила словам Нии, утверждавшей, что на Даррака Кейна, выпускника композиторского факультета, в консерватории не смотрит с обожанием разве что госпожа Кин, и то не факт.

Молодой мужчина терпеливо объяснял девушке азы игры на этом странном, но удивительно милозвучном инструменте, смотря той прямо в глаза и наверняка понимая, что она совершенно ничего не слышит. В итоге, вложив в ее пальцы смычок, и сжав их своими, он провел пару раз им по струнам, вызвав раздраженный недовольный отклик - пусть будет - скрипки, после чего снова забрал смычок из в миг ослабевших после такого-то действия пальцев и со сдержанной улыбкой попросил уже ознакомившуюся уступить место для следующего желающего. Девушка кивнула и медленно последовала указанию.

Наблюдая, как схема действий повторяется, что с одной, что с другой стороны, наклонившись к уху Байла я произнесла:

- Интересно, что это за инструмент такой?

- Никельхарпа, - ответил парень и пояснил свою осведомленность, поймав на мой удивленный взгляд. - Я слышал ее как-то раз. Заезжий музыкант давал концерт.

- Звучит очень красиво, - поделилась я впечатлением.

Байл как-то странно на меня взглянул, и перевел глаза на никельхарпу. В этот момент место снова освободилось и, к моему удивлению, следующим желающим попробовать приручить странную скрипку оказался сокурсник. Из Даррака при виде собрата против воли вырвался облегченный вздох. Девушки же прожигали Байла недовольными взглядами из прищуренных глаз, синхронно и практически идентично поджав губы. Складывалось ощущение, что на инструментах моего сокурсника и оллама Даррак, и сама никельхарпа отдыхали. Рекомендации были куда более пространными и подробными, физического контакта с инструктором и подавно никакого. В результате необычная скрипка звучала под пальцами Байла как будто облегченно, если не сказать благодарно. Вполне ожидаемо, что на беседу и демонстрацию инструмента моему сокурснику выпускник композиторского потратил гораздо больше времени, чем удостоились его предшественницы. Увидев, что процесс затянется надолго, девушки нехотя стали расходиться, так что скоро я осталась одна. Даррак бросил на меня подозрительный взгляд, в ответ на который я только улыбнулась и покачала головой: мол, не переживай, не по твою душу, после чего всю подозрительность из взгляда молодого мужчины как ветром сдуло. Движения стали более плавными и раскованными, напряженность и гнев отступили. Судя по всему, такое навязчивое внимание не только не доставляло комфорта и тем более удовольствия олламу, что неудивительно, но еще и изрядно злило.

Подарив мне скупую улыбку, он снова вернулся к Байлу, показав тому простенькую мелодию, которую тому предполагалось повторить. Несколько минут сокурсник воевал с непослушными пальцами, норовящими соскользнуть к другим клавишам, но потом все же справился, после чего победно посмотрел на меня, со сверкающими огненными искринками в глазах и своей неизменной

и такой очаровательной улыбкой. Небеса! Вот зачем мужчинам такая улыбка? Почему вы не подарили ее женщине?

Улыбнувшись в ответ, произнесла:

- У тебя здорово получается. Выглядит эта никельхарпа внушительно и интригующе, - боковым зрением заметила полный иронии взгляд Даррака, направленный почему-то на меня.

- Мне тоже так кажется. К тому же звук у нее такой... завораживающий. Думаю, я нашел свою пару, - ответил мне Байл.

- С чем я тебя и поздравляю, - ответила я, отводя взгляд от его глаз по причине неожиданной неловкости и осматривая зал. - А я вот еще в поиске.

- Будем надеяться, это ненадолго, - ответил мне парень и встал со стула, передавая никельхарпу Дарраку.

Я решила думать, что двусмысленность в огненном, потрескивающем приятной хрипотцой голосе мне показалась и снова стала рассматривать зал, пока Байл расспрашивал Даррака, какого преподавателя лучше всего осаждать и когда это уместно будет начать делать. Когда он все выяснил, мы продолжили свой обход. Инструменты все были прекрасны и в какой-то степени уникальны, но ни один не цеплял слух и глаз настолько, чтобы захотелось познакомиться с ним поближе, чтобы стать проводником его звучания в этот мир.

Народу было много, поэтому продвигались мы по залу медленно. В какой-то момент слух стал различать звуки мягких переборов медных струн, нежно отзывающихся пением на ласкающие движения исполнителя. Я прислушалась, и поймав направление, откуда исходил звук, пошла навстречу. Источником, привлекающим к себе возвышенным неземным звуком, оказался деревянный струнный щипковый инструмент в виде трапеции, только не прямой, а изогнутой на манер чаши, с плавными линиями и абсолютным отсутствием острых углов. Струн инструмент имел не менее тридцати, но девушка, играющая на нем, ориентировалась в них безошибочно, и звук из-под ее тонких пальцев выходил чистым и звонким и словно воспарял к потолку.

Я заморожено смотрела на то, как студентка перебирает струны, ее руки будто танцевали великолепный танец, звучащий, как пение небесных жителей. Заметив мой интерес, и не прерывая игры, девушка задала вопрос:

- Что-то интересует? Если есть вопросы - спрашивай, - ее голос и песня инструмента слились для меня в один звуковой поток.

- Да, - ответила я. - Как называется это инструмент?

- Это псалтирь, - ответила она с улыбкой.

В этот момент моего плеча коснулась чья-то рука, заставив вздрогнуть от неожиданности.

Обернувшись, увидела Байла.

- Прости, - снова извинился он. - Что ж ты такая пугливая? Кстати, ты куда убежала? Еле нашел тебя.

Я улыбнулась и просто кивнула ему в сторону псалтири. В моем понимании, его звука и вида должно было быть достаточно, чтобы ответить на все вопросы. Парень проследил мой взгляд и понятливо хмыкнул.

- Нашла? - решил уточнить он.

- Кажется да, - ответила я, не отрывая взгляда от инструмента.

- Хочешь попробовать? - прекратила перебирать струны девушка.

- А можно? - искренне удивилась я тому, что она так легко соглашается доверить подобное сокровище чужим неизвестным рукам.

- Можно, - улыбнулась она и встала, уступая мне место. - Сегодня можно.

Секундой позже мне на колени лег не самый легкий, но от этого не ставший менее замечательным и прекрасным инструмент. Как объяснила девушка, струны располагались по нисходящей от исполнителя: чем дальше - тем ниже тембр. Показав, как удобнее всего цеплять струну, инструктор отошла и стала просто смотреть. Я провела пальцами по медным нитям, чувствуя их напряжение и

молниеносную готовность откликнуться. Псалтирь как будто не была против знакомства, казалось, она испытывает ко мне такой же интерес, как и я к ней. Чтобы поприветствовать и немного пошалить, что уж скрывать, провела по струнам большим пальцем медленным движением от себя, приветствуя каждую жилу инструмента и заодно представляя себе амплитуду звучания. Успокоив ответивший на мое движение инструмент, положив обе ладони на струны, чтобы оборвать их звучание, Улыбнувшись отклику, стала перебирать натянутые медные нити в разном порядке и с разной частотой, так что через несколько минут я уже вполне могла наигрывать простенькие мелодии с давным-давно заученными интервалами. Хотелось исполнить что-то более объемное, возвышенное, что-то достойное такого инструмента, но, увы, банально не было навыка. Да и откуда ему взяться без малейшего опыта общения не только с псалтирью, но и любым другим щипковым инструментом. Тем не менее, оставлять нового знакомого не хотелось. Даже простые беспорядочные переборы рождали невесомое звучание, как будто дарящее крылья. Как можно от такого отказаться, только-только отыскав? Вот и я не смогла. Не могла остановиться и нежно гладила струны, играла с ними, цепляла, чтобы через секунду успокоить или, наоборот, подцепить и соседку, чтобы первой не было скучно петь в одиночку.

Прервала меня девушка, ответственная за псалтирь:

- Я смотрю, она действительно пришлась вам по душе, - с улыбкой заметила она.

- Что? - не поняла я.

- Ты уже больше получаса любишься ей, - пояснила девушка и добавила. - Правда. Первый раз вижу, чтобы любовались пальцами, но твои действия назвать по-другому не получается.

Я растерянно улыбнулась в ответ. Меня настолько захватил контакт с инструментом, что об окружающих я забыла совершенно.

Только сейчас я заметила, что Байл все это время стоял рядом, слушал и ждал меня. Во время общения с псалтирью я настолько отрешилась от окружающего пространства с его звуками и предметами, что не обращала внимания ни на что.

- Прости, - произнесла я, обращаясь к девушке и с жалостью отрывая пальцы от струн. - Я, наверное, слишком надолго заняла ее.

- Вовсе нет, - успокоила меня инструктор, - Ей мало кто интересуется на самом деле. В основном предпочтение отдают скрипкам, особенно никельхарпе, флейтам и роялю.

- Очень зря. Она замечательная, - погладив плавный изгиб инструмента произнесла я.

- Ты мне это говоришь? - рассмеялась девушка. - Я-то, как раз, это знаю. Меня убеждать не надо.

Я смущенно улыбнулась и стала вставать, крепко удерживая инструмент. Девушка подхватила его и через пару секунд уже снова сидела на месте, где совсем недавно была я. Не хотелось уходить. Хотелось снова касаться отзывчивых струн и взлетать на их звуке все выше и выше.

- Кто преподает игру на псалтерии? - спросила я, собираясь немедленно подойти пусть даже к самому грозному преподавателю консерватории и попросить взять меня в ученицы. Каково же было мое удивление, когда из двух имен преподавателей одно оказалось мне прекрасно знакомым: Санна Линдберг, ведущая у меня фортепианный курс, так же специализировалась на лютне, цитре, арфе и псалтири. Предчувствуя скорую победу, я бросила на Байла торжествующий взгляд, который он, конечно, не понял.

- Это просто замечательно. Спасибо! - поблагодарила я девушку и направилась к преподавательской кучке, так и стоящей у входа, а вернее, выхода.

- Таллия, ты куда? Мы ведь еще не все посмотрели, - спросил у меня сокурсник, идущий за мной.

- К преподавателю, - пояснила я. - Хочу договориться об уроках.

- Так скоро? - удивился Байл.

- А чего ждать? Я ведь определилась и твердо знаю, чего хочу, - пожала плечами я и задорно улыбнулась.

- А и верно! - поддержал меня парень. - Тогда я тоже постараюсь уговорить своего.

Настроенные на победу, мы вместе подошли к месту кучкования почтенных метров и метресс. Загодя высмотрев свою уже знакомую преподавательницу, направилась прямо к ней, обменявшись ободрительными улыбками с сокурсником, устремившимся к своей цели.

Подойдя к Санне Линдберг на расстояние вытянутой руки, негромко позвала ее:

- Метресса Линдберг.

Женщина повернулась, а я снова залюбовалась ее врожденной грацией и красотой.

- Да, оллема Таллия? – Санна вопросительно приподняла брови.

- Метресса Линдберг, - снова начала я. – Я к вам по делу.

- По какому? – ее взгляд стал весьма заинтересованным.

- Я хочу у вас учиться, - выдохнула я.

- Оллема, милая, я вас не понимаю. Вы и так у меня учитесь, - с улыбкой ответила мне преподаватель, но в ее глазах уже светилась догадка.

- Нет, метресса, - я отрицательно покачала головой. – Я хочу у вас учиться не только игре на рояле, но и игре на псалтири.

Санна Линдберг понимающе улыбнулась и произнесла:

- И почему я не удивлена? – черничный голос скрывал смешинки, беспрепятственно проявившиеся в глазах.

Я пожала плечами и посчитала нужным уточнить:

- Это значит, что вы согласны? – для себя я уже решила, что если метресса станет отнекиваться и упрямиться, я буду досаждать ей просьбами об обучении каждый урок специальности. Но коварному и слегка отчаянному плану не суждено было воплотиться в жизни. Санна Линдберг, уже не скрываясь, улыбнулась и ответила:

- Да, это значит, что я согласна.

Я не смогла сдержать приглушенного радостного писка и широкой благодарной улыбки. Ох, было бы это возможно, кинулась бы обнимать и целовать эту прекрасную во всех отношениях женщину. Даже понимание неуместности такого выражения благодарности с трудом останавливало.

- Спасибо, метресса Линдберг! Огромное вам спасибо! – горячо выпалила я и, получив ответ улыбку женщины, отошла по направлению к дверям.

Первым, на что наткнулся мой по-прежнему восторженный взгляд, был Байл. Парень смотрел на меня и улыбался своей невероятной улыбкой.

- Получилось? – спросил он, уже догадываясь об ответе.

- Да! Получилось! – стараясь говорить не так громко, как того требовала душа, ответила я.

- Поздравляю! – произнес парень, а в следующее мгновение резко приблизился, обхватил руками мою талию, приподнял и закружил меня в воздухе.

Хорошо, что поблизости никого не было: студенты активно выбирали себе инструменты и, соответственно, держались поближе к ним, а от преподавателей я успела отойти на достаточное расстояние, чтобы никого не задеть.

Едва мои ноги оторвались от пола, восторг схлынул, будто его и не было, зато на смену ему пришли недоумение, непонятный стыд и растерянность. Со всей этой смесью чувств я неотрывно смотрела в глаза сокурснику и стремительно краснела. Неприятное смущение заполняло тело вязкой субстанцией от кончиков пальцев на ногах, до корней волос. Изнутри поднималась волна протеста и неприятия. Все мышцы непроизвольно напряглись. Заметив перемену в моем лице, Байл остановился и аккуратно поставил меня на пол, но не отошел и рук с талии не убрал.

- Что такое, Талли? Ты боишься высоты? – участливо спросил он, заглядывая в мои глаза с неподдельной тревогой.

Продолжающийся абсурд как будто отнял у меня способность говорить, поэтому я просто отрицательно покачала головой. Но Байл оказался парнем сообразительным, его лицо в мгновение ока приобрело серьезное, без грамма смеха выражение, он выпустил меня из кольца своих рук и совсем немного отодвинулся.

Мне как будто стало легче дышать. Уловив и эту перемену во мне, оллам грустно усмехнулся и произнес:

- Извини. Просто когда ты подошла такая красивая, с этим сияющим восторгом в глазах, я просто

не смог удержаться. Думал, мое отношение к тебе очевидно, и раз не отталкиваешь, значит, есть шанс на взаимность.

Я застыла памятником самой себе. О чем он говорит? Какой шанс? Какая взаимность? Что вообще происходит? Внезапно ощутила на себе чей-то острый взгляд и непроизвольно начала искать глазами его источник. Нашла почти мгновенно. Серые с голубоватыми отсветами прищуренные глаза смотрели на меня со странным выражением. Злостью? С чего бы Дарраку Кейну на меня злиться? Почувствовав, что окончательно запуталась, бросила Байлу «извини, я лучше пойду» и, развернувшись, вышла за дверь.

Но спокойно уйти мне не дали. Сделав несколько шагов, я услышала:

- Талли подожди! - сокурсник догнал меня в два шага и, приблизившись, спросил. - Я напугал тебя?

- Нет, Байл, не напугал, - наконец смогла исторгнуть из своего горла хоть какие-то звуки я. - Просто это очень неожиданно было.

- Прости, я думал, что ты знаешь, - снова извинился он, заглядывая мне в глаза и улыбаясь. Не честно!

- Знаю о чем? - поинтересовалась я, давая желание улыбнуться в ответ на корню.

- О том, что ты мне нравишься, - улыбка парня стала прямо-таки лучезарной.

Вот что на такое ответить? Нет, Байл, я не знала и даже не догадывалась, я думала, мы с тобой просто друзья, и теперь опасаясь, что мне будет не очень комфортно в твоём обществе из-за сложившейся ситуации? Ах, да, и это не доставляет мне удовольствия, хотя бы потому, что мне нравится любоваться твоей открытой и такой заразительной улыбкой? Мысленно дав себе оплеуху, просто неопределенно пожала плечами и продолжила движение в сторону выхода из здания. Парень, не отставая, шел рядом.

- Байл, что ты делаешь? - снова останавливаясь, поинтересовалась я.

- Провожая тебя, - невозмутимо ответил сокурсник.

- Зачем? - нахмурилась я, не понимая его мотивов.

- Как бы тебе сказать... Я так пытаюсь за тобой ухаживать, - пояснил оллам и снова очаровательно улыбнулся.

- А это зачем? - решила я прояснить все до конца.

- Так я же уже сказал, - удивился мой неожиданный сопровождающий. - Ты мне нравишься. Хочу узнать тебя получше. Вдруг ты уготована мне самой судьбой?

Не найдя, что можно ответить на такое заявление, просто снова двинулась вперед, мечтая, чтобы коридор скорей закончился.

До женского общежития мы дошли в молчании. Взявшись за ручку двери, я остановилась и вздохнула, после чего обернулась и, вымучив из себя улыбку, долженствующую олицетворять благодарность, произнесла:

- Спасибо, что проводил, Байл.

- Не за что. Мне было приятно, - ответил парень, не испытывавший от нашего молчания или неловкого прощания ни малейшего дискомфорта.

Кивнув ему на прощание, я поспешила скрыться за надежной дверью общежития. Постояв какое-то время рядом с ней, подошла к окну и выглянула, не опасаясь быть замеченной. Спасибо хозяйственности госпожи Кин, повесившей на все окна тюль, скрывавший сейчас мой силуэт от Байла, по прежнему стоявшего напротив двери. Парень смотрел на нее еще какое-то время, потом довольно улыбнулся, развернулся и пошел в обратном направлении.

Ничего не понимаю. С чего вдруг такой интерес? И почему я должна была о наличии этого интереса догадываться? Пока поднималась к себе в комнату, эти мысли не давали мне покоя, накупились жужжащим роєм. Я стала припоминать поведение парня. Да действительно, за завтраками, которые я обычно проводила в компании сокурсников, он неизменно приглашал меня занимать место рядом с ним, но ведь на лекциях, наоборот, садился подальше. Сегодня тоже именно Байл был инициатором идеи, чтобы пойти вместе. И инструмент он выбрал, увидев мой явный интерес к нему, хотя тут, скорее всего, я напридумывала: не стал бы он останавливаться в своем выборе только из-за моего мнения, даже если я ему действительно нравлюсь. Тряхнув головой, рассердилась. Чего я, собственно, испугалась? Байл парень хороший, открытый, честный,

вызывает только положительные эмоции, голос с искорками хрипотцы тоже к себе располагает, да и внешне он очень даже ничего. И вообще! Нашла время о парнях думать!

Твердо решив, что нечего забивать голову глупостями, определила чтение учебников, как лучшее лекарство от праздных мыслей и до самого ужина и вместо него тоже перечитывала уже пройденное, а потом и новые главы. Теория оказалась изложена, хоть и академическим языком, но в очень занимательной манере, а тот факт, что вся информация в них касается меня лично, только подстегивала интерес.

В результате быть бы мне голодной, если бы не Ния, принесшая булочки из столовой. Соседка, конечно, заинтересовалась причиной пропуска приема пищи. Так что пока я заваривала нам обeim чай, рассказала о причинах побудивших меня засесть за книги, и о том, что учебник оказался настолько увлекательным, что я потеряла счет времени.

- Ну ты даешь, Талли, - прыснула со смеху подруга, когда я завершила рассказ. - Об этом даже я знаю, а ты и не догадывалась?

- Что? Ты о чем? - растерялась я.

- На этого Байла с композиторского глаз положила моя одногруппница. Очень он ей понравился. Понять ее можно, парень действительно очень интересный, - я сделала страшные глаза, призывая подругу заканчивать распевать дифирамбы огоньку. Ния хихикнула и продолжила:

- Так вот. Ходила она мимо этого Байла, посылала ему пламенные взгляды, а он и как будто не видел. Да и как тут увидеть, если постоянно на другую девушку смотреть?

- Ния, что за глупости? - не выдержала я.

- Какие уж тут глупости? Парень тебе все сам открытым текстом сказал, - усмехнулась солнечная девушка, после чего спросила. - А он тебе сам как? Нравится?

- Не знаю, Ний, - вздохнула я. - Парень как парень.

- Ну тогда и не переживай, - махнула рукой на ситуацию подруга, чем вызвала мой искренний смех, к которому через мгновение присоединилась.

И в этот момент я была благодарна Байлу, как никому другому. Моя подруга снова смеялась, светло, заразительно и искренне, наполняя пространство игрой солнечных зайчиков.

Искренне пожелав парню за это всего самого доброго, я решила не переживать и уж тем более не изводиться. Ведь его чувства - не мои, если уж кому что-то делать, то не мне. С моей стороны главное - быть честной. Я не хотела обманывать или расстраивать сокурсника, но ведь я ему ничего не обещала и уж точно не заигрывала, так что переживать не о чем. Да и вообще, об учебе думать надо.

С такими мыслями сверилась с расписанием на завтра, убедилась, что к занятиям готова, и с чистой совестью и спокойным сердцем легла спать. Завтра будет новый день, наполненный звуками музыки. Нет, действительно жаль, что в нашей комнате не поместится рояль, пронеслась непонятно почему появившаяся последняя мысль перед тем, как я окончательно провалилась в сон.

Глава 7

Я сидела и старалась незаметно сцедить зевок в кулак, в который раз удивляясь причудам судьбы и расписания, приведшим к тому, что первой лекцией сегодня была «Этика», начитываемая замечательной женщиной Фиделмой Брэк, subtilной старушкой с добрыми молодыми глазами и невероятно убаюкивающим голосом, похожим одновременно и на пушистые рассветные облака, окрашенные новорожденным солнцем в нежно-розовый цвет и на маятниковые часы, следя за которыми, произвольно начинаешь зевать, голова тяжелеет и норовит опуститься на парту, а веки против воли опускаются, и в сознании не остается мыслей, а только вязкий туман полудремы. О, небо! Это ведь самая настоящая пытка! Не то, чтобы метресса Брэк следила за всеми и каждым, ведя учет невнимательных, чтобы жестоко отомстить на зачете. Нет. Преподаватель была добрейшей души человеком, что сквозило во всем: голосе, морщинках, движениях и даже выражении глаз. Предмет был действительно интересным, и факты метресса приводила занимательные, но голос и сама манера речи пожилой женщины были сами по себе лучше любого снотворного. Многие сокурсники целыми рядами легли в неравной борьбе со сном, а другие, в том числе и я, изо всех сил старались держаться. Этика олламов не тот предмет, на котором можно было бы не напрягаться. Во-первых, взаимоотношения и моральный кодекс олламов - вещь действительно важная, а во-вторых, на экзамене по этике обещалось присутствие если не ректора, то проректора точно. Кстати, устав консерватории целыми разделами составлялся исходя из этических принципов олламов, а его соблюдение требовалось неукоснительно. Как еще на первом занятии сказала метресса Брэк: у нас, олламов, слишком большая власть над сердцами, чтобы

позволять себе неэтичные поступки.

За завтраком внимание Байла, похоже, только утвердившегося в намерении ухаживать, уже не вызывало отторжения и было даже приятным. Странное дело, но я даже неловкости не чувствовала, только если совсем чуть-чуть. Волшебная сила здорового сна, не иначе. Единственное, что напрягало, это цепкие и колючие, хоть и редкие, взгляды одноклассниц, особенно Калли. Ребята же не обращали внимания, поддерживая разговор: ну друг, ну ухаживает за девушкой, и что с того?

- ...именно поэтому, во время тренировок по овладению музыки души дверь музыкального кабинета обязательно должна быть закрыта. В консерватории, как вы знаете, все музыкальные кабинеты звукоизолированы, - вещала Фиделма Брэк, а я вспомнила недавние происшествия, когда Даррак Кейн отчитал меня за эту оплошность.

Исходя из слов метрессы, за подобную невнимательность меня ожидало как минимум недельное дисциплинарное наказание. Снова почувствовала благодарность к олламу, что не стал предавать гласности проступок неопытной первокурсницы. И неожиданно для себя осознала, что улыбаюсь.

После пытающей сонливостью лекции метрессы Брэк занятие у метрессы Линдберг было глотком свежего воздуха. К тому же отголоски вчерашнего восторга были еще свежи в памяти, так что в музыкальный кабинет я зашла, сияя словно моя солнечная подруга.

- Целеустремленная оллема Таллия, - поприветствовала меня с улыбкой преподаватель.

- Замечательная метресса Линдберг, - ответила я в том же тоне.

- Оставьте лесть, милая, я на нее не куплюсь, - хитро прищутив карие глаза, произнесла молодая женщина.

- Что вы, метресса! Как можно? Никакой лести - исключительно и только правда, - поспешила уверить ее я.

- Проходите, Оллема, давайте начнем занятия, - снова улыбнулась преподаватель и я снова погрузилась в волшебный мир звуков и пауз.

Для некоторых моих сверстников в период обучения в музыкальной школе занятия были сродни трудовой повинности, которую заставляли отбывать родители. Я же летела в ее стены, словно на крыльях, а уроки казались до обидного короткими. С тех пор ничего не изменилось. Воодушевление по-прежнему неосязаемыми крыльями распахивалось у меня за спиной, стоило только оказаться в музыкальном кабинете, зная, что сейчас мне поведают о сфере музыки что-то новое, неизведанное. Это как карта, на которой по мере путешествий с восторгом и трепетом стираешь белые пятна, вырисовывая очертания новой земли.

Но по-настоящему я могла себя чувствовать свободной, ощущать полет, только наедине с роялем, играя собственную музыку, рождающуюся из самых глубин моей души. Нет, я больше не забывала запирает двери музыкального кабинета. Единственным предметом, по-прежнему держащим меня в напряжении, оставалась композиция. Каждый урок Маркаса Двейна начинался и заканчивался одинаково: первую половину я боролась с собственным оцепенением, недоверием и зажатостью, а потом наступал переломный момент, когда собственные эмоции, давшие толчок самому появлению мелодии, захлестывали меня, и я переставала обращать внимание на окружающее пространство, полностью погружаясь в звуки, купаясь в их цвете, дыша ее переливами, к концу занятия раскрепощение достигало пика и преподаватель неизменно хвалил меня, обсуждая успехи, подмечая недочеты и выражая надежду, что в следующий раз время моих сомнений и привыкания сократится. Я согласно кивала, на следующее занятие все повторялось, как по нотам. Я опасалась, что скоро метру надоест такая потеря времени, и он станет сердиться, но, как ни приглядывалась, не замечала никаких признаков недовольства, что вызывало недоумение: лорд Маркас Двейн не производил впечатления такого уж терпеливого человека.

В одно из занятий проректор огорошил меня сообщением:

- Вы делаете успехи, оллема Таллия.

Я удивленно посмотрела на него. Прошел почти месяц с момента начала занятий, а я до сих пор добрую половину урока не могу открыться. Он что шутит?

- Нет. Я не шучу, - озвучил мои мысли мужчина. - Хоть вы и достаточно долго привыкаете к моему присутствию, когда все же привыкаете, точность передаваемых эмоций становится все более кристальной. Каждый раз эмоции видны все четче и проникают все глубже, так что похвала заслуженная.

Я улыбнулась робкой не верящей улыбкой.

- В связи с этим хочу сообщить вам, что со следующего месяца куратором у вас по-прежнему буду я.

После секундного замешательства просияла уже не робкой, а вполне твердой и довольной улыбкой, на которую, как ни странно, метр Двейн ответил своей, слегка ироничной.

- Зря так радуетесь, оллема. Работать придется вдвое больше и усердней, - поспешил он вернуть меня с небес на землю, но такие заявления не пугали.

Мне понравилось заниматься у первого проректора, нравилась его манера преподавания и его терпение в столь тонкой сфере, как доверие, и еще более тонкой, как музыка. Под влиянием искрящего радостью момента ответила:

- Вам не запугать меня такими обещаниями, метр Двейн.

Зеленые глаза блеснули изумрудной вспышкой, на губах проректора заиграла ироничная усмешка и рожущий скрытой мощью пробуждающегося вулкана голос цвета горького шоколада произнес:

- Посмотрим, что вы скажете на следующей неделе.

Я же не обратила на это высказывания внимания, просто улыбнувшись в ответ. Маркас Двейн был лучшим преподавателем композиции на факультете, даже лучше декана. В свете этого я не представляла, что может умерить мою радость от осознания того факта, что меня будет обучать композиции именно он. Я не придавала его словам должного значения. А зря. Потому что на следующей неделе в первый же урок композиции меня ждал сюрприз.

В музыкальном кабинете вместо привычных зеленых глаз меня встретили другие: серые, с голубоватыми отблесками. Удивленная, я остановилась на пороге.

- Проходи, оллема Таллия, - произнес голос, играющий всеми оттенками сапфирового.

- Извини, я, наверное, ошиблась кабинетом, - неуверенно ответила я, припоминая, не было ли изменений в расписании.

Насколько утверждала моя память - не было, а значит, помещением ошибся Даррак Кейн, в расслабленной позе стоящий у окна и облокотившийся бедром на подоконник.

- Не ошиблась. И я тоже по адресу. Проходи, - оллам выпускного курса композиторского факультета сделал приглашающий жест, и я зашла, наконец, в комнату.

- Лорд Двейн уехал на пару дней и поручил мне провести занятие, пока его не будет, - ультрамариновые грани сменяли друг друга, интригуя и собственными ответами и информацией, которую несли.

- А почему метр поручил занятия именно тебе? - спросила я, подходя к роялю и кладя на него руку, обзаводясь, таким образом, опорой в этой абсолютно непонятной ситуации.

Молодой мужчина окинул меня задумчивым взглядом, надолго задержавшись на глазах, и ответил:

- Насколько я понял, у тебя проблемы с доверием собственной музыки чужим ушам, а для этого не важно, кто слушает, главное - постороннее присутствие. Поэтому и смысла нет в пропуске занятий. А мне лорд Двейн просто дает возможность практики.

- Практики? - не удержалась от вопроса я.

Оллам кивнул.

- Практики, - подтвердил он. - Педагогической, - после чего оттолкнулся от подоконника и направился в мою сторону.

Я замерла, не зная чего ожидать от студента-композитора выпускного курса. Даррак же спокойно прошел мимо, прямо к двери, аккуратным и уверенным движением закрыл ее, повернулся, и вопросительно посмотрел на меня.

- Почему бы тебе не присесть, скажем, за рояль? - спросил он, приподняв брови.

А я вдруг почувствовала, что дверь отрезала меня от всего мира, что эта комната парит в дымчато-сером пространстве, и никуда мне из нее не деться до истечения положенного срока. Выдохнув, как можно тише и незаметней, я оторвалась от инструмента и обошла его, чтобы сесть на винтовой табурет, стоящий перед ним. Откинула крышку, закрывающую черно-белые сегодня особенно сдержанные клавиши, и замерла в нерешительности.

Что я должна играть? Что я могу открыть этому человеку? Мои размышления прервал граненный

спокойствием сапфировый голос:

- В чем проблема?

- Я... Я не знаю, что... Я не знаю, что играть, - ответила я, не оборачиваясь.

- Что захочешь. Можешь то же, что играла лорду Двейну. Может, будет легче, - ответил мне Даррак.

Сделала глубокий вдох и медленный выдох. Комнату наполнило вибрирующее напряжение. Не мое. Я в удивлении обернулась, чтобы посмотреть на оллама. Он сидел на стуле, положив локоть на стол и слегка подавшись вперед, явно ожидая первых звуков. Его поза напряжения не выдавала: всего лишь вежливый интерес и немного нетерпения. Значит, показалось.

Провела пальцами по белым глянцевым клавишам. Нет. Мне не хотелось играть мелодию весенней радости. На ум пришла другая, написанная давным-давно.

Тональность Лунный Аквамарин на серебряной нити. Самая богатая на серебро тональность. Сложная в исполнении мелодия отражала мои чувства лучше любой другой. Ноты падали на черные клавиши как тускло-голубые капли дождя, озвучивая состояние безысходности. Когда не знаешь, что делать дальше, ведь повседневность вовсе неплоха, но не приносит той яркой радости, которой жаждешь всеми силами, всей кровью. Когда не смеешь говорить о неудовлетворенности, потому что проявишь черную неблагодарность. Когда мечты слишком далеки, чтобы хотя бы понежиться в их свете. Они гаснут, как звезды на рассвете нового дня, похожего на вчерашний, как сын на отца, который даст начало новому дню, конечно, наследующему семейное сходство. Эта музыка была моей слабостью, моим позором, моей тайной. Она раскрывала худшее во мне: желание большего, чем имею, чем могут мне дать, которому я давала волю в редкие тоскливые дни. Всего на короткое время, но давала. Почему-то мне показалось, что именно Даррак Кейн поймет ее, поймет меня и не осудит. Мне почудилось, что он и сам мог бы чувствовать подобное время от времени. Постепенно срывающаяся редкими каплями мелодия набирала силу, превращаясь из морозящего ненастья, в темную бурю хлещущую тяжелой влагой и не оставляющей сухого клочка даже нижней ткани. Но отыграв свое время, отпущенное мной и совсем короткое, стихия теряла силу, истончалась и становилась все прозрачней, уходя и унося с собой сокровенное и постыдное, чему была свидетелем, стекала грязно-голубыми разводами, просачивалась сквозь пол и растворялась в пространстве, не оставляя даже тени.

В комнате повисла тишина. Не тяжелая и не легкая, а совсем пустая, небытийная. Я тяжело дышала. Снова. Открывать дверь для чужих людей в свой внутренний мир совсем непросто. Научусь ли я когда-нибудь делать это без усилий? Оторвав взгляд от собственных подрагивающих пальцев, запрокинула голову, чтобы посмотреть на белый и спокойный потолок, но споткнулась на блеске серых глаз, смотрящих прямо на меня. Даррак Кейн стоял совсем рядом с роялем и напряженно всматривался в мои глаза. Когда он успел подойти? Неужели я настолько увлеклась, что не уловила даже малейшего движения?

Его глаза цвета закаленной стали не отпускали, проникая все глубже, как будто что-то искали в моем сознании. Голубоватые отблики то появлялись, то исчезали, завораживая своим танцем. Я с трудом отвела взгляд и поспешила опустить голову. Теперь перед моими глазами были только черно-белые, успокаивающие своим постоянством клавиши терпеливо ожидающего моих действий и немного ехидного рояля.

- По-моему лорд Двейн преувеличивает, - раздался насыщенно-синий голос цвета морской стихии. - У тебя очень неплохо получается открываться. Эмоции бьют в блок с таким напором, что поневоле прислушиваешься.

Я резко вскинула голову. Это правда? У меня получилось? Серые глаза не врали и не лукавили, в них твердо читался ответ. Да, получилось.

- У меня только одна к тебе просьба, если позволишь, - продолжил оллам, все так же неотрывно глядя мне в глаза.

- Какая? - смогла я произнести, снова обретя голос.

- Не могла бы ты в следующий раз выбрать другое свое произведение? - в груди оборвалась тонкая серебряная нить.

Не понравилась сама мелодия? Или осуждает мои чувства? Кожу как будто начала покрывать грубая скорлупа с темными прожилками, когда Даррак добавил.

- Мне... непривычно слушать не свою игру о своих чувствах.

Что? Значит... Значит, я оказалась права? Каменеющая скорлупа рассеялась, будто ее и не было, снова подарив возможность дышать полной грудью.

Улыбнувшись, произнесла:

- Конечно.

Оллам-выпускник сдержанно кивнул в знак признательности и вернулся на свой стул.

Вот почему я не играла раньше свою музыку кому бы то ни было. Даже родным не играла. В эти моменты, как будто обнажаешь душу, показываешь, какая есть на самом деле, робко надеясь, что тебя примут такой, без осуждения и брезгливости. Слишком большой риск, ведь в случае отказа, хочется спрятаться в каменный кокон, такой безопасный, предохраняющий от боли, изъедающего внутренности стыда и... вдохновения. Не дающая творить уродливая преграда отсекает нить общения с музыкой, делает мир серым, непривлекательным и бессмысленным. И чтобы разбить ее нужно время. Очень долгое, тянущееся липкой патокой, невероятно безнадежное время.

- А... - порыв задать вопрос исчез, едва появившись.

- Что? - не дал уйти на попятную мой сегодняшний слушатель.

- Я просто хотела узнать, как быть сейчас? Обычно я играю метру Двейну только одну мелодию, - все же спросила я.

Послышался легкий вздох, больше похожий на смешок, но повернуться, чтобы проверить, не позволило смущение.

- Что ж делать... Играй так, как удобно тебе, - ответил он, после чего ультрамариновый ветер едва слышно прошелестел. - Иногда полезно услышать себя со стороны.

На моих губах, как будто без моего участия, промелькнула легкая улыбка, вырвавшаяся из глубин и робко спрятавшаяся, показавшись лишь на миг. Второй раз играть было уже не так страшно. Теперь я знала, что бледно-голубые капли падают на благодатную почву слуха человека, понявшего мои чувства, возможно, даже ощущающего их так же, как и я сама.

Как ни странно, но совершенно чужому человеку, лишь пару раз виденному мной, мне удалось открыться гораздо легче, чем собственному преподавателю, терпеливо обучавшему и направлявшему меня в течение месяца. Раз за разом проигрывая эту пропитанную внутренними переживаниями мелодию, перевитую стыдом за собственные чувства, я как будто отпускала собственную нервозность и недоверие. Да, я действительно время от времени давала себе слабину, разрешала пробиться на поверхность жалости к себе, но ведь это только мой груз. Не затронувший ни родных, ни друзей, сокрытый глубоко в сердце и лишь изредка пробивающийся на свободу. Чтобы через малое время и немного слез снова быть заточенному и похороненному, чтобы уступить место благодарности за то, что имею, любви к родным и светлой тоске где-то далеко-далеко за периферией сознания.

Урок закончился неожиданно быстро. Я в удивлении посмотрела в светящиеся еле уловимой доброй насмешкой серые глаза после слов «на сегодня достаточно», раздавшихся в короткое мгновение тишины, перемежавшее звучание мелодии, которую я сегодня не боялась играть.

Даррак поднялся со стула и произнес:

- До следующего занятия.

Я растерянно моргнула, а он кивнул в знак прощания и покинул музыкальный кабинет, оставив дверь приоткрытой.

Я же, осознав, что смотрю на щель, между дверью и косяком, встряхнулась и, благодарно проведя пальцами по клавишам рояля, опустила крышку. Странное мироощущение замкнутости и отрешенности пространства комнаты от окружающего мира исчезло, как только ее покинул оллам. Я тоже задерживаться не стала. На сегодняшнем занятии по основам олламии метр Муррей обещал рассказать и продемонстрировать, как ставить самый простой блок от влияния музыки души.

Метр оказался человеком слова и ему даже не пришлось прибегать к особому воздействию своего голоса: студенты и так ловили каждое его слово. На данный момент мы, первокурсники, были самыми уязвимыми олламами в консерватории. И если раскрывать свою музыку в той или иной степени умел каждый из нас, то насчет блоков все пребывали в одинаковом неведении. Собственно, правило всегда закрывать дверь музыкального класса, если собираешься играть во всю мощь, пошло именно из-за нас, неумеющих, и отстающих.

Со слов преподавателя выходило, что все достаточно просто. Музыка души из этой самой души исходит и в нее же проникает. Все, что нужно, для того, чтобы оградить себя от нежелательного влияния, это закрыть эту самую душу.

- Оллам должен превосходно уметь и открываться нараспашку и закрываться наглухо, не оставляя ни малейшей щелочки, - вещал метр своим сочным голосом, переливающимся в четком балансе всеми цветами радуги. - Но, уважаемые оллады и не менее уважаемые оллемы, всегда учитывайте факт превосходства: в вопросе влияния всегда превалирует сила воли. Вне зависимости от уровня дара, оллам с сильной волей всегда сможет закрыться от влияния такого же оллама, а иногда даже и дуэта или ансамбля до четырех человек. Но никогда, никакая сила воли не сможет превозмочь направленное влияние группы олламов, например оркестра или хора. Первое, кстати, вы уже испытали на себе.

Раздумывая над словами преподавателя, решила задать вопрос, появившийся в ходе лекции. Уверенно подняла руку - Тиган Муррей всегда спокойно и даже с поощрением относился к вопросам студентов - дождалась адресованного мне кивка и спросила:

- Метр Муррей, значит ли это, что любой человек с сильной волей сможет успешно противостоять влиянию музыки души?

- Это хороший вопрос, юная оллема, - отметил мужчина и ответил. - Безусловно, это было бы в силах самого обыкновенного человека с крепкой силой воли, если бы он знал о существовании и свойствах музыки души и подозревал о воздействии. Но, как все вы знаете, информация об этом строго секретна, поэтому такой сценарий развития событий крайне маловероятен. Но! Существуют люди, сопротивляющиеся влиянию музыки души на интуитивном уровне. Да, таковые действительно есть. Однако их сопротивление можно обойти, если действовать с умом. Этому вас тоже научат в нашем славном учебном заведении. Еще вопросы?

На этот раз руку поднял Байл:

- Метр Муррей, а можно ли каким-то образом снять влияние, наложенное олламом?

- Первый курс, вы меня сегодня определенно радуете работой мысли, - с улыбкой отметил преподаватель, после чего приступил к ответу на заинтересовавший всех вопрос. - Можно, оллам. Но не каждым. То есть для того, чтобы снять воздействие музыки души одного оллама, снимающий должен быть как минимум одного уровня силы с ним. Тот же принцип действует и с дуэтами, и с ансамблями. Каждое воздействие обратимо, если говорить о теории. На практике же снять влияние, которое было наложено на каждого оллама и оллему на посвящении невозможно в силу того, что собрать такой же оркестр с тем же уровнем силы - а это не менее сорока олламов - не получится. По крайней мере, для этой конкретной цели.

Убедившись, что больше ни у кого из студентов вопросов нет, Тиган Муррей приступил к самому интересному: описанию схемы действий при построении блока. Со слов метра все было кристально ясно: при подозрении на нежелательное влияние следовало закрыться, а для этого у каждого из нас должен быть набор звуков, какая-нибудь примитивная мелодия, запоминающаяся, даже навязчивая, несущая в себе чувства скованности, недоверия, настороженности, всего, чего угодно, что помогло бы каждому из нас закрыться.

Преподаватель дал нам минуту на размышление и придумывание этой мелодии, которая, как он сказала, должна быть спонтанной. По прошествии выделенного времени метр стал говорить. Не так, как он обычно говорил при начитке лекции. Его мелодичный голос наполнял пространство, обволакивал, манил, призывал приблизиться, от ровного баланса цвета он перешел к апельсиновому оттенку, у меня даже рот слюной наполнился, так он был похож на сладкий цитрус. Через несколько мгновений после того, как метр начал говорить, я почувствовала непреодолимое желание подойти к доске. Необоснованное, но навязчивое и требовательное. Не понимая, что происходит я медленно поднялась и стала замечать, что другие студенты с теми же растерянными лицами отрываются от стульев и один за другим начинают двигаться по проходу к доске мимо метра с глазами, блестящими лукавством. Я в растерянности оборачивалась, но ничего не могла с собой поделать: ноги сами вели меня к заветной цели. Внезапно мой взгляд наткнулся на Байла. Лицо парня не было озадаченным или удивленным: оно было полно напряжения и внутренней борьбы. В отличие от всех остальных он не двигался, а просто стоял рядом со своим местом.

Прервав свою плавную речь, преподаватель ухмыльнулся и произнес:

- Оллам Байл, весьма и весьма похвально. Остальных прошу занять свои места, - это предложение метр сопровождал приглашающим жестом в сторону парт. - Сейчас вы ощутили на себе воздействие музыки души. Да, как вы уже поняли, музыка души воздействует не только через игру или пение, но и через обыкновенную повседневную речь, ибо это тоже звуки и ими просто нужно уметь правильно пользоваться.

Подобное заявление не стало для меня открытием, что-то подобное я подозревала и ранее. Не зря ведь на лекциях Тигана Муррея студенты сидят так тихо и переполнены энтузиазмом.

- Итак, что вы сделали неправильно. Ваша ошибка была в бездействии дорогие мои оллады и

оллемы. Я рассказал вам, принцип защиты и дал время, чтобы подготовиться, но подготовился, как я вижу лишь один из вас. Объясню подробнее: когда вы чувствуете нежелательное воздействие, вам следует воспроизводить в мозгу, перед внутренним слухом ту самую мелодию, которая поможет вам закрыть душу. Степень закрытия можно и нужно учиться регулировать. Надеюсь, в этот раз все всё поняли, - преподаватель окинул аудиторию испытывающим взглядом и произнес ожидаемое:

- Попробуем еще раз.

После этих слов он снова начал мелодично зачитывать какое-то стихотворение, а меня снова стало тянуть подойти к доске. Но в этот раз, я уже понимала, что происходит и сосредоточилась на придуманной ранее простой мелодии, состоящей всего из трех нот, поступенно нисходящих. По мере проигрывания их в своей голове я представляла, как покрываюсь скорлупой, но не той, каменной, а более тонкой, сродни яичной.

Пока эта тонкая, но все-таки преграда покрывала меня, желание подняться и приблизиться к доске становилось все менее навязчивым и явственным, пока совсем не исчезло, не оставив и отголоска.

В этот раз вставших и дошедших до пункта назначения оказалось не больше половины.

- Очень хорошо. Сидящие, мои вам комплементы, - произнес метр Муррей. - А остальных предупреждаю, что паломничества к доске мне поднадоели, и следующее задание будет менее скучным.

Студенты ответили взглядами, полными опасений и вернулись на свои места гораздо более подозрительными и бледными, чем до похода к доске.

После прищуренного оценивающего взгляда преподавателя и минутной тишины, подаренной щедрым метром, чтобы все могли настроиться, снова зазвучал сочный, полный силы и внутренней энергии голос. Я не стала дожидаться появления желаний и стала про себя напевать свои три спасительные нотки, чувствуя, как скорлупа покрывает меня быстрее, чем в прошлый раз. Ощувив себя в относительной безопасности и постаравшись взять под контроль азарт, нахлынувший от осознания, что могу не успеть или растеряться и тогда еще непонятно, что придется делать, стала с интересом следить за происходящим. Менее, чем четверть студентов с искренним удивлением на лицах встали со своих стульев и аккуратно полезли под столы. С рядов более сообразительных стали доноситься смешки.

Таким образом Тиган Муррей развлекался до самого конца занятия. Что только студенты на этом странном, но, несомненно, веселом занятии не вытворяли с легкой подачи преподавателя: и приседали, и забирались ногами на столы, и потом в следующий подход вытирали следы собственных ног, как оказалось, заранее припасенной тряпкой, и с важным видом пожимали друг другу руки. Освоившие новое умение не сдерживали улыбок, ухмылок и даже тихого хихиканья.

После каждого неудачного для некоторых подхода он снова объяснял принцип действий, каждый раз все более подробно и красочно и без признаков нетерпения или раздражения. В итоге не осталось ни одного оллама, не уяснившего схему защиты от нежелательного влияния. Перед самым окончанием лекции, когда в очередной раз голос преподавателя разливался в пространстве, но никто под его действием и не шелохнулся, метр довольно улыбнулся.

- Очень хорошо! Я горжусь вами, олламы и оллемы. Вы все молодцы, и я рад, что в этот раз слабых звеньев не оказалось, потому что иначе им бы сейчас было очень неловко.

Мы замерли, непонимающе и неверяще глядя на преподавателя. Неужели он мог заставить возможных отстающих сделать что-то неловкое? Или это у него шутки такие?

Тиган Муррей же, сверкнув веселым лукавством в глазах, попрощался с нами и вышел, оставляя собственных студентов мучиться неизвестностью и опасливыми подозрениями.

* * *

Маркас Двейн и его секретарь сидели в комфортабельной карете, оснащенной рессорами, благодаря которой тряски по мощеной брусчаткой дороге практически не ощущалось. Мужчина держал в руках раскрытую папку, лениво просматривая и так известные наизусть документы. Милдред Уорд смотрела в окно, на ее губах блуждала едва заметная предвкушающая улыбка.

Не отрывая взгляда от бумаг, лорд Двейн произнес:

- Мне уже начинать сочувствовать лорду Бирну?

Милдред сначала хитро прищурилась, а потом сделала удивленные глаза и ответила:

- Не понимаю о чем ты.

- Ну, конечно! - фыркнул Маркас, переворачивая очередной лист.

Каждую совместная поездка шла по определенному плану: секретарь рассчитывала время прибытия в столицу так, чтобы у них была ночь на отдых, оправдывая это тем, что уставшему и с дороги лорду Двейну самому не понравится его доклад, что уж говорить о начальстве? Маркас признавал обоснованность и предусмотрительность собственного секретаря, но не сомневался, что подобные решения имеют под собой двойное дно, а не исключительную заботу о любимом непосредственном начальнике.

Леди Уорд улыбнулась и, оглядев себя, расправила платье. Строгое, но заставляющее работать мужскую фантазию на полную катушку: обрисовывающее женственные мягкие изгибы, расставляющее акценты, от которых сложно было оторвать взгляд, но исключительно приличное. Маркас сам удивлялся, как возможно, соблюдая до последней йоты деловой этикет, выглядеть настолько желанной. Или тут все дело не в одежде, а в женщине? Хотя нет, ведь в обычные дни ему, относящемуся к Милдред, как к собственной сестре, вовсе не сложно оторвать взгляд от декольте, сейчас отороченного кружевом, и линии плеч, острой, добавляющей перчинки и контрастирующей с мягким, обладающим плавными линиями вырезом. Все дело в сочетании, пришел к выводу Маркас и снова погрузился в просмотр документов.

Очень скоро карета остановилась перед главным входом здания департамента внутренних дел. Гостиный дом, в котором они поселились, располагался совсем недалеко от места назначения, и был неизменно избираем за качество сервиса, хорошие условия и краткое время пути, за которое не успеет помяться костюм или платье (последнее более вероятно). Лорд Двейн вышел из кареты первым, подавая руку спутнице.

- Ну что ты, Маркас. Не стоит. Я ведь всего лишь твой секретарь, - кокетливо произнесла женщина, стрельнув полными веселья глазами в начальника, и улыбнулась улыбкой, полной лукавства.

- Но ты так же леди, а я в достаточной степени джентельмен, чтобы это помнить, - ответил ей мужчина и передал папку.

- А на грузоподъемность твое воспитание не распространяется? - иронично спросила Милдред, раскачивая на ладони передачу, словно взвешивая.

- Но ты ведь мой секретарь, - ответил Маркас, приподняв бровь.

Обменявшись понимающими улыбками, они направились ко входу. Как только порог здания департамента остался позади, на их лицах воцарилось одинаковое спокойное и деловое выражение профессионалов, знающих свою работу и не обращающих внимания на несущественные мелочи. Поднявшись на второй этаж и пройдя полную длину коридора, остановились перед массивной двустворчатой дверью. Маркас коротко постучал и открыл ее, пропуская Милдред вперед.

Войдя в приемную, лорд Двейн приветственно кивнул секретарю - молодому человеку, сидящему за столом, заставленном стопками бумаг. Тот, увидев посетителей, встал и произнес:

- Лорд Двейн, лорд Бирн уже ждет вас,- после перевел зажегшийся восхищением взгляд на Милдред и чуть поклонился. - Леди Уорд, вы, как всегда, великолепны.

- Благодарю, Джойл, - женщина ответила на искренний комплимент сдержанной улыбкой и последовала за Маркасом к двери, ведущей в кабинет его непосредственного начальника, лорда Гаррета Бирна.

После короткого стука и столь же короткой вежливой паузы она вслед за первым проректором вошла в комнату, предусмотрительно закрыв за собой дверь.

Кабинет главы тайной службы Залдана был светлым за счет больших окон, но мебель вся была сплошь темного цвета: шкафы и большой письменный стол - из черного дерева, диван и кресла обиты черной кожей.

Мужчина, сидящий за столом, поднял голову от бумаг, чтобы взглянуть на посетителей. Скользя быстрым, все подмечающим взглядом по мужской фигуре подчиненного, он надолго задержался на стройном женском силуэте. В пронзительно-синих глазах мелькнула вспышка.

Встав из-за стола, хозяин кабинета, поприветствовал вошедших:

- Здравствуй, Маркас.

- Доброго утра, лорд Бирн, - ответил проректор, кивая.

- Леди Уорд, вы ослепительны, - с легким прищуром и полуулыбкой, обратился он к рыжеволосой красавице.

- А вы большой льстец, лорд Бирн, - насмешливо усмехнувшись, ответила Милдред, сверкнув изумрудными глазами.

- Все может быть. Должность, знаете ли, обязывает, - улыбнувшись, произнес глава тайной службы и сделал приглашающий жест. - Присаживайтесь.

В ответ на любезное предложение леди Уорд плавным движением, полным изящества и грации, опустила в кресло, юбка платья легла мягкими складками, обрисовывая силуэт стройных длинных ног. Мужчины последовали ее примеру, предварительно окинув идеальную посадку женщин изучающими взглядами.

- Итак, - продолжил Гаррет Бирн. - Я внимательно слушаю, Маркас, что ты мне расскажешь в этот раз?

Первый проректор без долгих предисловий перешел сразу к делу:

- В этом году набор немного меньше, чем в предыдущем. В Консерваторию зачислено сто двенадцать человек, из которых двадцать определены на музыковедческий факультет, тридцать два - на вокальный, сорок пять - на исполнительский и пятнадцать - на композиторский.

Лорд Бирн кивнул, а Маркас Двейн продолжил:

- Я привез с собой личные дела студентов. Все как всегда: краткая информация о студенте, его семье и уровне способностей с прогнозом развития.

Милдред, увидев знак начальника, покинула кресло и обошла стол, чтобы положить перед главой тайной службы папку с вышеозначенными личными делами студентов этого года набора. Приблизившись на расстояние, приемлемое приличиями, она произнесла негромким приятным голосом, от которого по телу бегут мурашки:

- Лорд Бирн?

Мужчина встал с кресла и принял папку из ее рук, неотрывно глядя в играющие весенней зеленью глаза.

- Благодарю, леди Уорд, - ответил он.

На короткое мгновение их пальцы соприкоснулись, и в синих глазах снова зажегся огонь, который он потушил с гораздо большим усилием, чем в прошлый раз. Милдред же, как ни в чем ни бывало, вернулась на свое место и изобразила на лице вежливый интерес к происходящему. Такие встречи были отчетными и ничего нового на них, как правило, не говорилось, по крайней мере, для нее.

Пока проректор Консерватории рассказывал о первых успехах и неудачах студентов, подающих наибольшие надежды, что заняло продолжительное время, лорд Бирн открыл папку и стал, одно за другим, просматривать дела.

- Кандидаты на стипендию уже определены? - спросил он, когда докладчик закончил.

- Да, лорд. Пятьдесят человек в этом году, - кивнул проректор.

- Проблемы с дисциплиной? - снова задал вопрос глава тайной службы.

- Решаемые, - ответил лорд Двейн.

- Это радует, - кивнул Гаррет Бирн и сложил просмотренные дела обратно в папку. - Хорошо. Теперь вот что, Маркас: в этом году на праздник зимнего солнцестояния можешь привозить столько студентов, сколько считаешь нужным, но в основном составе будут только старшекурсники - третий, четвертый - и только известные нам олламы и оллемы из родовитых семей.

Лорд Двейн кивнул в знак того, что распоряжение понял и принял.

- Все уточняющие распоряжения насчет обустройства, поселения и других организационных моментов посылай Джойлу.

Очередной кивок со стороны подчиненного.

- Что там с лордом Крейном? - поинтересовался глава тайной службы.

- Притих, - коротко ответил Маркас.

- Да неужели? - бровь лорда Бирна саркастично изогнулась. - С чего бы это?

- Я объяснил почтенному лорду, что учебное заведение, в котором покорял знания сам его величество, не может вызывать ни тени подозрений, какой бы степенью закрытости оно не обладало. И я, как дворянин могу поручиться за незапятнанность консерватории Аберга, в которой занимаю не последнюю должность. Не может же он подвергать сомнению авторитет его величества и нерушимость слова лорда? - пожав плечами и сдерживая улыбку, ответил проректор.

- Надеюсь, этой отповеди ему хватит надолго, - хмыкнул лорд Бирн, после чего обратился к Милдред:

- Леди Уорд выношу вам благодарность за аккуратное ведение документации и замечательные портреты.

- Благодарю, лорд Бирн, - ответила красавица, одарив мужчину пристальным взглядом изумрудных глаз.

- Ну что ж, как бы ни было мне приятно ваше общество, дела не ждут, - произнес хозяин кабинета и поднялся, в знак того, что аудиенция окончена.

Его примеру последовали и посетители. Кивнув в знак прощания, они направились к выходу. Дождавшись, когда Милдред покинет кабинет, глава тайной службы окликнул подчиненного:

- Маркас.

- Да, лорд Бирн? - проректор остановился и прикрыл дверь.

- Когда привезешь своих олламов через два месяца в Кавриш, возьми с собой леди Уорд: у нее неплохие организаторские способности, - произнес мужчина.

- Конечно, лорд Бирн, - ответил Маркас Двейн и, еще раз попрощавшись, закрыл створку уже с другой стороны кабинета, делая вид, что не заметил огня, вспыхнувшего в синих, хищно сощуренных глазах начальника в момент произнесения имени своей помощницы.

Фразы, подобные этой, были своеобразной традицией. Лорд Бирн всегда находил предлог для того, чтобы Маркас появлялся в его кабинете не один, а в компании секретаря, которая каждый раз с плохо скрываемым азартом и удовольствием составляла компанию непосредственному начальнику.

Милдред ожидала первого проректора в приемной. Уже сидя в карете, после того, как они вместе покинули крыло-вотчину тайной службы и само здание департамента, он произнес.

- Поедешь со мной сюда на празднование зимнего солнцестояния?

- На сам праздник или тебе нужна помощь со студентами? - уточнила женщина, едва сдерживая норовящие расплыться в улыбке губы. Она точно знала, что сейчас услышит.

- Лорд Бирн абсолютно уверен, что твоя помощь будет нелишней.

Изумрудные глаза засверкали удерживаемой улыбкой. Леди Уорд повернулась к окну, какое-то время наблюдала, как мимо проплывают чужие дома и экипажи, а потом произнесла:

- Конечно, я буду рада тебе помочь, - и после небольшой паузы многозначительно добавила. - Раз уж лорд Бирн так высоко оценил мои способности, не стоит его расстраивать.

Глава 8

По мере приближения к музыкальному кабинету мысли в моей голове становились все навязчивее и громче. Сегодня последний урок под руководством Даррака Кейна, метр Двейн возвращается и, начиная со следующей недели, будет заниматься со мной сам. Так сказал сам студент выпускного курса композиторского факультета, подменяющий преподавателя. Уже на первом занятии стало ясно, что открыть ему свою музыку мне гораздо легче, чем мэтру, но на второй урок я была искренне удивлена тем, что для того, чтобы освоиться и играть так, как чувствую, мне практически не понадобилось времени. Взгляд серых глаз не вызывал дискомфорта, а наоборот, придавал уверенности в себе, и скоро я играла так, будто никто в целом мире меня не слышит: с полной отдачей, растворяясь в нотах и мелодии. Это, несомненно, было хорошим знаком, но казалось мне странным. Почему мне так легко доверить сокровенное едва знакомому человеку? Или все дело в самом Дарраке?

За этими мыслями я не услышала нагоняющих меня шагов и очень удивилась, когда ощутила чужие крепкие пальцы на своем предплечье, заставившие меня остановиться. Обернувшись, встретилась

взглядом с человеком, видеть которого хотела бы в последнюю очередь.

Без малейшего намека на дружелюбную улыбку, твердо глядя в его холодные льдисто-серые глаза, произнесла:

- Убери руку.

Бровь молодого человека приподнялась, во взгляде вспыхнула и потухла злая искорка. Нарочито медленно он разжал пальцы и отвел от меня руку.

- Что это ты такая неприветливая, Талли? – спросил он своим приторным голосом, как будто что-то липкое и склизкое поползло по позвоночнику. Захотелось передернуть плечами, чтобы прогнать неприятное ощущение.

- Моё имя Таллия, - резко ответила я. Не было абсолютно никакого желания оставаться в обществе этого парня, поэтому я спросила:

- Что тебе нужно, Грейнн?

Оллам изобразил умеренно презрительную гримасу и пожал плечами.

- Хотел узнать у тебя об Орнии, - наконец ответил он.

- Что именно? – мой голос промерз до уровня северных ледников.

Студент едва заметно поморщился и извергнул из себя сакраментальный вопрос:

- Как она?

- Хорошо. Несмотря на твои старания. И я не вижу причин, по которым тебя могло бы интересовать ее самочувствие, - ответила я и сделала попытку продолжить путь, но скрипач заступил мне дорогу.

- Грейнн, у меня нет абсолютно никакого желания с тобой общаться ни по какому вопросу, - произнесла я, смотря за его плечо на дверь нужного мне музыкального кабинета. Но следующая реплика студента-выпускника исполнительского факультета меня ввергла в пучину непонимания:

- Почему такая красивая девушка как ты столь недружелюбна, Таллия? – голос студента черными прожилками вился вокруг меня, стараясь найти хоть малейшую лазейку к... к моим чувствам?

Злость наполнила три заученные ноты, яростно прозвеневшие в моей голове, будто сами по себе. Он что? Пытается воздействовать на меня с помощью дара?!

В этот момент сзади раздался знакомый ультрамариновый голос, сверкающий холодными острыми гранями:

- Грейнн! За подобные фокусы предусмотрено дисциплинарное наказание, если ты забыл!

Я не стала оборачиваться, продолжая смотреть на мерзавца и помимо воли слегка прищуриваясь. Каков подлец! В глазах студента вспыхнула ничем неприкрытая злость.

- Это недоразумение, Даррак, - выдавил он из себя подобие улыбки. – Просто рядом с такой красивой девушкой сложно себя контролировать.

- Если у тебя проблем с самоконтролем, возможно, тебе стоит еще раз пройти курс дисциплин первого года? – невозмутимо поинтересовался Даррак.

- Я буду осторожней впредь. Думаю, такое больше не повторится, - уже без всякого подобия вежливости отрезал Грейнн.

- Уж постарайся, - оставил за собой последнее слово выпускник композиторского.

У Грейнна дернулась верхняя губа, но он сдержался и, кивнув мне и Дарраку, обошел нас и стал спускаться по лестнице с учебного этажа.

До этого самого момента я не ощущала, как на самом деле была напряжена, но теперь судорожно выдохнула, не зная, чего в моем выдохе было больше: облегчения или праведного гнева. Даррак Кейн обошел меня и заглянул в глаза.

- Все хорошо? – спросил он, не отрывая взгляда, словно пытаюсь заглянуть через глаза в самую душу.

Стало неловко. Я перевела взгляд на дверь музыкального кабинета и ответила:

- Терпимо.

- Что он хотел от тебя? - от сурового серебра глаз собеседника было не скрыться, они притягивали к себе словно магнит.

- Спрашивал о моей соседке. У них был... были отношения, - подобрала я уместное слово.

Оллам хмыкнул в ответ на собственные мысли, повернулся, подошел к двери музыкального кабинета и открыл ее:

- Идешь? - полувопросительно произнес он, обернувшись.

Я как будто очнулась, перестала себя чувствовать каменным изваянием и последовала за временным учителем. Даррак пропустил меня вперед и зашел в помещение следом, плотно закрыв за собой дверь. Я улыбнулась. С тех пор, как он устроил мне резкий выговор за мою неосторожность, я всегда с большим вниманием следила о соблюдении этого правила консерватории. Хорошо бы поблагодарить его за появление такого полезного рефлекса, но как-то неловко.

Сегодня выбирать мелодию не пришлось. Она сама лилась из меня тональностью Солнечный Топаз, плескаясь оранжевым пламенем негодования и гнева с вкраплением ярко вспыхивающих искр отвращения. Казалось, всю комнату охватило безудержный огонь, вырывающийся из-под моих пальцев и рассыпающийся мириадами ярких точек. Стихия обжигала меня своим жаром, а в какие-то моменты почти ощутимо раскаленным воздухом становилось трудно дышать. Ярость находила выход и полыхала во всей своей неприглядности. Мне самой не нравилось, что я слышу, но эмоции требовали выхода, а лучшего способа, чем музыка, просто не существовало. Она столько раз спасала меня, помогла и в этот раз. Еще с детства я поняла, что гложущее чувство лучше излить инструменту, достаточно бесстрастному, чтобы стерпеть все измывательства исполнителя, чем выплескивать их на ничего не понимающих окружающих. Раз за разом я играла новую мелодию, отпуская неприятные эмоции, пока пальцы не привыкли к новым комбинациям, и исполнение уже не требовало никакого напряжения. Оранжевые всполохи покорились: они уже не походили на бушующий пожар, готовый поглотить все на своем пути, теперь это был маленький сердитый костер, гневно потрескивающий тлеющими дровами, безопасный для окружающих, но по-прежнему несущий в себе всю смесь моих сегодняшних ощущений.

Я не поворачивалась к Дарраку, не спрашивала ни о чем. Здесь и сейчас мне было безразлично его одобрение или порицание. Я просто играла раз за разом, пока мелодия не засияла сверкающим оттиском нот в моей памяти.

Остановилась, лишь когда почувствовала себя свободной от неприятных чувств, снова спокойной и уравновешенной. Подождав, пока окончательно затихнет последняя нотка, оторвала пальцы от клавиш и сложила руки на коленях. Сейчас я чувствовала себя умиротворенной, как никогда. В отличие от рояля. Он как будто был измотан, даже изможден моей игрой. Был бы человеком, наверняка сейчас стирал бы испарину со лба дрожащей рукой. Прости, мой друг...

Тишину нарушил голос цвета горького шоколада:

- Ну и ну. Кто же вас так... м-м-м... расстроил, оллема Таллия, что вы едва не спалили своей музыкой рояль?

Я резко обернулась. Рядом с закрытой дверью стоял первый проректор и серьезно смотрел на меня.

- Метр Двейн, вы вернулись, - озвучила очевидное я.

Даррак по-прежнему сидел на преподавательском стуле и был сама невозмутимость.

- Оллема, не стоит в присущей женщинам мягкой манере ненавязчиво менять тему разговора. Этот прием хорош на званый вечерах, но не на занятиях, - черный бархат снова стал мягко, но неумолимо обволакивать, с намерением подчинить воле говорящего. Странно, но сейчас я не чувствовала ни малейшей попытки влияния. Проректор был силен не только как оллам, но и как человек, и эта властность сочилась в его голосе и создавала подобный эффект.

- Что вы, метр Двейн у меня и в мыслях не было переводить тему, - поспешила опровергнуть его предположение я.

Мужчина иронично приподнял бровь и многозначительностью паузы дал понять, что по-прежнему ожидает ответа на свой вопрос.

Что ответить? Рассказывать о произошедшем и причинах моей реакции не хотелось, ни к чему эти студенческие дразги первому проректору консерватории. Невольно перевела взгляд на Даррака, подспудно ожидая от него подсказки или помощи в вопросе, как поступить. Его серебряно-серые глаза светились спокойствием и уверенностью, он смотрел на меня без малейшего признака напряжения, как будто давая понять, что любое принятое мной решение в этой ситуации будет

верным.

- Это просто внутренние студенческие проблемы, метр Двейн. Уже решенные, но раздражающие самим фактом своего наличия, - ответила я, стараясь придать голос больше легкости и в то же время уверенности, чтобы у Маркаса Двейна не возникло желания углубляться в детали.

- Что ж, и такое случается. Ничего не поделать, - пожал плечами мужчина, удовлетворенный моим объяснением. - И раз уж я застал ваш урок... - проректор повернулся к Дарраку и обратился к нему:

- Что вы скажете о своей ученице, оллам?

Студент посмотрел на меня и ответил метру, не отрывая взгляда от моих глаз:

- Оллема Таллия весьма перспективна, у нее значительные успехи. Она на глазах раскрепощается, как музыкант, старательна и тонко чувствует музыку, - его голос стал оттенка предночного неба, чей темный глубокий синий цвет разбавляет сияние звезд.

- А что вы скажете об этом конкретном произведении? - последовал другой вопрос после небольшой паузы.

Даррак ответил не сразу, словно подыскивая правильные слова. Мне же не было страшно ожидать его вердикта. С первого нашего занятия я поняла, что этот человек никогда не осудит ни меня, ни моей музыки. Он не тот, кто, походя или из прихоти, может перечеркнуть плоды движения чужой души презрительным размахом слов.

- Музыка довольно сумбурна, но, как мне кажется, этот штрих вполне уместен, учитывая, какие эмоции мелодия несет в себе.

- Это все? - уточнил проректор.

Даррак Кейн кивнул.

- Значит, оллам, вы не заметили, что эта мелодия родилась у вас на глазах? - нарочито беззаботным тоном спросил Маркас Двейн.

И только теперь, после этих слов, серые с голубыми отблесками глаза перенесли свое внимание с моих собственных на преподавателя. И выражение их было весьма удивленным.

- То есть... - произнес было Даррак и снова замолчал, а его взгляд метнулся обратно ко мне. Я неосторожно заглянула в серебристо-серые глаза и замерла: в них разыгралась настоящая буря. Только причина вихря смутно различимых эмоций была мне не понятна.

- Именно, - подтвердил преподаватель, напоминая о своем присутствии, и меня вдруг затопила страшная неловкость, а мои щеки стали густо краснеть.

- Ну что вы, оллема, не стоит смущаться. Это признак немалого прогресса, - произнес лорд Двейн, замечая изменение цвета моего лица. - Думаю, на сегодня достаточно.

Я встала, кивком попрощалась с присутствующими и выскользнула за дверь. Это глупое смущение меня сердило. Ведь мне и в самом деле нечего стесняться. Где же давать волю собственной музыке, если не на уроке композиции? Тогда почему мне даже дышать горячо? Вот глупая!

С такими мыслями я медленно шла по коридору, постепенно успокаиваясь и убеждая себя, что ничего сверхъестественного не произошло. Вдруг услышала за спиной тихий, но в тишине пустого пространства отчетливо различимый оклик:

- Таллия.

Обернулась и увидела в шаге от себя Даррака Кейна. Его глаза по-прежнему полыхали чем-то необъяснимым, они неотрывно смотрели в мои, будто находили в них что-то удивительное.

- Даррак? - прервала я паузу, грозящую затянуться.

Молодой человек сделал резкий вдох, открыл рот, чтобы что-то сказать, но потом легко выдохнул и улыбнулся. От искренней и, как оказалось, очень красивой улыбки черты его лица смягчились, а взгляд стал теплым. Я замерла.

- Спасибо, - произнес оллам, после чего кивнул мне в знак прощания, развернулся и удалился в сторону лестницы.

Не нужно было никаких объяснений, я знала, за что Даррак поблагодарил меня. Рождение мелодии - процесс глубоко интимный, сакральный, я бы сказала, мало кто знает, как она вообще появляется

на свет, ведь у каждого композитора это происходит по-разному. А я раскрылась. Но что мне было делать? В такие моменты, когда эмоции бурлят кипящей лавой и грозятся поглотить все твое существо, когда вдохновение раз за разом скручивает внутренности, требуя выхода, невозможно не подчиниться. Подспудно приходит понимание, что глушить такой порыв в себе ни в коем случае нельзя. Потому что каким бы тираном вдохновение иногда ни было (в моем случае, оно как будто имело свой характер, иногда витая легким ветерком и навивая столь же невесомую мелодию, а иногда, прожигая, словно раскаленные прутья, кажется, самую мою суть насквозь, неистово требуя воплощения в звуках) и как бы ни трепало нервы в определенные моменты, без него жизнь не так ярка. А затушенный раз пожар может вновь и не вспыхнуть. Так что несмотря на собственное смущение, я была твердо уверена: знай, что все получится именно так, поступка бы своего не изменила.

Я еще какое-то время стояла и слушала удаляющиеся шаги, а потом будто что-то отпустило. Чего, спрашивается, я здесь стою? Во-первых, меня ждет урок с метрессой Линдберг, а во-вторых, дожидаться здесь еще и лорда Двейна мне уж точно не хочется. Снова развернувшись, быстрым шагом устремилась к аудитории, в которой должен был проходить долгожданный и предвкушаемый урок игры на псалтири.

Занятие, хоть и не требовало присутствия рояля, все же проходило в фортепианном кабинете, потому что все музыкальные классы были им оснащены. Ведь рояль ценен не только как сольный инструмент, но и незаменим в качестве аккомпаниатора, я уже не говорю о пользе в деле настройки.

Постучав, зашла в кабинет и первым делом стала искать взглядом свой струнный инструмент. Он был тут. Вернее, их тут было целых два. Успокоившись наличием псалтири, перевела взгляд на преподавателя и поздоровалась. Санна Линдберг ответила на приветствие и улыбнулась так, будто видела перед собой увлеченного восторженного ребенка.

После того, как я села на указанный стул напротив стула метрессы, руки сами собой потянулись к инструменту. Сестра-близнец псалтири преподавателя, она была прекрасна, похожа на перевернутую чашу, мягким изгибом сужаясь к дальней от меня стороне. На верхней деке, как и на тыльной стороне красовались резные отверстия, являющие собой плавный орнамент переплетения пустот и дерева, гладкостью исполнения похожий на роспись. Колки располагались по левому боку, а струны, словно нити рукодельницы хитрым способом крепились за выступ правого, словно вязальным узлом, и возвращаясь обратно к колкам. Концы струн были аккуратно спрятаны. Сама псалтирь была бережно окрашена в ореховый цвет и как будто манила прикоснуться к себе, хотя, возможно, это мне не терпелось поскорей познакомиться с новым инструментом получше.

Санна Линдберг, дав мне время изучить новую знакомую пристально-восторженным взглядом, произнесла:

- Ну что ж, давай попробуем вас подружить.

Я с энтузиазмом кивнула, и урок начался. Метресса рассказывала все, начиная с самых азов: поясняла музыкальный строй, показывала, как правильно держать руки и кисти, чтобы они не слишком уставали и не «зажимали» звук, демонстрировала, как и с какими сопутствующими движениями нужно цеплять струны, чтобы на выходе был именно тот звук, который нужен - в зависимости от темпа исполнения они могли меняться. Я ловила каждое слово преподавателя, следила за каждым взмахом руки и малейшим движением, отслеживала поведение прирученных к инструменту пальцев и старалась повторить в точности.

В итоге урок пролетел практически незаметно, а я только больше утвердилась в том, что мой выбор был единственно верным: ведь даже на мои пока неумелые щипки и цепляния псалтирь откликалась мягкими небесной легкости звуками, словно в ней была бездна терпения к ученице и радость любому, кто заставляет ее звучать.

В конце занятия метресса Линдберг, все так же улыбаясь в ответ на мою горячую благодарность, напомнила, что мне следует вместе с инструментом спуститься к мастеру Имону, чтобы тот внес необходимые пометки в документацию. Прикрепив добротный кожаный ремень к инструменту и перекинув его через плечо так, чтобы псалтирь плотно прилегала к боку и бедру, попрощалась и покинула кабинет.

А у мастера-кладовщика меня ждал сюрприз, которого я никак не ожидала. Когда я, увидев, что за стойкой мастера нет, громко по ней постучала, в проеме двери, ведущей в мастерскую, показался ни кто иной, как Кеннет.

- Кнет? А ты что тут делаешь? - не смогла сдержать удивления я.

Парень на секунду смутился, а потом встряхнулся, уже привычно подмигнул мне и ответил:

- Я тут учусь, Галлия, мы же в консерватории, помнишь? Тут люди учатся, - голос играл стеблями

молодой травы, как озорной ветерок, ласково шевеля их то в одну, то в другую сторону.

- Учишься у мастера Имона? - не дала я сбить себя с толку.

- Все-то ты подмечаешь, Талли, - улыбнулся парень.

- Кнет, это же здорово! - воскликнула я в ответ. - Мастер Имон может столькому тебя научить!

- Да, опытней и талантливей мастера найти сложно, а мне понравилось давать потрепанным инструментам второй шанс, - согласился оллам.

В этот момент из-за его спины появился сам мастер-кладовщик и пробурчал:

- Нечего мне тут песни хвалебные петь. Идите дорабатывайте состав клея, оллам, он у вас до безобразия неэластичный, таким клеем только бумажные паровозики мастерить пятилетним детям. Марш!

Скрипач еще раз подмигнул на прощание и скрылся в мастерской. Мастер Имон посмотрел ему вслед и не сдержал довольной улыбки. Я сделала вид, что ничего не заметила. Обратив внимание на меня, мастер ворчливо поинтересовался:

- Зачем пришли, оллама?

- Да вот, оформить инструмент хочу, - ответила я.

- Номер инструмента? - спросил он, проходя за стойку и открывая журнал.

- Не знаю, но у вас его сегодня брала метресса Линдберг, для занятий, - четко и без задержек произнесла я. Мастер-кладовщик терпеть не мог мямлей, они его вгоняли в раздражение.

- Положите-ка псалтирь на стойку. Сейчас разберемся, - ответил мастер.

Я последовала указанию и под пристальным взглядом старого Имона сначала определила инструмент на стойку и лишь потом сняла ремень, укладывая псалтирь так, чтобы она - ни дай небо! - не упала. Одобрительно хмыкнув, мастер развернул ее к себе другим боком, слегка приподнял и пригляделся, после чего положил обратно.

- Так-с, номер совпадает, - пробормотал он сам себе, а потом обратился ко мне. - Значит, оформляем на тебя. На какой срок?

- А какой максимальный? - не колеблясь ни секунды, выпалила я, чем вызвала понимающую усмешку старого мастера.

- До конца учебного года, - ответил он.

- Значит, давайте до конца учебного года, - кивнула я.

Мастер-кладовщик хмыкнул и принялся что-то писать сначала в одном журнале, а потом в другом, гораздо более толстом, попутно давая мне наставления.

- Значит так, оллама. С инструментом обращаться бережно: не ронять, не бить, сокурсникам увечья не наносить, - в ответ на мои округлившиеся от удивления глаза пояснил. - А что, и такие прецеденты бывали, но за порчу казенного музыкального инвентаря в консерватории весьма строгое дисциплинарное наказание, вплоть до отчисления. Так что еще... - в течение десятка секунд он снова настраивался на мысль, а потом продолжил:

- Над инструментом не есть, рядом с ним не пить, обращаться бережно и нежно. Под дождь без чехла не выносить! Все ясно?

- Ясно, уважаемый мастер Имон, - ответила я без тени улыбки.

Нет, улыбнуться очень хотелось, но этот вопрос был слишком важным для старого мастера, чтобы он спустил пренебрежительное или легкое к нему отношение. Так что, увидев улыбку, мог на целый час лекцию устроить о том, как важно беречь музыкальные инструменты - труд не одного поколения мастеров и проводник музыки в наш мир, который без нее был бы тусклым и бледным. Поэтому я прилагала все усердие, чтобы умиленная радением мастера о сохранности вверенного ему музыкального инвентаря улыбка не проскользнула по моим губам.

Зачитав обязательный инструктаж и уверив меня в том, что принимать инструмент будет с самым тщательным вниманием, несмотря ни на что, мастер Имон выдал мне кожаный плотный чехол для псалтири, подал два журнала, где я поставила роспись о получении на руки самого инструмента и сопровождающего его чехла, после чего оказалась свободной.

Мастер-кладовщик провожал меня нарочито пристальным и подозрительным взглядом, а я, попрощавшись и поблагодарив старого Имона, вышла из помещения, крепко прижимая к себе новый инструмент, бережно помещенный в чехол. Сердце радовалось и ликovalo почти так же, как в тот день, когда я впервые села за рояль и поняла, что это маленький мир, который можно обустроить по собственному усмотрению, и в котором возможно все, что угодно, все, на что хватит веры и фантазии. Сегодня этот мир стал богаче, теперь я могла создавать его части новым звучанием. И осознание этого давало моей душе крылья.

Ненадолго заскочив в библиотеку, на обед я не шла, а как будто парила над полом. Душу разрывала приятная неопределенность: я не знала, каким именно инструментом заняться в первую очередь после приема пищи. Однако с облаков пришлось спуститься довольно быстро: в столовой на моем привычном месте рядом с Нией обнаружилась алая роза. Я в недоумении посмотрела на друзей. Кеннет, оказавшийся тут раньше меня, едва сдерживал ярость, Кейдн хмурил брови в явном неодобрении, Делма сидела, поджав губы, а Ния была непривычно задумчива и слегка бледна. Да что такое? В моем представлении цветок мог подарить мне только один человек. Что могла послужить причиной подобной неприязни к Байлу со стороны моих друзей?

Я оглянулась, выискивая однокурсника, и нашла его очень быстро. Парень смотрел на меня, не скрывая напряжения, и выражение его лица было таким напряженным, что я сразу поняла: роза не от него. Но тогда от кого?

- Привет, ребята, - поздоровалась я, аккуратно снимая псалтирь и надежно пристраивая ее рядом со скамьей, - Откуда здесь цветок?

Ответила мне Делма:

- Грейнд принес.

Больше объяснений не требовалось. Каков мерзавец! Огненная волна прокатилась по телу, отзываясь покалыванием в кончиках пальцев, лицо вспыхнуло румянцем, но не от смущения, а от злости. В этот момент как раз вышел мастер Аодх, чтобы традиционно пожелать студентам приятного аппетита. Мысль мелькнула яркой вспышкой. Праведный гнев наполнил тело легкостью, решение было принято в течение секунды. Я усмехнулась, взяла розу и направилась к старшему повару. Ощущение было, что на меня смотрят все присутствующие в столовой, но мне было все равно: я была очень зла. Остановившись напротив шарообразного мужчины, я улыбнулась и в ответ на вопросительный взгляд мастера произнесла:

- Мастер Аодх, вы каждый день радуете нас такой вкусной и разнообразной пищей. Разрешите мне поблагодарить вас. Примите этот цветок в знак моей признательности за ваш труд и восхищения.

В первое мгновение старший повар растерялся, а затем случилось невероятное: большой шарообразный мужчина зарделся, а его глаза подозрительно заблестели. Он как будто неуверенно принял мой подарок и расплылся в сияющей счастливой и польщенной улыбке.

- Спасибо, моя милая. Тронула сердце старика, - произнес он голосом похожим на кружку исходящего паром горячего травяного чая с кусочками фруктов и лепестков, придающих напитку красноватый оттенок.

После этих слов он как будто стал еще прямее, прижал розу к груди и объявил громче обычного, с какими-то особенно торжественными нотками:

- Приятного аппетита, оламы и оллемы, - затем улыбнулся мне, полным достоинства движением склонил голову в кивке, дождался моей ответной улыбки, исполненной счастья от доставленного замечательному человеку радости, и, медленно развернувшись, удалился в кухню. А я, продолжая сиять улыбкой, вернулась за свой стол, где меня ждали уже совершенно другие лица и изменившаяся атмосфера.

На лицах друзей царствовали улыбки разной степени злорадности, но самая ярко выраженная была у меня. Только Ния по-прежнему пребывала в задумчивости, но уже не была такой бледной, как несколько минут назад. А через пару столов от нашего сидел Байл и смотрел на меня с таким счастьем во взгляде, что мне стало неловко.

И в этот момент в голову закралась подозрительная мысль, которую я, не задумываясь, озвучила:

- Ребята, вы что, решили, что у меня с этим... Грейндом какие-то отношения?

Делма и Кейдн смутились, а Кеннет опустил глаза. И без пояснений все было ясно: именно так они и решили. Стало по-настоящему обидно. Я посмотрела на Нию, она легко мне улыбнулась и отрицательно покачала головой. Не став сдерживаться, я подвинулась к ней ближе, обняла и прошептала:

- Спасибо, подруга.

Солнечная девушка ответила на мои объятия и сдавленно хихикнула. Отстранившись, я недоуменно посмотрела на нее. Заметив мой непонимающий взгляд, она кивнула в сторону наших сотрапезников и пояснила причину своего веселья:

- Ты только посмотри, какие у них лица виноватые.

Я обернулась. Лица действительно были виноватые и весьма. Слово взяла Делма:

- Прости, Талли, просто этот... Грейнн так демонстративно подошел и положил цветок на твое место. И в это момент был таким злорадным... И так, гад, на Нию уничижающее посмотрел, что мы подумали... что... - девушка замолчала, но за нее закончил Кеннет:

- Мы подумали, что у него есть причина так себя вести, Талли. Извини, - и посмотрел на меня своими большими густо-янтарными глазами, да так грустно и несчастно, что я не выдержала и улыбнулась.

- Ладно, давайте забудем об этом, - махнула я рукой.

Ребята заулыбались в ответ с явным облегчением, а Ния снова хихикнула.

- В знак своего раскаяния, я принесу тебе обед, - выдал скрипач, подняв вверх руку с оттопыренным указательным пальцем, встал и удалился претворять в жизнь задуманное. А я что? Я вовсе и не была против. Для меня главным было, что Ние этот инцидент не принес боли, и что она не сомневалась во мне ни секунды. Осознание этого факта было крайне приятным и наполняло мое сердце уютным теплом.

Оставшееся время обеда мы провели в теплой дружеской атмосфере, негласно решив, не вспоминать о произошедшей неприятности.

После перерыва на обед каждый из нас отправился по своим учебным делам: самостоятельные занятия занимали много времени, ведь изливание музыки души не должно перебиваться неумелыми спотыканиями техники музыканта. Я вместе со своей драгоценной ношей снова отправилась на третий этаж, где в музыкальном кабинете с уже знакомым роялем принялась доставать псалтирь из кожаной сумки. Подстроив струнный инструмент с помощью клавишного, сначала решила заняться привлекающей новинкой, а затем уж старым знакомцем. Эти несколько часов, что я провела в компании инструментов, были чудесны. Я даже пожалела, что не могу одновременно играть на обоих, какой бы дивный дуэт мог получиться. Строгий, полный достоинства рояль и небольшая теплая небесная псалтирь - если бы они были людьми, они вполне могли бы подружиться.

Сегодня музыка лилась из меня особенно легко. Может и не музыка души, но мне было радостно играть и наблюдать сменяющие друг друга цвета, заполняющие вместе со звуком пространство комнаты.

Я уже закончила самостоятельное занятие и снова укладывала псалтирь в сумку, когда дверь после короткого резкого стука открылась. На пороге стоял Грейнн, и он был зол, хоть и пытался сдерживать эмоции, чтобы они не были так очевидны. У него получалось: ни тебе гневно дергающегося глаза или крыльев носа, ни разъяренного дыхания. Он был как всегда безупречен, и только в глазах плескалась самая настоящая ярость, готовая испепелить на месте любого.

Бросив на меня короткий взгляд, он без слов зашел в комнату и закрыл за собой дверь, после чего демонстративно прислонился к створке спиной, показывая, что без его позволения, я отсюда никуда не уйду. Очень кстати вспомнилось, что музыкальные кабинеты в консерватории звукоизолированы. Стало не по себе, но я постаралась не подавать виду и продолжила свое дело по упаковке инструмента в чехол.

Первый разговор я начинать не собиралась. Оллам понял это, и его голос, слишком сладкий, извивающийся черной змеей, рассеял приятный полог тишины.

- Таллия, ты не умеешь принимать извинения, - слишком дружелюбным, чтобы я поверила, тоном произнес парень.

- Ты о чем? - сделала вид, что не понимаю, о чем идет речь.

- О розе, - коротко пояснил Грейнн.

- О той, что лежала на моем месте в столовой? - решила уточнить я.

- Да, именно об этой, - подтвердил он.

- Так это было извинение? Прости, я не поняла, - пожала плечами я и стала тщательно застегивать

ремни сумки.

- Больше так не делай. Мне неприятно, когда знаками моего внимания так откровенно пренебрегают, - позволив себе несправедливо обиженные интонации, произнес Грейнн.

Эта фраза вызвала во мне волну гнева. Подлец! Да что он вообще себе позволяет?!

- А мне неприятны знаки твоего внимания. Так что я отвечу тебе твоей же просьбой: больше так не делай, - довольно резко ответила я, смотря в злые холодные глаза.

- Почему я не могу оказывать знаки внимания девушке, которая мне нравится? - раздраженно поинтересовался парень.

Насколько же нужно быть самоуверенным и самовлюбленным эгоистом, чтобы задавать подобные вопросы в подобном тоне?!

- Да ладно тебе, Грейнн. Уверена, ты не будешь долго грустить, учитывая скорость, с которой меняются твои симпатии, - злая ирония обильно сочилась из моих слов, но мне было все равно. Этот человек сделал больно самой светлой девушке из всех, которых я встречала, и пытается теперь сделать еще больней. Вежливости и терпения ему от меня не видать.

- Зачем ты грубишь, Таллия? - делано изумленно спросил оллам, а потом расплылся в гаденькой ухмылочке и произнес - Позволь предположить: тебе неловко от того, что на каком-то уровне ты испытываешь симпатию к возлюбленному собственной подруги, которая лишь недавно с ним рассталась? Тебе не нужно винить себя. Чувства - материя тонкая.

У меня от желания приложить эту самовлюбленную скотину чем-нибудь тяжелым даже волоски на затылке зашевелились. И я не выдержала:

- Нет, Грейнн, как бы ты не убеждал себя в обратном, случается, что вещи, обстоятельства и люди не столь двуличны и являются именно тем, чем кажутся. Это к слову о моей искренней и всепоглощающей неприязни к такому, как ты.

- К такому, как я... - задумчиво повторил оллам, а потом зло сверкнул глазами и в два шага оказался вплотную ко мне, - Значит, неприязнь. Это плохо. Для тебя. Потому что я привык получать, что хочу, и в этот раз выбор пал на тебя, девочка.

Я не дышала, но не от страха, а от отвращения: Грейнн стоял так близко, что при вздохе моя грудь обязательно бы коснулась его, и мне было противно от одной мысли об этом. Отклонившись назад, насколько это позволял стол, рядом с которым я стояла, произнесла с плохо скрываемым презрением:

- У тебя извращенный вкус, Грейнн, если тебе нравится смотреть на омерзение в глазах партнерши.

Услышав эту фразу, оллам усмехнулся совсем уж гадко, наклонился и, не отводя взгляда, выдохнул отвратным полусшепотом прямо мне в губы:

- А в глаза при этом смотреть вовсе не обязательно. У меня богатое воображение.

Я почувствовала волну дурноты. Глаза напротив блестели холодной решимостью и... предвкушением.

Внезапно дверь распахнулась, и в кабинет порывом свежего воздуха ворвался голос-огонек:

- Талли, хватит эксплуатировать казенное имущество, идем, провожу тебя до обще... - резко, как и появился, голос прервался, а порог переступил уже совершенно серьезный Байл. На его лице не было и намека на улыбку.

- Что тут происходит? - спросил он, а его голос наполнился предостерегающими хрипылыми нотками-искорками, казалось, он едва сдерживает собственную мощь, чтобы не обрушиться испепеляющим пожаром.

Грейнн поморщился и отошел от меня на один шаг, после чего обернулся:

- Тебе какая разница?

- Большая, - хрипотцу сменил рык, поднимавшийся, словно лава по жерлу вулкана, - Судя по лицу девушки, ей происходящее совсем не нравится.

- Ты плохо знаешь девушек, первокурсник, - презрительно бросил выпускник исполнительского факультета, затем повернулся ко мне и, сверкнув льдом в глазах, произнес. - Еще увидимся, Таллия, - после чего развернулся и вышел из кабинета, а я судорожно выдохнула ему вслед.

Байл проследил за удаляющейся по коридору прямой спиной, а потом перевел взгляд на меня. Не знаю, что он увидел: то ли сжавшиеся от злости кулаки, то ли сбившееся от ярости дыхание, то ли брезгливые непролитые слезы в глазах, но в следующую секунду он уже был рядом со мной и держал меня за плечи.

- Талли, малышка, он что-то сделал? Он обидел тебя? Ну же, хорошая моя, расскажи мне, - голос-пожар превратился в уютный домашний печной огонь, дарящий тепло и ласку, и я как будто оттаяла после ледяного холода глаз Грейнна.

- Нет, Байл, все хорошо, - произнесла я и попыталась выдавить из себя улыбку. - Просто пытался припугнуть.

Я хотела успокоить однокурсника. Еще одна драка в консерватории была совершенно ни к чему. Но уверенной в своих словах я отнюдь не была и помимо воли задумывалась, что бы могло произойти, если бы парень не появился так вовремя. Вряд ли дошло бы до насилия, но вот до унижения вполне вероятно. Я бы даже сказала - абсолютно точно.

- Точно? - парень испытывающе смотрел мне в глаза. Вдруг его рука покинула мое левое плечо и коснулась шеи. Большой палец нежно, и едва притрагиваясь, провел по щеке. В глазах напротив стали загораться совсем иные искорки.

- Байл, - произнесла я. Глаза переместились на мои губы, - Байл, не нужно.

Вместе со словами я мягко отстранила от себя его руки. Парень сморгнул и улыбнулся своей очаровательной улыбкой.

- Как скажешь, Талли, - ответил он, а потом спросил, указывая на чехол. - Уже собралась?

Я улыбнулась в ответ и кивнула.

- Тогда пойдем. Я тебя провожу, - предложил он и, не дожидаясь моего ответа, подхватил сумку и перебросил ремень через плечо одним движением. Его поведение было таким простым и естественным, как будто он каждый день провожал меня до общежития и это был уже многолетний устоявшийся ритуал. Я не чувствовала рядом с ним ни смущения, ни нервозности, только теплое спокойствие.

- Идем, - согласилась я и, закрыв крышку рояля и погладив ее на прощанье, первой вышла из кабинета.

Байл проводил меня до дверей общежития. Хотел проводить и дальше, чтобы я сама инструмент по лестницам не таскала, но я убедила парня в том, что мы гораздо больше времени и сил потратим на убеждение госпожи Кин в его честных намерениях, чтобы заполучить единственный пропуск.

- Да и не такая я и хрупкая, как тебе кажется, - с улыбкой произнесла я. - И псалтирь вовсе не тяжелая. Это ведь не контрабас.

Парень прищурился, испытывающе смотря на меня, а потом выдохнул и сдался:

- Ладно. Тогда до завтра, - согласился с моими доводами он и, махнув на прощанье рукой, развернулся и пошел к своему общежитию, а я направилась к себе в комнату.

В холле задержалась у окна, перекидывая ремень чехла через плечо и заодно провожая фигуру однокурсника взглядом, когда он вдвун неожиданно остановился, обернулся и на несколько секунд задержался взглядом на здании общежития. Я снова мысленно воспела хозяйственность госпожи Кин: благодаря ей и тюлю, меня сейчас не могли видеть. И это хорошо. Не хочу давать хорошему парню лишней надежды.

Ние я ничего рассказывать не стала. Не хотелось ее лишней раз расстраивать уже давно не новостью, что ее бывший возлюбленный - премерзкий тип с отвратительными манерами и уверенностью в собственной безнаказанности и вседозволенности.

Отвлечься, как всегда, помогла учеба, особенно учебник по истории музыки, где была особенно яркая мотивация в лице строгой и крайне принципиальной метрессы Хьюз. Перед самым сном, когда все задания были выполнены, а травяной чай с медом выпит, Ния попросила меня показать ей второй инструмент, на котором я теперь буду играть. Аккуратно достав псалтирь из чехла, я положила ее на кровать. Подруга подошла и легко провела пальцами по деревянному боку орехового цвета, а затем легонько коснулась струн, не тревожа их и не пробуждая их звука.

- Ты уже можешь что-нибудь сыграть? - спросила она, убирая руку.

- Только простейшие переборы. У меня ведь было всего одно занятие, - ответила я.

- Сыграй, пожалуйста, - попросила солнечная девушка. - Так хочется услышать ее звук.

Я не могла отказать подруге, да и не хотела. Положив псалтирь на колени, стала поочередно цеплять струны указательным, средним и безымянным пальцами правой руки. Инструмент наполнил комнату тихим серебристо-небесным звуком. Какое-то время я просто перебирала струны, потом стала пробовать подобрать мелодию. Получалось довольно быстро, что радовало не только меня, но и Нию. В итоге мы даже смогли спеть простенькую детскую песенку под аккомпанемент псалтири. Единогласно решив, что у такого инструмента, обещающего стать полноправным жителем комнаты, должно быть свое место, мы торжественно выделили для псалтири полку в шкафу, предварительно освободив ее от вещей и распахав их по другим полкам. Здесь, в компании солнечной подруги, в месте, пронизанном музыкой, я чувствовала себя почти счастливой.

Глава 9

В музыкальном кабинете стояла гулкая тишина. Такой тишиной заканчивался вот уже третий урок композиции. А все из-за того, что ожидаемый прогресс улетучился, стоило только метру Двейну зайти в помещение. Занятия по-прежнему проходили по уже приевшейся схеме: половина занятия на привыкание к чужому присутствию и половина занятия более или менее свободного исполнения. Проректор хмурился, был явно не доволен, но меня не ругал и не критиковал.

- Оллема Таллия, - наконец произнес мужчина, разгоняя тишину по углам. - Если бы я не слышал своими ушами совершенно другой вашей игры, я бы, может, и поверил, что это ваш максимум - и то не обязательно. Оллема Таллия, вы либо не стараетесь, либо опасаетесь. И то и другое одинаково недопустимо для оллемы.

Я опустила голову. Мне была прекрасно понятна позиция метра, но и своя была близка: не получалось у меня открыться этому человеку вот так сразу. Не получалось и все. И стыда за это я не испытывала, так же, как и недовольства собой.

- Оллема таллия, я прошу вас постараться, от ваших успехов зависит ваша же стипендия, которая будет начисляться только самым усердным студентам, начиная со второго полугодия. Помнится, вас этот вопрос интересовал.

После этой фразы метр сделал жест, который означал, что на сегодня я свободна. Я встала и, попрощавшись и поблагодарив проректора за урок, вышла из музыкального кабинета.

Настроение медленно скатывалось все ниже и ниже. На всех других занятиях у меня не возникало никаких сложностей, а тут прямо напасть какая-то. Подумать только! Я, оллема, не могу раскрыть душу человеку, сделавшему для меня больше многих других в консерватории. Судя по всему, я жутко неблагодарный человек, раз даже это не помогает.

В таком настроении я шла по направлению к лестнице, ведущей с третьего, учебного, этажа вниз, когда мне навстречу вышел Даррак Кейн. Мы с ним не общались с того самого момента, как истек срок его педагогической практики. Мы обменялись приветственными кивками, и я хотела было продолжить свой путь и размышления о собственной никчемности, когда неожиданно оллам меня остановил словами:

- Что случилось, Таллия?

Услышав ультрамариновые переливы его голоса, я подняла голову и увидела в серебристо-серых глазах искренний интерес. Тот факт, что вопрос был задан не для проформы, как зачастую бывает, и Даррак действительно хотел услышать на него ответ, меня подкупил. Вздохнув, я ответила:

- Ничего страшного. Просто занятия с метром Двейном не приносят ожидаемого им результата, и ему это не нравится.

Молодой человек хмыкнул и замолчал. Пауза затянулась, и я уже подумала, что стоит попрощаться и продолжить путь, а то как-то неловко стоять тут с ним наедине и молчать, когда он неожиданно хитро прищурился и спросил:

- А хочешь поиграть на большом концертном рояле?

Хочу ли я?! Конечно хочу!!! Как вообще можно не хотеть коснуться чуда, коим является этот инструмент?!

Мои глаза заблестели жадным предвкушением, а сама я часто закивала головой. Но на всякий случай, чтобы оллам уж точно все правильно понял, ответила:

- Хочу. Очень-очень хочу!

Даррак улыбнулся краешками губ и развернулся, после чего произнес:

- Тогда пойдём, - и первым начал движение к лестнице.

Я поспешила за ним. Все мысли об успехах и неудачах были вытеснены образами рояля и старыми воспоминаниями звуков, которыми он откликался на прикосновения пальцев исполнителя.

Спустившись на второй этаж и пройдя коридор, мы остановились у двустворчатой запертой двери, ведущей в большой концертный зал консерватории. И только я подумала, что мое желание – это, конечно, хорошо, но кто нам, двум студентам, даст ключ от помещения, как Даррак вытащил его из кармана и привычным движением открыл замок, а потом и саму дверь, приглашая меня войти.

- Даррак, - обратилась я к молодому мужчине. – А откуда у тебя ключ от концертного зала?

- А это так важно? – с ироничной улыбкой поинтересовался он.

- Может, и нет, но мне интересно, - ответила я.

Улыбка стала шире и какой-то умиленной, что ли, после чего он ответил:

- Я личный ученик метра Двейна, и у нас с консерваторией Вилмара Аберга Мироносца друг на друга обоюдные большие планы.

- Ты совершенно не щадишь женское любопытство, - пробурчала я и вошла внутрь.

Зал был точно таким же, каким я его увидела в самый первый раз: огромное пустое помещение, на сцене которого стоял Он – прекрасный большой концертный рояль, блестящий ровным черным лаком, вызывающий неистовое желание прикоснуться и одновременно сильнейшее благоговение.

Я направилась прямо к нему, не замечая рядов кресел и количества ступеней, ведущих на сцену. Перед моим взором был только он, великолепный гордый рояль. Сердце кольнула мысль, что, наверное, мой старый черный лебедь когда-то выглядел так же величественно и прекрасно. Очнулась я, только оказавшись в шаге от великолепного создания инженерно-музыкальной мысли. Пальцы сами собой сжимались и разжимались от желания коснуться и нерешительности.

- Присаживайся, - за моей спиной раздался голос, играющий сине-сапфировыми гранями.

Я вздрогнула, но потом вспомнила, что пришла сюда не одна, и обернулась, чтобы посмотреть на Даррака.

Увидев мой полный внутренней сумятицы взгляд, Даррак улыбнулся и повторил:

- Присаживайся, Таллия. Он не кусается, - а потом хмыкнул и добавил. – И молния за кощунственные прикосновения тебя не поразит, не волнуйся.

К лицу прилила кровь, окрашивая щеки в румянец. Как он мог узнать, о чем я думаю?

- Ты очень выразительно размышляешь, - ответил оллам на незаданный вопрос, а я робко улыбнулась и перенесла все внимание на рояль.

Осторожно, будто она была хрустальной, откинула крышку и полюбовалась на черно-белые клавиши. Красота. Присела на банкетку. Затем провела по ним подрагивающими пальцами - легко, не извлекая звуков, знакомясь.

Пауза. Медленный неслышный вдох. Я опускаю пальцы на клавиши, глубоко вдавливая их в штутьраму. Раз, другой, третий. Свожу брови. Пробегаю октавы в легком арпеджио. Закусываю губу. Снова аккорды и тот же результат. Руки соскальзывают. Рояль не отзывается. Звук прекрасен, но какой-то холодной красотой. Он не живой, не искрящийся. Инструмент не... И я признаюсь себе, в чем причина моего недовольства на самом деле: он не ластится к моим пальцам, как к рукам Даррака. Вздыхаю. Я так надеялась на маленькое чудо, что рояль мгновенно примет меня... С чего бы ему это делать? Вот и я понимаю, что не с чего. Я ведь сама не могу вот так просто открыться чужому человеку, так что не мне требовать подобное ни от кого, в том числе и от инструмента.

Внезапно пространство резко сузилось. Даррак Кейн склонился надо мной, его грудь оказалась за моей спиной, а голова – над правым плечом. Он протянул руку к черно-белым клавишам, и я почему-то почувствовала себя почти в объятьях.

- Смотри, - произнес он и начал наигрывать мелодию.

Звук преобразился до не узнаваемости, распускаясь дивным цветком от самых струн, волнующихся под черным поднятым крылом.

- К этому роялю нужно найти верный подход, чтобы он стал подчиняться в нужной мере, - продолжил оллам, наклоняясь еще чуть ниже. - Обрати внимание на запястье, оно должно чуть играть, но совсем немного.

Я перевела взгляд с длинных музыкальных пальцев на кисть, а потом на запястье. Отметив, что у Даррака красивые, несмотря на аристократичность, истинно-мужские руки с широкой ладонью и сильными пальцами, стала смотреть и запоминать движения, которые мне он показывал. Хитростей было не много, но они смягчали воздействие на чувствительный инструмент.

Повернув голову ко мне и посмотрев прямо в глаза, Даррак спросил:

- Все поняла? - словно звезды в темно-синем небе в его голосе проявились слегка хриплые нотки, а серебро глаз как будто притягивало к себе и почему-то не только взгляд.

Я едва заметно кивнула. Даррак улыбнулся одними уголками губ и отстранился.

Мне захотелось шумно набрать полную грудь воздуха - оказалось, что я затаила дыхание, как только пересеклась взглядом с его глазами - но я сдержалась и воздух пропускала медленно, словно по узкой тропинке, так, будто ничего не произошло.

Восстановив ритм дыхания, снова подняла руки над черно-белыми клавишами и попробовала в точности повторить продемонстрированные движения, после чего робко прикоснулась к белым пластинам. Сначала трезвучие, затем переборы... Звук неуловимо изменился. Нет, он не был таким, как у Даррака, но, по крайней мере, в нем зажглась жизнь.

До конца не веря своим ушам пробежалась пальцами по клавишам. Не показалось. Захотелось обнять весь мир или хотя бы присутствующего здесь замечательного оллама, так ненавязчиво и тактично указавшего мне на ошибку. Переполненная радостью и воодушевлением повернулась к нему и улыбнулась, стараясь вложить в эту улыбку всю мою благодарность, весь восторг и признательность.

Молодой мужчина встретил мой взгляд так, будто все это время смотрел только на меня. Серебряная руда глаз волновалась, словно море, приковывая к себе внимание. И не звучи под моими пальцами рояль, подобный этому, я бы замерла, не в силах оторвать взгляда, но живое звучание ласкало мой слух, все больше и больше завладевая вниманием. Против таких звуков устоять было невозможно, и я вернулась к роялю. С ним хотелось поделиться всем, что я когда-либо чувствовала. Но сыграть все одновременно просто невозможно, поэтому пришлось выбрать.

Тональность Солнечный Гелиодор на серебряной нити. Мелодия, олицетворяющая собой солнечный свет. Ния, переложенная на ноты. С этим инструментом я в первую очередь хочу поделиться радостью. Ей не всегда легко делиться с людьми: иногда о неудачах и горе рассказать легче, чем об искренней радости, потому что не каждый сможет разделить ее с тобой, а от этого она тускнеет. Но не рояль. Клавиши отзываются с интересом, будто прислушиваясь, пробуют мелодию на вкус. Я улыбаюсь. Желтый, так похожий на солнечный, свет заполняет пространство, зарождаюсь в моей душе, стекая к пальцам и при соприкосновении с клавишами инструмента расходясь сияющими лучами, заполняя собой каждую нишу, каждый уголок. Это мелодия искреннего счастья, когда кажется, что тело слишком тесно для души и хочется взлететь в небо, чтобы утонуть в его прозрачной синеве. Кажется, еще немного - и тело разлетится под напором яркой радости. Вторая, третья, а иногда и четвертая октава дарят легкое, светлое, переливчатое звучание, но и аккомпанемент левой руки, пусть он и гораздо ниже, передает то чувство парения, когда от счастья за спиной вырастают крылья, достаточно сильные, чтобы ноги не касались земли.

Зал с задернутыми шторами наполняется ослепляющим сиянием музыки. Я закрываю глаза, и дальше пальцы, помнящие каждый пассаж, играют сами, оставляя мне возможность купаться в этом царстве света, подставляя ему то одну, то другую щеку. Счастье. Я неистово хочу, чтобы инструмент прочувствовал его вместе со мной, и рассказал тем, кто нас слушает, насколько воздушно, наполняющее меня чувство.

Лучи скользят по моему лицу невесомыми перышками, словно пальцы влюбленного, едва касаясь и оставляя после себя лишь теплый еле уловимый свет. Они гладят мои брови касанием легкого ветерка, спускаются по щекам к губам, чтобы нежно обвести контур безгранично счастливой улыбки, возвращаются к скулам и ускользают, оставляя после себя лишь теплые воспоминания и щемящее чувство легкой светлой тоски.

Мелодия затихает, медленно, постепенно, будто закрывают свои бутоны солнцелюбивые цветы. Свет угасает, но нежно и щадящее, оставляя глаза не ослепленными сумраком помещения, а вполне привычными, но немного грустными по лучшему царству неизбывного, неизмеримого счастья, которое можно выразить только музыкой. Мои подрагивающие от напряжения пальцы замирают на утопленных в штудльраме клавишах до полного растворения звука в пространстве, до

окончательного поглощения его тишиной, в которой слышится только сбивчивое дыхание. Мое и моего слушателя.

Я в удивлении распахнула глаза и посмотрела на Даррака. Его грудь тяжело вздымалась, а глаза горели. Губы подрагивали, силясь сдержать улыбку. Но зачем? Хотя нет. Гораздо важнее, почему он так реагирует. Облизав пересохшие за время игры губы, задала интересующий вопрос:

- Даррак, что с тобой?

Молодой человек, в чьих глазах вспыхнуло, и немедленно было затушено чувство, которое за краткостью мгновения я не успела распознать, усмехнулся и ответил:

- Не знаю почему, но с тобой, с твоей игрой мне не помогают никакие блоки.

И я осознала очевидное: я только что исполняла музыку души. И снова в его присутствии мне не пришлось ни привыкать, ни смущаться. Я просто играла, не удерживая ни одного оттенка чувства и ни единой нотки мелодии. Но, если вспомнить, я ведь играла не для него. Я делилась солнечным чувством с роялем. Наверное, оллам опять все понял по моему лицу, потому что произнес:

- Вижу, ты поняла, - я вопросительно посмотрела на него, стараясь не упустить шлейф мысли. - Инструмент - лучший слушатель: он никогда не высмеет, никогда не выкажет презрения. Играй для него. Сделай его проводником своих эмоций. Он ведь для этого и предназначен. Просто не обращай внимания на чье-либо присутствие или отсутствие. Рассказывай обо всем инструменту, он смый благодарный слушатель.

Даррак озвучил ту самую, норовящую ускользнуть от осознания мысль. Я сидела, по-прежнему держа пальцы на клавишах, и не понимала, почему не могла увидеть этого простого решения раньше? Ведь моя музыка всегда была лишь между мной и роялем. Почему что-то должно было измениться теперь?

Я снова взглянула на оллама и, надеясь, что глаза передают всю степень моей благодарности, произнесла:

- Спасибо, Даррак. Спасибо.

Молодой человек, не отрываясь, смотрел на меня. Медленно, он протянул к моему лицу руку, поймал указательным пальцем выбившуюся во время исполнения прядку волос и легким неспешным движением заправил ее за ухо, попутно пройдясь по его контуру ласкающим движением, а после, едва ощутимо погладив скулу, прервал касание, оставив ощущение... теплого солнечного лучика.

Я растерялась, не зная, что думать, а он лишь улыбнулся и произнес:

- Иди, Талли.

Несколько секунд я не шевелилась, не в силах оторвать взгляд от его сейчас таких теплых глаз, но потом послушно убрала руки с клавиш рояля, легко погладив его на прощанье, встала и, ничего больше не говоря, обошла банкетку, чтобы направиться к ступеням. Проходя мимо Даррака, почувствовала острое желание, коснуться его так же, как он меня всего несколько мгновений назад: изучить пальцами его лицо, очертить губы, скулы, брови, узнать каковы на ощупь его волосы... Но, сжав кулаки, я прошла мимо, не останавливаясь, после чего спустилась со сцены и покинула концертный зал. Ни к чему усложнять и так малопонятную ситуацию. Даррак сам сказал, что не может экранироваться от музыки моей души, скорее всего, он был под влиянием чувств моей мелодии. Разум говорил, и я соглашалась с каждой его здоровой мыслью, но глупое сердце стучало так часто, будто хотело выбраться из груди и вернуться туда, откуда я, неразумная, сама только что ушла, хоть меня никто и не гнал, кроме собственных чувств, находящихся в небывалом раздразне.

* * *

Дни сменяли друг друга в милозвучной череде. Казалось, сам воздух в консерватории был наполнен музыкой, которой можно было дышать. Открытый Дарраком секрет полностью изменил мое восприятие исполнения собственных мелодий: теперь мне не было столь трудно открываться по той простой причине, что я не пыталась раскрыться перед слушателем, кем бы он ни был, только перед инструментом.

В один из таких уроков я без просьбы со стороны метра решила сыграть другую мелодию, а затем еще одну, а после нее снова другую. Я воскрешала в себе чувства, испытываемые мной в разные

моменты жизни, навеянные сном или явью, выплескивая их на рояль, послушно вбиравший их в себя и отдававший пространству в виде звуков.

Отрешаясь от окружающего, я путешествовала по звуковым созвездиям, ярко сиявшим на темном фоне космоса, каким могла быть тишина. Каждая из мириад звезд-ноток дарила мне ощущения, которые я в нее вкладывала. Музыка ведь намного благодарней людей.

- Оллема Таллия, вы удивляете и радуете меня, - произнес Маркас Двейн, внимательно рассматривая меня, когда я сделала паузу между произведениями. - Прогресс налицо - и весьма внушительный. Не расскажете, что послужило толчком к подобному?

Я улыбнулась нешироко, несмело и неопределенно пожала плечами.

- Мне просто подсказали, что на исполнение можно смотреть немного по-другому, и этот способ мне подошел, - ответила я.

- Я этому рад, оллема. И тому, что способ оказался действенным, и тому, что у вас появились доверительные друзья. Дружеские узы - это важно, - прокомментировал мои слова проректор.

Я покраснела.

Лорд Двейн, замечая, что мой успех в исполнении своих мелодий укрепляется с каждым занятием, вскоре пообещал, что со следующего семестра мы начнем вплотную заниматься собственно композицией:

- Пора расширить ваш багаж мелодий, оллема. К тому же олламу-композитору необходимо уметь создавать мелодии не только в приливы вдохновения. Я так же расскажу и покажу вам на практике принципы написания музыки, способной принимать эмоциональный окрас, нужный исполнителю. Такие мелодии называют прозрачными. Их обязан уметь писать любой оллам-композитор.

Я слушала и пальцы покалывало от предвкушения. Хотелось скорее приступить к изучению обещанного, но для этого нужно было развить в себе навык исполнения музыки своей души без внутренних препятствий, чем я с усердием и занималась.

Время от времени метр Двейн приглашал на уроки композиции посторонних, чтобы я быстрее привыкала к чужому внимательному присутствию. Это могли быть как преподаватели, так и студенты выпускного курса. Несколько раз присутствовал и Даррак, и в те дни мне игралось особенно легко: с ним мне хотелось поделиться своей музыкой.

На занятиях метра Тигана Муррея я все полнее узнавала, что же значит быть оллемой. Мудрый, уже немолодой человек раскрывал студентам тайны, связанные с сутью нашего естества. На одном из таких уроков он заявил:

- Что ж, с блоками вы все уже справляетесь хорошо, - тут он не покривил душой: благодаря его манере вести занятие и различным испытаниям, мы научились ставить блок как постепенно, так и резко, с первых звуков. А так же ставить так называемый «тонкий» блок, позволяющий отстраненно фиксировать все оттенки направленного нежелательного воздействия, при этом избегая внушения. - Настало время учиться тому, от чего блок ставится. Теперь мы с вами будем постигать воздействие.

В аудитории повисла восторженная тишина. Этого момента ждали мы все с замиранием сердца. Наконец увидеть, на что способен наш дар, способен каждый из нас. Воздух едва не пронизывали разряды возбуждения и напряжения. Тем временем преподаватель продолжал:

- Все вы тут с разных факультетов и с разным уровнем дара. Поэтому начинать учиться мы будем с самой низкой и простой ступени, доступной всем. Музыкантам и композиторам усложненный курс обеспечат их преподаватели по специальности. Итак. Все вы знаете, что музыка оллама исходит из души и направляется к душе слушателя. Но как быть, если перед вами стоит задача навеять звонкую радость, когда на душе скребут кошки, или создать атмосферу уважения и преклонения, когда вам хочется плюнуть его объекту в лицо? - метр оглядел еще больше притихшую и отчаянно внимающую аудиторию. - Я, конечно, утрирую, но в жизни возможно всякое, и эмоциональное состояние оллама не всегда совпадает с настроением музыки, которую ему надлежит исполнять. Что же в таком случае делать? - и снова повисла небольшая пауза, подчеркивающая важность сказанного, призванная максимально акцентировать внимание, Тиган Муррей виртуозно владел ораторским искусством, присовокупляя к нему навыки оллама.

Тишина звенела и искрила, а голодные до знаний глаза студентов, казалось, впивались в стройную и статную фигуру немолодого, но по-прежнему цветущего преподавателя, снова оглядевшего студентов и продолжившего:

- Все и просто, и сложно одновременно, дорогие олламы. Для того чтобы внушать чувства, нужно

испытывать их самим. А для этого, вам в первую очередь нужно научиться вызывать в себе некое пустое состояние, в котором вы не чувствуете ничего. Долго вы его, конечно, удерживать не сможете, но это и не нужно. Оно необходимо ровно настолько, чтобы вслед за ним вызвать требуемые ощущения, ведь радость легче пробудить из пустоты, чем из печали. И так со всеми чувствами. Этим промежуточным шагом мы сегодня с вами и займемся.

Все оказалось действительно не так сложно, как представлялось с первых слов метра: для того, чтобы автоматически, на уровне инстинктов – а именно это и было нашей целью, потому что консерватория Вилмара Аберга Мироносца, как выразился Тиган Муррей, дилетантов не выпускает – вызывать в себе состояние «пустоты», нужно было запустить тот же механизм, что и с блоком. Точнее, нужна была мелодия. Короткая и простая, но только своя, безошибочно настраивающая на нужный лад, дающая необходимое время для настройки.

- Вашим заданием на следующее занятие будет именно таким, вам предстоит найти собственную мелодию. В этом вам никто помочь не сможет. Это не спонтанные несколько нот, пришедшие вам в голову по наитию, которые теперь активизируют ваш блок. Эти ноты, дорогие мои, нужно выстрадать. Итак, запоминайте алгоритм действий: во-первых, вам нужно приложить усилие и настроиться на ту самую безэмоциональную пустоту. Мне все равно, сколько это у вас займет времени: час, два или день – мне важен результат. Когда это состояние будет вами достигнуто, нужно перенести его на ноты любым доступным вам способом. Можете наиграть себе что-то подходящее на инструменте, напеть, просто прокрутить в голове, но эта мелодия, эти несколько нот, те звуки, что ассоциируются у вас с пустотой, должны отпечататься у вас в памяти. Повторяйте их постоянно. Если у кого-нибудь из вас получится с их помощью вызывать в себе хотя бы отголосок пустоты, я это обязательно отмечу.

Сказать, что я была в растерянности и недоумении – значит, ничего не сказать. В мыслях расправил крылья самый настоящий сумбур: а если у меня не получится? Как вообще можно вызвать ощущение эмоциональной пустоты? Я ведь чувствую, даже когда сплю! Вихрь коротких вспышек-мыслей прервал богатый на оттенки, кристально-чистый голос Тигана Муррея:

- И не забывайте, дорогие оламы и оллемы. Музыка души – субстанция тонкая. Ее нельзя просчитать, ее нужно чувствовать. Чувствуйте, друзья, оттачивайте остроту восприятия, в этом ваша главная задача на первом курсе.

Замечательно! Теперь все еще более непонятно. Нам нужно учиться чувствовать эмоциональную пустоту, при которой чувства отсутствуют. Не завидую я музыковедам. Им мало того, что нужно понимать такие вот фразочки, так еще и составлять самим.

Никогда еще после занятия студенты не были столь тихими и не расходились в такой задумчивости. Идя в столовую, чтобы пообедать, я раздумывала над хитрым заданием метра Муррея. Чтобы вызвать ощущение пустоты, нужно хорошенько сосредоточиться и лучше это делать в тишине, а тишина возможна только когда рядом никого нет.

Осознав эту мысль, я резко остановилась перед самой дверью в столовую. Пожалуй, лучше мне попробовать прямо сейчас, пока наставления метра все еще свежи в памяти. Да и во время обеда все студенты заняты едой, а значит, общежитие будет пустым. Мысль показалась мне разумной и я, отвернувшись от дверей, за которыми умопомрачительно пахло коронным соусом мастера Аодха, направилась к выходу из холла консерватории, а затем к женскому общежитию.

В здании общежития действительно было тихо и пустынно. Настолько, что даже мои шаги отзывались гулким раскатистым эхо. Зайдя в комнату, закрыла дверь и скинула туфли. Прошла туда-обратно и решила, что ничто не должно меня отвлекать, а значит... Кивнув собственным мыслям, отправилась умываться и тщательно мыть руки. После этого, вернувшись в комнату, переоделась в удобную пижаму и забралась с ногами на заправленную кровать, оставив их босыми. Села, прижав ноги к груди и обхватив их руками, поставила подбородок на колени и закрыла глаза.

Сделала глубокий вдох, затем медленно выдохнула. В голове кометами металась мысль обо всем на свете. Пришлось силой их разгонять, отлавливая одну за другой и призывая к порядку и приличному мыслеповедению. Я сидела и представляла небо. Ночное беззвездное небо, затянутое тучами. Темнота и пустота, ни единого источника света. Только темное черно-синее марево, в котором я парю, не имея опоры. Ни единого привлекающего внимания элемента, везде, со всех сторон однообразие. Постепенно в голове поселяется гулкая тишина, вязкая, как кисель. В такой тишине вязнут не только мысли, но и чувства. Я представляю себя пустой оболочкой, не имеющей содержания. Отдаленно на периферии сознания тишина издает тихий монотонный гул-звон, напоминая, что я жива и мир на прежнем своем месте.

Как пустота может ассоциироваться с набором звуков? Ведь смена звучания – это движение и жизнь. Нет, моя пустота звучит не перебором красочных трелей. Она гудит, издавая постоянное не раздражающее, но весомое звучание. Низкое, постоянное. Моя пустота – это одна бесконечная нота, не меняющая высоты, интенсивности или громкости своего звучания. Она постоянна.

Однажды к нам в школу в Трентоне приехал оркестр с затейливыми инструментами. Один из них был привезен из далекой страны, где музыка – часть ритуалов. Деревянная, диаметром с мужскую ладонь труба длиной не менее двух метров, сотворенная самой природой, она звучала только на одной ноте, искупая это богатством тембра. Меня тогда поразила техника. Мужчина, обучавшийся у одного из шаманов племени игре на этом инструменте, играл на нем в технике непрерывного дыхания, не выделяя особого времени на вдох, но совершая его одновременно с выдохом, так чтобы диджериду звучал без малейших перерывов, наполняя пространство плавным коричневым цветом, как будто напоминаящим, что все мы прах и в прах возвратимся.

Моя пустота звучала голосом диджериду, низким, гудящим, вибрирующим, завораживающим. Этот тихий насыщенный тон как нельзя лучше подходил для того, чтобы убирать из мыслей все лишнее, оставляя лишь тишину и спокойствие.

Вот он, голос моей пустоты. Нашла!

И в этот момент до моего слуха донесся залиvistый солнечный смех, заставивший пустоту вокруг меня осыпаться темным песком.

Я спустила ноги с кровати и подошла к окну, откуда шел звук. Окна нашей комнаты выходили на сторону главного входа в женское общежитие, к которому медленно подходили Ния и Кеннет. И, судя по всему, скрипач находил, чем порадовать подругу, чей смех разлетался звуками колокольчиков, неся с собой маленькие радостные солнечные лучики. Я улыбнулась и поспешила переодеться в форму. Успела как раз перед тем, как дверь в комнату открылась, впуская солнечную девушку и ее спутника.

- Талли, ты здесь, - только взглянув на меня, произнесла соседка с легким выдохом облегчения и тут же спросила. - С тобой все хорошо? Тебя не было на обеде.

- Все замечательно, Ния. Все просто чудесно, - ответила я не в силах сдержать улыбку.

Друзья одинаково подозрительно прищурились и испытывающе посмотрели на меня, а я не стала скрывать своей радости, тем более, что она распирала меня изнутри:

- Метр Муррей задал найти звучание своей пустоты.

Ребята понятливо переглянулись.

- Ну тогда конечно, - произнес Кеннет и уточнил. - Судя по твоему довольному виду, у тебя все получилось?

Я несколько раз кивнула, продолжая довольно улыбаться. В ответ на губах парня расплылась невозможно-проказливая ответная улыбка.

- Ох, помнится, я намучился с этим заданием, - проговорил он. - То не так сидится, то не так ложится, то что-то мешает и не дает достичь концентрации, чтобы выгнать все мысли из головы...- его тон красовался такими загадочными оттенками изумрудного, что я не смогла не спросить:

- И что же ты сделал?

Ния прыснула в ладошку, ее светло-карие глаза играли веселыми искорками. Я удивленно перевела взгляд на нее, а потом обратно.

- Пришлось устранить абсолютно все раздражители, - пожав плечами и едва сдерживая улыбку, ответил Кеннет.

- То есть? - не поняла я, а подруга не выдержала и расхохоталась.

- Ой, талли, ты не поверишь, сколько визгу было, когда девушка его соседа зашла в комнату и увидела нашего Кеннета сидящим на полу и абсолютно, - тут Ния снова хихикнула - без малейших признаков раздражителей.

Я стала понимать, что именно ребята имели в виду под раздражителями, не зря же я сама переделалась в пижаму. Судя по всему, у Кеннета ее либо не было, либо и она раздражала. Мои губы не стали меня слушаться, и на лице снова появилась улыбка, а за ней и смех, поддерживаемый звонким хохотом Нии.

- А нечего врываться в мужскую комнату без стука, - пробурчал парень, стараясь выглядеть насупленным, от чего нам стало еще смешней. - И вообще, ничего такого страшного она там не увидела. А визг, я так подозреваю, от восторга подняла, не иначе.

Волна хохота пошла по новой. В этот раз его виновник присоединился к веселью.

В течение отпущенной нам недели, я практиковалась в искусственном вызывании пустоты каждый свободный и подходящий момент: по утрам, пока Ния еще спала, после индивидуальных занятий с роялем и псалтирью и перед сном. Получалось все лучше с каждым разом: нужное состояние отзывалось все быстрее на резонирующий дрон диджериду в моей голове. С приближением занятия метра Тигана Муррея меня все чаще посещал вопрос: как преподаватель собирается оценивать результаты наших стараний?

Оказалось, что метр не просто казался, но и в действительности был мудрым человеком, имевшим огромный преподавательский опыт и прекрасно знавший необходимые для его сферы деятельности приемы. В это занятие студенты были особенно беспокойны. Судя по интенсивности и градации серого цвета тишины, немного разбавленной шепотом, этот вопрос заинтересовал не только меня.

- Итак, дорогие оллады и еще более дорогие оллемы, - произнес метр, как только зашел в аудиторию, - сегодня мы увидим кто из вас справился с заданием, а кому придется еще поработать над этим. Потому что без навыка воссоздавать в себе пустоту никому из вас не стать олладом в полной мере.

Шепотки прекратились, как только сочный, бликующий всеми оттенками цветов прозрачный голос раздался в помещении, и теперь все напряженно внимали преподавателю.

- Итак, я попрошу вас всех закрыть глаза и выполнить заданное упражнение так, как вы привыкли это делать, - голос метра был полон спокойствия и уверенности. Он умело и ненавязчиво удалял излишнюю студенческую нервозность из аудитории, тем самым настраивая на нужный лад.

Я закрыла глаза и сосредоточилась, воспроизводя в мыслях нужный звук, погружаясь в него и отодвигая от себя мысли и чувства, создавая свободное от них пространство, оставляя их где-то на периферии сознания. Дрон слегка волнистой линией цвета мокрой земли свивался в плотный кокон, когда я услышала резкий и очень громкий хлопок. Немного посомневавшись, медленно открыла глаза, чтобы посмотреть, что стало причиной неожиданного звука, который все же не перебил звучания инструмента, рожденного самой природой, у меня в сознании.

Источником оказался сам преподаватель. Он так и держал перед собой ладони соединенные хлопком, когда перед моим взором снова оказалась аудитория, а не бесконечные земляные просторы.

- Очень хорошо, - одобрительно кивнул метр, разгоняя решившую было снова обосноваться тут тишину. - Большая половина справилась с заданием и теперь их задачей станет укрепление навыка в недружественных условиях, то есть в присутствии шумов, а именно в повседневной жизни. Остальные же задержатся после занятия, чтобы я мог понаблюдать за ходом их действий. И да, я запомнил каждого, кому это не удалось, дорогие оллады и оллемы. Но не думаю, что это необходимо, ведь никто из вас не собирается отлынивать, верно?

В ответ ему раздался нестройный согласный гул в несколько десятков голосов.

- Вот и замечательно. А сейчас давайте попробуем потренироваться в условиях шума. И начнем, пожалуй... с вас, молодой человек. Представьтесь и проходите к кафедре, - с такими словами метр указал на кого-то позади меня. В следующую секунду выбранный студент встал и произнес голосом-огоньком, так хорошо мне знакомым:

- Оллам Байл.

- Проходите, Оллам Байл, - ответил Тиган Муррей. Парень прошел и встал рядом с кафедрой лицом к аудитории, - Теперь постарайтесь восстановить то самое ощущение пустоты. Можете закрыть глаза, если вам так будет легче.

Оллам кивнул и смежил веки, а преподаватель повернулся к студентам и, приподняв брови в деланном удивлении, обратился к студентам:

- И чего сидим, молчим? Ваша задача создать обстановку, максимально приближенную к повседневной. Общаемся, господа и дамы, общаемся.

Несколько секунд мы не могли поверить заданию преподавателя, но потом пространство лекционного кабинета наполнил гомон, постепенно становящийся все более смелым. Прошло пять минут: мы по-прежнему переговаривались, кто-то даже смеялся, метр стоял и смотрел на Байла. Прошло еще две минуты, когда, наконец, преподаватель громко и с размаху хлопнул в ладоши. Парень открыл глаза, а гвалт постепенно стал стихать, пока вовсе не исчез. В аудитории повисла тишина.

- Расскажите нам, оллам Байл, о своих ощущениях, - попросил метр Муррей.

- Поначалу было трудно настроиться, - поделился мой одноклассник.

- Почему же? – продолжил его подталкивать к повествованию преподаватель.

- Мне не удавалось сконцентрироваться на мелодии в шумной обстановке, чтобы хотя бы ее услышать, - ответил парень.

Метр кивнул и снова задал вопрос:

- И как же вам удалось преодолеть этот барьер?

- Пришлось приложить максимум усилий и постараться приглушить звуковое восприятие, - пожал плечами оллам.

- Это одно из возможных решений, - снова кивнул Тиган Муррей. - Вы похвально справились с заданием. Можете занять свое место.

После того, как Байл покинул пространство около кафедры, преподаватель обратился к аудитории:

- Приглушение звукового восприятия силой воли – один из приемлемых вариантов в достижении цели. Есть вариант попроще, но менее изящный – закрывать уши руками, - я улыбнулась, представив эту картину. - Но лучше, конечно, к нему обращаться только в крайних случаях. В основном важна только практика. Постепенно вы научитесь отсекаать шумы усилием воли автоматически, как только вам это понадобится. Так что тренируйтесь, олламы и оллемы, тренируйтесь и еще раз тренируйтесь - и желательно в шумных местах, - после этого преподаватель хитро прищурился и уточнил. - Только не на занятиях.

По рядам прокатились смешки.

- Что ж. Следующий, - вновь приступил к процессу своеобразного знакомства метр Муррей, а я решила не терять времени и тоже потренироваться. Нельзя же, чтобы такие благоприятные условия пропадали впустую!

Закрывает глаза и постаралась сосредоточиться. Было тяжело. Гораздо тяжелей, чем в тишине пустой комнаты. Казалось, краски чужих голосов приобрели особую яркость, контрастируя друг с другом и всячески отвлекая внимание на себя. Я вздохнула. Разноцветный гомон как будто сам лез мне в уши. Как в таком шуме расслышать тихое гудение дрона? И вдруг мне в голову пришла мысль: а что если сначала представить цвет? Может, тогда нужный тон будет легче представить и расслышать? Загоревшись идеей, я стала в красках представлять оттенок влажной земли, вплоть до отблеска отдельных песчинок. Постепенно гул стал отходить на задний план, а от темно-коричневой россыпи стала исходить знакомая низкая вибрация, сопровождаемая тихим однотонным звуком. Получилось! Дальше процесс был уже достаточно отработан, чтобы не слишком напрягаться. Мысли послушно переместились за периферию сознания, забирая с собой все эмоции. Вот она, пустота, гудящая тихим, но мощным резонирующим звуком.

Не знаю, сколько я любовалась ее игривой способностью к трансформации: она была способна и готова принять любую форму, любой эмоциональный окрас. Она, как будто была почвой, из которой может произрасти что угодно, главное – посадить именно то, что необходимо в конкретный момент, а реакция себя ждать не заставит. Я уже почти потянулась к одному из радостных воспоминаний, планируя опустить его в эту благодатную среду, чтобы посмотреть, что же случится, когда внезапно прямо рядом с моим лицом раздался громкий хлопок.

Резко распахнув глаза, я увидела в шаге от себя метра Тигана Муррея, заинтересованно смотревшего на меня. В аудитории же царил гулкая тишина.

- Оллема... - произнес преподаватель, ожидая, что я представлюсь.

- Таллия, - ответила я, чувствуя, как пустота осыпается темным песком, возвращая пространство мыслям и ощущениям.

- Поведайте нам, Оллема Таллия, ваш способ концентрации, - продолжил мужчина.

Я смутилась, но ответила, коротко рассказав основные моменты, не углубляясь в описания. Метр слушал внимательно, а после того, как я замолчала, кивнул и произнес:

- Очень хорошо, оллема Таллия. Я рад, что нашелся человек, решивший потратить время с пользой, - я слегка покраснела от неожиданной похвалы, а Тиган Муррей повернулся к аудитории, внимательно следившей за нашим разговором, и обратился к студентам:

- Видите, дорогие олламы и оллемы, нужно не бояться искать ответ внутри себя и экспериментировать. Каждый находит свою пустоту сам, я могу лишь направить. Будьте внимательны, берите на вооружение чужой опыт и практикуйтесь, практикуйтесь, практикуйтесь.

После этих слов он вызвал следующего студента к кафедре, а кабинет снова заполнил гул, правда, уже не столь многоголосый, как прежде.

Глава 10

Грейнн Бойл стоял за дверью аудитории, в которой уже закончилось занятие потока первого курса. Он ждал. Студенты давно разбежались по своим делам, и даже строгая и прямая, как собственная указка, метресса Дервила Хьюз покинула аудиторию, а нужный ему человек все не появлялся. Он уже почти решил зайти в кабинет сам, когда дверь снова открылась и из нее вышла темноволосая девушка. При виде его красивое лицо оллемы искривило выражение отвращения. Злость темной волной поднялась было в его душе, но силой воли он подавил ее и изобразил дружелюбную улыбку

- Здравствуй, Таллия, - произнес он, отмечая собственный тембр голоса, который, как и его внешность, весьма нравился девушкам. Всем, кроме этой. Она как будто даже не видела его привлекательности, замечая что-то другое, что ей явно совсем не нравилось.

- Что тебе нужно, Грейнн? - спросила она, закрывая дверь и направляясь по коридору к лестнице, даже не смотря, идет ли он за ней.

Раздражение и желание показать зарвавшейся девчонке ее место снова нахлынуло и опять вынуждено было отступить под сдерживающим влиянием рассудка. Эта девочка нужна ему на его стороне. Желательно влюбленной и покорной. Воображение подсказало ему приемлемую степень покорности. От представленной картины губы парня расплылись в предвкушающей улыбке, которую он поспешил спрятать, после чего в два шага нагнал удаляющуюся оллему.

- Таллия. Я хотел поговорить с тобой, - допуская укоризненные нотки, произнес он.

- Говори, - ответ был холодным и безразличным, а девушка не прекращала движения.

- Хорошо. Я хотел попросить прощения за нашу последнюю встречу, - проговорил он легко и без запинки, стараясь придать голосу максимум искренности, - просто после всего случившегося... Мне плохо без Орнии. Я не могу себя простить за то, что обидел ее. Это была глупость. Роковая глупость.

Грейнну надоело говорить на ходу и он тронул Таллию за предплечье, призывая остановиться. Девушка прекратила движение, при этом брезгливым движением плеча сбросив его кисть. Парень послушался, успокаивая себя мыслями, что это только пока.

- Я не знаю, что на меня нашло, Таллия. Это был единственный раз. И ничего не было, кроме поцелуя. Прошу тебя, помоги мне, - с такими словами оллам посмотрел на девушку перед собой тоскливыми глазами побитого щенка. Девушки не могут оставаться равнодушными к такому взгляду.

Но, судя по резкому злому выдоху, эта была исключением.

- А я слышала, что таких единственных разов у тебя было бесчисленное количество. Так что успокойся, Грейнн. Я не верю твоему вранью. И Ния тоже больше не поверит.

Парню захотелось с силой сжать кулаки, чтобы хоть так дать волю агрессии, которую эта девчонка вызывала в нем всем: своим видом, гримасами, острыми отповедями. Хотелось оттолкнуть ее к стене, прижать так, чтобы дышать было сложно и увидеть в ее глазах испуг. Страх, покорность и трепетное ожидание... как волнительно это сочетание могло бы вздымать аппетитную грудь рваным дыханием. Пришлось снова усилием воли брать под контроль нахлынувшие желания, чтобы девушка не заметила даже их следа.

- Таллия. Я люблю ее. Правда... - сокрушенным полупшепотом произнес он.

- Нет, Грейнн, если бы ты ее любил, ты бы себе такого даже в мыслях не позволил, - перебила его оллема. - Ты любишь себя. Решай свои проблемы сам. Я не стану выгораживать тебя перед подругой.

Против воли на скулах заплясали желваки. Желание сделать больно этой девушке, укротить ее вздорный характер стало почти нестерпимым, но партию нужно было разыграть до конца. Грейнн поник плечами, опустил голову и кивнул.

- Конечно, с чего тебе верить мне...

- Абсолютно не с чего, - подтвердила девушка и развернулась, чтобы продолжить движение, но он снова остановил ее прикосновением к предплечью, и снова она отдернула руку.

- Я просто хочу поговорить с ней, Таллия, - проникновенно и тоскливо глядя ей в глаза, произнес он.

- Тебе ничего не мешает, - пожала плечами оллема.

- Она не хочет со мной разговаривать, - признался парень.

- Я ее очень хорошо понимаю. И что-то мое нежелание тебя не останавливает. Видимо, ты плохо стараешься, - в ее голосе уже совсем неприкрыто сквозило раздражение. Строптивая девчонка!

- Ты жестока, Таллия, - Грейнн тяжело вздохнул, развернулся и ушел в противоположном направлении, услышав скептическое фырканье первокурсницы.

В его груди разгорался темный огонь, требующий именно эту девушку. Ничего. Придет время и он получит свое, эта норовистая кошечка еще будет есть с его рук. А пока нужно позаботиться о том, чтобы безупречная и необходимая ему Орния Бэрк поверила ему. Снова. От своего парень отказываться не привык, а Орния принадлежала ему, не зря же он ее берег столько времени.

* * *

Я была зла. Как же я была зла! Вот подлец! Неужели настолько уверен в своем актерском мастерстве и неотразимости, что решил, будто ему все сойдет с рук?! Гаденыш. Я шла и за пеленой гнева практически не видела, куда иду, да, собственно, главный коридор тут был один - не заблужусь. Неожиданно прямо передо мной из очередного разветвления появилась преграда, в которую я со всего маху врезалась и чуть было не упала, от неожиданности потеряв равновесие. Преградой оказался человек. Он придержал меня за талию, не давая ближе познакомиться с полом. Я подняла глаза, чтобы поблагодарить нежданную опору и стала медленно заливаться густым румянцем.

***- Все в порядке, оллема Таллия? - спросил густой бархатный голос оттенка безлунной ночи.

- Да, метр Двейн. Извините, - выдавила из себя я.

- Ничего страшного, - улыбнулся мужчина и отпустил. Я немедленно восстановила дистанцию. - Наоборот случившееся очень даже кстати.

Я непонимающе посмотрела в зеленые глаза преподавателя, и он пояснил:

- Мне как раз нужно было поговорить с вами. А теперь не нужно просить Милдред, чтобы она вас разыскала.

Я кивнула и задала вопрос:

- Что-то случилось?

- Ничего плохого, - ответил Маркас Двейн. - Метр Муррей хвалил вас сегодня. Ваши успехи в учебе не могут не радовать. Поэтому я хотел предложить пройти зимнюю практику в столице, при дворе его величества.

Я замерла, пытаюсь осознать новость, а потом часто-часто закивала.

- Я так понимаю, это ваше «да», верно? - иронично улыбаясь, уточнил проректор.

- Да, конечно, да, - наконец смогла выдать из себя ответ я.

- Замечательно. Тогда от вас требуется всего лишь успешно сдать экзамены, - произнес мужчина, а затем, спохватившись, добавил. - И еще одно.

Я посмотрела на него со всем возможным вниманием, чем вызвала хмыканье в знак доброй насмешки.

- С завтрашнего дня у вас в расписании появится еще одно занятие: вы будете учиться играть в ансамбле. Поначалу это будет только дуэт. Партнера я назначу вам сам.

- Спасибо, метр Двейн, - горячо выпалила я.

Музыка души на два голоса, а то и больше! Это же так интересно!

- Потом меня поблагодарите, когда осознаете, что времени в сутках не хватает, - усмехнулся мужчина и добавил. - Если, конечно, чувство благодарности еще останется. Всего доброго, оллема Таллия.

Маркас Двенн кивнул в знак того, что сказал все, что хотел, и ответами тоже вполне доволен, а потому, пора и честь знать, проректорские будни суровы и не терпят транжирства времени.

- До свидания, метр Двейн, и еще раз извините, что чуть не сшибла вас с ног, - попрощалась я.

- Чтобы сшибить меня с ног, одной маленькой девушки недостаточно, - иронично улыбнулся он и, кивнув, обошел меня, чтобы продолжить, прерванный мной путь.

Я счастливо улыбнулась и последовала его примеру. Было любопытно, кто же окажется моим партнером, было интересно, каково это - делить одну музыку с кем-то еще. Теперь я не чуяла под собой ног от вдохновения. Поскорей бы наступило завтра.

Хоть я и немного опоздала, на обед, он прошел в дружелюбной и веселой атмосфере. Я поделилась с друзьями новостями, а они искренне за меня порадовались.

- Талли, это же чудесно, - сияя и хлопая в ладоши от обилия чувств, воскликнула Ния

Делма поддержала ее энергичным киванием:

- Очень здорово! Обычно ансамблевые занятия начинаются со второго полугодия, но тут все закономерно. Раз ты едешь на практику во дворец, должна хотя бы немного ориентироваться в этом. Говорят, первый дворцовый музыкант очень строг и придиричив, но учиться у него - большая честь.

- О да! Этот старик - тот еще брюзга, - подтвердил Кеннет и, подмигнув, посоветовал: - лучше постарайся усвоить как можно больше практических навыков, иначе будешь лицезить его недовольную мину. Иногда мне кажется, что он ей изжогу провоцирует у окружающих.

Кейдн ограничился простым «поздравляю», он вообще был немногословен, но без него наша компания была бы бедней.

После обеда Кеннет умчался в вотчину мастера Имона, Кейдн, как всегда, устремил стопы в библиотеку, вечное пристанище музыковедов, девочки ушли в общежитие, а я снова поднялась на третий этаж. Меня ждало свидание с великолепным черным роялем. Конечно, не таким прекрасным, как большой концертный, но тоже замечательным во всех отношениях. Радость и энтузиазм били ключом, поэтому музыка, как программная, так и своя, лилась свободно и легко, без каких бы то ни было преград.

Самостоятельные занятия спустя два часа прервал уже привычный и знакомый стук Байла, который провожал меня до общежития, когда бывал свободен. Очаровательная улыбка искреннего парня вызвала ответную на моем лице и горькую нотку в сердце: я чувствовала себя в какой-то степени виноватой, что не могу ему ответить взаимностью в полной мере, как он того ожидает. Вместе мы дошли до общежития, где неожиданно встретили Кеннета.

Оллам-третьекурсник был непривычно задумчив, а в руке у него был маленький горшок с цветущим зеленым ростком. Увидев меня, он улыбнулся и произнес:

- Привет, Талли. А я как раз тебя жду.

Байл, шедший рядом, ощутимо напрягся.

- Привет, Кеннет, - поздоровалась я и спросила. - Зачем ждешь?

- Да вот хочу Ние подарок сделать. Но одного госпожа Кин, сама знаешь, не пустит, - пожал плечами друг.

Стоящий рядом, ближе, чем обычно, сокурсник как будто расслабился. По крайней мере, атмосфера враз стала менее напряженной.

Я кивнула. При всем замечательном отношении к исполнителю-третьекурснику, госпожа Кин была женщиной строгих правил и принципы свои не нарушала ни при каких обстоятельствах, так что одному Кеннету в общежитие было не пройти, какого хорошего мнения о нем ни была комендантша.

- Тогда пойдем, - согласилась я и повернулась к однокласснику, чтобы попрощаться:

- Спасибо, что проводил, Байл. Я пойду.

Парень улыбнулся, в глазах вспыхнули огоньки:

- Мне это доставляет удовольствие. Так что не благодари, - после чего взял мою руку в свою ладонь, чего раньше не делал, провел большим пальцем по тыльной стороне кисти и чуть сжал, а потом приглушив голос, наполненный снопами искр такой приятной хрипотцы, сказал. - Хотелось бы мне

никогда тебя не отпускать, Талли.

Я ничего не ответила. Даже улыбнуться не получилось. Только нервно сглотнула. Но Байл ответа, как выяснилось, и не ждал: подарив мне полыхающий пристальный взгляд, он мягко, явно нехотя отпустил мою руку и, кивнув Кеннету, развернулся и пошел в сторону своего общежития.

Я смотрела ему в след, а в голове не было ни единой мысли. Странно, но я не чувствовала необходимости обдумывать причины и следствия происходящего. Все ведь и так понятно. Вздохнув, повернулась к Кеннету и стала подниматься по ступенькам ко входу в общежитие.

Приоткрыв дверь, скрипач, перед тем, как меня пропустить, задумчиво произнес, смотря на меня:

- Знаешь, Талли, Байл неплохой парень.

- Знаю, - кивнула я. - А ты откуда знаешь?

- Я вижу, - пожал плечами парень и пропустил меня вперед, наконец, открыв вход полностью.

Получив одноразовый пропуск от госпожи Кин, мы отправились на третий этаж, в нашу с соседкой комнату.

Ния сидела на кровати, поджав под себя ноги и погрузившись в очередной труд по истории музыки. Увлеченная, она даже не обратила внимания, что в комнату кто-то вошел. Кеннет улыбнулся пр виде склоненной над книгой головы. Волосы девушки были перекинута на одно плечо, открывая вид на изгиб шеи и плечи. Картина даже на мой девичий взгляд была крайне трогательной, а слегка поджатые губки и упрямая складочка между бровей только добавляли очарования.

Кеннет разулся и прошел вглубь комнаты, остановившись прямо перед кроватью подруги. Присел на корточки, какое-то время с улыбкой смотрел на девушку, а затем поднял руку с горшочком и поставил его прямо поверх открытых страниц.

Светлые, будто капли солнечного цвета, янтарные глаза споткнулись о новоявленную деталь и в удивлении округлились. Подруга протянула руку и нежным касанием дотронулась до лепестка. На губах девушки распустилась радостная, полная восхищения улыбка, нашедшая свое отражение в улыбке друга. Ния перевела глаза на парня и неверящим шепотом спросила:

- Это мне?

На губах скрипача появилась добрая усмешка, и он ответил:

- Тебе. Позаботишься о нем?

- Конечно, - солнечная девушка будто начала светиться изнутри. Потом перевела взгляд обратно на цветок и хитро прищурилась. - Только кажется мне, что это цветочек-девочка.

Лицо парня приняло озадаченный вид.

- Почему? - уточнил он.

- Ты посмотри какой он нежный, какой красивый, какой тоненький... Точно девочка, - объяснила свою точку зрения Ния, сопровождая каждый аргумент невесомым, очень бережным касанием, любуясь подарком.

Кеннет с таким же выражения лица смотрел на самую солнечную девушку, в его глазах плескалась нежность.

Я подошла к стеллажу с учебниками и начала изучать давно известные корешки книг. Не хотелось подглядывать за чужим сокровенным моментом, хоть я и была ему свидетелем. По моим губам против воли заскользила довольная улыбка.

Кеннет не пробыл долго. Обсудив с Нией вопрос, куда лучше поставить цветочную девочку, чтобы ей было максимально комфортно, он нарочито строгим тоном наказал подруге хорошенько приглядывать за росточком-красавицей и попрощался, оставляя нас обеих в замечательном настроении.

Однако на сегодня сюрпризы не закончились. Уже вечером, перед самым сном, в нашу дверь постучали. Я открыла и увидела госпожу Кин с букетом алых роз.

- Добрый вечер, - поздоровалась я.

- Добрый-добрый, - кивнула комендантша и произнесла, указывая на букет. - Ту Ние посылка. От выпускника исполнительского оллама Грейнна.

Хорошее настроение разом схлынуло, сменившись настороженностью. Ния, услышав слова госпожи Кин подошла к двери.

- Вот, Ниечка, попросил тебе передать, - увидев мою соседку, женщина обратилась уже к ней.

Подруга мягко улыбнулась одними губами и произнесла:

- Знаете, госпожа Кин, он ошибся. Оставьте букет себе. Он замечательно украсит ваш кабинет.

Комендантша нахмурилась, а потом прищурилась.

- Что обидел тебя, негодник? - и, не давая паузы на ответ - он был и так очевиден для умудренной годами женщины - продолжила - Но цветочки-то ничем не виноваты, что нехорошим человеком подарены. Я их на вход поставлю, чтобы глаз девочек радовали.

- Замечательное решение, госпожа Кин, - уже намного ярче улыбнулась солнечная девушка, не глядя на букет. Комендантша кивнула, развернулась и ушла, неся букет на расстоянии от себя, будто грязное домашнее животное.

Закрыв дверь, я испытывающе посмотрела на соседку. Орния резким чеканным шагом подошла к кровати, сжав кулаки. Затем резко расслабилась, а потом неожиданно схватила подушку и со всего размаху запустила ее об стену. Постельная принадлежность встретилась со стеной с приглушенным гулким хлопком. После подушки на свидание с вертикальной кирпичной поверхностью отправились тапочки, тетрадки и столовая ложка. Резкие вспышки были веселыми, хоть и яростными. Последняя ложка отскочила от стены и упала прямо на пальцы ноги девушки. Она с размаху села на кровать, подтянула слегка ушибленную ногу и стала растирать поврежденное место, приговаривая:

- Каков же негодяй! Я-то думала, что он мне цветы не дарит, потому что знает о моей нелюбви к умирающим растениям, а он, гад, просто не считал это обязательным!!!

С каждым ее сердитым словом моя улыбка все ширилась.

- Талли, ну ведь свинство же?!

- Свинство, Ний, самое настоящее, - подтвердила я во всю улыбаясь.

Увидев мою реакцию, подруга перестала растирать пальцы и удивленно спросила:

- А ты чего радостная такая?

Улыбка стала еще шире, хоть это уже и казалось невозможным. Я искренне радовалась. Эта вспышка была как будто последней каплей, с которой Грейин окончательно покинул сердце и жизнь солнечной девушки. Теперь я могла не переживать за подругу. Она изжила свое чувство полностью. Сам того не подозревая, Грейин разорвал все ниточки, что еще тянулись к нему от души Нии. И сделал это самым удачным способом, показав, что она никогда не была ему интересна в достаточной степени, чтобы изучить ее характер и предпочтения. Он сам стер себя из сердца Нии. И теперь, я была уверена, она больше не будет чувствовать щемящей боли, временами скручивающей внутренности. Я была не просто радостна. Я была счастлива. Я бы сейчас даже спасибо этому гаду сказала. Хотя... нет, не дожидется. Я не стала все это объяснять подруге. Она и сама все это понимала и чувствовала. Поэтому просто ответила:

- Ты вернулась.

Недоумение на лице сменилось улыбкой, становящейся все лучистой и шире. Ния запрокинула голову и звонко рассмеялась смехом, играющим солнечными зайчиками и полным ощущением свободы.

- Да... Да!!! Я вернулась!

Вскочив с кровати и забыв про недавно ушибленные пальцы, она закружилась вокруг себя, раскинув руки. Остановилась, лишь натолкнувшись на стол. Восстановив равновесие, она сладко потянулась и произнесла, сияя глазами:

- Талли, хорошо-то как!

Я не выдержала и рассмеялась, смехом полным радости и облегчения. Ния присоединилась ко мне, наполняя комнату сверкающими и теплыми солнечными лучиками. Какой же все-таки, несмотря ни на что, замечательный сегодня был день.

* * *

К музыкальному кабинету, расположенному напротив того, в котором обычно проходили занятия по специальности и композиции, я подходила, стараясь обуздать волнительное предвкушение. Сегодня первое дуэтное занятие. Каково же это будет - сплести одну мелодию из двух звучаний? На фоне этого интереса заинтересованность в личности партнера отходила на задний план, присутствуя лишь номинально. Приблизившись, я постучала и, повернув ручку, толкнула дверную створку. Первым в глаза бросилось наличие в просторном кабинете двух роялей. Сердце забило чаще.

- Проходите, Оллема Таллия, - раздался голос первого проректора. - Не стоит застревать на пороге.

Я повернулась к источнику звука и кивнула.

- Добрый день, метр Двейн, - поздоровалась я, а потом перевела взгляд на фигуру у окна, которой должен был оказаться мой партнер, встретила взглядом с расплавленным серебром знакомых глаз и замерла.

- Судя по тому, что я слышал собственными ушами, у вас неплохо получается музыкально взаимодействовать с олламом Дарраком. А так как времени мало, да и в дуэте поддерживающим всегда назначается более опытный студент, то решение было очевидным, - лорд Двейн повернул голову к выпускнику. - К тому же, это будет для вас еще одной хорошей педагогической практикой.

Даррак Кейн, по-прежнему глядя мне в глаза, кивнул, соглашаясь и подтверждая разумность доводов преподавателя, а я почувствовала желание сглотнуть. Но горло как будто отказалось сужаться, став непривычно сухим.

Следуя указанию преподавателя, я заняла место за роялем, стоявшим возле двери, а Даррак - за соседним. На подставках перед нами уже стояли ноты. Протянула руку и раскрыла. «Мгновение» Лейтаса. Не самое его известное произведение, но очень красивое. Я его играла. В голове проскользнула мысль, откуда Маркас Двейн мог знать, что мне это произведение знакомо, но она быстро затихла под влиянием нетерпения приступить к игре.

Трехчастная форма произведения навеивала впечатление цикличности, позволяя восприятию ощущать его бесконечным, таким, каким и должно быть мгновение, сменяемое множеством других. Несомненно, Лейтас был гением.

- Начнем сначала. Играете только первую часть. Вторую пока трогать не будем, - проинструктировал метр и задал темп четырехтактной первой части, постучав ладонью по крышке моего рояля.

Я посмотрела на партнера, наши взгляды пересеклись. Его кивок, и одновременное вступление. Лейтас отдал свое «Мгновение» тональности Лунный Аметист на серебряной нити. Мелодия играла оттенками от сиреневого до сливового, наполняя комнату ностальгией и пьянящим восторгом. Моя партия была ведущей, Даррака - поддерживающей. Густые ноты Сумеречного Ключа стекали с кончиков его пальцев и впитывались в клавиши рояля, обретая звучание. Они были негромкими, но весомыми и такими надежными, четко удерживая темп - возможно, даже точнее метронома. Его партия - низкая, фоновая, темно-лилового цвета - придавала произведению глубину и насыщенность, создавая особый контраст с моей, благодаря которому ведущая слышалась особенно нежной. Сиреневые и фиалковые переливы верхних октав в Рассветном Ключе совсем не воспринимались резкими и кричащими и уж тем более пищащими. Благодаря бархатной поддерживающей партии, моя мелодия воспринималась звенящей в туманном пространстве серебряной ниточкой паутинки, с капельками росы на ней. Тонкая, гибкая и нежная, она рассказывала о мгновении счастья: наполненном, мимолетном и оттого еще более ценном. Партии переплетались, словно лозы винограда, в неспешном прекрасном танце, создавая из двух одно: нежно-сиреневый и темный индиго, ласковая радость и светлая печаль о скоротечности возвышенных моментов.

Играть в ансамбле с Дарраком оказалось на удивление легко. Он великолепно держал ритм, при этом чутко подстраиваясь под изменение музыкально настроения. Его сдержанное, но выразительное исполнение делало оттенки ярче. Я бы долго могла так играть, наслаждаясь гибкостью и внимательностью партнера, но неожиданно первая часть подошла к концу, и звучание покорилось тишине вынужденной паузы.

- Оллема Таллия, вы слишком уж настороженно прислушиваетесь ко второй партии, - произнес первый проректор, после того, как все отголоски музыки стихли. - Вы ведете мелодию, вам нужно быть смелее и больше доверять партнеру. Не переживайте, он свое дело знает, - после этих слов он обратился к выпускнику. - И да, оллам Даррак, вам можно играть немного громче. Этим вы подтолкнете оллему исполнять мелодию ярче. Еще раз.

И мы начали еще раз. Снова переглянулись. Короткий кивок Даррака, и одновременное вступление. В этот раз играть проще. Я уже знаю, чего ожидать, и могу добавить красок своей партии,

прислушиваясь к партнерской, идеально выполняющей свое предназначение. Меня наполнило чувство благодарности и доверия к Дарраку: на него можно положиться, он не подведет, его звуки всегда поддержат мои, и ноты скроют возможные огрехи. Так легко, как с ним, мне еще ни с кем не игралось.

Занятие прошло замечательно. Замечаний у метра Двейна оказалось совсем немного, мы прошли две части и даже соединили их между собой. К концу урока он был более чем доволен и даже не пожалел слов похвалы:

- Что ж, для первого раза очень и очень неплохо. Немного упорства - и станет замечательно, - с такими словами он попрощался с нами и покинул кабинет, оставив ноты для более детального изучения оттенков.

Я улыбалась. Мне было весело и радостно и хотелось играть снова, а потом кружиться в пространстве, оторвавшись от пола. Воодушевление накрыло с головой. Не в силах сдержать вдохновенной улыбки, я повернулась к партнеру. Расплавленное серебро глаз как будто ждало меня, завладевая всем моим вниманием собственными переливами и редкими голубоватыми проблесками. Не знаю, скользила ли улыбка по губам Даррака, но в его глазах она властвовала безраздельно. Строгий благородный металл был сейчас таким теплым и сияющим, как будто специально для меня.

- Ты неплохо играешь в ансамбле, - произнес он, прерывая приятное наваждение.

- Спасибо, - ответила я.

- Часто приходилось играть дуэты? - с едва заметными твердыми и напряженными, почти собственническими нотками поинтересовался оллам. Я улыбнулась.

- Нет. И впервые это было так легко и приятно. Спасибо тебе, - ответила я.

Молодой мужчина улыбнулся одними уголками губ и как будто стал расслабленнее.

- Под твоё исполнение легко подстраиваться. Ты очень чутко играешь. Для ведущей, можно было бы проявлять и больше самостоятельности, - произнес он, а я в ответ пожалала плечами:

- Не знаю. Мне кажется, что в ансамбле нет ведущей партии. Ведь весь смысл - это научиться играть в тандеме и слушать партнера.

Даррак кивнул.

- Тебя приятно слушать, Таллия, - неожиданно серьезно, без намека на улыбку и как-то проникновенно произнес оллам.

- Тебя тоже, Даррак, - ответила я, хотя хотелось попросить снова сыграть эту мелодию.

Нахлынуло ощущение, что с ним я могла бы играть вечно и абсолютно любую музыкальную историю. В глазах скорого выпускника композиторского факультета зажглось как будто манящее белое пламя. Я почувствовала, что в этот самый момент, в это мгновение, мне очень хочется податься вперед чтобы... чтобы произошло хоть что-нибудь. Сердце подсказывало, что это возможное событие будет достойно мелодии. Но не решилась. Встав с винтового круглого табурета, я неловко улыбнулась партнеру и, попрощавшись, покинула музыкальный кабинет, оставляя за собой подернутую дымкой заглушаемого стремления неизвестность.

Глава 11

Оставшееся до экзаменов время выдалось очень насыщенным. Практические занятия занимали все мое свободное время, так же было и у друзей. Казалось, сам воздух на территории Консерватории гудел от напряжения и намеренно или непроизвольно выплескивающихся нот. Атмосфера всеобщей заинтересованности и энтузиазма была завораживающей и придавала уверенности, что я нахожусь в правильном месте, я наслаждалась каждым днем учебы и подготовки к экзаменам. Иногда мы с друзьями готовились вместе, но это касалось только теоретических занятий. Практика у каждого была своя и не для чужих ушей.

Экзамены пришли с первым днем первого месяца зимы. Быстрее всего мы расправились с зачетом по физкультуре, чтобы освободить время на более активную подготовку. Хотя я бы сказала, что это зачет по физкультуре расправился с нами, а вернее преподаватель, Ханлей Дойл. Обладатель чуть ли не ангельской внешности: светловолосый, голубоглазый и с печатью света на лице - на деле он явно был приверженцем деспотии. Метр Дойл гонял нас с видимым удовольствием в течение семестра, а на зачетном занятии и вовсе превзошел самого себя в тонких насмешках и планке нормативов. Когда же мы, изможденные, пытались отдышаться и не упасть на припорошенную первым снегом землю, он лукаво улыбнулся и произнес:

- Что же. Раз уж физкультура у вас предмет непрофильный и нужна для того, чтобы вы не превратились в скрюченных за инструментами теней, то я, так и быть, ставлю вам всем зачет, - и после этого посмотрел на поверженных усиленной тренировкой и невозможной новостью студентов с таким выражением превосходства на лице, будто он нас благодетельствовал невиданными дарами. И меньшее, что мы можем сделать в ответ - это пасть ниц и самозабвенно лобзать землю, по которой он ступает. Поэтому, наверняка в каждом из нас проснулась темная сторона, жаждущая крови и сдерживаемая этикой, одышкой и полной потерей сил. Во мне так уж точно. Парни смотрели на преподавателя с веселой злостью, оценив шутку, но по-прежнему чувствуя желание прибить одного не в меру веселого метра, а в глазах девушек явно читалось желание задушить. Причем у большинства - в объятьях.

Самыми сложными в сдаче ожидаемо оказались основы олламии, принцип действия музыки души и, как ни странно, история музыки. За экзамен у метра Тигана Муррея я переживала больше всего, все же там нужно было показать свои практические навыки, в которых я вовсе не была уверена. Однако волновались мы напрасно. Экзамен растянулся на два дня, но с первого же экзаменуемого создал непринужденную и даже веселую атмосферу: каждый студент выходил к кафедре и с помощью приобретенных навыков старался повлиять на аудиторию, передавая напевной мелодией, что он хочет увидеть. Преподаватель все время контролировал каждого оллама и с самого начала предупредил: не стоит влиять на сокурсников так, как не хочешь, чтобы метр повлиял на тебя. Поэтому все проходило прилично, без злых насмешек и потери контроля над собственным воображением. Использовать блок аудитории метр запретил. У каждого оллама был разный уровень дара, поэтому и количество студентов, подвергающихся влиянию, тоже было разным: музыковеды обычно могли подчинить своей мелодии одного-двух слушателей, вокалисты от десяти до двадцати, высший порог исполнителей измерялся максимум сотней, а вот композиторы могли подчинить своей воле до полутысячи слушателей. Конечно, сейчас мы все только учились. Чего только не пришлось делать в эти два дня - метр Муррей обязал появляться на экзамене всех, даже уже сдавших, аргументируя это необходимостью в практическом материале - и зарядку, и танцевать, и раскачиваться из стороны в сторону, и валиться на парту, и даже коллективно и синхронно зевать. Особо отличился Байл. Как композитору, ему было под силу воздействовать на всех присутствующих в аудитории, чем он и воспользовался. Под действием его мелодии я выдрала лист из тетради, взяла ручку и стала писать: Байл Фланн - высший балл. После чего встала и влилась в поток студентов, несущих эти листочки к преподавательской кафедре. Там аккуратно сложила свой в стопочку и вернулась на место. Метр Муррей оценил и успехи однокурсника и широту мысли, поставив «ту оценку, о которой ходатайствовал весь поток».

Я не стала ничего выдумывать, а просто вложила в свою мелодию желание, чтобы все присутствующие прохлопали в ладоши. Получилось, правда, каноном, потому что на некоторых студентов влияние было слабее, чем на других. И тут играл роль вовсе не блок, который никто не ставил, помня слова метра, а сила воли, которая у иных весьма крепка, так что исполнение выходило с запозданием. Метр Тиган Муррей это понимал и оценки не снизил, все же это естественные факторы, которые он пока не научил нас преодолевать, так что мне не пришлось делать вид, что так и было задумано, тем более, что вышло все равно неплохо. Эти два дня одного экзамена запомнились нам всем, как самая прекрасная и веселая итоговая проверка, потому что уже после двух экзаменуемых никто не боялся, а только предвкушал. А метр... Метр Муррей, как и обещал, знакомился с каждым и справедливо оценивал всех, учитывая уровень дара и старания каждого. Я получила высший балл, чему была неимоверно рада. И еще долго после сдачи основ олламии студенты-первокурсники излучали восторженное возбуждение, вспоминая, посмеиваясь и уже ожидая следующего полугодия с метром Тиганом Мурреем, предвкушая новые практические знания и умения.

Что примечательно, основы олламии очень тесно перекликались с принципами действия музыки души, только если первая дисциплина была больше практической, то во второй царствовала теория с мизерной долей практики. Так что вполне органично получилось, что в итоге оценки за эти два экзамена вышли одинаковыми, причем у всех.

Но самым напряженным оказался экзамен по истории музыки. Еще на консультации метресса Дервила Хьюз суровым ослепительно-белоснежным тоном предупредила, что не потерпит опозданий, шпаргалок и несоблюдения дисциплины на экзамене, который должен был быть письменным. Весь поток проникся, и в результате все пять дней от консультации до судьбоносного дня мы отчаянно чуть ли не до предрассветной поры готовились, каждый день штудировав и заучивая имена и фамилии знаменитых музыковедов, композиторов и исполнителей, вместе со списком их произведений и историческими событиями с их участием, повлиявшими на политическое, экономическое и даже демографическое положение не только Залдана, но в некоторые временные промежутки и всего Эйрина. К сакраментальному дню я была издергана и постоянно бубнила себе под нос даты, имена и названия городов и театров. И нас таких был весь поток. Получив свои вопросы и сосредоточившись на них, я успокоилась: и причины создания Консерватории Вилмара Аберга Мирноосца, и жизненный и творческий путь Первого Оллама я помнила так хорошо, как будто смотрела в учебник, так что этот экзаменационный час прошел для меня сравнительно спокойно. Единственным, что вызывало тревогу, было опасение, что может не хватить времени,

чтобы все записать.

Зато этика и гармония прошли в умиротворяющей и спокойной атмосфере. Метресса Фиделма Брэк как и метресса Аймора Дели не были теми преподавателями, в присутствии которых хотелось вытянуться в струнку и выпрямить спину до хруста в позвоночнике, так что напряжения, опасения и бессонных ночей не было. Была спокойная атмосфера, придающая уверенности в собственные знания и силы. И если многие вопросы этики были сами собой разумеющимися и давно закрепились в памяти, словно вытесанные в скале, то на экзамене по гармонии я даже почувствовала азартю Схватить недлинную мелодию за хвост и переложить ее на ноты, услышать так, чтобы ни один оттенок не остался без внимания, повторять про себя ее снова и снова... Я поймала себя на мысли, что с удовольствием сдавала бы эту дисциплину еще раз.

В итоге на последнюю учебную неделю оставались лишь академконцерты. Студенты первого и второго курсов сдавали специальность малом концертном зале, а третьекурсники и выпускники - в большом. Связано это было с тем, что на первом курсе от студентов не требовалось показывать навыки владения музыкой души, хоть и всячески поощрялось, поэтому первые два курса сдавали просто специальность без примесей, а успехи в сфере влияния игры на чужие эмоции и желания оценивали только непосредственные преподаватели. А вот для олламов, начиная с третьего курса, исполнять именно музыку души было обязательным, и оценивала каждого специальная комиссия.

На свой первый консерваторский академконцерт я не пригласила никого из друзей. Присутствовал лишь Байл, и то только потому, что у него было испытание в один день со мной, и метресса Санна Линдберг, мой преподаватель специальности. Было очень волнительно, но тот факт, что произведения заучены до автоматизма, придавал уверенности. Перед самым выступлением метресса Линдберг наклонилась ко мне и сказала:

- Послушайте, Таллия. Вы превосходно знаете материал, постарайтесь просто получить удовольствие от музыки. Играйте для себя, знакомьтесь заново с оттенками. Пусть мелодии снова принесут вам радость.

Как ни странно, но эти ее слова разом меня успокоили. Действительно, чего мне волноваться, если экзаменационные произведения я могу играть с закрытыми глазами. Пятнадцать минут, что я провела на сцене, стали для меня праздником. Я отмечала окончание первого учебного полугодия, добавляя мелодиям красок. Я радовалась, своему дару и тому, что нахожусь здесь. Я улыбалась, а трое преподавателей из экзаменационной комиссии улыбались мне в ответ. Да. Я снова получила высший балл.

В тот же раз я впервые услышала, как играет Байл. Его исполнение, как и он сам было с огоньком. Слушая его музыку, я находилась в каком-то странном напряжении, я чувствовала себя посреди снопа искр, которые при малейшем прикосновении могут обжечь, превратиться в огонь, но не делают этого, избегая контакта. Ощущение опасности и азарта. Наверное, он все же приоткрыл душу на своем первом академконцерте. Я не смогла. Я все еще не решалась открывать ее чужим людям. И когда можно было этого избежать - избегала.

После того, как сыграли все олламы нашей группы, преподаватели, немного посоветовавшись, объявили оценки. У одnogруппника-огонька тоже красовалась высшая отметка, с чем я его и поздравила:

- Байл, мне очень понравилась твоя игра. Такая напряженная. Здорово передал характер произведения.

Парень хитро прищурился, потом улыбнулся своей невозможно-очаровательной улыбкой и ответил:

- Спасибо, Талли. Я рад, что тебе понравилось. В какой-то степени эта музыка отражает мои чувства... - студент резко оборвал предложение, за что я была ему благодарна.

- Ты тоже очень красиво играла. Столько света в мелодии, - продолжил он.

- Это не мой свет, а композитора, - улыбнулась я, чувствуя, как неловкость рассеивается.

- Я бы не был в этом так уверен, - парень взял меня за руку и с легким нажимом погладил тыльную часть ладони большим пальцем. - Иногда чувства прорываются сквозь мелодию, вне зависимости от твоего желания. И я рад был услышать их, хотя бы немного.

Я улыбнулась и мягко, но непреклонно забрала руку из его ладони. Парень на мгновение грустно усмехнулся, но это был лишь миг, после которого он снова стал самим собой: веселым обаятельным студентом.

На академконцерт Кеннета и Делмы мне попасть не удалось из-за совпадений в расписании, а у

Кейдна, понятное дело, выступления не было. Зато было у Нии. Ей поставили академ на последний экзаменационный день. Подруга очень нервничала с самого утра, ее руки сотрясала мелкая дрожь, поэтому я помогала ей собраться. По неписанным правилам студенты на свои выступления старались нарядиться как можно более красиво, и Ния не была исключением.

Кеннет занял места для меня, Делмы и Кейдна в третьем ряду. В первом сидели преподаватели, а во втором – экзаменуемые оллады.

Большой концертный зал был почти полон. Конечно, в каждом ряду оставалось несколько свободных мест, но мне показалось, что тут собралась чуть ли не вся консерватория. Даже на балконе сидели студенты. Только ложи пустовали, но в них вход студентам был воспрещен, они береглись для гостей консерватории.

- Сколько народу, - наклонившись прошептала я Делме.

- Да. Они все пришли послушать Нию и Дарракка, - так же тихо ответила мне подруга.

- Дарракка? - удивилась я. За всей этой экзаменационной суетой я совсем забыла посмотреть, когда в расписании стоит академконцерт сереброглазого оллады, и сейчас в одно мгновение почувствовала и сухое леденящее оцепенение, от осознания, что чуть было не пропустила его выступление – вот балда, сама ведь так хотела его послушать! - и волны облегчения, несущие с собой легкую нервную слабость.

- Ну да. Он закрывает череду академконцертов. Это уже своеобразная традиция, - подтвердила Делма.

Я кивнула. На сцену вышла какая-то оллада из преподавательского состава, чтобы попросить тишины и представить первого студента. И потянулась вереница выступающих. Вместе с первыми звуками первого оллады я выстроила блок: за период экзаменов я уже достаточно влияния на себе прочувствовала. Так что сегодня планировала снять его только для Нии.

Перед подругой выступали трое вокалистов и четверо исполнителей: виолончелистка, гобоист, аккордеонист и парень, играющий на валторне. Между выступлениями была маленькая полуминутная пауза. И вот звонкий голос, похожий на звук горна, объявил следующего студента, которым оказалась моя соседка по комнате. Ния встала и вошла по ступеням на сцену. Она остановилась у рояля, не загорая вид на аккомпаниатора, и повернулась лицом к залу. Со стороны Кеннета раздался какой-то малопонятный звук, похожий на судорожный вдох. Коньячного цвета струящееся платье обрисовывало фигуру девушки, свободно расходясь книзу от бедер, ниспадая мягкими складками. Рукава повторяли рисунок юбки, оставляя открытыми только ладони. Ткань золотилась и играла в лучах, падающих на нее из окна. Волосы Нии, в которых как будто путались те же лучи, были собраны в высокую прическу, оставляя открытой шею и плечи, которые платье не закрывало. Девушка как будто сияла изнутри и снаружи, полностью оправдывая свое прозвание солнечной, но больше всего света было в глазах. Куда только делась нервная дрожь и неуверенность. Недавно трясущуюся олладу в этой прекрасной вокалистке не могла узнать даже я. Ния слегка повернула голову и грациозным и легким кивком дала знак аккомпаниатору о вступлении. Полились первые звуки: мягкие, нежные с серебристыми переливами. Проигрыш - и вступление голоса. Голос у подруги оказался очень чистым и невероятно лиричного тембра. Романтичным - такое исполнение никогда не устанешь слушать - и очень мягким. Песня была колыбельной, как это ни странно. Тягучей и плавной. От солнечной девушки будто расходились волнами покой, любовь и умиротворение. Вспомнился родной дом и мама, которая пела нам с сестрой колыбельные чуть ли не до десяти лет, ее теплые чудотворные руки, словно забирающие боль и слезы. Накатила светлая тоска и неожиданно силуэт подруги расплылся в непролитых слезах. Рядом со мной тихо шмыгала носом Делма, от Кеннета не было слышно ни звука: он неотрывно смотрел на Нию, кажется, даже забывая дышать. А песня все лилась тихим шелестом ручейка, воскрешая забытые чувства, пробуждая воспоминания: вот я совсем маленькая, бегу от порога навстречу матери, но спотыкаюсь и разбиваю коленку, мама оказывается рядом мгновенно, она выцеловывает набежавшие горькие слезы, ведет домой, чтобы промыть царапину и рассказывает историю про отважных морских волков, которым все нипочем. Повреждение промыто, и я уношусь на улицу, чувствуя себя бывалым членом берегового братства, и мечтаю, чтобы на коленке остался живописный шрам, а меня провожает любящая мамина улыбка.

Я сморгнула так и не пролив своейвольной влаги, хоть и пришлось постараться. И хоть этот концерт был академическим, и поощрять выступающих хлопками не было необходимости, да и непринято было, если уж на то пошло, но после того, как не только голос, но и завершающие пассажи фортепиано стихли, зал разразился аплодисментами. Ния смущенно улыбнулась и спустилась со сцены, возвращаясь на свое место. Подождав, пока зал успокоится, тот же звучный медный голос объявил выход следующего студента, а после него еще одиннадцать. После выступления Нии я восстановила блок и оценивала игру других олладов исключительно с позиций милосердия.

Завершал этот академконцерт, как и говорила Делма, Даррак Кейн. После того, как горноподобный

голос объявил его имя, в концертном зале воцарилась тишина. Звуки и шепотки словно притаились по углам, замерев в ожидании. С истинно-мужской грацией молодой мужчина поднялся на сцену и занял место за роялем.

Короткая пауза - и длинные мужественные пальцы касаются клавиш рояля, и тот, как будто всем естественным тянется к прикосновениям. Тандем, рожденный укрощенным инструментом и превосходным исполнителем, великолепен. Мелодия стелется серым туманом, а я, замерев, начинаю по-настоящему понимать, что значит овладеть собственным даром. Даррак вышел за пределы цветового спектра семи извечных нот: он создавал новые оттенки сам, музыкой своей души, музыкой, в которую невозможно не влюбиться. Блеклая воздушная субстанция уже заполнила все пространство зала, когда внезапно меня почти ослепила яркая вспышка. Характер, темп, динамика, громкость - в произведении изменилось все. От череды ярких молний, выбеливших пространство, оставив лишь темнеющие силуэты, я стала терять себя и ощущение реальности, ориентироваться в происходящем становилось все сложнее, нахлынула растерянность.

Прямо рядом с ухом раздался сдавленный шепот Делмы, обратившей внимание на то, что со мной что-то не так:

- Талли, что ты делаешь? Поставь блок!

А я вдруг осознала, что блок как стоял, так и стоит. Я не успела снять его перед выступлением оллама-выпускника, но почему-то он стал прозрачным, беспрепятственно пропуская музыку души Даррака Кейна. Я не успела ничего ответить, потому что мелодия изменилась снова. Яркие, до боли в глазах, вспышки прекратились, но и тумана нигде не было, а было небо. Бездонное, бескрайнее, в котором хотелось утонуть. Его голубизна была самым прекрасным из всего, что я когда-либо слышала, и все вопросы отошли на задний план. Сейчас не было ничего важнее и чудеснее небесной лазури, заглядывающей мне прямо в сердце. Желание коснуться прекрасного видения и страх сделать что-то не так сплелись в единый жгут, скрутивший все внутренности в волнительном переживании. Закончилось произведение в том же характере, каким и было оно все от первой ноты до последней: резко, как будто, что-то екнуло в груди или я просто сморгнула наваждение. Осталось лишь эхо, отголосок, которое захотелось спрятать в памяти, чтобы иметь хотя бы частичку этого чуда.

Тишина была в дребезги разбита оглушительными овациями. Казалось, аплодировали сами стены, сам зал. Студент выпускного курса композиторского факультета встал, с достоинством исполнил легкий поклон и спустился со сцены, чтобы занять свое место во втором ряду.

Тишина восстановилась нескоро. Восторг студентов был ошеломительным, а преподаватели не считали нужным прерывать его проявления, очевидно, соглашаясь с мнением учащихся. Музыка души Даррака Кейна была необыкновенной. Как жаль, что возможностей слышать ее у меня будет так ничтожно мало.

* * *

Две сумасшедшие экзаменационные недели закончились. До конца месяца еще оставалось время на пересдачи и подтягивание хвостов у тех, кому это было необходимо, а я собирала вещи, чтобы поехать на первую в своей жизни практику. И не абы куда, а в столицу, во дворец! Да, итоги учебы в течение первого полугодия обеспечили мне стипендию и такую вот привилегию. В этом году из первокурсников туда отправлялось всего двое, а студентов консерватории, очастливленных подобной радостью и честью, оказалось десять. Из нашей компании ехали все, кроме Делмы: она отправлялась домой на свадьбу сестры. Мне было очень приятно за своих друзей. Я, конечно, всегда была уверена, что они талантливы, но увидеть признание их заслуг таким образом было весьма приятно.

Я предвкушала сколькими практическими знаниями и нюансами смогу овладеть. Мне было интересно, у кого я буду заниматься, кто возьмет надо мной шефство. Ясно, что не главный музыкальный распорядитель, у него и без студентов-первокурсников дел хватает, но ведь во дворце собраны самые лучшие музыканты-олламы и опыт любого из них будет для меня бесценен.

Отправлялись мы двумя дилижансами, высланными за нами из Кавриша. Сопровождающими и ответственными за стайку талантливых студентов оказались первый проректор Маркас Двейн, что было вполне ожидаемо, его секретарь Милдред Уорд и, как ни странно, наш преподаватель физической культуры Ханлей Дойл.

Дорога до столицы заняла три дня. Три изматывающих, долгих, полных неудобства и монотонного гула и грязновато-коричневого поскрипывания заезженных рессор казенной кареты дня, которые скрашивали лишь шутки Кеннета, да солнечная улыбка Нии. Метр Дойл тоже поддерживал

разговор и делился с нами множеством забавных случаев не только из своей преподавательской практики, но и из музыкальной. Да, как ни удивительно, он тоже был олламом. Вернее, совершенно не удивала этому значения, а теперь стало очень и очень интересно. На мой вопрос, на чем же играет метр Ханлей Дойл, друзья расплылись в хитрых ухмылках, а сам преподаватель, повторив их в точности, ответил, что увижу сама - и довольно скоро, а пока он потренируется держать интригу, ведь это весьма важное умение в общении с девушками, не так ли?

В Кавриш, столицу нашего славного Залдана, мы прибыли под вечер третьего дня пути. Город располагался на холме, вершину которой венчал огромный дворец. Тряску по тракту сменила тряска по брусчатке и я бы не взялась судить о предпочтительности одной перед другой. Город оказался большим и ярким. Точнее, ярким он оказался не сразу, сначала он оказался грязным и не слишком приятным, но бедные кварталы, прилегающие к самим воротам, мы проехали довольно быстро. А вот начиная с торговых и мастеровых, яркость и впрямь заиграла красками, тут даже звуки были как будто радостней и свежее, в отличие от резких каркающих и грязных серо-коричневых шумов их предшественников. Конечно, ведь радоваться в чистоте куда как легче. Защитным поясом дворца была не только стена с массивными и даже на вид прочными, окованными железом воротами, но и квартал аристократии. Отсюда начинался самый приятный вид на город и самый приятный воздух, здесь даже снег надолго сохранял свою белизну, не стаптываемый грубыми рабочими сапогами и не вбирающий в себя скверные нечистоты: богатые, облеченные властью граждане могли позволить себе технические новшества, позволяющие сохранять чудесный вид и запах своих дворов и жилищ.

К отсеченному надежным каменным сооружением дворцу мы подъехали, когда уже начало смеркаться. Дилижансы остановились. Я выглянула в окно. Из едущей впереди нашей кареты вышел первый проректор и подошел к одному из караульных, протягивая тому какую-то бумагу. Тот тщательно изучил документ, кивнул и дал знак проезжать.

Перед дворцом простиралась огромная площадь, вымощенная гораздо аккуратней и более умело, чем дороги города. Дилижансы остановились в десятке метров от лестницы, ведущей к входу в здание, а после того, как мы все выгрузились вместе с нашим багажом, не задерживаясь, выехали за ворота, покидая территорию дворцового комплекса. Нас же уже встречали лакеи в одинаковых темно-зеленых ливреях, взявшие на свои плечи тяжесть поклажи, и представительный мужчина среднего возраста в черном фраке. Он подошел прямо к первому проректору и умело поклонился, выражая свое почтение.

- Лорд Двейн, с прибытием в резиденцию королевской семьи, - произнес он строгим глубоким голосом, звучащим темно-зеленым мхом глубокой лесной чащи.

- Здравствуй, Анрей, - кивнул Маркас Двейн и поинтересовался. - Комнаты для практикантов готовы?

- Непременно, милорд. Как и всегда, в восточном крыле, - ответил распорядитель, слегка склоняя голову.

- Очень хорошо, - похвалил лорд и дал нам знак следовать за собой. Предназначенные для нас комнаты оказались на третьем этаже. Каждому была выделена отдельная, с прилегающим санузлом. Не знаю, как другим, а по мне - так настоящие покои. Преподавателей тоже поселили на нашем этаже.

Первый проректор отвел два часа, чтобы привести себя в порядок, а потом обещал проводить на ужин, предупредив, что кроме праздника зимнего равноденствия мы должны носить консерваторскую форму. Возражений не последовало ни по одному из пунктов.

А вот на ужине меня ожидал сюрприз сомнительной приятности.

Малая столовая, как мне объяснила Ния, уже не раз здесь бывавшая, была предназначена для обычных непраздничных дней, и от большой королевской столовой размерами почти не отличалась. Размерами стола - так уж точно. В помещении, залитом светом светильников, уже находились придворные. Для приехавших из консерватории студентов места оставили свободными. Кеннет объяснил, что сейчас мы находимся во дворце, исключительно как студенты подопечной его величества консерватории, поэтому на происхождение условно закрываются глаза, иначе он и Ния сидели бы ближе к монарху, учитывая их родословную. Я стала разглядывать соседей по столу и спустя какое-то время натолкнулась на холодные и весьма знакомые льдистые глаза. А он что тут делает?! С этим вопросом я наклонилась к Кеннету. Тот проследил направление моего взгляда, сжал кулаки и ответил:

- Грейнн не самый последний аристократ, как ты поняла. Его отец служит при дворе вот уже пятнадцать лет. Он и устраивает ему практику здесь. А я совсем об этом забыл, - с такими словами он обеспокоенно посмотрел на Нию, но не увидел в ней ни намека на тоску, печаль или даже обиду,

и немного расслабился. Я улыбнулась. Мне-то было известно, что Грейнном Бойлом солнечная девушка окончательно переболела, приобретя крепкий пожизненный иммунитет.

По моим губам проскользнула довольная улыбка. И в тот момент, когда я как раз думала о том, что скрипачу с солнечной девушкой уже никогда и ничего не засветит, наши взгляды снова пересеклись, и в его глазах промелькнуло что-то нехорошее, повеявшее полярным холодом.

Моё оцепенение разбил звук открывающихся дверей и четких уверенных шагов. Я повернулась к источнику и увидела, как в столовую входит мужчина, овеваемый флером власти и решимости, за ним шел другой, шарм которого источался, казалось, из всех пор. Оба мужчины были высокими, гибкими и приковывали к себе взгляд с первой секунды.

Первого сложно было не узнать. Его профиль чеканился на всех монетах. Его величество Алистар Гофрейдх подошел к своему месту во главе стола и вальяжно на него опустился, принимая удобную позу. Второй последовал за ним и занял стул по правую монаршую руку.

Я наклонилась к подруге и шепотом спросила:

- А это кто?

Уточнять не пришлось, Ния сразу поняла, о ком именно я спрашиваю, и ответила так же тихо:

- Это лорд Гаррет Бирн, глава тайной службы его величества.

Я едва заметно кивнула, благодаря солнечную девушку за информацию, когда его величество решил взять слово:

- Приятного аппетита, лорды и леди, - произнес он, наполнив пространство отблесками белого золота, захватывающими внимание с первого звука, причем без малейшего влияния природы олламов. В ту же секунду снова распахнулись двери и в помещение вплыли лакеи, несущие накрытые полусферическими крышками блюда. Сервированный стол стал заполняться едой, которую слуги без суеты и лишних телодвижений, практически незаметно стали раскладывать присутствующим по тарелкам. Запахи витали умопомрачительные, и я бы захлебнулась собственной слюной, если бы снова не раздался голос его величества, проникающий во все уголки, негромкий, но слышимый всеми присутствующими:

- Вижу, к нам снова приехали студенты Консерватории Аберга. Хорошо. Я жду, что каждый из вас приумножит славу нашего государства и будет творить только во благо стране.

Все десятеро, мы синхронно кивнули и в унисон произнесли:

- Да, ваше величество.

Король весело ухмыльнулся и ответил:

- Замечательно. Единодушие - похвальная черта для музыкального братства.

А мне на секунду показалось, что такая реакция студентов - традиционная, как заметил Кеннет, хоть и не подготавливаемая - весьма забавляет правителя.

Ужин прошел спокойно. К нам, студентам, с вопросами никто не приставал, очевидно, придерживаясь мнения, что шефство его величества над учебным заведением - это прекрасно, но много внимания к студентам не приносит пользы. Обратное к покоям нас так же провел проректор, предупредив, чтобы запоминали дорогу, ибо мы все-таки не дети и постоянного провожатого у нас не будет.

В эту ночь я, наконец, выпалась, восхваляя щедрость его величества и стараясь не вспоминать о жестких бугристых матрасах постоянных дворов.

На следующий день после завтрака, который нам принесли прямо в комнаты, метр Ханлей Дойл повел нас в вотчину главного музыкального распорядителя. Я едва сдерживала шаг от нетерпения. Идти долго не пришлось. Как выяснилось, во владения старшего оллама было отведено все помещения западного крыла на втором этаже. Метр Дойл провел нас в помещение, похожее на консерваторский малый концертный зал, где мы стали ждать великого маэстро.

Он появился резко и неожиданно спустя минут двадцать. Стремительным вихрем ворвавшись в двери, быстрым шагом прошел до рояля и резко развернулся. Затем остановился и оглядел каждого. Когда его взгляд коснулся подруги, весь сердито-насуспенный вид поплыл под напором улыбки, немедленно уступившей место недоуменному выражению лица.

- Орния, свет мой, ты почему до сих пор здесь?

Его голос был чист, как озерная вода, и играл оттенками, переливаясь, всей палитрой цветов. Не давая времени ответить, он повернулся к преподавателю и, грозно сведя брови, продублировал вопрос, но уже с грозowymi интонациями – лорд Дойл, почему Орния до сих пор здесь?!

- А где ей еще быть, метр Диармэйд? – спокойно и даже с легкой улыбкой поинтересовался наш преподаватель.

- Как где? Как где?! На репетиции, конечно!!! До праздника всего четыре дня! Четыре!!! – голос маэстро гремел под самым потолком, пуская громы и молнии, но страшно почему-то не было. Внезапно он повернулся и совсем другим тоном обратился к Ние:

- Орния, свет мой, пойдете. Нам еще столько всего нужно успеть.

- Конечно, маэстро, - улыбнулась солнечная девушка, одаряя главного музыкального распорядителя сияющей улыбкой, от которой тот на несколько секунд поплыл, а потом встряхнулся, подошел к подруге и предложил ей руку, которую она, не раздумывая, приняла. Уже на выходе из зала их остановил метр Дойл:

- Метр Диармэйд, а что с остальными?

- Ах да! – воскликнул метр и обернулся. – Исполнителей в соседний кабинет, вокалистов в тот, что напротив, музыковед проводит в библиотеку, а композиторы пусть остаются здесь. Ими всеми займутся мои люди.

После этих слов, он снова повернулся к двери и быстро, но уже не так стремительно, явно оберегая Нию, удалился из помещения.

Спустя несколько минут я осталась в зале одна, напутствованная указанием никуда не уходить, пока не придет подчиненный маэстро. Пятеро студентов-исполнителей во главе с Кеннетом, два вокалиста, музыковед и метр Дойл удалились по указанным адресам, оставив меня в прозрачной тишине.

Несколько секунд я стояла в ожидании, а потом решила, что просто так стоять глупо и поднялась на сцену, где стоял большой концертный рояль сияющего-белого цвета. У меня руки тянулись прикоснуться к нему с того самого момента, когда я зашла в это помещение и увидела его.

Он был великолепен, выполнен столь изысканно и украшен так гармонично, что было страшно к нему притрагиваться. Однако страх был быстро вытеснен любопытством, поэтому я подошла к инструменту и медленно и бережно откинула крышку.

Трое суток без инструмента, без возможности коснуться звуков, отозвались нервной дрожью в пальцах. Я присела на край белой, обитой кожей, банкетки и погладила клавиши легким движением, знакомясь с белоснежным роялем. Он был прекрасен, горд и величествен. Монументально-ажурное чудо. Налюбовавшись, я опустила руку и погрузила пластины в штутьраму. Звук оказался невероятным, а сами клавиши необычайно чувствительными. Инструмент как будто сам угадывал, каким должно быть звучание, мне оставалось только слушать его. И я с удовольствием слушала, тем более что настроен красавец был идеально.

Я перебирала клавиши просто так, не играя ничего определенного, просто наслаждаясь кристальной чистотой и звучностью мелодий, отдыхая душой. Уже по привычке закрыла глаза. Мне давно не нужно было видеть черно-белый глянецный ряд, чтобы играть: пальцы были приучены к интервалам, а слух подсказывал их порядок. Постепенно напряжение разжимало те тиски, в которых держало меня всю дорогу, душа понемногу расслаблялась.

Я остановилась, когда почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Оторвала руки от клавиатуры, открыла глаза и стала искать источник ощущения. Каково же было мое удивление, когда им оказался ни кто иной, как Даррак Кейн.

- Даррак? А ты здесь откуда? – выпалила я раньше, чем успела подумать о необходимости этого вопроса.

Молодой мужчина стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, и неотрывно смотрел на меня. От звука моего голоса как будто встряхнулся, улыбнулся одними уголками губ и ответил:

- У меня здесь практика.

- Практика? – повторила я, недоумевая, почему же в этом случае он не отправился в столицу с нами.

- Да. Педагогическая, - выпускник-композитор слегка поморщился, но не от недовольства.

На минуту воцарилась тишина, а потом я начала понимать:

- То есть моим учителем будешь... - я запнулась.

- Да. Сегодня им буду я, - подтвердил мое предположение оллам, а его глаза снова впились в мои, но на этот раз как будто жадно и даже исступленно.

Без какой-либо адекватной причины к моим щекам стала приливать кровь. Я отвела взгляд, переводя его на черно-белый ряд. Боковое зрение уловило движение: Даррак оттолкнулся от косяка и направился в мою сторону. Его шаги были практически бесшумными. В течение нескольких секунд он оказался рядом со мной. Встав так, чтобы видеть мое лицо, он произнес:

- Сыграй мне что-нибудь, Галли? - и сказано это было таким тоном, словно он о глотке воды просил. Как будто он истомился по мелодии моей души.

Лицо запылала румянцем в одно мгновение. Какие глупости. С чего бы ему скучать? Тряхнув головой снова занесла кисти над клавиатурой. Музыка - вот на чем нужно было сейчас сосредоточиться. Я приехала сюда на практику, значит, и думать нужно о практике. С такими мыслями снова коснулась пальцами клавиш, чтобы отпустить очередную музыку, рожденную моим сердцем.

Тональность Лунный Сапфир. Моя любимая. Пальцы сами стали наигрывать мелодию, немного грустную, слегка тоскливую, но вмещающую в себя всю неизбежность красоты и глубины неба и его отражения на земле: моря. Ультрамариновая стихия наполняла пространство, закручиваясь вихрем и опадая васильковыми соцветиями. Моя душа пела о свободе, о полноте, которые можно почувствовать, только когда есть цельность. Цельность, что дает любовь. Я поднималась на воздушных небесно-голубых потоках ввысь в полуночно-синее небо и спускалась в сапфировые глубины вод. Я искала и ждала, что вот-вот появится та душа, которой наполнится моя собственная. В какой-то момент я, закрыв глаза, настолько отрешилась от реальности, растворяясь в насыщенности ультрамарина, что забыла, что кроме меня в этом помещении есть еще кто-то. Я отпустила себя полностью. Не осталось ни единой ниточки, сковывающей меня. Я летела по синим волнам, подставляя лицо голубым прозрачным капелькам, и звала. Мелодия окончилась до того, как я получила отклик, впрочем, как и всегда. Я не расстраивалась по этому поводу. Мне нравилось ощущение поиска на скорости ветра, и музыка давала мне его.

Когда последний звук растворился в прозрачной тишине, потеряв свой оттенок, раздался голос цвета сапфировых граней, с непривычными хриплыми нотками, будоражащими и заставляющими какую-то струну во мне вибрировать.

- Сыграй еще.

Я не стала спорить. На секунду показалось, что если не начну играть, случится что-то непредсказуемое, волнительное и странное. Поэтому я снова отпустила пальцы ласкать черно-белые клавиши в танце с уже совсем другой мелодией.

После нее была третья, четвертая и пятая... Вскоре я уже не дожидалась просьбы продолжать, а сама, едва закончив одну композицию, начинала другую. Не знаю, сколько времени я играла, но Даррак стоял все на том же месте и все так же внимательно меня слушал. Когда стихли отголоски не помню какой по счету мелодии, я почувствовала, что устала и очень хочу есть. Вместо того, чтобы продолжить, я сложила руки на коленях и подняла голову, чтобы посмотреть на молодого мужчину, стоявшего рядом со мной, облокотив руку на рояль. Глаза цвета жидкого серебра на этот раз были спокойны, а от всей фигуры оллама веяло умиротворением.

В атмосфере тоже не было напряженности, поэтому я решилась спросить:

- Значит, ты ученик маэстро?

Даррак улыбнулся неожиданно озорно: улыбка заставила его глаза играть голубоватыми отблесками, завораживающими своим танцем.

- Да. Все благодаря связям при дворе. Они у меня довольно внушительные.

Я рассмеялась.

- Конечно-конечно, все дело именно в них, в связях, - улыбаясь, согласилась я, поддерживая его шутку.

Даже мне, слышавшей его музыку всего несколько раз, было понятно, что такому сильному олламу протекция не нужна. И маэстро взял его уж точно не по просьбе высокопоставленных родственников.

- Ты сегодня молодец, - неожиданно похвалил меня он.

Мои брови взлетели от удивления к самой кромке волос.

- Да ладно. Ты и сама об этом знаешь, - с теплой улыбкой произнес Даррак при виде изменений выражения моего лица.

Я не то чтобы не догадывалась, все же высший бал преподаватели в консерватории Аберга не за красивые глаза ставят и не за благородную выверенную посадку. Просто не придавала значения. Но услышать похвалу из уст лучшего студента-композитора оказалось очень приятно. Я почувствовала, как своевольный румянец начинает возвращаться, поэтому поспешила перевести тему:

- Ты будешь со мной заниматься все это время?

Нет. Только до празднования Зимнего Солнцестояния. Потом твоим учителем будет метр Диармэйд, - ответил Даррак самым, что ни на есть, будничным тоном.

- Маэстро Диармэйд? - на всякий случай уточнила я, чтобы быть уверенной, что мне не послышалось. - Маэстро Диармэйд будет заниматься со студенткой-первокурсницей?

Молодой мужчина передо мной усмехнулся.

- Не удивляйся. Он не просто так выделяет места для практики тут. И за успехами практикантов следит лично. Он не уделяет молодым олламам больше сорока пяти минут своего времени, кроме, разве что, Орнии Бэрк. Ее он готов слушать не то что часами - сутками.

На моих губах снова появилась улыбка.

- Я уже это поняла. Присутствовала при встрече, - ответила я, а потом снова уточнила. - То есть ты будешь моим куратором эти четыре дня?

- Да, - просто ответил Даррак, а наши взгляды снова встретились.

Серебряное море было спокойным, но в его глубине таилось что-то загадочное и прекрасное, и в какой-то момент мне от всей души захотелось узнать, что это. Ради такого, я была готова даже нырнуть в это жидкое серебро с голубоватым оттенком.

Последующие три дня пролетели для меня как-то невероятно быстро, они слились в одно наполненное тихой радостью мгновение. От рояля, меня отрывали только приемы пищи. Не отрывали бы и они, но Даррак строго следил за перерывами. После завтрака я занималась под его присмотром. Он давал мне задания, а потом слушал, делал замечания, давал советы и хвалил. Моменты последнего разливались в сердце звоном колокольчиков, устремляющимся в небо. И хоть это была обоюдная практика, Даррак Кейн оказался достойным учителем: он терпеливо разъяснял подсказывал и не терял самообладания. Несмотря на то, что он сам еще, по сути, был студентом, мне imponировала его манера вести занятие. И очень нравилось играть в его присутствии. То, как он слушал малейшие движения звука: внимательно, будто настоящую историю, придавая значение даже самой короткой ноте - наполняло сердце ощущением полета. От этого мне хотелось играть непрерывно, а в душе рождались все новые и новые мелодии.

После обеда я обычно оставалась с инструментом наедине, Даррак уходил на репетицию. А после ужина он пресекал все мои попытки вернуться к роялю и неумолимо отправлял на прогулку по королевскому парку. В первый раз я удивилась этой его инициативе настолько, что растерялась и выпалила первое, что пришло в голову:

- Дар, я не хочу идти туда одна. Мне неловко.

Мне показалось, что на короткое мгновение он замер, как будто окаменел, но уже спустя секунду его глаза на совершенно спокойном лице улыбались, а сам он произнес:

- Хорошо. Тогда пойдем вместе.

И мы пошли вместе. Почему-то робость, которую я ожидала почувствовать, так и не пришла, и прогулка вышла чудесной, как и все последующие.

С друзьями эти несколько дней удавалось пообщаться только вечером, перед самым сном, и в основном я предпочитала слушать об их впечатлениях, сберегая светлые моменты прошедшего дня в памяти.

Глава 12

Гаррет Бирн смотрел в окно, выходящее в сторону дворцового парка, и задумчиво потирал подбородок. Его племянник вырос из маленького замкнутого мальчика в уверенного в себе молодого мужчину, на которого без раздумий можно положиться. Глава тайной службы планировал по окончании подопечным консерватории устроить его в свое ведомство, но тот твердо отказался,

обосновав это тем, что не против время от времени содействовать тайной службе на благо короны, но постоянно он хочет заниматься именно преподавательской деятельностью. Еще мальчишкой на него было бессмысленно давить или настаивать на чем либо. Даррак понимал только обоснованную аргументацию и если был не согласен, то стоял на своем до последнего. Но не ему, Гаррету Бирну, винить за это племянника, ведь эти качества тогда еще ребенок перенял именно у него.

Глава тайной службы усмехнулся своим мыслям, но выражение лица снова стало непроницаемым, как только раздался стук в дверь.

- Войдите, - дал позволение он и снова опустился в кресло.

Створка открылась, и в кабинет зашел тот, кто несколько мгновений назад занимал мысли хозяина помещения.

- Даррак, здравствуй, - произнес мужчина, знаком приглашая посетителя располагаться.

- Здравствуй, дядя, - поздоровался Даррак Кейн и привычным движением опустился в кресло напротив.

- Как прошел день? - поинтересовался Гаррет Бирн.

- Как и обычно перед концертом. Маэстро Диармэйд неистовствует в своей миролюбивой манере, - пожал плечами молодой человек.

Хозяин кабинета понимающе усмехнулся.

- Слышал, он пригласил тебя в этом году на педагогическую практику.

- Да, занимаюсь с практиканткой из нашей консерватории, - кивнул Даррак.

- И как успехи? - приподняв бровь, поинтересовался глава тайной службы.

- Мои или моей ученицы? - уточнил оллам.

- Обоих, - было краткое пояснение.

- Наличествуют, - был ему не менее краткий ответ.

На минуту в кабинете воцарилась тишина, но не в привычках Гаррета Бирна было многозначительно молчать, поэтому он прервал ее мерное течение:

- Ты подумал о нашем разговоре в последнюю встречу?

- Да, дядя. Я подумал, - кивнул Даррак, ставший в момент еще более серьезным.

- И? - подтолкнул его к повествованию собеседник.

- Не получится. Изменились обстоятельства, - ответил молодой человек.

- Даррак, ты же понимаешь, что этот союз был бы крайне выгоден и нашей семье, и семье девушки, и интересам короны? - спокойным тоном спросил глава тайной службы.

- Понимаю, дядя. Но, как я уже сказал, обстоятельства изменились. Я встретил девушку. И не собираюсь ей предлагать меньше, чем статус жены, - так же спокойно ответил Даррак Кейн.

- Не согласится? - деловым тоном поинтересовался лорд Бирн.

- Нет, не согласится. Но дело даже не в этом. Я не могу делать ей подобных предложений, - пожал плечами ответил оллам.

- Понятно, - глава тайной службы вздохнул и придвинулся ближе к столу. - Кто она?

- Студентка консерватории. Таллия Хейс, - произнес молодой мужчина.

- Таллия Хейс, - задумчиво повторил Гаррет Бирн. - Ага. Вспомнил. Девятнадцать лет, родом из обедневшей дворянской семьи из провинции. Даррак, ты должен сам понимать, что она для тебя не лучшая партия. Не худшая, согласен, но и не предел мечтаний.

Мужчина испытывающе смотрел на племянника, ожидая ответной реакции, которая не заставила себя ждать. Даррак вздохнул и, не отрывая взгляда от глаз родственника, произнес:

- У нее голубые глаза, дядя. Чистого небесного цвета.

Гаррет Бирн еще сильнее подался вперед и судорожно сглотнул. Через пару секунд он уже вновь полностью владел собой, но произнести смог лишь одно:

- О! Это многое меняет. - Даррак Кейн кивнул, соглашаясь со словами лорда Бирна, а тот хитро усмехнулся и добавил. - По крайней мере теперь я понимаю, что разубеждать тебе бесполезно, ведь так?

- Именно так, дядя, - улыбнулся уголками губ оллам.

- Ну раз так, тогда я хочу, чтобы ты меня с ней познакомил, - безапелляционным тоном заявил глава тайной службы, расплывшись в ухмылке, означающей, что уж в этом он непременно добьется своего.

- Непременно, дядя, - губы оллама иронично дрогнули, - только вы ей так не улыбайтесь, не то она подумает, что вы собираетесь съесть ее вместо закусок.

- Поговори мне еще, несносный мальчишка, - буркнул лорд Бирн, грозно насупив брови над сверкающими весельем глазами. - Да от этой улыбки все придворные дамы с ума сходят и в обмороки норовят упасть.

- Есть у меня подозрение, что это от страха, дядя. Слишком у вас вид кровожадный, - не остался в долгу племянник.

- Так. Ты мне надоел. Иди давай по своим делам, - махнул на него рукой глава тайной службы, уже не скрывая улыбки.

- Как скажете, дядя, - усмехнулся Даррак Кейн и, поднявшись с кресла, направился к выходу. Уже у самой двери лорд Бирн его окликнул:

- Даррак.

Оллам обернулся.

- Я рад за тебя, - с неожиданной и почти не присущей ему редкой сердечностью произнес глава тайной службы.

- Спасибо, дядя, - кивнул молодой человек и, попрощавшись, покинул кабинет, оставляя его хозяина обдумывать полученную информацию.

* * *

День празднования Зимнего Солнцестояния настал неожиданно быстро. По случаю активизировавшихся приготовлений к празднеству наши занятия отменили, а завтрак и обед приносили в комнаты. Ния до самого полудня пробыла на последней репетиции, откуда пришла прямо ко мне, упала на кровать и простонала:

- Скорей бы уже этот день закончился.

Я удивленно посмотрела на подругу и спросила:

- С чего вдруг такой настрой?

Солнечная девушка перевернулась на спину, убрала с лица волосы и ответила:

- Маэстро всегда очень волнуется перед концертом. А когда волнуется маэстро - волнуются все. Особенно за свою целостность, если вдруг что-то пойдет не так.

- Но ведь к тебе он вроде бы относится с теплотой, - не поняла я.

- Ко мне-то да. В меня он почему-то верит, а вот других гоняет до вторичных мозолей. Меня просто очень изматывает такая нервная обстановка, - призналась подруга.

Я лишь понимающе кивнула и предложила:

- Хочешь поесть? Только принесли.

- Ужасно хочу, просто умираю от голода, - немедленно согласилась солнечная девушка, схватившись за живот.

В итоге я отдала ей свою порцию, а сама сходила в ее комнату за другим подносом. После того, как с обедом было покончено, а лакей унес пустые подносы, пришло время готовиться к празднику. Бал в честь Дня Зимнего Солнцестояния обещал быть насыщенным. Открывать празднество должны были музыкой. Музыкальную прелюдию готовил лично маэстро Диармэйд, нещадно гоня оркестрантов. Как поделилась Ния, он приготовил нечто шедевральное. Заявив, что поодиночке собираться не так интересно, и вообще, она уже привыкла ко мне за полгода и ей одной теперь скучно, Ния отправилась к себе в комнату за платьем.

Я же решила не терять времени и стала переодеваться, не дожидаясь подруги. Когда та ворвалась в комнату солнечным вихрем, я уже была почти готова, оставалась только обуть туфли. Окинув меня взглядом, Ния улыбнулась и произнесла:

- Талли, ты невероятно милая в этом платье.

- Не нравится, да? - с улыбкой спросила я. Я и сама понимала, что мой наряд будет весьма и весьма бледным на фоне нарядов придворных дам. Ведь он не был ни кричаще-дорогим, ни даже новым, но я не собиралась этого стесняться. Я ведь сюда приехала не на балах блистать, а учиться. Я могла бы даже форму одеть, если бы лорд Двейн не предупредил, что форма одежды должна быть парадной.

- Не то чтобы не нравится, просто мне кажется, что ты будешь себя в нем чувствовать неуютно... - вдруг она осеклась, а потом ее глаза загорелись, а лицо озарилось энтузиазмом.

- Ния? - осторожно позвала ее я, опасаясь, сама не знаю чего.

- Сейчас, - отмахнулась она, бросила свою поклажу на кровать и убежала, оставив дверь открытой.

Вернулась подруга раньше, чем в первый раз с еще одной порцией ткани в руках.

- Вот, - выдохнула она, протягивая ее мне.

- Что это? - спросила я, недоуменно смотря то на подругу, то на саму ткань.

- Это платье, - прсияла солнечная девушка.

- Ния, не нужно, мне вполне нравится мое. Я не стыжусь своей семьи и своего положения, поверь мне, - попыталась уклониться я, но не тут-то было:

- Я знаю, Талли. У меня такого и в мыслях не было. Просто сегодня праздник, и мне так хочется, чтобы мы с тобой были самыми красивыми. К тому же, это платье никогда мне не шло, - она приблизилась и стала впихивать поклажу мне в руки.

- Ты же понимаешь, что мы не будем там самыми красивыми: придворные дамы ведь намного ярче нас с тобой, - во всю улыбаясь, я старалась удержать напор подруги.

Ния фыркнула и ответила:

- Кто сказал?! Глупости! На нашей стороне молодость, талант и новизна, - а потом ей надоело меня уговаривать и она, грозно сведя брови, произнесла: - Так, хватит пререкаться. Иди переодевайся. Я хочу, чтобы ты получила удовольствие от бала, а не ловила на себе косые взгляды.

Сопротивление было бесполезно, это крупными буквами читалось на лице солнечной девушки. Так что я приняла платье и пошла за ширму переодеваться. Во второй раз.

Платье было очень приятным на ощупь и мягко льнуло к телу. Приталенный силуэт обрисовывал фигуру, юбка состояла из многих слоев тонкой воздушной ткани, так что даже при ходьбе она развевалась, создавая впечатление парящего перьевого облака. Ладьеобразное декольте и воздушные, при движении колышущиеся рукава, выполненные из той же тонкой ткани, что и юбка, только всего в два слоя, дополняли летящий образ. Классическая прическа пришлась как нельзя лучше и туфельки, подходящие по цвету у меня как раз были.

Выйдя из-за ширмы, я увидела, что подруга уже готова и стоит в закрытом наглухо плаще. Увидев меня, она улыбнулась, засветилась довольством и одобрением и выпалила:

- Талли, оно так тебе идет! Особенно к глазам. Ты такая красивая!

Я смущенно улыбнулась и еще раз оглядела наряд - небесно-голубой и воздушный, словно кусочек недосыгаемой выси, безбрежного облачного океана.

- Спасибо, Ния. Большое тебе спасибо, - поблагодарила подругу я, поднимая глаза. Мне хотелось сказать гораздо больше, но к горлу подкатил сухой ком. Совладав с нахлынувшими чувствами, я спросила:

- А ты почему в плаще?

Солнечная девушка хитро улыбнулась и ответила:

- А это часть задумки маэстро, так что я не в праве ее раскрывать, - И, не дав мне больше ничего спросить, подтолкнула к выходу: - Идем уже. Мне опаздывать никак нельзя.

* * *

Большой тронный зал дворца был действительно большим, даже огромным, и вмещал в себя невероятное количество людей. Обычно, двери парадного входа были всегда открыты, но сегодня рядом с ними была возведена сцена для музыкантов, поэтому приглашенные заходили с боковых входов. Его величество восседал на троне, который был расположен на возвышении с тремя ступенями; не только почетный, но и грозный и вполне боевой караул в лице шестерых стражников окружал трон; по периметру зала были расставлены еще около пятидесяти дворцовых блюстителей порядка. От трона к самой сцене вел импровизированный коридор: полтора метра в ширину свободного пространства, не занимаемого никем. Придворные выстраивались вдоль невидимых границ, оставляя его величеству не только свободный обзор, но и дорогу к музыкантам, если он пожелает подойти. Шепотки и приглушенный гомон наполняли тронный зал, воспаряя высоко, к самому потолку. Придворные дамы медленно и с достоинством обмахивались веерами, а лорды поправляли кружевные вороты или камзолы, и все вместе они шептались, шептались, шептались...

Моё место было дальше всего от трона его величества, чему я была искренне рада по двум причинам: во-первых, потому, что оно было дальше всего от трона, а во-вторых - ближе всего к сцене. Пока что абсолютно пустой. Из-за двери парадного входа раздались первые звуки. Я слушала, как музыканты подстраивают инструменты и успокаивалась. Знакомое звучание разлеталось яркими ниточками, прогоняя нервозность и неловкость.

Внезапно свет погас, погружая тронный зал в абсолютную темноту, наполненную вздохами, писканиями и возбужденными возгласами, а еще звуком оружия, вытаскиваемого из ножен. Шаги. Тихий скрип. Свет снова зажегся, но не по всему залу, а только над сценой. По тронному залу разнесся дружный вздох.

Все музыканты оркестра, сидящие на своих местах, были в красных шелковых рубашках, играющих бликами в свете светильников. Дирижер надел черную, а Ханлей Дойл, стоящий за литаврами, был вообще без рубашки, поражая взгляды женской половины зала рельефным мускулистым торсом и сильными, сейчас скрещенными на груди руками, держащими палочки для игры на инструменте.

Дирижер повернулся к слушателям и поклонился его величеству и придворным. Гомон немедленно смолк, приглашая в помещение тишину. Выказав свое уважение, он повернулся к оркестру и резким рубленным движением, полным сдерживаемой силы дал ауфтакт.

Оркестр ожил, с первых взмахов смычка наполняя пространство наполненными энергией звуками. Четкими короткими движениями музыканты отправляют в полет все новые и новые звуки. Тональность Лунный Рубин на золотой нити с каждой новой нотой все больше захватывает пространство и внимание слушателей, расплескивая по залу пока еще приглушенные алые всполохи. Постепенно громкость звучания с беспокойного, но все же пиано, нарастает до меццо форте, после чего резко обрывается, но тишина не допускается и на одну шестнадцатую от длительности ноты. Брошенную струнами партию подхватывают духовые, развивая тему от самого пианиссимо до вполне уверенного форте. К ним снова присоединяются скрипки, и мелодия захватывает сердца. Она порывиста, она ярка она зовет что-то, что уже рвется из груди навстречу ей. Алые всполохи становятся все ярче, по мере нарастания громкости они превращаются в языки пламени. От движений рук музыкантов их рубашки играют в свете отбликами огня, так что у всех складывается одна ассоциация: мы в огне, пламя вокруг нас и внутри нас, оно жжет и просится наружу, желая освобождения. Литаврист выверенными, полными страсти и отдачи движениями заставляет звучать инструменты особенно ярко, не громко, не выделяясь, но помогая оркестру держать ритм и рассылая вибрирующие волны, сотрясающие воздух. Очень скоро на его обнаженном торсе появляются мелкие капельки пота, поблескивающие от лучей светильника. Придворные леди не могут оторвать взглядов от представившегося им зрелища сильного, дикого мужчины, демонстрирующего властность, мощь, раскрепощенность, темперамент и нотку сдержанности. Я бы и сама не отрываясь смотрела бы на метра Дойла, если бы в первом ряду не находился он.

Его длинные умелые пальцы заставляют скрипку петь, она как будто становится пластичной в его руках и сама подстраивается под хозяина, все его движения выверены и полны едва сдерживаемой страсти, как и музыка, которую он играет; его лицо напряжено, губы не сжаты, но как будто

затвердели, а глаза... его глаза смотрят прямо в мои, и серебро в них кипит эмоциями. Меня бросает в жар, но отвести взгляд кажется невыносимым. И я смотрю в них. Смотрю и вижу свой приговор.

В какой-то момент освещение смещается, и теперь внимание перескакивает на фигуру, ранее скрытую от глаз причудливостью света и черным плащом с капюшоном. Плащ медленно спадает, ткань струится, словно вода и на сцене остается девушка в белоснежном легком платье и с распущенными волосами. Она открывает рот и начинает петь, вплетая свой голос в симфонию безудержного желания. Она олицетворяет собой чистоту помыслов и намерений. Звонкий голос мягкими переливами добавляет мелодии невыносимой выразительности и, кажется, душа, если не стгорит, воспарит над телом, яростно пылая белым пламенем. Ноты первой октавы сменяют те же, но второй, а затем и третьей. Диапазон вокалистки поистине впечатляющ, а звучание чисто как горный ручей. Хрустальный голос не дает страстному желанию затмить рассудок, добавляя трепетности. Партия девушки длится совсем не долго, и скоро инициатива вновь возвращается к струнным. А вместе с ней и взгляды слушающих. Мой же ни на секунду не отрывался от глаз цвета закаленной стали.

Множество партий и инструментов поют об одном: о желаниях сердца, которые нужно, необходимо отпустить. И эти желания отзываются и в моей душе, находя отражение в серебристо-серых глазах с голубоватыми отблесками: всё, кроме них, кажется неважным. Пожар разгорается с новой силой, поглощая пространство полностью и задевая лепестками всех и каждого, находящегося в зале. Он ревет и бушует, музыка становится все громче и еще более порывистой, постепенно почти незаметно ускоряется темп. Фортиссимо. Звучание пронизывает кажется каждую клеточку моего естества, и после самой утверждающей, самой громкой ноты, в которую вложена вся страстность и стремление, резко наступает тишина.

Абсолютная тишина длится всего пару секунд, затем ее разбивает всхлип, вздох, хлопок и вот уже зал взрывается громом аплодисментов, а я, как и прежде, не могу оторваться от серебра его глаз, которые так же неотрывно и жадно смотрят на меня.

После невероятной мелодии музыканты встали и легко и изящно поклонились его величеству и придворным, принимая искреннее восхищение. Некоторые из них оставили свои места, положив инструменты на стулья, и спустились со сцены. В их числе был и Дарррак.

Он двигался с грацией хищника, выбравшего добычу, плавно и неторопливо, но сила и властность ощущалась во всем: в фигуре, движениях, взгляде. Не обращая внимания ни на лордов, стремящихся поздороваться с ним и похвалить исполнение, ни на леди, недвусмысленно становившихся на траектории его движения и замиравших в самых привлекательных позах, он приближался ко мне. А я ждала.

Оказавшись рядом со мной, он оставил расстояние между нами балансировать на самой грани приличий. Не было произнесено ни слова. Он просто смотрел мне в глаза, а я не могла оторвать взгляда от него.

Вдруг раздались первые упорядоченные мелодичные звуки. Придворные стали с энтузиазмом выстраиваться в пары. Даррак поднял руку ладонью вверх, предлагая ее мне в незамысловатом, но искреннем жесте и спросил:

- Ты потанцуешь со мной, Талли?

Его голос был непривычно низким и хриловатым, от его звуков по телу прокатилась волна томящего чувства. Я, не раздумывая, вложила свою руку в его ладонь, с удовлетворением от прикосновения и замиранием сердца ощутив сильные пальцы, немедленно сомкнувшиеся на моих, словно давая понять, что шанса передумать мне не дадут. Я улыбнулась. Он не был мне нужен: отступить я не собиралась.

Звуки становятся громче и уверенней, наполняя огромный тронный зал нежным розовато-сиреневым звучанием. Старый танец, известный всем, выстраивает пары согласно порядку, и спустя несколько тактов мы начинаем движение. Шаг друг от друга и обратно. Миг - и я оказываюсь прижата к сильному и горячему мужскому телу, чтобы в следующую секунду почувствовать прохладную и ненужную свободу. Мой разворот. Его рука на моей талии, а пальцы второй томительно медленно проводят по всей длине моей собственной: от шеи до самых кончиков пальцев. Моя ладонь оказывается в плену и, пока мы делаем синхронные шаги и повороты, под напором его пальцев поднимается вверх к самому лицу моего партнера. Я ощущаю его опалющее дыхание на своих пальцах, а затем его сменяет прикосновение губ, нежное и невыносимо-трепетное. Шаг. Разворот. Наши пальцы расстаются, чтобы через мгновение встретиться вновь, в унисон с глазами. Я не знаю, кружим ли мы по залу или стоим на месте. Все, что я вижу - это бездонное серебряное море, в котором яркими всполохами сплетаются яркие чувства, определения которым я не могу сейчас дать, слишком увлеченная их игрой. Музыка как будто отходит на задний план, становится приглушенной, затмеваемая огненной бурей, что я вижу перед своими глазами.

Серебро становится все ярче. Все ближе. В какой-то момент я чувствую, что начинаю дышать его дыханием, его губы настолько близко, что почти касаются моих. Мы больше не двигаемся. Неподвижная, я стою в объятиях мужчины, который, несмотря на сжигающее его пламя, дает мне возможность принять решение. Решение, которое давно уже принято. Я легко выдыхаю и подаю вперед, преодолевая последние миллиметры, разделяющие нас.

Мгновение - и его губы нежно накрывают мои. Секунды растягиваются, а время теряет значение. Важен только он и прикосновения, которые становятся все более властными, будто утверждающими право этого мужчины на меня. В какой-то момент поцелуй становится яростным, почти болезненным и я распахиваю закрытые глаза, чтобы встретиться взглядом с бушующим серебряным морем. Мгновение. Его губы замирают, а потом начинают ласкать мои, будто лелея, прося о прощении. Но мне не за что прощать, и, снова закрывая глаза, я отвечаю на поцелуй, длящийся слишком короткую вечность.

Я отстранилась от Даррака только тогда, когда голова стала непривычно-легкой от недостатка воздуха. Мы все так же стояли в заключительной танцевальной позиции: мои руки у него на плечах, его - у меня на талии. Не встречаясь с ним взглядом, щекой прижалась к его груди. Еще никогда я не чувствовала себя настолько цельной, как будто все ответы были найдены. Одна его рука осталась на прежнем месте, обхватывая талию крепким жарким поясом, а вторая переместилась к моим плечам и прижала к себе еще крепче. Я улыбнулась, сквозь волосы почувствовав его подбородок. Даррак вздохнул. Коротко, но всей грудью: по-мужски. Его тепло и терпкий запах горьковатых духов окутывали меня, словно защитным коконом. Казалось, я могла бы стоять здесь, в его объятиях, вечность. И, видит небо, мне этого хотелось.

Отдышавшись, я осмотрелась: мы стояли в одной из ниш, отделенной от основного пространства тронного зала колоннами. Здесь царил полумрак, разбавляемый лишь остаточным рассеянным светом общего пространства. Там звенело веселье и яркими красками переливались музыкальные трели, гомон и смех, а тут было спокойно и как будто даже тихо. Или это присутствие Даррака приглушало звуки, превращая их в смутное разноцветное марево где-то на периферии сознания. Самым ярким, что я сейчас видела, было прозрачное, чуть искрящееся едва заметным внутренним рокотом дыхание мужчины, в чьих объятиях мне было так уютно.

Какое-то время мы стояли молча. Я, не шевелясь, ловила ощущения от широкой мужской ладони с длинными музыкальными пальцами, поглаживающей меня по спине. Он время от времени легко касался губами моих волос и прижимал еще крепче. Сменилось две мелодии, когда я решила прервать молчание. Не поднимая головы и не меняя положения, тихо произнесла, зная, что он услышит:

- Значит, ты еще и на скрипке играешь.

Тихий смешок мне в волосы. Я чувствую его улыбку.

- Ты забыла, какой у меня второй инструмент? - спросил он с капелькой доброй иронии в голосе.

- Точно, - вспомнила я. - Никельхарпа. Но ведь она не классическая скрипка.

- Верно, - подтвердил Даррак, прокладывая пальцами дорожку вдоль моего позвоночника. - Сначала я освоил классическую скрипку, потом ее клавишную родственницу.

- Я смотрю, ты на все руки мастер, - едва не промурлыкала я, нежась в этой незамысловатой, но такой искренней ласке.

Ответом мне был смешок, с очень двусмысленной интонацией.

- Ты очень красиво играешь, Дар. Инструменты будто сами подстраиваются под тебя. Мне нравится смотреть на твою игру, - произнесла я, сделав вид, что не заметила многозначности предыдущего звука.

Его рука замерла, а та, что держала меня за талию, напряглась и практически вжала в сильное мужское тело.

- Что? - очень хриплым голосом спросил он.

- Что? - сдавленно переспросила я, поднимая голову и абсолютно не понимая, что случилось.

- Как ты назвала меня? - грани сапфира ярко и часто искрили.

Я запнулась, а затем посмотрела ему в глаза. Поверхность серебряного моря будто застыла, но там внутри угадывался настоящий шторм. Не отводя взгляда, повторила немного тише, чем в первый раз:

- Дар.

- Талли... - только и произнес мой мужчина, но за него говорили глаза, смотревшие на меня с непостижимой жадной, благодарностью и чем-то еще.

- Тебе не нравится? - на всякий случай уточнила я.

- Нравится, маленькая, - ответил он и обхватил мое лицо ладонями. Нежно, бережно. - Очень нравится.

Я улыбнулась. Какое все-таки у него замечательное имя. Даррак. Дар. Мой Дар.

* * *

Орния Бэрк медленно спускалась со сцены. На была последней. Первый танец был в самом разгаре. У подножия лестницы не должно было никого быть. Не должно, но оказалось. Он стоял и, не отрываясь, смотрел на нее своими серыми глазами. Когда-то они казались ей похожими на листву, покрытую инеем, но не теперь. Теперь это был лед, острый и холодный, тепло которого может быть только напускным. Как сейчас.

- Ния, - произнес знакомый голос, звук которого она была готова слушать вечно. Когда-то, но не сейчас.

Солнечная девушка остановилась, не дойдя до пола трех ступенек, спокойно посмотрела в глаза молодому человеку перед собой и спросила:

- Что?

- Ты, - маленькая запинка. Она должна демонстрировать неловкость и толику вины, - потанцуешь со мной.

Грейнн протянул ей руку. Ния же посмотрела на него, такого красивого внешне, но насквозь гнилого внутри, и не смогла вспомнить, почему любила его. Лихорадочно перебирая обрывки памяти, она искала и не находила ответа. А потом вдруг поняла: она любила вовсе не этого молодого человека. Она любила того, кого он так умело играл, и кого она додумала. На ее лице расцвела сияющая улыбка, увидев которую парень улыбнулся в ответ - как обычно, с оттенком самоуверенности. Солнечная девушка посмотрела на протянутую ей руку, перевела взгляд на льдистые глаза и радостно ответила:

- Нет, - после чего продолжила спускаться, обогнув незадачливого кавалера и без сожаления оставив его фигуру с протянутой рукой за своей спиной.

Грейнн не сразу понял, что произошло, но когда осознал, улыбка сползла с его лица. Он чувствовал себя идиотом. Хуже! Он чувствовал себя отвергнутым идиотом! И не имеет значения тот факт, что увлеченные первым танцем придворные наверняка не придали значения инциденту. Он придал. Он знает! Грейнн Бойл чувствовал себя отверженным и униженным, и эти чувства ему совсем не нравились. Опустив руку и с силой сжав ее в кулак, он медленно повернулся. Стройная фигурка девушки, принадлежащей ему, медленно и грациозно удалялась. Она не обернулась ни разу, а в душе Грейнна зажегся темный огонь.

* * *

Кеннет Берглунд стоял, опершись плечом на колонну, и блуждал взглядом по залу, слово в поиске кого-то. В какой-то момент его глаза замерли. Парень выпрямился и глотнул. Сейчас прямо к нему приближалась самая красивая девушка в этом зале. Единственная, кого он видел с самой первой их встречи.

- Привет, - поздоровалась она.

- Привет, - ответил он, стараясь выглядеть беззаботно, но отчего-то это было трудней, чем раньше. - Здорово выступила.

- Правда? Тебе понравилось? - ее щеки окрасились в розовый цвет.

- Конечно, - уверенно кивнул Кеннет, а потом слова, будто сами, сорвались с губ. – Потанцуешь со мной, Ния?

Янтарные глаза солнечной девушки встретились с темно-карими парня.

- Да, - ответила она

Кеннет протянул ей руку, а Ния, не раздумывая, приняла ее. В момент прикосновения пробежал маленький, как будто электрический разряд. Солнечная девушка легонько вздрогнула, а парень, напротив, сжал ее пальцы крепче, решительно притянул к себе и увлек в танце в круг пляшущих.

Ощущение хрупкой стройной фигуры в его руках было таким приятным, что хотелось прижать к себе девушку еще крепче, но, в то же время, молодой человек боялся причинить ей боль и напугать, поэтому сдерживался. Чем-чем, а этим искусством он овладел в совершенстве. Зачарованный игрой света в ее волосах, он произнес:

- Знаешь, сегодня я не намерен уступать тебя кому бы то ни было.

Ния улыбнулась, посмотрела ему в глаза и ответила:

- Знаешь, сегодня я не хочу танцевать ни с кем, кроме тебя.

На такой ответ Кеннет даже не надеялся. Его сердце застучало чаще, а музыка, словно почувствовав это, ускорила темп. Парень прижал солнечную девушку к себе немного крепче и закружил по залу. Чудесная солнечная Ния, только его... по крайней мере, на этот вечер.

* * *

Я стояла у колонны и наблюдала за танцующими парами. Они мелькали перед глазами в сопровождении яркой и живой музыки, звучащей непрерывным движением бурной горной реки. Даррак отошел совсем не надолго, но без него мне было совсем не так уютно, и уж точно совсем не так спокойно. Он отчего-то твердо уверился, что после танца мне необходимо освежиться стаканом сока. Хотя я с гораздо большим удовольствием бы испытывала жажду, чем расставалась с ним.

Скользя взглядом по кружащимся парам, я совсем не замечала, что происходит в непосредственной близости от меня. Поэтому негромкий мужской голос, глубокий и сильный, густого оттенка самых темных морских глубин, чем-то неуловимо похожий на голос Дара, заставил меня вздрогнуть:

- Юная леди танцует?

Я повернулась к источнику звука. Передо мной стоял высокий темноволосый мужчина, которого я видела в королевской столовой во время приемов пищи. Он всегда сидел по правую руку от его величества. Лорд Гаррет Бирн, глава тайной службы короны. Мужчина смотрел на меня пронизательным взглядом ярко-синих глаз, как будто видел все мои внутренности, да и душу заодно.

- Полагаю, вы не откажете в танце пораженному вашей красотой? - снова спросил он, а я растерянно кивнула. Таким людям, как Гаррет Бирн, не отказывают. По крайней мере, в такой мелочи, как танец. Хотя не сомневаюсь, что отказать ему в чем-то более значимом не менее трудно.

Мужчина взял меня за руку и повел к кругу танцующих. Инициатива в танце принадлежала только ему, демонстрируя, насколько все-таки он властный человек, но двигался партнер до того умело и точно, что я чувствовала себя легким перышком, уносимым ветром. Когда я немного освоилась и свыклась с манерой ведущего в нашей паре, он, будто почувствовав этот момент, снова обратился ко мне:

- Как вас зовут, прелестное создание?

- Леди Таллия Хейс, - представилась я.

- Прекрасное имя для прекрасной девушки, - снова произнес он, а от бесконечной череды комплиментов мне стало неловко, поэтому я ответила:

- Благодарю, но ни в том, ни в другом нет моей заслуги.

Синие глаза мужчины сверкнули чем-то очень похожим на одобрение.

- Вы надолго в столицу, леди Таллия Хейс? - спросил он.

- На тройку недель, пока не закончится практика, - ответила я.

- Так вы студентка Консерватории Аберга? – уточнил глава тайной службы.

Я кивнула, подтверждая его догадку.

- И как вам учиться в этом прославленном учебном заведении, которому благоволит сам его величество? – снова задал вопрос мужчина. Его голос плотным коконом окутывал меня с головы до ног темной водяной массой, создавая чувство, что я глубоко-глубоко под толщей воды.

- Мне нравится и очень, - ответила я, снова чувствуя неловкость. Складывалось впечатление, что лорд Гаррет Бирн сейчас аккуратно, но все же допрашивает меня, и важно ему не то, что я скажу, а нечто другое. Может, реакция на его слова? Не знаю, но ощущение двойственности не отпускало.

- Это хорошо, - тем временем отвечал мне мужчина. – Поверьте мне, леди Таллия Хейс, музыканты-выпускники консерватории могут с честью послужить на благо страны. Вы не представляете, какими чуткими и податливыми становятся сердца слушателей у тех, кто чувствует инструмент, как самое себя.

Глава тайной службы смотрел на меня испытывающе, поэтому подозрение, что передо мной оллам, ранее мелькавшее скромным пятнышком на периферии сознания, стало необычайно ярким.

- Я хочу, чтоб моя музыка приносила радость тем, кто ее слушает, - максимально осторожно произнесла я.

- Вы считаете, это правильно? Ведь музыка должно заставлять задумываться и будить в людях чувства. Радость – это хорошо, но эта эмоция не заставит человека думать и стремиться к действию, - ответил мне лорд Гаррет Бирн, с интересом смотря мне в глаза.

- Вы правы, - ответила я. – Но мне кажется, что радость можно испытывать и от принятого после долгих раздумий решения. Так что и грустная музыка в итоге может иметь хороший эффект.

- В ваших рассуждениях есть смысл, - едва заметно кивнул мой партнер, - но я все же склонен к точке зрения, что радость должна быть вознаграждением за действия, мотивацией к поступкам. А не даваться просто так.

Я отвечать не стала, только кивнула в знак того, что его мнение разумно. К счастью, сразу после этого звуки музыки затихли и, поблагодарив за танец, мужчина повел меня обратно, где нас уже ждали. Дар стоял у той самой колонны, где оставил меня, с бокалом в руке и неотрывно следил за мной и моим спутником.

Как только мы подошли на расстояние пары шагов, он протянул мне руку, которую я, конечно, приняла, и притянул к себе, после чего произнес:

- Я думал, ты хотел, чтобы я сам представил тебя девушке, дядя.

Мои брови поползли вверх. Гаррет Бирн - дядя Даррака? Чувство, что и танец, и разговор были затеяны неспроста, укоренилось и окрепло. А еще захотелось спрятаться от синих глаз, прижавшись к спине Дара. Такой человек, как глава тайной службы, никогда и ничего не сделал бы просто так.

- Так и было, но тебя не оказалось рядом, а я не мог позволить такой очаровательной девушке скучать в одиночестве, - ответил лорд Бирн.

Даррак скептически хмыкнул, а его дядя сделал вид, что не услышал этого. Они были совсем не похожи друг на друга, но взгляд, проницательный и цепкий, а так же немногословность, очевидно, были семейной чертой.

Молчание не продлилось долго. Глава тайной службы кивнул, еще раз поблагодарил за танец и удалился, напоследок окинув меня странно-задумчивым взглядом. После его ухода я почувствовала облегчение и совсем не была против, когда Даррак, так и не отпустивший мою руку, притянул меня еще ближе. Теперь я практически была прижата к его боку. Так оказалось гораздо спокойней и уютней.

Он протянул мне бокал с соком, я, поблагодарив, приняла его: от волнения пересохло во рту, так что напиток пришелся как нельзя кстати. Даррак не спускал с меня глаз ни когда я пила сок медленными маленькими глотками, ни когда отдавала пустой бокал проходящему мимо лакею. А когда снова заиграла мелодия, расцветивая пространство романтическими легкими красками, он наклонился и прошептал на ухо:

- Сегодня я кардинально изменил свое мнение насчет танцев.

От жаркого дыхания ушко покраснело, а в районе солнечного сплетения поселилось сладкое томительное чувство. Я подняла голову, чтобы встретиться с ним взглядом, и спросила так же тихо:

- Почему?

На кубах Даррака появилась озорная улыбка, и он ответил:

- Потому что, танцуя, я могу держать тебя в своих руках.

И не успел румянец окрасить лицо, как этот замечательный мужчина уже снова вел меня в танце, а я снова ничего не видела, кроме бездонного моря его серебряных глаз.

Глава 13

Гаррет Бирн стоял у стола с напитками и задумчиво смотрел в зал. Королевский Бал по случаю праздника Дня Зимнего Солнцестояния удался. Впрочем, как и каждый год. Не зря же в музыкантах на этом мероприятии были одни только олламы, руководимые маэстро Диармэйдом, получавшим инструкции по поводу настроя лично от него. Вступительная композиция удалась на славу. Мало кто сегодня сможет держать в узде собственные чувства, так что скоро грянет пора свадеб - в этом глава тайной службы был уверен. Последующие мелодии, сопровождавшие танцы, обходились уже практически без влияния, только не давая забыть о той, самой первой, и буре чувств, которую она вызвал, и которую сегодня вполне не обязательно сдерживать.

Его раздумья прервала очередная музыкальная пауза. Пары разбрелись по периметру, оставляя центр зала свободным.

Небольшой перерыв, уже через несколько минут должна будет зазвучать новая композиция, и тогда к центру зала снова потянутся пары, любящие подобные развлечения. Лорд Гаррет Бирн в их число не входил. Поставив бокал с недопитым вином обратно на столик, он уверенным движением направился к застекленной двери балкона, сейчас еще и завешенной тяжелой тканью портьеры. Легкое нажатие на ручку - дверь открылась ровно на столько, чтобы он мог пройти. Мужчина вышел на балкон, закрыв за собой створку. В лицо ударил холодный ветер. Мороза не было, но зима давала о себе знать стойко-холодной погодой. Однако после душного зала ему не было холодно даже в рубашке, а наоборот, было замечательно свежо. Набрав полную грудь воздуха, он медленно выдохнул и огляделся. Балкон был довольно большим по протяженности, на него выводили три двери. И сейчас у самых перил напротив соседнего выхода стояла женская фигура. Света на балконе было достаточно, чтобы различать детали: в честь праздника все фонари были зажжены, и дополнительных развешено было не мало.

У парапета стояла молодая рыжеволосая женщина в черном платье, верхняя юбка которого была сшита из цельного кружева, а нижняя просвечивала сквозь кружевной слой алыми всполохами. На ее плечи была наброшена черная меховая накидка.

Услышав приближающиеся шаги, женщина повернула голову в сторону источника звука и встретилась глазами с взглядом лорда Гаррета Бирна. Мужчина подошел к ней и остановился на расстоянии двух шагов. Мысленно благодаря людей, отвечающих за оформление и освещение, он любовался ее насыщенно-малахитовыми глазами. Волосами, в которых путался теплый свет фонарей и легким румянцем от холодного воздуха.

Пауза затянулась, и женщина вопросительно приподняла брови, как будто недоумевающая, что ему нужно здесь, рядом с ней.

- Прекрасный вечер, Леди Уорд, - произнес он, разрушая тишину. - Не находите?

- Чудесный, лорд Бирн, - ответила она своим немного низковатым для женщины голосом, от которого у мужчины привычно вверх по позвоночнику пробежали мурашки.

- Вам тоже стало душно в зале? - продолжил он учтивую беседу.

- Да. Там слишком много народу и слишком шумно, - кивнула женщина и устремила взгляд в сторону освещенного огнями города, отзвуки веселья которого доносились даже сюда.

На несколько секунд, в течение которых лорд Бирн любовался профилем секретаря своего подчиненного, снова воцарилась тишина, но была изгнана так же безжалостно, как и в прошлый раз:

- О чем вы думаете с таким выражением лица, леди Уорд? - спросил он, не отрывая взгляда.

Милдред снова повернулась к нему и уточнила:

- С каким, лорд Бирн?

- С тоскливым, - пояснил мужчина.

Леди Уорд улыбнулась и, немного помедлив, ответила:

- Я скачаю по танцам южных провинций.

Ответ был неожиданным. Очень неожиданным. Поэтому лорд Бирн задал вопрос лишь после небольшой паузы:

- Вы бывали в южных провинциях?

- Доводилось, - коротко ответила она.

Стало понятно, что эту тему женщина освещать не собирается, поэтому направленность вопросов глава тайной службы сменил:

- Почему вы тоскуете по южным танцам?

Леди Уорд улыбнулась и ответила:

- Они более искренние и живые. Они выражают суть человека и не пытаются ее скрыть. Да и веселее они, чем наши канонические.

Мужчина понимающе улыбнулся, и в этот момент из зала стала доноситься новая мелодия. Поддавшись порыву, он вдруг лукаво улыбнулся, протянул женщине руку и спросил приглушенным тоном:

- Вы знаете ирдан?

Глаза Милдред вспыхнули азартом, чей свет немедленно был приглушен силой воли, однако эта вспышка не осталась незамеченной.

- Знаю, милорд, - ответила она с едва уловимыми мурлыкающими нотками.

Гаррет Бирн поднял руку, протянутую ладонью вверх, немного выше, повторяя предложение, а Милдред Уорд, хитро прищурившись и предвкушающе улыбнувшись, приняла ее. Вместе они сделали несколько шагов от ограждения, после чего ладошка Милдред выскользнула из мужской руки.

Музыка доносилась из зала немного приглушенно, но вполне различимо. Рваные движения смычка, быстрый отделяющий такты друг от друга звук, и женщина плавным движением заходит за спину своему нечаянному партнеру по одинокому танцу. Она становится вплотную к нему, практически касаясь. Маленькая нежная ладошка дарит прикосновение и прокладывает дорожку легким медленным движением по груди, спускаясь вниз. Когда она оказывается на уровне солнечного сплетения, мужчина накрывает ее своей, чтобы сжать, но та в последний момент выскальзывает. Музыка становится плавной и размеренной, более спокойной, в противовес страстям, набирающим обороты в невидимом обществом танце. Милдред легким текучим движением выходит из-за спины Гаррета Бирна, не разрывая контакта своей ладони с его телом. Он поворачивается, обхватывает ее за талию левой рукой и резко притягивает к себе. Теперь одна ее рука у него на шее, а вторая медленно спускается, оглаживая шелковую ткань рубашки от плеча к самой кисти. Словно соглашаясь, ее ладонь ложится в его, один за одним опуская пальцы, как будто даря неуловимую ласку и одновременно поощряя. Между телами пробегают невидимые искры, накидка спадает с плеч леди Уорд, но ни она, ни ее партнер не обращают на это внимания. Ярко-синие глаза пристально смотрят в насыщенно-малахитовые, отвечающие им тем же.

Музыка набирает обороты, становясь все объемней и словно подталкивая пару к дальнейшим активным действиям. Ирдан - танец быстрых переходов и сладких замираний в волнительной близости, танец, который не всякий отважится исполнить и не с каждым захочется это делать. Его руки непрерывно касаются ее тела: держат талию, ласкают оголенные плечи, под будто волшебными прикосновениями, не чувствующими холодного, почти морозного воздуха. Низкий прогиб и медленный возврат в исходное положение. Ее ладони тоже не находятся в бездействии, скользя по его рукам, груди и шее и оставляя горящие следы за собой, словно выписывающие огненные руны на его коже. Это танец прощания и встреч, когда одна не хочет уходить, а другой пытается удержать, это танец страсти и влечения, когда губы замирают в сантиметре друг от друга, а пальцам так и хочется зарыться в волосы партнера.

Когда музыка затихает, танцующие замирают в тесных объятьях друг друга, которых им явно недостаточно, которых мало почти до боли.

Гаррет Бирн, тяжело дыша, смотрел прямо в сверкающие огнем зеленые глаза женщины, прижатой к его груди и понимал, что отпускать ее не хочет.

- Мил...

Ее пальцы накрыли его губы, не давая произнести, закончить ее имя. Вывернувшись из его рук она стремительно подхватила накидку и скрылась за стеклянной дверью, оставив его в очередной раз справляться с ненавистной пустотой в руках.

Портьера у двери за его спиной едва заметно колыхнулась.

Леди Уорд вернулась в зал и осмотрелась, решая, куда сейчас пойти лучше всего, чтобы не попадаться на глаза главе тайной службы. Спустя несколько секунд рядом с ней оказался ее непосредственный начальник и друг, который галантно предложил ей руку и повел к одному из столиков с напитками в другом конце зала.

- Маркас? - не смогла скрыть удивления она.

- Милдред, долго ты еще будешь измываться над лордом Бирном? - задал он вопрос, которого раньше никогда не озвучивал, за что она ему была чрезвычайно благодарна. Но теперь был особый случай.

Поморщившись, секретарь первого проректора тряхнула волосами и ответила, поблескивая лукавством в глазах:

- Я не понимаю о чем ты, Маркас.

- Да неужели? - лорд Маркас Двейн иронично приподнял бровь.

В ответ секретарь сделала самые невинные глаза, какие только могла. И он, возможно, даже поверил, если бы невинность в них не зашкаливала, и если бы сам не оказался свидетелем танца на балконе. Увидев, что в этот раз мужчина отступить не намерен, Милдред вздохнула и произнесла:

- Ты видел?

Первый проректор кивнул в подтверждение ее слов.

- Тут все немного не так, как кажется, Маркас, - снова вздохнув, ответила Милдред Уорд.

* * *

Юная девушка стояла под дверью, ведущую в кабинет отца и, затаив дыхание, прислушивалась. В кабинете в креслах сидели двое мужчин и вели исключительно мужскую беседу об урожае поместий, об очередном оцне лучших гончих, о покупке нового ландо, сделанного по последнему слову инженерной мысли, и о многом другом. Как раз после упоминания непредсказуемости погоды в последнее время и небольшой паузы слово взял хозяин кабинета, пожилой мужчина, благородно убеленный сединами и испещренный морщинами:

- А скажите, лорд Бирн, что вы думаете о браке?

Молодой человек, ничуть не удивленный вопросом, ответил:

- Я думаю, брак - вещь полезная, особенно когда у тебя в доме живет мальчик, которому необходимо хотя бы изредка теплое женское внимание, да и самому дому не помешала бы женская рука.

- Ваш подход мне нравится, лорд Бирн. Это подход ответственного взрослого человека, реально смотрящего на мир, - голос хозяина кабинета стал немного тише и слегка задумчивым.

- Я не романтик, лорд Дорф. Но я осознаю все преимущества женатой жизни, как и недостатки, в полной мере, - добавил молодой мужчина.

- И что? Намерены ли вы изменить свой статус в ближайшее время? - более живо поинтересовался его старший товарищ.

- Скажу так: я все более склоняюсь к этой мысли. Тем более что есть девушка вполне расположенная найти свое счастье рядом со мной, как мне кажется, - после небольшой паузы ответил лорд Бирн.

- О нет, мой друг, вам не кажется. Вовсе не кажется, - хохотнув, подтвердил пожилой человек. - Должен сказать, я и сам в какой-то мере поощрял в упомянутой вами юной леди интерес к вашей персоне.

- Очень дальновидный шаг с вашей стороны, - заметил гость с иронией в голосе.

- Давайте без уверток, лорд Бирн, - неожиданно прямолинейно начал хозяин кабинета. - Наши с вами семьи одинакового положения в обществе, а репутация моей дочери безукоризненна. Я даю за ней солидное приданное, такая девушка станет завидным украшением любому мужчине. Ко всему прочему, она еще и влюблена в вас, поэтому противиться союзу точно не станет.

- Все это так, - признал правоту собеседника молодой мужчина.

- Тогда что же удерживает вас от этого шага, дорогой мой. Не забудьте, ведь женитьба откроет вам такие возможности карьерного роста, какие холостяку никогда не будут доступны. Вы ведь сами знаете, общество склонно доверять семейным людям.

- И это так же верно, - кивнул гость и добавил. - Я хотел поговорить с вами на эту тему, но рад, что вы первым ее подняли. Раз уж ваше отцовское благословение мною заранее получено, думаю, стоит обсудить детали. В каком месяце, вам будет удобней играть свадьбу?...

По мере диалога лицо девушки становилось все бледней, а услышав последнюю фразу, она отшатнулась от двери, будто та была ядовитой змеей.

Из насыщенно-зеленых глаз покатались слезы.

Друг семьи, мужчина, в которого она была влюблена с самого детства, за которого мечтала выйти замуж с четырнадцати лет, сейчас обсуждает их свадьбу как выгодное вложение средств, а ее саму - как разумное приобретение. Небо, да два самых важных мужчины в ее жизни сейчас говорят о ней, как о племенной кобыле! Злость иссушила слезы. Видит небо, она ждала этого дня, ждала, когда возлюбленный попросит ее руки у отца, а потом сделает предложение руки и сердца и ей самой. Но она и в страшном сне не могла предположить, что все произойдет вот так: что ее отец станет предлагать свою дочь мужчине, словно та, привлекательный товар, и что мужчина будет поддерживать подобную манеру разговора.

К драной курице такую любовь! Нет, она не пойдет замуж за этого человека. Она выйдет замуж только за того, кто будет искренне и нежно ее любить! Но вот сможет ли она сама так же любить супруга в ответ?...

И тут в затуманенном обидой мозгу девушки вспыхнула мысль: раз лорд Бирн не любит ее сейчас и замуж берет не по любви, то и в браке на взаимные чувства рассчитывать глупо. А значит, нужно брать судьбу в собственные руки. Поднявшись в свою комнату, девушка написала записку и приказала горничной как можно быстрее передать ее соседу, молодому графу Андерру Уорду. Молодой человек вот уже полгода ухаживал за ней с самыми серьезными намерениями и даже делал предложение руки и сердца около месяца назад. Она не знала, как правильно отказать, поэтому уверила воздыхателя, что ей нужно время подумать. Ну что ж, теперь это предложение весьма кстати. Вместо того чтобы оплакивать так и не оправдавшиеся ожидания, ей лучше устроить свою судьбу раньше, чем это сделал отец. Уж лучше жить с тем, кто души в тебе не чаает, чем с тем, кто приобрел тебя словно породистую лошадь.

Та же горничная спустя час с небольшим принесла ответ, в котором молодой граф Андерр со всей пылкостью уверял в своих сохранившихся намерениях и целиком поддерживал план девушки. Этой же ночью, молодая и обиженная, она сбежала из дома, чтобы обвенчаться с просившим ее руки мужчиной, всего годом старше ее.

* * *

- Это был не самый умный мой поступок, Маркас, я себя не оправдываю, но Андерр дал мне многое. Очень многое. Жаль только, что я не смогла ему дать взамен ничего, кроме дружбы и уважения, - закончила Милдред.

Они сидели на скамье в дворцовом парке в одном из уединенных мест, где их не могли бы услышать посторонние уши. Маркас обхватил женщину за плечи и прижал к себе, удобно устраивая голову подруги на своем плече.

- Он умер? - спросил проректор.

- Да. Спустя два года после свадьбы. Двухстороннее воспаление легких. Мчался ночью в дождь из другого города, только чтобы засыпать вместе со мной, а поздняя осень – пора коварная, - тихо вздохнув, ответила Милдред.

- Почему ты не говорила? – после недолгой паузы снова спросил он.

- А зачем? Это все в прошлом, которое мне порой вспоминать стыдно, - призналась женщина, и одинокая слеза скатилась по ее щеке, потерявшись в мехе накидки.

- Глупышка ты, Мила, - вздохнув, произнес Маркас, а потом добавил. – Все еще любишь его?

- Нет. Той детской любви во мне нет уже давно, - ответила она.

- Тогда зачем изводишь его всеми доступными способами? Мужик скоро не выдержит и бросится на тебя, - со смешком произнес лорд Двейн.

Леди Уорд совсем по-девчоночьи хихикнула.

- Как знать, может, я этого и добиваюсь. А что?! Ты не представляешь, как скучна жизнь вдовы. А так, хоть какое-то разнообразие.

- Леди Уорд, вы опасная женщина, - наигранно суровым тоном заявил Маркас Двейн. – Вы играете мужскими чувствами ради развлечения.

Милдред освободилась из объятий, усмехнулась и ответила:

- Какими чувствами, Маркас, о чем ты? Там один сплошной родопродолжательный инстинкт.

- Мда... думаю мне лучше не спрашивать, отчего в тебе столько цинизма, - задумчиво произнес первый проректор.

- От счастливой и беззаботной жизни, Маркас, отчего же еще? – с ироничной улыбкой ответила Милдред.

* * *

Грейнн Бойл следил мрачным черным взглядом за кружащейся в центре парой. Остановив проходящего мимо лакея, он поставил пустой бокал на поднос и вместо него взял полный, после чего резким раздраженным движением кисти велел слуге убираться, так же неотрывно следя за солнечной девушкой, танцующей в объятиях Кеннета Берглунда. Большой глоток вина. Он потерял им счет после третьего бокала. Илуэты и обстановка вокруг Орнии и ее партнера расплывались, да и чтобы видеть саму девушку ему приходилось напрягать глаза.

Быстро же она его забыла. Быстро выкинула из своей жизни. Разве так любят? Нет! Эта девчонка никогда его не любила. Она притворялась. Каждый день. Каждую секунду. Лживая тварь. А ведь он хотел сделать ее своей женой! Глупец. Как он мог так ошибаться в ней. Во время следующего глотка зубы зло звякнули о края бокала, но парень этого даже не заметил.

Какого тут вообще происходит?! Это его женщина!!! Почему ее лапает этот неудачник, за три года обучения не обнявший ни одной девушки?! Да мужчина ли он вообще?! Что она в нем находит, его светлая девочка, он же абсолютнейшее ничтожество! Что он может ей дать?! Ведь гораздо меньше, чем сам Грейнн, положение которого заметно выше, как ее, так и этого Кеннета. Нет! Орния должна быть с ним! Он поговорит с ней, и она все поймет. Должна понять!

Грейнн Бойл с силой сжал пальцы, и ножка бокала издала жалобный звук, сопровождающийся поползшей вверх трещиной.

После того, как очередная мелодия закончилась, Ния извинилась перед Кеннетом и удалась в дамскую комнату, чтобы привести себя в порядок. Вечер был чудесным. Она давно не испытывала такого умиротворения, странным образом смешанного с волнительным ожиданием чего-то. С Кеннетом ей было хорошо и не только в танце, а вообще.

Солнечная девушка поправляла перед зеркалом прическу, когда увидела, что дверь в дамскую комнату открылась, и в нее вошла вовсе не дама, а не кто иной, как Грейнн Бойл собственной персоной. Зайдя, он закрыл за собой дверь, сделал шаг и остановился, разглядывая девушку.

Ния медленно опустила руки и повернулась.

- Что ты здесь, делаешь, Грейнн? Это дамская комната. Тебе сюда нельзя.

Парень молчал. Он задумчиво смотрел на оллему. После небольшой паузы, он все же произнес:

- Орния, ты такая красивая.

Лицо девушки окаменело, а молодой человек продолжил, делая еще шаг навстречу к ней:

- Мне так плохо без тебя. Я ошибся. Прости меня. Такого больше никогда не повторится, поверь мне, - голос парня наполняли искренние интонации, не раз и не два убеждавшие девушку в правдивости звучащих слов. Но не сегодня.

- Поверить тебе? - переспросила Ния и встретилась взглядом с глазами молодого человека. - Нет, Грейнн, я не могу больше тебе верить. У меня это физически не получится, даже если бы я этого захотела. Лучше ты поверь мне: я не так уж тебе и нужна. Тебе не составит труда найти мне замену в течение десяти минут. Уходи.

Но в противовес ее просьбе парень, наоборот, стремительно приблизился к девушке, отрезая той пути к отступлению, схватил ее ладони, сжал в своих и заговорил быстро и сбивчиво:

- Нет, Орния. Ты нужна мне. Очень нужна. Я не могу без твоего света. Я чувствую себя потерянным во мраке. Вернись ко мне, любимая. Вернись. Мне не нужен никто кроме тебя, - он поднял ее руки к своему лицу и стал осыпать их частыми исступленными поцелуями.

Ния смотрела на молодого человека и не чувствовала к нему ничего. Абсолютно ничего. Даже жалости.

- Грейнн, - мягко, но непреклонно произнесла она.

Парень оторвался от ее рук и поднял глаза, чтобы встретиться с непримиримым выражением ее собственных.

- Отпусти меня, - она не делала попытки вырваться. Просто стояла и ждала, когда парень сделает то, о чем она его попросила. - Ты пьян, а я устала. Нам лучше поговорить на свежую голову.

В ответ в глазах молодого человека полыхнул огонь, и он ответил:

- Я не могу отпустить тебя, Орния. Ты нужна мне, - с этими словами он приблизился вплотную, прижав девушку своим телом к зеркальной стене.

Она уловила запах вина, идущий от него, смотрела в его горящие решительностью глаза и не чувствовала ничего.

- Думаешь, если возьмешь меня силой, я буду с тобой? Нет, Грейнн. Это уж точно меня не удержит, - спокойно произнесла девушка, силой воли сдерживая внутреннюю дрожь.

Сейчас ни в коем случае нельзя было показывать неадекватному парню своего страха. Обычно вполне сдержанный молодой человек теперь больше походил на дикого зверя, ждущего любого резкого движения, как повода, чтобы напасть.

- Силой? - Грейнн иронично вскинул бровь. - Нет, дорогая, в этом нет необходимости. Я знаю, ты все еще любишь меня, а значит, сила не понадобится.

Улыбнувшись предвкушающей улыбкой, он склонился над ее лицом, но в последний момент Ния отвернулась, не желая встречаться устами с лживыми губами бывшего возлюбленного. Улыбка стала еще шире, а через секунду он уже самозабвенно целовал ее шею, прижимая к себе стройный стан солнечной девушки, так крепко, как только мог, словно заявляя свои права на нее.

Ния смогла сдержать всхлип, но по щеке скатилась одинокая слеза. Она все еще надеялась, что он остановится сам, но в мозгу черной змеей свилась мысль: а что если нет? Что ей делать? Кто ее здесь услышит? И стоит ли кричать, ведь так она может еще больше раззадорить его.

В тот момент, когда вторая слеза догнала первую, а дышать стало совсем трудно, неожиданно открылась дверь.

* * *

Я была счастлива. О, небо, как же мне было хорошо в этих сильных руках, уверено ведущих меня в

танце, кружащих в прекрасном разноцветном мареве музыки, звучащей будто только для нас двоих, мареве, окутывающем нашу пару, словно кокон, дарящем чувство уединения, позволяющем забыть, что, кроме нас, в этом танце кружится еще несколько десятков пар. Дар. Мой Дар. В его глазах светилось столько нежности, что мое сердце, казалось, не выдержит такого наплыва чувств. После очередной мелодии и трех бокалов сока я почувствовала, что пора бы освежиться, и попыталась ненадолго оставить Даррака, но не тут-то было.

- Я провожу, - ответил он на мою просьбу немного подождать. Мне стало неловко, и это сразу стало заметно по румянцу, залившему щеки. Еще чего не хватало, чтобы мужчина провожал меня в дамскую комнату.

- Прекрати, Талли, - непреклонно, заявил Даррак. Его голос, играющие сапфировыми гранями, заворачивал меня, притягивал, - Это дворец. Ты даже не представляешь, какие мерзавцы тут встречаются. Я провожу, и это не обсуждается.

Я кивнула. Забота была так приятна, что сдерживать лучшую улыбку во всю ширь рта становилось все трудней.

Дамская комната оказалась вовсе не так близко, и я успела несколько раз обрадоваться, что Дар пошел со мной, потому что одна я бы совершенно точно где-нибудь свернула не туда и заблудилась.

Подарив прощальный взгляд и высвободив ладонь из будто не желавших отпускать меня пальцев, я скользнула в комнату и закрыла за собой дверь. Счастливо улыбаясь облокотилась на нее и вдруг увидела справа что-то странное. Повернулась. Улыбка сползла с моего лица в момент.

У самой стены стоял Грейнн, прижимавший к себе Нию, из глаз которой текли слезы. Ярость нахлынула опаляющей волной. Я почувствовала, как запылали щеки, но в этот раз всему виной было уж точно не смущение. Оторвавшись от двери, я подбежала к ним, схватила парня за руку и произнесла тихим, звенящим злостью голосом:

- Грейнн, немедленнопусти ее!

Молодой человек остановился, а затем поднял голову от шеи подруги и посмотрел на меня. В его льдистых глазах полыхнуло черное пламя, а губы исказила кривая ухмылка.

- Ты!

Он вырвал свою руку из моих пальцев и молниеносным движением схватил меня за шею. Пальцы сдавили мне горло, я обеими руками стала пытаться отцепить их, но тщетно. Его полные ненависти, смешанной с чем-то еще глаза впивались в мои похлеще грубых пальцев. И в этот момент мне стало страшно. Не от того, что воздуха становилось все меньше, не от боли, причиняемой жестокими пальцами, а от того, что я увидела во взгляде Грейнна. Темное болезненное желание, не желающее видеть преграды, стремящееся покорить, сломать и получить от этого наслаждение. О небеса, что этот человек хочет от меня? Почему? Зачем?! Его сдерживала какая-то хрупкая тонкая ниточка, почти осязаемая в этот момент, тянущаяся к моей подруге. Только она отделяла меня от нескончаемого кошмара, который парень мог устроить мне прямо сейчас.

Ния, воспользовавшись моментом, вывернулась из захвата, но не убежала, а стала пытаться оттащить будто обезумевшего парня от меня.

- Грейнн! Грейнн! Что ты делаешь?! Прекрати!! Грейнн, ей больно!!! - в секунду из растерянной голубки подруга превратилась в тигрицу, но ей было не под силу справиться с намного превосходящим нас обоих в мощи парнем. - Грейнн!!! - закричала она. - Да что же это! Отпусти ее!!!

Парень как будто не чувствовал наших усилий. Удары женских кулачков стекали с него, не причиняя ни малейшего вреда. Дышать становилось все трудней. Постепенно темный туман стал заволакивать пространство. Но все изменилось в один миг. Сжигающие пламенем свой ярости глаза исчезли, и в ту же секунду я почувствовала, что цепкие злые пальцы разжались, давая возможность вдохнуть в полный объем легких. Сделав шаг, я оперлась о стену и стала неотрывно смотреть на разворачивающиеся действия.

Ния стояла с другой стороны, а между нами находился Грейнн, с обиженно—удивленным выражением лица, и Даррак, стоящий перед ним и держащий его руку, еще несколько мгновений назад душившую меня, вывернутой. Даррак был зол. Я никогда еще не видела его таким: лицо будто окаменело, а глаза, словно стальные ножи, проникали уничтожающим взглядом прямо в сердце соперника.

Ни говоря ни слова, он коротким и четким движением свободной руки, сжатой в кулак, ударил Грейнна в солнечное сплетение. Тот согнулся. Удар, хоть и без особого замаха, был сильным. Дождавшись, когда парень распрямится и отдышится, он отпустил руку того из захвата. Грейнн

хотел было ответить, перенеся вес корпуса на другую ногу, подаваясь вперед и заноса для удара другую руку, но та тоже была перехвачена, а через секунду оллам четвертого курса исполнительского факультета оказался на коленях от сокрушительного удара в лицо. Из разбитых губ и носа потекла кровь. Парень от удара потерялся в пространстве и сейчас тряс головой, пытаясь восстановить равновесие.

- Подойдешь к ней ближе, чем на два метра – сломаю тебе все пальцы, - жестким, бьющим наотмашь темно-синим голосом произнес Дар, а потом добавил. – У тебя пятнадцать секунд, чтобы освободить помещение.

Пошатающийся парень справился за десять. Как только он покинул комнату, не сводящий с него цепкого взгляда Даррак резко развернулся и в два шага оказался рядом со мной. Он нежно и бережно стал отводить мои руки от горла. Надо же, а я и не заметила, когда в защитном жесте стала его прикрывать. Несколько мгновений пальцы сопротивлялись, но потом рассудок одержал верх и мои руки подчинились. Раздался резкий вдох и яростный шепот «ублюдок». Дар бережно прикоснулся к ноющей, горячей от злых прикосновений шее. А потом наклонился и легонечко подул. Я всхлипнула.

- Не плачь, малышка – тут же поднял голову мужчина.

Он обхватил моё лицо ладонями и стал стирать большими пальцами капли своевольной влаги с моих щек, покатавшиеся одна за одной.

- Не плачь, маленькая. Все хорошо. Он больше никогда к тебе не прикоснется, даю слово. Талли, милая, любимая, хорошая моя, ну что же ты. Не плачь.

А я просто не могла остановиться. Страх за подругу и за себя, похоже, решил выйти вместе со слезами и всхлипами. Видя, что уговоры не помогают, Дар наклонился и стал коротко и легко целовать мое лицо, ловить губами слезы и вздохи, давая возможность почувствовать, что все позади, что все уже кончилось. Только сейчас я по-настоящему осознала, как же на самом деле мне было страшно. И только в его сильных и нежных руках стала успокаиваться, зная и веря, что рядом с ним мне ничто не грозит.

Постепенно я успокоилась и даже перестала всхлипать, прижавшись к груди Даррака. Моего Дара. Почувствовав, что поток слез иссяк, а чувство реальности ко мне вернулось, он обхватил мои плечи рукой, подцепил подбородок другой, поднимая голову, заставил посмотреть ему в глаза и спросил:

- Что тут произошло?

Я хотела ему ответить, но от первого же сиплого звука, будто разрезавшего горло, закашлялась. Тогда к нам подошла Ния, до этого так и стоявшая на том месте, где была во время расправы над Грейнном. Она подарила мне теплый взгляд и повернулась к Дарраку.

- Талли зашла в тот момент, когда Грейнн пытался переменить мое решение насчет наших с ним прошлых отношений не самым благородным способом. Она попыталась оттолкнуть его от меня, но в тот момент, как он ее заметил, как будто сорвался с цепи. Я пыталась до него докричаться, но он как будто ничего не слышал и не видел. Остальное ты и сам знаешь.

На скулах Даррака заходили желваки. Он еще крепче, хоть и по-прежнему бережно, прижал меня к себе, а я снова всхлипнула. Утешающе поцеловав меня в макушку, он произнес:

- Мы проводим тебя до тронного зала. Одна в покои лучше не возвращайся, попроси кого-нибудь тебя проводить.

Ния кивнула. Даррак выпустил меня из своих надежных объятий и в ту же секунду взял в руку мою ладонь, за что я была ему очень благодарна: ощущая его рядом, я испытывала спокойствие, и совсем не было страха. Все вместе мы вышли из дамской комнаты и направились в сторону раздающихся звуков танцевальной мелодии. Свернув в коридор, прямо ведущий в зал, двери которого были распахнуты, Даррак остановился. Я непонимающе посмотрела на него.

- Дальше мы не пойдем. Ты не в том виде, чтобы показываться сейчас такому количеству людей на глаза, - пояснил он, а потом повернулся к солнечной девушке и произнес. – Я подожду здесь, пока ты зайдешь в зал.

- Спасибо, - поблагодарила его Ния, а потом сжала в своих руках мою свободную ладонь. – И тебе огромное спасибо, Талли.

Я кивнула и улыбнулась, сжав пальцы в ответ, стараясь передать подруге всю благодарность за то, что оказалась такой сильной и верной.

Отпустив меня, она повернулась и направилась к входу в переливающийся смехом и разноцветной музыкой зал, оставляя нас в полутемном коридоре. Дождавшись, пока светлая фигурка девушки не исчезнет в дверном проеме, мы отправились, но не в сторону выделенных консерваторским студентам комнат. Шли недолго. Очень скоро Даррак остановился около какой-то двери и громко постучал.

Прошло около половины минуты, когда нам открыл светловолосый мужчина. Оглядев нашу пару, он остановился глазами на Дарраке и спросил голосом цвета спелой сливы:

- Я могу чем-то помочь, лорд Кейн?

Оллам коротко кивнул и подтолкнул меня вперед.

- Осмотрите девушку на предмет повреждений, мастер Диглан.

Тот посторонился, приглашая пройти в помещение, что я и сделала, снова подталкиваемая Дарраком. Мастер Диглан, дворцовый доктор, осмотрел меня за ширмой, позволив моему сопровождающему остаться, вернее, Дар так себя вел, что у мастера даже мысли не возникло выставить его за дверь. Сам процесс был недолгим. Через десять минут я сидела полностью одетая рядом с моим олламом и слушала медицинские рекомендации. Доктор выдал мне мазь и посоветовал не напрягать сегодня горло, а так же заверил, что голос вернется в ближайшее время. Вернее, что он никуда и не исчезал, а просто намекал, что лучше бы потрепанный орган сегодня побережь.

Из вотчины дворцового целителя мы отправились, наконец, к месту моего временного пребывания в этом дворце. Вел Дар, а я только удивлялась, откуда он знает, куда нужно идти. Мое удивление стало еще большим, когда он подвел меня к двери в мою комнату. Я подняла глаза и непонимающе посмотрела на него, но в ответ получила лишь теплую улыбку. Забрав ключ из моих рук, он сам отпер дверь и, пропустив меня вперед, тоже зашел. Включив свет, подвел к стулу и усадил, после чего присел на корточки и снял с обеих моих стоп туфельки, улыбнувшись странной улыбкой моим босым поджавшимся от смущения пальчикам.

Затем, поднявшись, спросил:

- С платьем сама справишься?

Я кивнула. Он вскинул бровь, требуя демонстрации моих способностей. Я фыркнула, встала и завела руки за спину, чтобы расстегнуть одну из длинного ряда пуговиц, но та постоянно выскальзывала из мелко дрожащих пальцев. Минута, вторая... на третьей Даррак не выдержал и мягко развернул меня к себе спиной. Быстрыми точными движениями расстегнул все пуговицы с низу доверху, после чего на несколько мгновений повисла странная пауза. Платье я теперь держала руками, чтобы не спало, а осознание, что Дар сейчас смотрит на мою голую спину, заставило кровь ринуться к щекам. И в этот момент я почувствовала легкое, словно перышко, касание его пальцев. Они будто пытались лаской стереть уродливые наливающиеся сиреневым синяки с моей шеи. А потом медленно и нежно заскользили от линии волос вниз по позвоночнику до того места, где начиналась ткань юбки платья. Плавный неслышный шаг, его руки обняли меня поверх моих собственных. Оллам зарылся носом в мои волосы, сделал глубокий вдох и легонько поцеловал в самый край ушка, чтобы мгновением спустя прошептать в него «отдыхай, малышка», разжать руки и бесшумно покинуть комнату, тихо закрыв за собой дверь.

Я не оборачивалась, знала, что он ушел, я чувствовала нахлынувшую пустоту, в одну секунду изменившую оттенок. Опустив руки, дала соскользнуть платью, чтобы переступить через него и подойти к кровати. Я, словно заторможенная, надевала ночную рубашку и халат, поднимала платье, чтобы аккуратно повесить на вешалку, разбирала прическу, расчесывала волосы. Из непонятного отрешенного состояния меня вывел негромкий стук в дверь. Подойдя, я протянула до сих пор подрагивающие пальцы к ручке, но потом отдернула. А вдруг это... И тут из-за двери донеслось:

- Талли, это я. Открой, пожалуйста, - это был ласковый солнечно-желтый голос Нии.

Не сомневаясь ни секунды, я ухватилась за ручку, откинула щеколду и открыла дверь. Ния проскользнула в комнату и закрыла дверь на замок. Я вымученно улыбнулась: для нее ведь этот вечер тоже не прошел без последствий. Повернувшись ко мне, солнечная девушка решительно подошла и обняла, мои руки устало обвилились вокруг нее.

- Спасибо, Талли. Спасибо тебе, - прошептала моя подруга, - Спасибо и прости. Это все из-за меня.

Я резко отстранилась от девушки, тем самым оборвав ее тихую речь.

- Нет, Ния, - хрипло, но твердо, напрягая горло, произнесла я. - Твоей вины тут нет совершенно. Этот человек просто не умеет или не хочет сдерживать собственных темных порывов. Вина целиком и полностью лежит на нем.

Солнечная девушка грустно улыбнулась, а я спросила, удивляясь тому, как непривычно звучит мой голос:

- Ты сама как?

Воспоминания о представшей моим глазам сцене в дамской комнате снова наполнили меня злостью и негодованием. Каков подлец!!!

- Я... Со мной все хорошо, Талли. Хоть он и был пьян, но со мной он себя контролировал и остановился бы.

Я с сомнением посмотрела на подругу. Мне вовсе не показалось, что человек, целовавший ее против воли, держал себя под контролем. Ведь если это так, то он намеренно делал Ние неприятно, зная о ее отношении к происходящему. От этого становится только противней.

Разглядев мои эмоции на лице, подруга вздохнула и произнесла:

- Нет, Талли, все не так. Он просто пытался уговорить меня вернуться к нему и для этого использовал самый действенный, как он считал, способ. Я ведь любила его, Талли, и на многое бы пошла ради него. Но он не просил... - подруга задумчиво посмотрела в сторону, а потом будто опомнившись, снова повернулась ко мне и продолжила. - Но то, что произошло, когда появилась ты... Талли, я его таким никогда не видела. Он был как буйно помешанный... на тебе.

Последние слова Ния произнесла очень тихо, заметно потускневшим и побледневшим в желтизне голосом, но от этого они прозвучали не менее веско и страшно.

- Нет, Ния, это не помешательство, - с уверенностью, которой не испытывала, прохрипела в ответ я. - Это его желания, желания которые, наверняка, были всегда, а вино просто обнажило их. Да и при тебе он ничего бы не сделал сверх того, на что уже решился. Я видела это в нем. Даже в таком состоянии он думал о том, как выглядит в твоих глазах.

Подруга вздохнула.

- Ох, Талли, мне от этого ничуть не легче... Небо, как же хорошо, что я увидела ту сцену в музыкальном классе! Он ведь звал меня замуж. И я пошла бы! Я пошла бы за ним куда угодно! Как же можно было быть такой слепой?! - в сердцах воскликнула она.

Я улыбнулась и первой обняла солнечную девушку.

- Ты любила, Ния. Ты замечательный светлый человек, способный любить безусловно, этого не нужно стыдиться и уж точно жалеть об этом не стоит. Я уверена, в другой раз объектом твоей любви станет человек куда более достойный, и у вас все обязательно получится.

- Спасибо, Талли, - прошептала подруга, обнимая меня в ответ, а потом отстранилась и произнесла уже куда громче. - Так, что-то я тебя совсем заболтала. Давай, спать ложись. Завтра маэстро Диармэйд начнет обход практикантов, а его никогда не волнует, выспались они или нет. Так что если не хочешь схлопотать взбучку в первое же занятие, скорей в кровать и постарайся выспаться.

Я улыбнулась, подруга ответила солнечной улыбкой и, пожелав друг другу спокойной ночи, мы отправились по своим кроватям.

Я искренне считала, что не смогу заснуть после всего произошедшего сегодня. И дело было даже не в инциденте с Грейнном, о нем я старалась не вспоминать. Я удивлялась и радовалась сегодняшнему вечеру. Даррак Кейн, мой Дар... Нет, он не сказал, что любит, но я видела это в его глазах цвета расплавленного серебра, игравших для меня голубоватыми отблесками, я видела это в его поступках. Не знаю, что будет дальше, но сегодня я ни капельки не жалела, что ответила ему, показав свои чувства, незаметно для меня самой зародившиеся глубоко в душе, кажется, с того самого момента, когда я впервые услышала его музыку. Что будет завтра? Я не знаю. Но я уверена, что хочу, чтобы в моем завтра был он.

Сон укрыл меня в своих объятиях, как только голова коснулась подушки. Усталость и потрясения сделали свое дело, и оставшуюся часть ночи до самого утра я проспала без сновидений.

* * *

Орния Бэрк стояла перед зеркалом в ночной рубашке и смотрела на себя. Она не понимала той силы, что двигала Грейнном, не понимала его действий. Снова и снова прокручивая события, развернувшиеся сегодня в дамской комнате, она все больше утверждалась в мысли, что этого

человека она никогда не любила. Она любила ту его маску, которую он показывал, а этого Грейнна, настоящего, она не знала, даже не подозревала о его существовании.

В унисон с ее тяжелым вздохом раздался стук в дверь. Орния вздрогнула. Накинув халат, она подошла к двери и спросила:

- Кто там? – открывать дверь не пойми кому в такой час было бы верхом безрассудства.

- Это я. Кеннет, - прозвучал знакомый голос, и Ния с облегченным выдохом отперла и пропустила парня в комнату.

Прикрыв за ним дверь и запахнув халат, она повернулась и удивленно посмотрела на Кеннета, на редкость злого Кеннета.

- Что-то случилось, Кенет? – обеспокоенно спросила она.

- Оказывается, случилось, - резко произнес парень. – Но узнаю я об этом почему-то не от тебя. Ния, неужели ты совсем мне не доверяешь? Неужели после стольких лет дружбы я не заслужил хотя бы этого?

Озадаченная, Орния сделала шаг к олламу и уточнила:

- Ты сейчас о чем?

Молодой человек сделал широкий шаг к девушке, схватил ее за плечи и прорычал:

- О том, что Грейнн едва не лишил тебя невинности сегодня!

Удивление сменилось пониманием, но вопреки ожиданиям парня на лице Орнии пробились робкая светлая улыбка, с каждой секундой становившаяся все смелее и ярче. Руки Кеннета соскользнули с плеч девушки. Он усталым жестом потер переносицу и таким же усталым голосом спросил:

- Чему ты улыбаешься, Ния?

- Ты переживаешь за меня, - просто ответила она.

- Конечно, я переживаю за тебя. Ния я люблю тебя, как я могу не переживать? Тем более что ты скрываешь от меня факты, напрямую влияющие на твою безопасность, - куда только делаешь усталость. Кеннет снова стал заводиться, а его голос становился все сердитей с каждым словом. А улыбка Орнии, напротив, все более лучезарной. – Небо, да если бы я раньше знал, почему ты в действительности так рано решила уйти с бала, если бы я только знал...

Что бы случилось, если бы Кеннет знал о причинах, побудивших ее покинуть праздник, Орния слушать не стала. Она сделала шаг навстречу, оказавшись очень близко к парню, коснулась пальцами его лица, встала на носочки и прошептала прямо в губы:

- Поцелуй меня...

Из головы Кеннета вылетели все кровожадные мысли и планы, все отшло на задний план, кроме любимой девушки, смотрящей на него светлыми янтарными глазами серьезно и в то же время озорно. Он, словно не веря, очень осторожно и бережно обнял Орнию, скрепив руки в замок за ее спиной, а потом, глядя в ее глаза, преодолел несколько миллиметров, разделяющие их, и прикоснулся губами к ее губам. Секундой позже веки девушки опустились, и вся она расслабилась в его руках, будто растаяла. Ее пальцы зарылись ему в волосы, а губы... губы ответили на нежное касание. В тот же момент, будто желая убедиться, что все это происходит наяву, а не в его мечтах, Кеннет с силой прижал к себе стройную девичью фигурку, поймав счастливую улыбку своими губами. Поцелуй становится гораздо более ощутимым. Его губы решительно и даже немного жестко захватывают ее собственные, чтобы через несколько наполненных отчаянным чувством собственности мгновений кардинально сменить настрой: медленно смаковать, наслаждаться устами девушки, как самым вкусным и желанным на свете плодом.

В тишине комнаты раздался легкий, полный удовольствия стон, и поцелуй прервался. Кеннет немного отстранился, чтобы посмотреть Орнии в глаза, но она в смущении опустила голову. Тогда парень обхватил пальцами ее подбородок и бережно, но непреклонно заставил снова встретиться с ним взглядом, чтобы увидеть бездну смущения и тихой радости в глубине любимых глаз. Несколько секунд он, будто не веря, не мог оторваться от этого зрелища, а потом переместил руку к основанию шеи, нежно погладил щеку большим пальцем и произнес хриплым шепотом:

- Какой интересный метод смены темы.

- Думаешь, слишком очевидный? – так же шепотом спросила солнечная девушка.

- Слегка, - кивнул Кеннет. - Но мне нравится.

На губах Орнии расцвела счастливая улыбка, вслед за которой раздался тихий, полный радостного веселья смех. Спустя мгновение ее поддержал почти неслышный смех парня.

- Ния, солнышко мое янтарноглазое, обещай, что больше от меня подобных случаев скрывать не будешь, - чуть погодя попросил Кеннет, по-прежнему не выпуская девушку из рук.

- А откуда ты узнал? - в ответ спросила девушка, уютно устроившая голову у него на груди.

Парень хмыкнул. Показывая, что уход от конкретного ответа не остался без внимания, и пояснил:

- Ко мне Даррак Кейн заходил. Попросил приглядывать за тобой и в общих чертах обрисовал ситуацию. Но знаешь, мне и общих черт хватило! - в его голосе снова стали появляться злые нотки, но Орния знала, что он злится не на нее.

Она положила ладонь ему на грудь и успокаивающе погладила. Под действием этой нехитрой ласки запал Кеннета снова начал таять, уступая безграничной нежности.

- Хорошо, - согласилась девушка, ближе прижимаясь к олламу.

- Хорошо, больше не будешь скрывать? - придиричиво уточнил парень.

- Хорошо - больше не буду скрывать, - подтвердила она, а потом добавила. - Хотя, если ты будешь рядом, ничего такого больше не случится.

Конец фразы она уже прошептала, чувствуя смущение, обжигающее щеки.

- Я буду, солнышко моё. Я буду рядом, - целуя ее волосы, пообещал Кеннет.

- Кеннет... - отстраняясь, чтобы взглянуть в темно-карие глаза, произнесла Орния.

- Что такое? - сразу насторожился парень, увидев на ее лице озабоченное выражение.

- Я беспокоюсь за Талли. Грейнн... Он очень странно повел себя по отношению к ней. И, как мне показалось, не в первый раз.

Оллам криво и немного злорадно усмехнулся и ответил:

- За нее можешь не переживать. Даррак не позволит ему приблизиться к ней ближе, чем на пушечный выстрел.

- Два метра, - прошептала Орния.

- Что? - переспросил парень.

- Он предупредил, что переломает Грейнну все пальцы, если он подойдет к Талли ближе, чем на два метра, - пояснила девушка

Кеннет лукаво ухмыльнулся и ответил:

- А может поспособствовать сему благому делу, а? Уверен, Грейнн хорошо бы смотрелся с поломанными пальцами.

- Кеннет! - наигранно негодуяше воскликнула Орния.

- Что? Ему сразу же дадут академический отпуск, может, даже до самого окончания нами консерватории: пока кости срастутся, пока подвижность восстановится, пока техника вспомнится, да упущенное наверстает. Вот была бы красота.

Орния не выдержала и рассмеялась, а Кеннет довольно улыбнулся.

Глава 14

Утро наступило неожиданно быстро и было непривычно-тихим. Обычно в это время по коридорам уже вовсю разбегались бурлящие потоки звуков дворцовой жизни, но не сегодня. Сегодня потоки превратились в шепчущие ручейки шагов прислуги. Дворец был погружен в усталый послепраздничный сон. Потянувшись и мысленно поблагодарив горничную, уже принесшую завтрак, дожидаясь на столике, я вспомнила, что сегодня должен быть первый урок, который мне даст сам маэстро Диармэйд, и вся ленивая утренняя сонливость улетучилась, будто ее и не было. Соскользнув с кровати, взглянула на часы, чтобы убедиться, что время еще есть, быстро позавтракала, освежилась, переоделась, прикрыла шею легким шарфиком и поспешила в малый концертный зал с прекрасным белым роялем.

Мы не виделись с ним всего сутки, но прошедшее время оказалось таким богатым на события, что мне показалось, будто прошла как минимум неделя. Поэтому зашла я в помещение, не скрывая радостной улыбки. Рояль ожидаемо был на том же месте. Конечно, где же ему еще было быть. Усмехнувшись своим мыслям, взбежала по ступеням на невысокую сцену и приблизилась к нему, немного гордому, слегка надменному, но такому красивому и с изумительно-волшебным звучанием.

Откинув крышку, привычным движением ласкающе прошла по глянцевым клавишам, не извлекая звука, а только приветствуя. Инструмент благосклонно принял ласку и как будто дал дозволение касаться его клавиш и педалей. Я улыбнулась, села на банкетку перед роялем и стала ждать. Начинать без маэстро почему-то не хотелось, и даже мысль о том, что неплохо бы разыграться, не заставила меня нарушить тишину, прозрачно-серым маревом витающую в помещении.

Я просидела, очерчивая контуры клавиш пальцем совсем недолго. Уже через пять минут дверь открылась, и в зал зашел Даррак, привнося с собой сапфировые оттенки безбрежной радости. На секунду мне стало неловко; я не знала, что сказать, не знала, как себя вести - ничего не знала и отчаянно старалась не краснеть. Но в какой-то момент наши взгляды встретились, и расплавленное серебро его глаз окутало меня такой нежностью, что из головы исчезли все мысли, кроме одной: мой Дар. Я улыбнулась и с удовольствием проследила, как он с кошачьей грацией приближается к сцене, поднимается по ступеням и подходит ко мне. Даррак остановился всего в шаге от меня, поднял руку и медленным ласкающим движением обвел дугу моей брови, спустился вниз к скуле, заправил за ушко выбившуюся прядь волос и замер, обхватив ладонью тыльную часть шеи, прикрытую тонким шарфиком. Большой палец погладил ямку за ушком, от чего по всему телу пробежала волна мурашек, а румянец все-таки прокрался к щекам. Увидев это, оллам тепло улыбнулся и негромко произнес:

- Доброе утро, малышка.

От этих простых слов сердце забилося в два раза чаще, а все чувства, испытанные вчера, как будто получив разрешение, окрасились яркими красками и распустились бутонами утренних цветов. В одном слове «малышка», произнесенном с трепетной нежностью, было столько эмоций, рассказанных его глазами, что моей душе стало тесно в теле и захотелось излиться музыкой на черно-белые клавиши.

Я улыбнулась и ответила:

- Доброе утро, Дар.

Голубые отблики в жидком серебре блеснули ярче обычного, оллам подался было вперед, но в этот момент дверь с шумом открылась, и пространство матовым чеканным стуком разрезал звук шагов - быстрых, размашистых и решительных. Даррак застыл, а затем убрал руку с моей шеи. Подарив еще одну светлую улыбку, с видимым усилием оторвал взгляд от моих глаз и повернулся к вошедшему, который оказался не кем иным, как маэстро Диармэйдом. Пожилой мужчина бодро поднялся на сцену и занял место, где совсем недавно стоял Даррак, учтиво уступивший его маэстро.

- Чудесное утро, не правда ли? - голос старого оллама, как огненная радуга, расцвечивал воздух всеми семью цветами, плавно и незаметно перетекающими один в другой.

- Замечательное, мэтр Диармэйд, - откликнулся Даррак.

- Чудесное, - улыбнулась я.

- Положительный настрой - залог успеха, - одобрительно кивнул маэстро и тут же перешел к делу. - Ну что ж, юная леди, покажите мне вашу музыку, - затем он повернулся к своему ученику и обратился к нему, - А вы, оллам Даррак, принесите старому человеку стул, будьте так любезны.

Пока Дар ходил за стулом для маэстро я, сжимая и разжимая кулаки, пыталась определиться, что же сыграть первому олламу королевства. Мысли перескакивали с одного произведения на другое. Хотелось произвести хорошее впечатление и в то же время, несмотря на уроки с метром Двейном и лучшим студентом композиторского Дарраком Кейном, было немного страшно и много стеснительно.

Когда маэстро Диармэйд с удобством устроился напротив меня, а Дар встал чуть позади него, я подняла руки над клавиатурой, замерла на секунду, а потом опустила пальцы на клавиши.

Тональность Лунный Топаз. Мелодия начинается тихим стоккато редкого слепого дождя, в каплях которого играет солнечный свет. Это музыка осени, оранжево-желтой поры года, насыщенной земными соками. Кроны деревьев пламенеют пожаром, они охвачены огнем красок все еще достаточно сильных, но уже совсем других листьев. Другие, менее сильные листья отрываются от ветки и, подхваченные ветром кружатся в воздухе в последнем танце. Это карнавал уходящей жизни. Жизни, которая возродится после схода последнего снега. Светлая грусть по уходящему теплу и краскам не мешает веселью разливаться буйным оранжевым цветом в воздухе. Я окунаюсь в

этот рыжий океан и кружусь вместе с листьями, отпуская все тревоги. Этот танец дает небывалое чувство свободы. Хочется раскинуть руки в разные стороны, запрокинуть лицо навстречу каплям дождя, пронизанным солнечными лучами, упасть в ворох ярких оранжево-желтых листьев и смеяться, долго и искренне, прогоняя все тревоги и неприятности. Музыка, словно партнер в этом головокружительном танце появляется то с одной, то с другой стороны от меня, она меняет тембр, но не настроение, будто играет и дразнит: «Попробуй поймай!». Мелодия затихает постепенно, будто кружащиеся потоки оранжевых звуков, как ветер, вздымающий листья, оставляет меня и уносится в причудливом извилистом танце дальше, будто я закрыла глаза, но все еще вижу его веселую, полную обещаний скорого возрождения песню. Звук истончается, словно струйка песка в песочных часах. Наступает момент, падает последняя крупинка, гаснет последний огненно-рыжий всполох, и тишина заполняет каждый уголок пространства.

Несколько секунд молчание не нарушало воцарившейся тишины, а потом маэстро Диармэйд произнес:

- Неплохо, оллама...

- Таллия, - представилась я.

- Неплохо, оллама Таллия. Очень неплохо. Какой курс и факультет? – спросил музыкальный распорядитель.

- Первый курс, композиторский факультет, - отпартовала я.

- С кем занимались композицией? – задал следующий вопрос маэстро.

- С метром Двейном и олламом Дарраком, - ответила я.

- Вот как, - задумчиво произнес старый оллам, а потом неожиданно обратился к Дару. – Оллам Даррак, будьте столь любезны, принесите мне дирижерскую палочку, я оставил ее в главном концертном зале.

Молодой мужчина кивнул, бросил на меня ободряющий взгляд и, спустившись со сцены, покинул помещение. Когда за ним закрылась дверь, маэстро Диармэйд снова обратился ко мне:

- Сыграйте свою музыку еще раз, юная леди, будьте добры.

В первое мгновение я растерялась, но потом повернулась к инструменту и снова стала играть ярко-осеннюю мелодию. Но что-то неуловимо изменилось. Краски были не столь живыми, как в первый раз, а оранжевый ветерок теперь не прятался, а искал и как будто был немного потерянным. Я постаралась взять себя в руки, но в этот раз меня смущало почти все: и высокомерный белый рояль с непередаваемо-идеальным звучанием, от которого становилось неловко, и первый оллам, слишком чужой и эксцентричный. Не было того якоря, за который я могла бы зацепиться сознанием, чтобы почувствовать незыблемость и полностью отдаться музыке, зная, что меня поддержат. Не было Дара. Неужели он настолько плотно врос в мою жизнь за это короткое время, что без него мне неуютно? Или все дело в незнакомой обстановке, в которой радуешься любому известному лицу или предмету?

Мелодия завершилась на растерянной и немного сумбурной ноте, оставляя впечатление недосказанности, будто вопрос, появившийся передо мной, повис в самом воздухе.

Маэстро Диармэйд хмыкнул, а потом задал совершенно неожиданный вопрос:

- Вы второй инструмент уже выбрали, юная леди?

Я кивнула и ответила:

- Да, маэстро.

- Какой? – уточнил тот.

- Псалтирь, - коротко произнесла я.

- Замечательный выбор, - похвалил старый оллам.

Снова раздался звук открывающейся двери, в которой появился вернувшийся Даррак. Подойдя, он протянул маэстро Диармэйду его дирижерскую палочку. Пожилой мужчина кивнул, принял предмет и положил его на рояль, после чего и думать о нем забыл.

- Итак, юная оллама Таллия, мне нравится, как вы чувствуете музыку, как вы ее воспринимаете, если угодно. С чем у вас идут ассоциации?

- Ассоциации? - не поняла я.

- Да же так? - маэстро удивленно вскинул брови, а потом переформулировал вопрос. - Что для вас музыка, оллема?

- Цвет, - тихо ответила я.

- Представляете или видите? - уточнил главный музыкальный распорядитель дворца, подавшись вперед.

- Вижу, - призналась я и почему-то захотела спрятаться.

- Позвольте нескромный вопрос, - продолжил опрос маэстро, - А какими вы видите звуки голосов?

Я помялась немного, но под горящим интересом взглядом эксцентричного пожилого человека сама не заметила, как начала отвечать:

- Ваш как огненная радуга. Знаете, будто перьевое облако, расцветенное во все семь главных цветов. Но это редкость. Обычно голоса одноцветны.

- Как интересно. А ваш? - глаза маэстро загорелись огнем азарта настоящего исследователя.

- А свой я не вижу, - улыбнувшись, призналась я. - Музыку вижу, а свой голос нет.

- Открою вам секрет, юная леди, - загадочно прищурился хитро блестящие глаза, приглушенным голосом произнес маэстро Диармэйд. - Я тоже свой не вижу.

Теперь настал мой черед удивляться. В замешательстве я перевела взгляд с довольного лица пожилого мужчины на Даррака. Он стоял, облокотившись на рояль, и улыбался. Заметив мой растерянный взгляд, он кивнул, будто подтверждая, что я не ослышалась. Мои глаза снова переместились на крайне довольного маэстро, полным захватской удали движением закручивающего усы.

- Да, юная леди, вы все поняли верно, - подтвердил теперь уже он. - Я, как и вы, могу видеть музыку в цвете. Захватывающе, не правда ли?

Все, что я могла сделать - это кивнуть.

- Знаете, за всю мою жизнь мне встречались только пятеро видящих мелодию в цвете, - неожиданно задумчиво поведал маэстро Диармэйд.

На минуту зал малый зал снова поглотила тишина, но потом пожилой мужчина встрепенулся и продолжил:

- Теперь, что касается, вас, молодой человек, - произнес он, обращаясь к Дарраку. - Ваши успехи в деле преподавания очевидны, но этой юной леди нужно работать над тем, чтобы она могла исполнять музыку души с одинаковым изяществом и воодушевлением в любой обстановке: будь то многосотенный концерт или всего один слушатель. Не беспокойтесь, оллема, - маэстро снова повернулся ко мне, - вы этому обязательно научитесь, у вас еще пять лет обучения впереди, но мне бы хотелось видеть ваше развитие в течение практики. Поэтому мы начнем постепенно. Для начала вам стоит выучить несколько ансамблей. Вашим партнером будет оллам Даррак, раз вы так к нему привыкли, но вот играть придется для различной аудитории. У вас есть три дня. В репертуаре должно быть не менее четырех произведений. Я лично проверю степень вашей готовности. Очень надеюсь, что вы не разочаруете моих ожиданий.

С этими словами маэстро Диармэйд встал и направился к выходу. У самой двери он обернулся и добавил:

- И да, под ансамблем я имел в виду дуэт ваших вторых инструментов, молодые люди, - после чего вышел, прикрыв за собой дверь.

Я потрясенно смотрела на створку, пытаюсь осознать, что тут только что произошло. Маэстро Диармэйд оказался весьма стремительным в плане подачи информации. Затем перевела взгляд от двери к инструменту, и мои глаза наткнулись на инородный предмет.

- Дар, - произнесла я, с некоторым запозданием переводя взгляд на мужчину. Он вопросительно приподнял бровь в знак того, что внимательно меня слушает. - Маэстро Диармэйд, кажется, опять забыл свою дирижерскую палочку.

Даррак усмехнулся, подошел к роялю, взял в руки упомянутый предмет и ответил:

- Маэстро дирижирует без вспомогательных предметов, - в его голосе блеснули голубоватые

смешливые нотки.

- Но тогда... - хотела было уточнить я, однако понимание пришло даже раньше, чем я закончила фразу, - Но зачем ему было просить тебя уйти? - задала я другой вопрос.

- Очевидно, он хотел посмотреть, как ты будешь играть без моего присутствия, - пожал плечами Дар.

Опытный оллам сразу понял, что мне легче играть в присутствии Дара, и убрал его, чтобы увидеть, как я себя поведу в обстановке, лишенной дружеского участия. Я усмехнулась своим мыслям. Маэстро Диармэйд был действительно не только первым олламом королевства, но и выдающимся педагогом. За несколько минут он разобрался в ситуации, оценил степень владения даром и препятствия к его раскрытию и дал указания. Уважение к музыкальному распорядителю дворца во мне возросло в несколько раз. Ведь мне действительно будет гораздо легче играть на публике, если рядом со мной будет Дар, а постепенно я научусь открывать через инструмент музыку неизвестным мне людям - и даже враждебно настроенным - без чужой поддержки. Обязательно научусь!

Мои размышления прервал любимый голос, отвечающий сапфировыми гранями:

- Пойдем, Талли. Нужно подобрать тебе инструмент, - произнес Даррак, снова перенося мое внимание на себя.

Я перевела взгляд на него, как будто любующегося мной, и внутри разлилась приятная сладкая истома, делающая все тело мягким и податливым. В глазах Даррака блеснула голубая вспышка, он подошел ко мне и протянул руку. Я ее приняла и уже хотела встать с банкетки, когда почувствовала резкий рывок и в мгновение ока оказалась в сильных надежных объятиях. Дар смотрел мне в глаза, не отрываясь, будто пил те чувства, что отражались в них.

Коснувшись указательным пальцем моего подбородка, он произнес:

- Я мог бы смотреть в твои глаза вечно.

Я ничего не ответила, легкие будто распирали от счастья. Я ведь и сама могла бы часами наблюдать за озерами расплавленного серебра в его глазах. Даррак резко выдохнул, сдержанно улыбнулся и снова произнес:

- Нам лучше пойти, Талли, и прямо сейчас, - в его голосе и взгляде промелькнуло обещание, от которого захотелось одновременно убежать и остаться. Но оставаться было нельзя, маэстро дал нам всего три дня на четыре произведения.

- Пойдем, - негромко ответила я, не разрывая зрительного контакта.

На мгновение мне показалось, что Дар меня не отпустит: ни из своих объятий, ни из этого зала. Но, помедлив несколько секунд, он все же дал мне свободу и, разжав руки, отступил на шаг.

Вместе мы отправились обзаводиться для меня инструментом. Дворец оказался вовсе не таким простым и очевидным, так что после пятого поворота и третьей лестницы я перестала следить за маршрутом. К тяжелой одностворчатой двери мы подошли не ранее чем через пятнадцать минут. Даррак громко и уверенно постучал и отошел. Дверь со скрипом отворилась, немного потеснив нас. За ней оказался маленький кругленький молодой и совершенно рыжий мужчина с лицом, густо усеянным веснушками. Осмотрев нас изучающим взглядом, он спросил:

- Чем могу служить, господа? - его голос, мягкий, тихий, почти женский, отозвался фиолетовыми переливами полевого колокольчика.

- Доброго дня, мастер-кладовщик. Мы по поручению маэстро Диармэйда, за инструментом, - ответил ему Даррак.

- Проходите, - произнес мастер и открыл дверь пошире, после чего посторонился, пропуская нас.

Я зашла в помещение и осмотрелась. Оно было куда меньше кладовой мастера Имона, но тоже наполнено множеством музыкальных инструментов, от вида которых разбежались глаза.

Закрыв дверь, мастер прошел мимо нас к столу, повернулся и задал вопрос:

- Какой конкретно инструмент вас интересует? - добродушные васильковые нотки располагали к себе и вызвали улыбку.

- Псалтирь, - ответила я.

- На какой срок? - уточнил кладовщик.

- Я так полагаю на три недели? – обратилась я к Дару. Он кивнул и, снова повернувшись к мастеру, я уже куда уверенней озвучила. – На три недели.

Именно через этот срок заканчивалась наша практика во дворце. Мастер кивнул и, развернувшись, направился в дальний угол комнаты. Несмотря на обтекаемые размеры и довольно узкие проходы между стеллажами, ему удавалось двигаться с отработанной четкостью, не задевая ни единого предмета на своем пути. Вернулся он уже с нужным инструментом в руках. Положив тот на стол, достал журнал и вписал в очередную графу дату и инвентарный номер инструмента, после чего обратился к нам:

- На кого оформляем?

- На меня, - ответила я.

- Ваше имя? – задал он очередной вопрос.

- Таллия Хейс.

Мастер внес мое имя и попросил расписаться в графе получения, после чего хотел вручить инструмент, но Даррак перехватил псалтирь прямо из моих рук. Рыже-веснучатый мужчина хмыкнул и пожелал нам всего доброго, прозрачно намекая, что дело выполнено и нам пора освободить помещение. Всю обратную дорогу Дар нес мой инструмент, а я не могла перестать улыбаться. Его внимание было таким приятным, что даже мысли воспротивиться не возникло. Мой Дар...

Вернувшись в малый зал с белым концертным роялем, он оставил меня подстраивать инструмент, а сам отправился за своей никельхарпой. Вернулся довольно быстро: я только-только успела подстроить незначительно расслабившиеся струны псалтири.

Выданный инструмент был хорош, но неожиданно для себя я почувствовала, что скучаю по своей консерваторской псалтири. Нет, в них не было особых различий, просто к своей я уже привыкла, как и к роялю-учителю, и старому черному лебедю до него. Ничего не могу поделать с собой. По какой-то необъяснимой причине, к инструментам я привязываюсь гораздо быстрее и охотней, чем к людям, еще с самого детства.

Никельхарпа Даррака настройки не требовала. Придвинувшись поближе ко мне, он занял стул, принесенный им же для маэстро Диармэйда, а я снова расположилась на банкетке. Оказалось, что оллам успел сходить в музыкальную библиотеку и принес партитуры для нашего ансамбля, так что белый рояль-гордец сегодня должен был послужить нам пюпитром. Я усмехнулась, представив, что мог бы сказать напыщенный инструмент о столь непочтительном своеволии, и погрузилась в чтение нот.

Как псалтирь, так и никельхарпа были народными инструментами и в классическом исполнении встречались чрезвычайно редко, но национальные песни и мелодии у Залдана были очень красивыми, так что выбирала я с энтузиазмом. Первым, на что наткнулся взгляд, был танец девушек в полнолунную ночь. Музыка традиционного народного танца. Очень красивого. Девушки вели его одни, двигаясь, словно лебеди: плавно, без остановок, будто паря над землей. А легкие платки, используемые в этом танце, только добавляли ему сказочности и загадочности. Полнолунная мелодия, же была каноном задумчивости, недосказанности и волшебства. Не раздумывая ни секунды, я указала на это произведение и вопросительно посмотрела на Даррака, взглядом прося разделить со мной чудесную мелодию. Дар кивнул, соглашаясь и поддерживая выбор.

Вступление было моим. Я не так давно стала овладевать искусством игры на псалтири, и не то, чтобы это было слишком сложно, напротив, инструмент был настолько доброжелательным, что играть на нем оказалось довольно легко. Но все равно в первый раз я выбрала темп, гораздо более медленный, чем значился в партитуре.

Мелодия окрашивается глубоким аметистовым цветом с вкраплениями глубинного синего оттенка и редкими всполохами нежно-розового. Она как будто рисует картину теплой летней ночи, освещенной полной луной, пронизывающей своими тонкими серебристыми лучами ночное марево. Небесные переливы псалтири, как никакие другие, вписываются в эту сцену, придавая оттенок прозрачности и легкости, словно музыка льется от самой луны, наполняя воздух волшебством.

Спустя десять тактов тихо, словно издали, раздается звучание никельхарпы, ненавязчивое, одновременно зовущее и поддерживающее. Постепенно ее партия становится громче, чтобы в итоге плотно сплестись с партией моей псалтири так, чтобы уже нельзя было различить, где начинаются ноты одной, а где заканчиваются другой.

Играть с Дарраком было непередаваемо приятно. Даже в периоды, когда его партия становилась ведущей, он чутко прислушивался к моей и, если было нужно подстраивался, задерживался или

ускорялся. Я старалась отвечать тем же, но владение инструментом у оллама все же было на совершенно другом уровне.

Мелодия то лилась, то прерывалась, когда, заслушавшись, я переставала следить за бегущими бусинками нот, и приходилось возвращаться или начинать сначала. Дар не сердился. Он улыбался уголками губ и терпеливо подсказывал, где именно, моя воодушевленность прерывала нить черного жемчуга на белой бумаге. Вместе мы вновь соединяли ее, возвращая мелодии целостность звучания и характера.

Я чувствовала, как музыка зовет меня кружиться под призрачным светом луны, окутывает аметистовым туманом и шепчет-уговаривает скорей присоединиться к ее собственному танцу. В народе ходило поверье, что мужчина, предназначенный женщине, не сможет оторвать взгляда от нее, танцующей под луной. Не знаю, правда ли, но после праздников, венчавшихся этим танцем, в деревнях обычно стихийно играли свадьбы. Я улыбалась. С одной стороны действительно хотелось поймать лунный свет в ладони и завладеть безраздельным вниманием моего мужчины, но какие-то струны внутри меня пели, что все внимание Дара и так принадлежит мне. Я улыбалась. Невероятно хотелось верить этим струнам, ведь мой взгляд теперь навсегда обречен искать его, где бы я ни находилась.

Мелодия заканчивалась на ноте недосказанности, она будто просто перешла из слышимого регистра в неуловимый и продолжала играть снова и снова, не имея конца. Девушки в эту самую ноту должны были бы застыть в танце так, будто еще он еще продолжается, словно еще секунда – и они снова поплывут легкой поступью по поляне, развевая платок в руке и повторяя его плавные движения, снова приковывая к себе внимание влюбленных глаз.

Мы повторяли эту простую в написании, но играющую невероятным множеством оттенков мелодию снова и снова. Пока мне уже не нужно было заглядывать в партитуру; пока нотная нить черного жемчуга не перестала рваться под моими пальцами; пока нехитрая, но такая искренняя и будто неземная мелодия не запомнилась мне до малейшей, самой бледной краски.

Но на этом работа была не закончена. Нет. Настоящая работа только начиналась. Убедившись, что свою партию я играю даже без нот, Даррак произнес:

- Молодец, Талли. А теперь давай попробуем наполнить эту мелодию эмоциями. Чтобы не она рассказывала нам, а мы могли рассказать о чем-то радостном с ее помощью.

Я кивнула и, настроившись, воскресила в памяти дрон диджериду, призывающий пустоту в мое сознание. Радость. Радость поведать не сложно. Тем более, что сейчас мне даже настраиваться особо не нужно. Посмотрев на Дара, я улыбнулась и снова коснулась струн подушечками пальцев.

Теперь оттенки навевала не сама мелодия. Теперь ими окрашивала пространство я сама. Я сплетала серебро лунного цвета, с аметистовым облаком, сама зажигала розоватые искорки и направляла их легким бесцветным ветерком в зал, представляя, что разделяю потоки на множество частей, которые, в нужный момент потянутся к сердцам будущих слушателей, поселяя в их сердцах радость, которая наполняет мое собственное.

Управлять ветром, напитанным мелодией и эмоциями, оказалось на удивление легко, и я понимала почему: Даррак. Помощь его мелодии была ненавязчивой, но ощутимой. Он пользовался теми же оттенками, раскрашивая пространство в те же цвета. Переплетаясь в единое целое с моими нотами, он помогал им играть ярче, наполняя эмоции большей глубиной. Я видела эти насыщенные краски в местах соприкосновения наших партий. Вернее, редкие моменты одиночества светлыми пятнами выделялись на сочном фоне общей музыки и общих чувств. Понимание, что без его поддержки мне было бы гораздо сложнее, плескалось на дне сознания, а остальную его часть занимало наслаждение музыкой, в которой наши мелодии свивались, становясь единым цельным произведением и даря чувство небывалой наполненности.

После радости Даррак настоял на том, чтобы мы вместе раскрасили музыку поочередно в цвета смятения, тоски, печали и азарта. Самым трудным оказалось наполнить лунную мелодию чувством злой ревности. В моем восприятии они были разными до несовместимости. У меня просто не получалось представить, как можно, слыша такую мелодию испытывать что-то негативное.

- Талли, - после очередной провальной попытки, обратился ко мне Дар. – Представь, что ты смотришь на любимого человека,двигающегося в этом танце, но оказываешься не единственной. А любимый человек отвечает на взгляды соперника, даже не оглядываясь в твою сторону. Представь, что все твои надежды на счастье рушатся, что твое сердце покрывается частыми мелкими трещинками от безразличия того, кого ты любишь всем сердцем. А другой, более счастливый, кидает на тебя ехидный торжествующий взгляд, - с каждой фразой его голос звучал все напряженней, будто эта картина сейчас стояла у него перед глазами.

Я судорожно сглотнула и легко задела первую струну. Теперь, представив подобную картину -

Даррака, с нежностью смотрящего на другую, улыбающуюся мне с превосходством и презрением - я почувствовала внутри такой ураган, что спокойно играть становилось все трудней. Темп произвольно учащался, а вместо нежно-розовых искорок в аметистовом мареве я зажигала багряные, цвета венозной крови, которой сейчас обливалось мое сердце.

Доиграть до конца не получилось. Под наплывом эмоций я слишком сильно дернула очередную струну, та жалобно тренькнула, а я отдернула руки от псалтири. Тяжело дыша, я, извиняясь, провела по обиженному тонкому медному жгуту указательным пальцем. Тишина зала прерывалась только моим шумным дыханием. Как оказалось, Даррак оторвал смычок от струн секундой позже, чем я перестала играть. Отложив никельхарпу, он поймал мои дрожащие ладони, сжал их и, ухватив подбородок пальцами другой руки, заставил посмотреть на себя.

Вглядевшись в мои глаза, он не стал ничего спрашивать. Только сделал глубокий вдох, медленно, словно успокаивая самого себя, выдохнул и предложил:

- Давай перейдем к другому произведению?

Я кивнула. Сердце наполнила благодарность. Ему не понадобилось ни единого моего слова, чтобы правильно понять ситуацию. Рано. Рано мне еще играть такие эмоции. Вот так, сразу, негатив мне не дается. Лучше переходить к нему постепенно, хотя я бы вообще не хотела к нему переходить.

Остальные произведения я попросила выбрать Даррака. Все-таки маэстро Диармэйд и его работу как начинающего преподавателя будет оценивать.

Оллам спорить не стал и, пролистав сборник, отобрал еще три композиции: колыбельную, мелодию для танца-хоровода и балладу.

- Сегодня прогоним все три, чтобы ты не плавала в нотах, а завтра начнем добавлять эмоции, - произнес Дар, когда я ознакомилась с партитурой.

Я благодарно кивнула. Сегодня мне бы уже не удалось играть музыку души так, чтобы вызвать одобрение моего куратора, чересчур много эмоций было испытано и вложено, за слишком короткое время. Оставшуюся часть дня я наслаждалась красками других мелодий, не отдавая и капли себя, а только знакомясь с музыкальным рисунком произведений.

Двое следующих суток прошли, будто не прерываясь. С самого утра я погружалась в мир музыки вместе с Дарраком, выныривая только на время приемов пищи, за чем оллам бдительно следил. Спокойствия добавлял тот факт, что Грейнна нигде не было видно. Ни с подругой, ни с Даром я этой темы не поднимала, не желая напоминать о неприятных событиях. Подумав, что наверняка он просто отлеживается в своих комнатах, ожидая, когда сойдут синяки и отеки, я выкинула мысли о нем из головы. Такие, как он, не любят показываться на людях в недолжном или уязвимом виде.

Практика оказалась напряженной не только у меня, но и у всех консерваторских ребят. Вместе мы собирались только на обедах и ужинах, завтракали рано и у себя, а вечером, когда приходили в комнаты, сил хватало только на то, чтобы раздеться и доползти до постели. Но никто не жаловался. Ни у меня, ни у ребят и в мыслях не было, что мы едем сюда отдыхать и развлекаться. Мы все с самого начала понимали, что нас ждет здесь усиленная работа над собственным музыкальным даром. И каждый из нас старался изо всех сил, чтобы не вызвать разочарования маэстро Диармэйда, ведь тот, на кого оно направится, больше никогда не получит шанса учиться у первого оллама королевства.

В назначенный день маэстро Диармэйд снова посетил малый зал, в котором мы с Дарраком прочно обосновались. Дверь раскрылась и закрылась с громким, привлекающим внимание звуком, а сам маэстро широким стремительным шагом направился к сцене.

- Утра доброго, молодые люди. Надеюсь, вы порадуете меня сегодня, - произнес он и занял место в первом ряду.

Я бросила вопросительный взгляд на Даррака, тот ободряюще мне улыбнулся уголками губ и занял свое уже привычное место. Я расположилась рядом, устроив псалтирь у себя на коленях. Первым был тот самый полнолунный танец, шедший у нас лучше всего. Даррак кивнул, давая знак начинать, и я с волнением приступила. Эмоцией, что мы договорились первой вложить в эту композицию, была нежность. Нежность легкими движениями ветерка, плавными порханиями кисти направляла мелодию и наполняла ее, смешиваясь с каждым звуком и оттенком. Нежность заполняла каждый сантиметр пространства. Нежность отражалась в глазах жидкого серебра моего партнера. Нежность убаюкивала мое сердце в своих мягких ладонях.

Когда мелодия стихла, маэстро Диармэйд прочистил горло и произнес:

- А теперь сыграйте мне грусть.

Мы с Дарраком снова переглянулись, и я опять потревожила струны с той же музыкой. Но теперь цвета неуловимо поблекли, а лунный свет стал ярче, зажигая тоску в сердце и печаль по неизвестному, едва уловимому.

После грусти маэстро попросил нас сыграть равнодушие и страсть. И если исполнить первое оказалось довольно легко - фоном к мелодии где-то в моей голове постоянно звучал дрон диджериду - то страсть было играть куда сложнее. Ведь музыка души идет от сердца к сердцу, и наполнять собственную душу страстью в такой близости от Дара было настоящим испытанием. Не знаю, сколько раз за время исполнения мне хотелось отложить псалтирь и прижаться губами к губам моего оллама, почувствовать ответный накал чувств в поцелуе, увидеть белое пламя серебристых глаз. Я старалась не смотреть в его сторону, но к концу произведения пальцы стали подрагивать от напряжения, и только чудом мне удалось избежать касаний не тех струн.

Остальные произведения маэстро прослушал в той же манере, указывая, какие эмоции он хотел бы услышать и молчаливо оценивая наши старания.

Пожалуй, самым сложным было играть колыбельную, напитывая ее гневом, ведь это самая последняя мелодия, которую можно приспособить под столь неподходящее чувство.

Когда весь наш совместный репертуар был исчерпан, я чувствовала себя опустошенной до самого доньшка, а пальцы подрагивали то ли от нервозности, то ли от неожиданно накатившей усталости. Даррак же, напротив, был спокоен и уверенно смотрел на маэстро. Тот выждал недлинную паузу, постучал костяшками пальцев по подлокотнику, а затем встал и произнес:

- Оллема Таллия, примите мои похвалы. У вас не все получается с одинаковой отдачей и уверенностью, но это вопрос практики. Вы меня приятно удивили, - после чего он перевел взгляд на Дара и обратился к нему:

- Оллам Даррак, к вам никаких претензий. Преподавательская работа, проделанная вами за три прошедших дня, достойна высшего балла, - после еще одной короткой паузы маэстро поинтересовался. - У кого-нибудь из вас есть вопросы?

Я открыла рот и тут же закрыла, почувствовав волну смущения, но не тут-то было: маэстро Диармэйд был весьма наблюдательным человеком, что не удивительно, ведь иначе как бы он мог стать дирижером.

- Да, оллема Таллия, я вас внимательно слушаю, - голос главного музыкального распорядителя играл всеми цветами радуги, и каждый цвет нес в себе доброжелательность, так что я решилась:

- Маэстро Диармэйд, я не совсем поняла, почему вы попросили нас исполнить колыбельную с эмоциями гнева. Трудно придумать более неподходящую музыку для такого чувства, - произнесла я.

Пожилой мужчина усмехнулся и ответил:

- Случаются ситуации, юная леди, когда у оллама нет выбора. И тогда ему приходится передавать необходимые эмоции через навязанную условиями мелодию, будь это хоть сладострастие через храмовые псалмопения.

Я не смогла сдержать удивления. Мои брови поползли вверх, а другой вопрос вырвался сам собой:

- Неужели бывают такие ситуации?

- Бывают и не такие, оллема Таллия, - снова усмехнулся маэстро. - Многих олламов привлекают к заданиям внутренней и внешней разведки.

Должно быть, вся степень моего глубочайшего изумления была написана на лице, потому что первый оллам королевства усмехнулся в третий раз и продолжил:

- Неужели вы думали, юная леди, что не найдутся люди, стремящиеся извлечь выгоду из подобного актива? Хорошо еще, что круг посвященных крайне узок, да и привлекают к службе на благо отечества только эмоционально стабильных олламов. Не переживайте. Если когда-нибудь придет ваше время, вы будете готовы, и переживать вам будет не о чем, наставники об этом позаботятся, да и трудолюбие - качество полезное, коим вы, несомненно, обладаете.

Оценив мою растерянность от услышанного, главный музыкальный распорядитель обратился к Дарраку:

- Я весьма доволен вами обоими, так что можете сегодня отдыхать, а завтра с утра я жду вас на этом же месте.

С этими словами он повернулся и в своей обыкновено-стремительной манере прошествовал к

двери, у которой обернулся и напоследок произнес:

- И да, юная леди, вы можете звать меня метром, - после чего окончательно исчез из поля зрения, оставив меня в еще большем замешательстве.

Как только эхо размашистых шагов маэстро стихло, я медленно повернулась к Дарраку и спросила:

- Дар, что это сейчас было?

Оллам усмехнулся и ответил:

- Мэтр Диармэйд был впечатлен твоим даром и старанием и взял тебя в ученицы.

Чтобы осознать это предложение мне понадобилась добрая минута, зато потом я едва ли не взвизгнула от восторга, накрывшего меня с головой. Мэтр. Теперь я с полным на то правом могу называть первого оллама королевства мэтром Диармэйдом! Я буду учиться у самого маэстро! Хотелось подпрыгнуть до потолка или начать кружиться. Или повиснуть на шее у Даррака. Хотелось сделать хоть что-нибудь, что дало бы выход эмоциям, но сдержанность победила, и я только широко и радостно улыбнулась.

Однако, несмотря на такую хорошую новость, червячок подозрений грыз где-то глубоко.

- Дар, это чудесно, но... Но что он говорил о привлечении олламов к службе в разведке? - снова спросила я, затаив дыхание.

- Это правда, Талли. Наши способности довольно часто используют, но корлевству и его жителям это только на пользу. Наш дар позволяет избегать бунтов и массовых беспорядков, именно благодаря олламам в Залдане уже много сотен лет спокойно и тихо, - успокаивающим тоном поведал Даррак. - Вот во дворце, к примеру, всегда находятся штатные олламы, следящие за обстановкой и, когда необходимо, направляющие мысли придворных в более мирное и менее амбициозное русло. А благодаря празднику Зимнего Солнцестояния в дворце вообще налажена текучка придворных. После него они массово женятся, а спустя девять месяцев в новоявленных семьях прибывает пополнение, и они отбывают из столицы. Его величество такое положение вещей вполне устраивает, а тех, кому он склонен доверять, он оставляет при себе.

Я кивнула. Что-то в этом рассказе меня царапнуло и заставило напрячься.

- Дар, - медленно, пытаюсь поймать ускользающую мысль за хвост, произнесла я. - А почему именно благодаря празднику Зимнего Солнцестояния?

Даррак странно на меня посмотрел, но все же ответил:

- Это самый знаменательный праздник, на него приглашается самое большое количество гостей и олламов.

- Для воздействия? - начала осознать я.

Даррак кивнул, а меня будто сковало морозным воздухом.

- То есть та самая первая мелодия перед балом оказала на всех присутствующих влияние? - уточнила я, чувствуя, как леденеют пальцы.

- Да, - ответил оллам, прищурившись.

- Какое? - почти шепотом спросила я, а к горлу подкатил комок. Мне не нужен был ответ. Я уже знала его. Ведь не просто так в тот вечер мне было так легко с Даром, не просто так я реагировала на его внимание так, будто оно было вполне естественным. На глаза набежали слезы. Неужели... Нет, мне даже подумать о таком было страшно.

Будто услышав мои мысли, Даррак встал со своего места, опустил передо мной на корточки, взял мои ладони в свои и успокаивающим голосом произнес:

- Талли, малышка, прекрати воображать себе всякие ужасы, - я с трудом сглотнула, а он продолжил. - Та мелодия была всего лишь толчком, поощряющим к обнажению испытываемых чувств, причем с очень кратким временем воздействия: всего до рассвета. С момента окончания воздействия прошло уже три дня.

Его сапфировый, поблескивающий гранями голос медленно, но верно разбивал сгущавшуюся вокруг меня темно-серую пелену отчаяния.

- Талли, эта мелодия не пробуждала чувств. Ни моих, ни твоих, ни кого бы то ни было еще. И никого ни к чему не принуждала. Она просто стерла самовозведенные барьеры из предубеждения и

смущения. Вот и все. Я любил тебя до нее. И люблю сейчас, когда ее действие давно выветрилось.

В его глазах мелькали голубоватые отблики, а в серебряном море бушевал настоящий шторм.

Я судорожно вздохнула и шепотом спросила:

- Правда?

Дар сжал мои ладони крепче и ответил:

- Правда.

Робкая улыбка коснулась моих губ. Всклип так и не вырвался, а сухой ком сам собой рассосался. Мой Дар. Он любит меня. Не знаю, что он увидел в моих глазах, но его губы тоже тронула улыбка.

- Глупышка, - произнес он, а затем встал, потянул меня на себя, заставляя подняться с места, и крепко прижал, - Любимая моя маленькая глупышка.

Я прижалась щекой к груди, вдыхала его запах, такой родной и желанный, чувствовала как он целует мои волосы и гладит по спине вдоль позвоночника и улыбалась. Нет, я не считала себя глупышкой, пусть даже маленькой и любимой, но сейчас мне совсем не хотелось спорить. Мой Дар...

Глава 15

Следующую неделю маэстро Диармэйд приходил в наш малый зал с белым роялем каждый день и проводил часовой урок, делая замечания, подсказывая и давая все новые и новые задания, причем не столько мне, сколько Дарраку, официально назначенному моим куратором. Мэтр ставил задачу перед нами обоими, а молодому олламу оставлял право решать, каким именно путем добиваться ее достижения. Наш дуэтный репертуар потихоньку множился, а мне становилось все легче переключаться на нужные эмоции и вплетать их в мелодию.

На десятый день после праздника Зимнего Солнцестояния в помещение, отданное нам в качестве музыкального класса, маэстро зашел не один. Его сопровождал первый проректор Маркас Двейн и лорд Гаррет Бирн. Мы с Дарраком как раз доставали инструменты из чехлов, но, увидев делегацию, прервали свое занятие и поприветствовали мужчин.

Ответил на наше приветствие мэтр Двейн:

- Доброго утра, олламы.

- Доброго утра дядя, мэтр Диармэйд, мэтр Двейн, - ответил Даррак, а я застенчиво улыбнулась.

Первый проректор кивнул и продолжил:

- Маэстро Диармэйд очень хвалит ваши совместные успехи, что меня, как вашего учителя, не может не радовать. При виде вашего старания у лорда Бирна возникла идея, как вас поощрить, - он повернул голову в сторону главы тайной службы и передал ему инициативу со словами:

- Лорд Бирн, прошу вас.

Мужчина с пронзительно синими глазами кивнул:

- Ваше усердие достойно похвалы. Но лучшая похвала - это стимул к еще большему развитию, не так ли? - вопрос был риторическим, и ждать нашего ответа на него лорд Гаррет Бирн не стал, и его глубокий голос цвета морских глубин продолжил. - Как вы знаете, олламы часто приглашаются к сотрудничеству с тайной службой королевства. С их участием удается избежать множества проблем. А зачастую ненужных жертв. Конечно, студентов, да еще и в первый раз, - на губах лорда мелькнула ироничная улыбка, - я не стану посылать на задание, представляющее собой хотя бы малейшую опасность, так что острых ощущений не ждите. Однако так у вас обоих появится представление о том, чем вы будете заниматься, если согласитесь служить на благо отечества, а не выберете стезю преподавания или яркого исполнения с гастролями по всему Эйрину.

Я непонимающе посмотрела на Даррака. Нас что, хотят привлечь к работе тайной службы? Даррак же не отводил внимательного взгляда от лорда Бирна и по окончании речи спросил:

- Вы гарантируете абсолютную безопасность?

- Гарантирую. Задание неопасное, люди неконфликтные. Отправляем вас, потому что вам полезно, а нашим штатным сотрудникам братья за такое скучно, - усмехнулся глава тайной службы.

- Тогда мы готовы прослушать инструктаж, - тем же деловым тоном произнес Даррак, а у меня

сердце предательски забилося чаще: таким он сейчас был уравновешенным, серьезным, сосредоточенным и невероятно притягательным.

Маэстро Диармэйд хмыкнул и обратился к присутствующим:

- Раз уж мои навыки убеждения вам негодились, лорды, я пойду, у меня еще масса дел, - после чего повернулся к нам, - А вы, молодые люди, постарайтесь хорошенько, чтоб мне как вашему учителю и лорду Двейну не было за вас стыдно.

С этими словами он в своей обыкновенной стремительной манере скрылся из виду, хлопнув дверной створкой о косяк. Проводив его глазами, я снова перевела взгляд на оставшихся лордов.

- Итак, когда планируется мероприятие? - сухо поинтересовался Даррак, первым нарушая тишину.

- Сегодня вечером, - точно так же ответил ему Гаррет Бирн. - Сегодня стартует серия званых вечеров у почтенной городской пары Дербишей, глава семейства - уважаемый мастер-краснодеревщик, облагодетельствованный небом тремя дочерьми брачного возраста - частенько устраивает подобные мероприятия. По обыкновению приглашается мастеровая элита города всеми семействами. Как вы понимаете, мастера - один из столпов, на которых соит трон Залдана, и он не менее хрупкий чем воинское сословие. Ваша цель - навевать патриотичные мысли и подбавлять веселья. И да. Если после этих вечеров хотя бы одна дочь мастера Дербиша выйдет замуж, будет очень и очень хорошо, - завершив, инструктаж, глава тайной службы испытывающе посмотрел на племянника.

Замечательно. Значит, нам предстоит навевать лирический патриотизм. Я усмехнулась, но тут же одернула себя. Не хотелось, чтобы лорд Бирн мою ухмылочку заметил. Как бы там ни было, но поучаствовать в задании хотелось: ведь оно вполне себе реальное и даже приносящее пользу родине. Как ни крути, а это воодушевит даже умеренного скептика.

- Суть я понял, - выдержав недолгую паузу, произнес Даррак, - Мастера - люди не нашего круга, но маскировка все же не помешает, верно?

- Именно, - кивнул глава тайной службы. - Поэтому в три часа пополудни вы должны быть у мастера-кладовщика, он подберет вам подходящую одежду и так, по мелочи.

- Мы будем, - твердо произнес молодой оллам.

Гаррет Бирн в ответ только кивнул и, не прощаясь, покинул зал, напоследок окинув меня задумчивым взглядом, следом за ним, пожелав нам удачи, удалился и лорд Двейн,.

После того, как мы снова остались вдвоем в помещении, я первой разорвала восстановившуюся было тишину:

- Дар, а ты уже бывал на подобных заданиях?

Оллам развернулся ко мне, улыбнулся уголками губ и спросил:

- Почему ты спрашиваешь?

Я пожала плечами. Немного смутилась, но все равно ответила:

- Просто я подумала, что это неизбежно, учитывая должность твоего дяди и уровень твоего дара.

Даррак усмехнулся и произнес:

- Да, пару раз случалось.

На этом тема была закрыта, и мы вернулись к инструментам. Сегодня предстояла напряженная работа: повторить весь репертуар и потренировать лирически-патриотический настрой. Уже после обеда к нам снова заглянул мэтр Диармэйд. Послушал несколько композиций, оценил степень влияния, похвалил и наказал не волноваться, уверив, что задание несложное и у нас все получится. Уверял он, конечно, меня. Даррак и без этого был вполне спокоен.

В три часа пополудни мы стояли перед давнишней дверью во владения рыженького и кругленького мастера-кладовщика. Как и в прошлый раз, Даррак коротко и уверенно постучал, после чего створка открылась, пропуская нас во владения мастера, стоящего у порога и придерживающего ту самую дверь.

- Чем могу помочь? - в голосе мастера звенели васильковые нотки спокойствия и умиротворенности.

- Мастер Лир, - обратился к нему Даррак, - Мы к вам от лорда Бирна. Нужна экипировка.

- Проходите, - пригласил нас мастер и посторонился, пропуская меня, а потом и Даррака в помещение, после чего отгородил нас от внешнего мира в общем и коридора в частности и уверенным спокойным шагом направился в наименее освещенный, дальний конец комнаты, где была совершенно неприметная с виду еще одна дверь. Отперев ее, он вошел в другое помещение первым, Даррак последовал за ним, а я замыкала шествие.

Другая комната оказалась примерно равной по площади первой. Это была огромная гардеробная с длинными вешалками для самой различной одежды, полками с обувью, стойками с париками и зеркалами. На трюмо рядом со входом возвышалось огромное количество различных баночек, кисточек и горки поблескивающей фурнитуры.

Мастер-кладовщик повернулся к нам и спросил:

- По легенде вы...

- Музыканты, приглашенные из театра, - ответил Дар. Лорд Бирн через доверенного человека прислал нам легенду как раз перед обедом. Мы уже успели с ней ознакомиться.

- Лично? - уточнил мастер Лир.

- По запросу, - ответил Даррак.

- Просто коллеги или женатая пара? - продолжал расспросы кладовщик.

- Коллеги, - пояснил оллам, а я, услышав слова «женатая пара», едва не вспыхнула факелом. Пришлось спешно брать себя в руки и успокаиваться. Спрашивается, чего разнервничалась?!

Мастер кивнул в знак того, что информации ему пока достаточно и, окинув внимательным взглядом с головы до ног сначала меня, а потом Даррака, удалился к вешалкам с одеждой. Бормоча себе что-то под нос, он неспешно перебирал вещи. Спустя минут десять мастер Лир вернулся и вручил мне и Дару набор одежды, указал на завешанные, специально огороженные места для переодевания и удалился к обувному ряду, предварительно уточнив размер ноги.

Мне досталось платье коричневого цвета и простого кроя, со скромным вырезом лодочкой в комплекте с ярким цветастым платком, который я накинула на плечи на манер шали. Спустя несколько минут рядом с занавесью мастер оставил аккуратные утепленные ботинки, севшие как раз по ноге. Недорогие, невычурные, но добротные. Обувшись и расправив платье, я вышла из раздевалки и первым делом оглянулась в поисках Дара. Очень уж было любопытно, какой наряд достался ему. Оллам стоял, поджидая меня, и поправлял пояс. Он был одет в простые черные брюки, заправленные в сапоги с отворотами из грубой кожи, черную же рубашку с широкими манжетами и жилет, расшитый яркой вышивкой. С интересом осмотрев напарника, я столкнулась с ним взглядом: Даррак, как и я до этого оценивал мой внешний вид, но остановился, как и всегда на глазах. Я поймала себя на удовлетворенной мысли, что ему нравится смотреть в них и улыбнулась.

Но на этом наша маскировка не завершилась. Мастер Лир подошел, оценил посадку вещей и, довольно кивнув, пригласил нас к трюмо. Попросив меня занять стул перед зеркалом, он сам умелыми движениями собрал мои волосы и закрепил поверх них парик светло-русого цвета. Отточенными движениями закручивая пучок на затылке из ненатуральных волос, он пояснил:

- Два жгучих брюнета - слишком примечательная пара. Моя задача - сделать вас менее узнаваемыми.

Благодаря стараниям мастера Лира я стала не только практически блондинкой: он подвел мои глаза черным, нарисовал весьма смелые стрелки и накрасил губы ярко-красной помадой, в тон к цветам на платке. Дарраку же так кардинально меняться не пришлось: мастер только наклеил моему олламу усы, лихо закручивающиеся на концах, почти такие же, как у маэстро, только гораздо тоньше.

Вроде бы и совсем незначительная деталь, но она кардинально меняла восприятие: глядя на новшество в облике Дара, я не могла сдерживать улыбки и с трудом сдерживала смех. Непривычно было видеть его в таком экстравагантном амплуа.

Увидев мою реакцию, Дар еще раз посмотрел на себя в зеркало, хмыкнул и повернулся ко мне:

- Что? - подозрительно прищурившись, спросил он.

- Нет, ничего, - ответила я, изо всех сил стараясь не хихикать.

- Глупо? - сразу понял, в чем дело оллам.

- Нет. Скорее непривычно, - покачала головой я. - Ты стал таким... бесшабашным и загадочным одновременно.

Даррак усмехнулся и ответил:

- Кто будет смотреть на мои усы, когда рядом будут такие прекрасные, - он особенно выделил слоги «красные», - улыбающиеся губы.

Мастер Лир фыркнул и произнес:

- Кто сказал, что для того, чтобы быть неузнанными, нужно быть незаметными? Чушь. На самом виду прятаться куда как сподручней.

* * *

Из подсобного и почти потайного помещения мы выходили уже совершенно точно тайным ходом: мастер-кладовщик облачил нас обоих в теплые простые плащи и открыл дверь, ведущую в нехоженный коридор. Дальше мы отправились без сопровождения: Даррак знал куда идти. Из коридора мы вышли к одному из скрытых, используемых только прислугой, выходов из дворца. У двери стояла предназначенная для нас пролетка, которая и вывезла нас с дворцовой территории под матовый цокот копыт двойки усталых лошадей.

Двадцать минут тряски по мощеной дороге под навязчивые резко-крикливые звуки жизни города, напоминающие заточку ножей, и мы были на месте: перед нами оказался добротный двухэтажный дом, не такой изящный и вычурный, как в квартале аристократов, но вполне милый и украшенный чудесными резными наличниками и декоративными ставнями. Входная дверь была одновременно и произведением искусства, и надежной оградой, и яркой рекламой умений мастера Дербиша.

Мы приехали без четверти четыре. Гостей, как мы знали, хозяева приглашали на четыре, но ведь гости никогда не приходят вовремя. По крайней мере, большинство из них. Поэтому времени на настройку и обустройство нам должно было хватить с лихвой.

В холле немаленького, уютно обустроенного, если судить об этом по тому, что мы уже видели, дома нас встретил сам мастер Дербиш, крепкий приземистый мужчина средних лет, с добрыми морщинками вокруг карих глаз и густой окладистой бородой.

- А вот и наши мэнестрэли! - воскликнул он таким же густым, как и его борода, голосом орехового цвета, особенно делая ударения на произносимые им буквы «э».

Я, приветливо улыбаясь, едва заметно присела, а Дар только кивнул в знак приветствия. На его лице, в тон к усам, царило загадочно-интригующее выражение. Мне стоило огромного труда не расхохотаться при виде этой дивной композиции. Ведь идет же ему, хорошо и интересно даже с этими усами, а смех так и норовит разобрат.

- Удачного вечера, мастер Дербиш, - ответил Даррак и уточнил. - Где мы можем расположиться?

- Проходите в зал, пожалуйста, там вас уже ждет маленькая импровизированная сцена. Не театральная, конечно, но тоже вполне неплохая, - улыбнувшись во всю ширину рта, тем самым продемонстрировав ровный ряд крепких белых зубов, ответил мастер Дэрбиш и указал направление, в котором нам следовало двигаться.

Для такого дома зал оказался вполне внушительных размеров. Примерно как малый концертный с белым роялем во дворце. У дальней стены стоял совсем невысокий, всего в ступень, полукруглый помост с роялем и банкеткой с фигурными резными ножками. Рядом с роялем стояли два табурета с подушками на них для нашего удобства. Предусмотрительность хозяина вызвала в душе благодарный отклик. Сам помост отделялся от остального пространства зала низеньким заборчиком, каждая перекладина которого была заботливо украшена руками мастера по дереву, а затем вскрыта глянцевым лаком. Даже сейчас, когда было еще светло, светильники на стене, к которой примыкал помост, сделанные в форме свечей горели, и их отсветы играли в глянце рояля и ограждения. Выглядело очень красиво. Маленькие дверки сейчас были открыты, оставляя проход на импровизированную сцену доступным, но их предполагалось закрыть, как только мы займем свои места. Освободив инструменты от чехлов, мы поднялись на помост и прошли к роялю, чтобы подстроить их. Во время тряски в карете струны могли и ослабнуть. Чехлы унес расторопный слуга. Он же и закрыл дверцы, теперь образующие единую ограду.

Заняв свои места, мы стали тихо сыгрываться, наблюдая, как в зал спускаются хозяйка с тремя дочерьми и начинают прибывать первые гости.

Знак начинать свою программу был дан хозяином, как только половина ожидаемых гостей собралась, и гам стал набирать обороты.

Оказалось, что раскрываться, когда на тебя никто не обращает внимания, намного легче. По крайней мере для меня. Мы с Дарраком исполняли композиции одну за одной, наполняя их возвышенно прекрасными чувствами к родине, которые сейчас и сами испытывали: гордость за свою страну, за свое ремесло, которое приносит ей пользу, и за свой труд и силы, вложенные в него. Не знаю, как приглашенным мастерам и их семьям, а мне хотелось играть бесконечно, лишь бы заниматься своим любимым и полезным делом.

Играть и наблюдать за присутствующими оказалось очень даже интересно. Зрелые мастера собирались по двое-трое и обсуждали деловые вопросы, Их жены сидели на диванах и перешептывались, делясь последними новостями и пристально приглядывая за своими отпрысками, а молодежь веселилась: то и дело раздавался веселый разноцветный смех на фоне приглушенного однотонного гула голосов старшего поколения.

Мы играли в течение трех часов с полуторачасовым перерывом на обед. Приглашенные и хозяйка обедали в помещении столовой. Нас тоже не обнесли угощением. Одна мелодия сменяла другую. По большому счету нас мало кто слушал, редко какие пары останавливались напротив, прислушиваясь к музыке. В основном гости были заняты друг другом и беседой, что устраивало всех: и их, и нас.

Дочери мастера Дербиша оказались милыми девушками: улыбчивыми, дружелюбными, веселыми и совсем незаносчивыми, с приятными цветочными голосами. Поэтому наполнять лирическими эмоциями мелодии было легко. Под некоторые из наших произведений молодые люди принимались танцевать, заполняя пространство зала искорками смеха и добрыми морщинками улыбок старшего поколения.

Разъезжаться приглашенные стали после девяти. Мастерское сословие не могло себе позволить гулять ночами напролет, как аристократы, ведь с самого утра каждому мастеру необходимо было снова приступить к работе, обеспечивающей ему достаток и процветание.

Возвращались мы точно так же, как и приехали сюда: повозка довезла до скрытой двери, в вотчине мастера Лира мы приобрели свой естественный облик, после чего Даррак провел меня к моей комнате, а сам отправился к себе.

На следующие шесть дней нас ожидал подобный распорядок. Каждый вечер мы должны были играть в доме у мастера Дербиша, ненавязчиво укрепляя эффект воздействия. Как оказалось, кроме самого первого, вечера были тематическими, посвященными одному из времен года и межсезоньям. Согласно теме вечера оформлялся зал, составлялось и украшалось меню, и, конечно, наряжались гости.

Мы уже третий день исполняли нетяжкую повинность перед отечеством. Сегодня темой вечера была весна во всех ее чудесных цветочно-зеленых проявлениях. Цветы были везде: в вазах на полу, на столиках, в прическах у дам и в петлицах у молодых людей. Весеннее настроение вместе с пением птиц, чьи клетки, увитые цветами, были расставлены по залу, разливалось в воздухе вместе с искренним полным веселья смехом, окрашивая пространство в яркие цветочные, щедро разбавленные сочной зеленью краски.

Когда гости, согласно заведенному распорядку, удалились в столовую, я вздохнула с облегчением. Приятно было вновь оказаться в тишине. Навязчивый шум, звучащий несколько часов подряд, изрядно утомляет. Потянувшись, размяла слегка затекшую шею и выдохнула:

- У мастера Дербиша очень мило, но как же я рада оказаться в тишине и вне толпы.

Даррак улыбнулся и отложил Никельхарпу. Расторопные, привыкшие улыбаться слуги принесли нам ужин, а потом так же споро унесли использованную посуду. По опыту я уже знала, что гости начнут возвращаться в зал не ранее, чем через час. На это время нам было разрешено отлучаться, но выходить на улицу, где, в отличие от этой комнаты, властвовала зима во всех ее морозных проявлениях, не хотелось, а бродить по чужому дому - тем более. Еще раз окинув взглядом прекрасно декорированный зал, я повернулась к Дарраку, чтобы заметить, как тут красиво, но встретилась с его глазами цвета дождливых капель и не стала нарушать тишину. Не знаю, сколько мы так сидели, и что Дар, неотрывно смотрящий в мои глаза, в них находил, но прерывать зрительный контакт не хотелось. Я не испытывала ни малейшего смущения или неловкости от столь продолжительного диалога взглядов, ведь отсвечивающее голубоватыми отблесками серебро говорило мне гораздо больше, чем его обладатель, а я была только рада внимать его волнующей игре. Игре... Вспомнив кое о чем, я улыбнулась и первой нарушила тишину, мягко ласкающую уши:

- Дар, я могу попросить тебя кое о чем? - немного волнуясь, спросила я.

Даррак приподнял бровь и ответил:

- О чем? – сапфировые грани искрились неожиданной хрипотцой.

- Сыграй для меня, пожалуйста? – я произнесла просьбу почти шепотом, опасаясь, что голос предательски задрожит.

Даррак улыбнулся и, не сказав ни слова, встал со своего табурета, чтобы через пару секунд устроиться за роялем. Я развернулась так, чтобы видеть его глаза и руки. Подарив мне еще один затянувшийся пристальный взгляд, Даррак откинул крышку рояля, несколько мгновений будто размышлял, что именно мне сыграть, а затем широкие ладони зависли над блестящими глянцем клавишами. Длинные музыкальные и чуткие к инструменту пальцы начали свой танец по черно-белому ряду, и зазвучала тихая неспешная мелодия, плавно и медленно заполняющая пустое пространство зала.

Тональность Лунный Рубин на золотой нити. Музыка начинается тихо и плавно с маленькой красной искорки, совсем крошечной, но неожиданно стойкой и решительной. Искорка разгорается и постепенно вырастает до размеров решительно настроенного бойкого огонька, который уже вовсе не так робок, как то сверкающее зернышко, что стало ему началом. Он разрастается намного смелей и решительней, чуть ли не с боем отвоевывая себе свободное пространство. И вот уже языки бушующего ярко-красного пламени заполняют помещение. Они не жгут, они дарят тепло, сдерживая невиданную мощь, но я подсознательно ощущаю, каким жарким может быть это пламя, и на одну сумасшедшую секунду чувствую неистовое желание сгореть в нем без остатка. Музыка, как огонь, который она олицетворяет, непредсказуема и неуловима: она меняет темп и размер, так же неожиданно возвращаясь к прежнему, будто огненные волны накатывают и отступают, разжигая ответный жар в моей душе. В какой-то момент в алом пламени появляются первые лунно-аметистовые нотки, пронизывающие тонкими воздушными лианами рубиновое марево, добавляя ему решительности, стойкости и постоянства. Красный и фиолетовый потоки сплетаются, но не соединяются, а взаимодействуют друг с другом. Они как две грани одного целого. Лавандовые воздушные потоки нежно и ласково, словно любящие руки, глядят мои волосы и лицо, окутывают фигуру непрерывающейся дымкой, будто заключая в защитный кокон. Эта бережность невыразимо ярко контрастирует с набирающим обороты пламенным штормом, отринувшим осторожность и демонстрирующим сейчас всю свою мощь. Ослепляющие искры осыпаются, соприкоснувшись с моей аметистовой защитой, алые лепестки льнут к ней, но не с намерением сжечь, растерзать, а в стремлении поближе оказаться ко мне. Я улыбаюсь и протягиваю вперед руку, чтобы коснуться рвущегося ко мне пламени, но лавандовая дымка, словно вторая кожа, примыкает ко всему моему силуэту. И вдруг мне становится так радостно, так легко на душе, что хочется лишь одного: оказаться в кольце любимых рук, но для этого пришлось бы прервать прекрасную, насыщенную чувствами мелодию, поэтому прорваться наружу я разрешаю лишь улыбке и только ей.

Затихает мелодия постепенно, она становится тише, но не тусклее. С каждой ноткой она как будто говорит: «Звук стихнет, но пламя останется». Мой Дар... В твоём огне я хотела бы гореть вечно.

После того, как тишина заполнила все уголки зала, поглотив ослабевающий звук, я стала машинально перебирать струны в простой и довольно известной мелодии. Говорить не хотелось, ведь музыка может сказать гораздо больше, чем слова. Спустя всего пару тактов к тонкому и даже хрупкому небесному голосу моей псалтири присоединился звучный, но сейчас сдерживаемый звук поющих клавиш рояля. Я подняла голову от струн, чтобы посмотреть на напарника. Он, не глядя на клавиши, наигрывал ту же мелодию, окружая ее импровизированным аккомпанементом. Наша музыка звучала, будто танцующая пара: тонкая мелодия струн и надежный фортепианный фон, поддерживающий, подстраивающийся, оберегающий и всегда готовый подхватить. Глаза в глаза, сердце в сердце, нота в ноту мы исполняли старинную балладу, мелодией рассказывая без стеснения свои чувства, чаяния и стремления. Музыка стекала с пальцев на инструменты, впитывалась в них, чтобы мгновением позже растечься цветными волнами от вибрирующих струн.

Невероятно, но баллада, исконно исполнявшаяся в Лунном Аметисте на серебряной нити, сейчас раскрашивала воздух не только в сиренево-фиолетовые тона. В ней виднелись вкрапления багряного и темно синего, которые постепенно из маленьких разноцветных пятнышек превратились в две ладьи, рассекающие аметистовые волны и оставляющие на них шлейф каждой своего цвета. Ладьи шли одним курсом, выписывая друг вокруг друга круги и цветные узоры. Они бороздили лавандовое море, создавая орнаментальную цветочную картину, каждая линия которой была пропитана любовью и нежностью, отражающимися в глазах цвета расплавленного серебра и пронизывающими моё сердце.

* * *

Абиагил Дербиш стояла за присобранной портьерой, мягко очерчивающей вход в зал. Двери были распахнуты, но благодаря новшеству, введенному ее матерью, вид на них был куда приятней и

уютней: занавеси, заложенные крупными складками, закрывали большую часть прохода, оставляя только небольшой просвет. Однако практическая польза от этих, как их называл отец «штор на дверных проемах» тоже была немалая: кроме уюта и красоты они оставляли незамеченным того, кто хотел оставаться вне зоны видимости, находясь у самого входа. Сейчас был именно такой момент. Абиагил не хотела прерывать игру нанятых отцом музыкантов. Во то время, когда помещение было наполнено гостями, их мелодии практически не были слышны и были предназначены больше для придания благородства гулу, чем для эстетического наслаждения присутствующих. Зато сейчас... сейчас рядом не было никого, и ей хотелось хотя бы издали полюбоваться на безмолвный диалог, бесспорно, любящих сердец. Музыка не обманывает.

В какой-то особенно пронзительный, наполненный нежностью момент, она не сдержала прерывистого долгого вздоха. Простая мелодия была невероятно прекрасна в собственной искренности и открытости исполнителей. И так отчаянно хотелось такой же любви, как в этой старой балладе.

- Абиагил, все в порядке? – прозвучал приглушенный мужской голос прямо у нее над ухом.

Девушка резко обернулась и оказалась вплотную к одному из гостей: молодому мастеру-ювелиру Гобану Оакку.

- Гобан, - выдохнула она шепотом. – Что вы здесь делаете?

- А вы? – ответил вопросом на вопрос молодой человек.

- Я... - на секунду Абиагил растерялась, но потом ответила – Я музыку слушаю.

- Но почему здесь? – нахмурился в непонимании мужчина.

Девушка бросила взгляд в зал и снова повернула голову к нечаянному собеседнику:

- Не хотела отвлекать внимания музыкантов. Сейчас они играют как будто только друг для друга. Я, можно сказать, подслушиваю, но мне не стыдно. Такое прекрасное исполнение редко когда услышишь.

Звуки музыки доносились до них ясными и насыщенными особенной акустикой пустого зала.

- Действительно, - помолчав с полминуты, согласился мастер Оакк. – Чудесное прочувствованное исполнение.

Вдруг неподалеку послышались шаги. Дальнейшее случилось настолько стремительно, что Абиагил не успела ничего понять: в мгновение ока мужчина оказался к ней неприлично близко, а в следующее их скрыла от посторонних глаз плотная ткань портьеры.

- Гобан, что вы делаете? – на пределе слышимости спросила ошарашенная девушка.

Мастер прижал указательный палец к губам и стал прислушиваться, при этом, не отрывая от нее взгляда. Убедившись, что шаги стихли, а музыка по-прежнему играет, он ответил приглушенным голосом:

- Я не хотел, чтобы вас заметили в компрометирующей ситуации.

- Конечно, сейчас она куда менее компрометирующая, - весело фыркнула девушка.

- Сейчас нас никто и не видит, - усмехнувшись, парировал мужчина и вдруг перевел взгляд с ее глаз на губы.

Заметив это, Абиагил замерла, тесное пространство как будто начало искрить. Нервным движением девушка облизала пересохшие губы и немедленно пожалела об этом: в глазах мужчины напротив зажегся огонь, а от всей его фигуры стали расходиться волны власти и, как ни странно, безумного магнетизма.

Внезапно вспомнились все подколки младших сестер по поводу внимания молодого человека к ней, не очень активного, но вполне отчетливо различимого, и собственная настороженная радость, что такой мужчина обращает внимание именно на нее. Несмотря на свой возраст – всего двадцать семь лет – он был весьма преуспевающим ювелиром, уже держащим штат подмастерьев и уверенно двигающим в гору свое дело. Бывалые мастера пророчили ему добрую славу через каких-то лет пять-десять. Но нравился он Абиагил Дербиш не по этому. Помимо весьма приятной внешности молодой мужчина обладал твердым характером, верностью данному слову и внимательностью к другим людям, пусть даже чужим. Да и отец его уважал, что для девушки было очень немаловажным фактором.

- Абиагил, - произнес мастер Оакк, не отрывая взгляда от ее губ. – А как вы относитесь к тому,

чтобы сменить фамилию?

- Что? - второй раз за вечер опешила девушка.

- Вы не подумайте, это совсем не спонтанное решение. Я давно хотел спросить вас об этом. А сейчас... к чему тянуть, Абиагил? Фамилия Оакк подойдет к вашему чудесному имени ничуть не хуже отцовской, - мужчина подался к ней чуть ближе.

- Гобан... - растерянно произнесла девушка.

Больше ничего она произнести не успела, потому что от звука собственного имени, произнесенного желанными устами, находившимися так близко, мужчина окончательно лишился терпения и после двух лет исключительно сдержанных и приличных ухаживаний решился поцеловать девушку, прочно поселившуюся в его сердце.

* * *

Грейнн Бойл медленно шел по улицам столицы. Он не обращал внимания ни на проезжающие мимо экипажи, ни на проходящих людей. У него не было конкретной цели. Он просто шел, чтобы идти. Но от самого себя не уйдешь, как и от собственных мыслей.

Разбитые губы зажили, и даже с челюсти уже сошел синяк, а червячок глубоко в душе продолжал подтачивать душу оллама. Что на него нашло? Почему он так поступил? Как он мог позволить себе так обойтись с Орнией... Она ведь не хотела его поцелуев, он видел это. Нет, он не стал бы принуждать ее к большему даже в том состоянии, в котором находился в тот вечер. Похоже, пора признаться самому себе, что солнечная девушка больше не любит его, и в ее свете теперь будет купаться кто-то другой. Не он. В который раз вспоминая капельки влаги на щеках девушки, которую хотел сделать своей женой, Грейнн дернул головой. Воспоминания были не из приятных, а мерзкое ощущение недостойности поступка скребло когтями по нервам.

Ее слезы были таким шоком для него, что он совершенно потерял контроль над собой, даже тот призрачный, что еще оставался. Потому и произошло то, что произошло. От воспоминания ощущений своих рук на горле Таллии Хейс и ее испуганных глаз, в районе солнечного сплетения у парня будто зажглась ярко-черная искорка мрачного удовлетворения. Грейнн остановился и с силой сжал кулаки, пытаясь прогнать это чувство, затушить искорку, перестать прислушиваться к ней, ловя каждый ее оттенок, и убедить себя в том, что ему вовсе не доставила удовольствия та сцена.

Ему понадобилась добрая минута, чтобы снова взять себя в руки. Сглотнув непонятно почему набежавшую слюну, он продолжил путь. Он шел уже час, медленно, надеясь, что холод остудит разгоряченные, будто воспаленные мысли и чувства. Проходя мимо одного из домов квартала мастеров, он услышал приглушенные звуки музыки и резко остановился.

Грейнн Бойл не зря был лучшим студентом исполнительского факультета консерватории Вилмара Аберга Мироносца. Он мгновенно понял, кто именно исполняет лирический дуэт псалтири и рояля. Мелодия была наполнена сильными чувствами, которые музыканты обращали друг к другу. Губы Грейнна искривила злая усмешка. Значит, любовь... Конечно, стал бы этот выскочка защищать безразличную ему девушку. Ха!

Какое нежное и трепетное чувство. Кардинально противоположное тому, которое испытывал сам Грейнн к юной оллеме-первокурснице. Нет, ему не хотелось беречь Таллию, разве что от посягательств других мужчин. Ему хотелось видеть на ее теле синяки, оставленные им, хотелось слышать стоны наслаждения и боли, хотелось научить эту девицу покорности, чтобы она ела с его рук, как милая домашняя кошечка. А слезы... ее слезы он с радостью попробовал бы на вкус.

От таких мыслей Грейнн почувствовал, что не только не ощущает морозного холода зимнего воздуха, но напротив, ему стало жарко. И этот жар требовал одного: обнаженную Таллию на коленях перед ним, смотрящую на него со страхом и восторгом. Страх он уже видел. Восторг... пожалуй, он мог бы ей обеспечить незабываемые острые ощущения. А если не ей, то себе точно. Усмешка темной лентой зазмеилась по губам оллама.

Чем дольше он слушал мелодию, тем громче ему хотелось смеяться. Нежность и забота?! Это и все что тебе нужно, девочка?! Его, Грейнна, стремления были куда более изощренными, более труднодостижимыми, но оттого и еще более желанными.

Он стоял под окнами чужого дома и не мог сдвинуться с места, зная, что там, всего в нескольких метрах от него находится та, чьему телу он с невероятным наслаждением бы дарил боль и

удовольствие, удары и поцелуи.

Грейни не шевелился, но дышал прерывисто, будто после пробежки. Облачка пара рывками поднимались от его подрагивающих ноздрей и приоткрытых губ. Как только звуки музыки стихли, он осмотрелся, запомнил улицу и номер дома, чтобы знать, куда вернуться, и медленно удалился, то и дело оглядываясь.

Таллия Хейс. Грейни не знал, почему его так тянет к этой девушке, откуда берутся эти странные волнительные желания. По большому счету ему было все равно. Сейчас, направляясь обратно во дворец его мысли были заняты вопросами более животрепещущими: что она и Даррак Кейн делали в этом доме, вернутся ли они туда снова... и как устроить, чтобы картинки из фантазий, от которых внутренний жар опалил его до капелек пота на лбу, превратились в реальность.

Глава 16

Последний званый вечер тематически являл собой осень. Как и в эту золотистую пору года, воздух в зале, украшенном засушенными поблекшими и яркими тканными листьями и гроздьями настоящих и бутафорных ягод, был пропитан довольством, насыщенностью и мягким сожалением, переплетенным с принятием неизбежного. В нарядах гостей, оформлении помещения и украшении стола преобладали насыщенные осенние краски. Настроение витало отчаянно-веселое, будто перед зимней порой, вступающей в свои права уже завтра, приглашенные стремились ухватить капельки последнего тепла.

Играть с каждым разом становилось все легче, а насыщать мелодии эмоциями - все проще. Все-таки в «полевых» условиях овладение умениями приходило гораздо быстрее, чем в академических. Мне, как и гостям мастера Дербиша, тоже не хотелось, чтобы неделя заканчивалась, ведь когда отыграет последняя нота, я уже не смогу быть рядом с Дарраком так часто, как хотела бы. За этот короткий срок я настолько привыкла, что он все время рядом, что его руки готовы подхватить, его глаза неотрывно следят за мной, а ноты окружают и поддерживают мои, что при мысли, что уже сегодня все это закончится, сердце наполняла тоска. Я прогоняла ее, глупую, как могла: ведь мы не расстанемся, просто времени проводить вместе будем немного меньше, но она нет-нет, да и проскальзывала грустной ноткой в сознание.

Как и положено добропорядочной осени, костюмированная пара вечера мастера Дербиша тоже принесла свои плоды: сегодня было объявлено о помолвке его старшей дочери Абиагил и мастера-ювелира Гобана Оакка. Счастливую пару громко и радостно поздравляли не только родные, но и все приглашенные. Веселье бурлило оранжево-желтыми пузырями, заряжая всех вокруг смехом и улыбками.

С непонятно откуда взявшимися подарками к свежемолвленной паре потянулись друзья и знакомые, чтобы поздравить от всей души. Ожидаемо, каждый мастер дарит предмет своего искусства: так сам мастер Дробуш объявил, что дарит молодым большую деревянную кровать с резными стенками и шестами для полога, но отдаст ее только после свадьбы.

Молодая счастливая пара, не могущая оторвать взгляд друг от друга, стояла прямо около сцены, так что мы с Дарраком оказались сразу у них за спиной. Во время процедуры дарения, мы исполняли самые красивые композиции из нашего репертуара. Я старалась вложить в них все пожелание счастья, крепкой любви и благословений небес, что сейчас сама испытывала по отношению к молодым людям. Пусть, мы не были знакомы, но атмосфера всеобщей радости за пару говорила о многом.

Осветительных дел мастер, принеший на вечер одну из своих последних разработок, не колеблясь ни секунды, вручил ее помолвленным, давая инструкции по пользованию и попутно заверяя, что еще не одно себе такое сделает. Подарком оказался, конечно, светильник, дающий практически дневной свет и не требующий подставки. Его можно было повесить в любой точке и даже без крючка. Достаточно просто на особой подставке, идущей в комплекте, выставить дальность и положить ее на пол, либо прикрепить к стене или даже потолку. В результате получалось маленькое парящее в воздухе без дополнительных приспособлений солнышко. Единственным предупреждением мастера оказалась просьба не ронять осветительный элемент, иначе тот мог не только сломаться, но и создать небольшой взрыв. Он над этим еще работал, и обещал подарить молодым на свадьбу целую люстру таких вот шариков, только усовершенствованных.

В этот раз из-за объявления гости отправились в столовую позже обычного. Когда мы снова остались наедине с Дарраком я положила ладони поверх утихших струн и вздохнула, не переставая улыбаться.

- О чем задумалась? - мягко спросил Дар.

Я покачала головой и ответила:

- Ни о чем, просто вечер сегодня хороший, - не могла же я ему сказать, что думала о том, как это

здорово: соединить судьбу с тем, кого любишь и видеть в ответ на это искреннюю радость друзей и знакомых.

После того, как нам, по обыкновению, принесли ужин, а потом забрали приборы, Даррак ненадолго отлучился. Я сидела в пустом зале одна и легонько гладила уставшие струны, не заставляя их звучать, но благодаря за самоотверженную службу. В какой-то момент, почувствовав постороннее присутствие, я отвела взгляд от своих рук и стала оглядываться в поиске источника повышенного внимания. Он оказался у входной двери. Грейнн Бойл стоял и пристально смотрел на меня, словно пытаюсь удостовериться, что перед ним действительно я. Сглотнув, попыталась отвести глаза, изо всех сил надеясь на маскировку мастера Лира, однако в глубине души понимая, что она не настолько надежна с теми, кто меня хорошо знает.

Грейнн прищурился и хмыкнул.

- А тебе идет этот цвет волос, - хрипло произнес он. - Но цвет губ мне нравится больше. Кроваво-красный - однозначно твой.

В его голосе звучали темные странно-предвкушающие нотки, от которых меня пробила мелкая дрожь.

- Что ты здесь делаешь? - поборов волнение, спросила я.

- Сам не знаю, - пожал плечами Грейнн и сделал первый шаг по направлению ко мне.

От стремительно темнеющего выражения глаз мне стало не по себе, и я бросила нетерпеливый взгляд ему за спину, отчаянно надеясь, что в дверном проеме сейчас появится Дар и прогонит отсюда этого пугающего человека.

Грейнн, не останавливаясь, перешагнул невысокую ограду и замер прямо передо мной. Затем резким движением схватил меня за руку и рванул на себя. Я едва успела сгладить падение инструмента со своих стремительно выпрямившихся колен, но псалтирь все же издала жалобный незаслуженно-обиженный звук. Пальцы Грейнна с силой сжались на моем запястье. Он был так близко ко мне, что наши тела почти соприкасались. Сверкнув темным всепоглощающим вечно голодным огнем в глазах, он хотел было что-то произнести, но ему не дал полный ярости сапфировый голос, донесшийся от двери:

- Убери от нее руки! - рычащие ноты затемняли прежде пронзительный синий цвет.

Грейнн недобро усмехнулся, нарочито медленно повернул голову и, лениво растягивая слова, произнес:

- А не то что?

- Странно, я думал, что разбитая морда хоть как-то закрепит информацию, что я пытался донести, в твоём больном мозгу, - мрачно усмехнулся Даррак и стал стремительно приближаться к импровизированной сцене.

Грейнн ждать не стал. Разжав пальцы, он небрежно отбросил мою руку и снова перешагнул ограду.

От первого удара он уклонился, но когда пытался нанести ответный, Даррак поймал его руку в захват. Следующие мгновения понеслись стремительным бурным потоком. Незаметным для Дара движением Грейнн потянулся к поясу и вытащил из-за него нож. Я ринулась к дерущимся, понимая, что, когда Даррак увидит оружие будет уже слишком поздно. Хитро извернувшись, Грейнн вырвался из захвата, и в тот же самый миг я повисла на руке, в которой он держал оружие. Раздраженно парень стряхнул меня, как котенка, и откинул к одному из столов, с размаху наткнувшись на который, я упала сама и опрокинула его. А дальше... дальше был, занесенный над моим любимым нож, звериный страх, яркая вспышка ослепительного света, резкий хруст костей, полный боли и отчаянья крик Грейнна, сильный удар о мраморный пол и беспросветный мрак, окутавший мое сознание.

* * *

Леди Уорд шла по коридору, оставляя за собой звук стучащих по мраморному полу каблучков. Пребывание во дворце для всей консерваторской делегации не было отдыхом. Не только для студентов, но и для Маркаса, а соответственно, и для нее самой. Хотя она и не рассчитывала на праздное времяпрепровождение. К груди молодая женщина прижимала довольно толстую папку с документами, которые проректор попросил ее отнести своему непосредственному начальнику.

Конечно, она могла бы это сделать завтра с утра, но, исходя из собственного рабочего опыта знала: то, что можно сделать сегодня, лучше сделать сегодня, в итоге все равно окажется, что это нужно было сделать еще вчера.

Дойдя до кабинета главы тайной службы она постучала и, не получив ответа, вошла в приемную. Там никого не оказалось. Пожав плечами, подошла к входной двери непосредственно в сам кабинет и снова постучала. На сей раз она толкнула створку только после приглашающего громкого «войдите» с той стороны. Неожиданно для нее в открытую дверь прорвался сквозняк и устремился к распахнутому окну. Стремясь скорей выбраться на волю, воздушный поток разметал все бумаги на столе Гаррета Бирна, который так недальновидно стоял на его пути. Белые листы красиво взметнулись в воздух и медленно опустились на пол в живописном беспорядке.

- Прошу прощения, - несколько растерянно произнесла посетительница, тем не менее, едва сдерживающая задорную улыбку.

Сурово сведенные брови хозяина кабинета разошлись, разглаживая морщинку. Мужчина встал из-за стола, обошел его и, опустившись на корточки, стал собирать разлетевшуюся документацию.

- Чем обязан, Леди Уорд? - не отвлекаясь от своего занятия, поинтересовался он.

- Я принесла вам бумаги от лорда Двейна, - коротко ответила молодая женщина, наблюдая за действиями главы тайной службы.

- Положите на стол, будьте любезны, - попросил тот.

Леди Уорд прошла к столу, аккуратно, не наступая на разбросанные листы, положила папку на край, а потом усмехнулась и тоже опустилась на корточки и стала собирать документы в стопку. Вместе они справились всего за пару минут. После того, как все документы были собраны, Гаррет Бирн поднялся сам, учтиво предложил руку посетительнице, чтобы помочь вернуться в вертикальное положение, которую она приняла, но встала сама, совсем не налегая на предложенную опору, чем вызвала легкое ощущение неудовлетворенности, отозвавшееся зудом в ладони мужчины.

- Благодарю за помощь, леди Уорд, - произнес хозяин кабинета, не спеша отпустить маленькую изящную ладошку из своих пальцев.

- Ну что вы, лорд, в этом была и часть моей вины. Это ведь я пустила сквозняк в кабинет, - Милдред хитро сверкнула глазами из-под ресниц и аккуратно высвободила руку.

Гаррет Бирн усмехнулся и спросил, указывая на стопку, которую молодая женщина все еще держала:

- Вы позволите?

- Да, конечно, - откликнулась она и протянула мужчине бумаги.

Принимая их, глава тайной службы намеренно вновь коснулся изящных кистей, но и этот контакт не продлился долго.

- На сегодня ваш рабочий день окончен? - снова спросил он, положив стопку бумаг на стол, поверх той, что собрал сам.

- Пожалуй, да, - пожав плечами, ответила Милдред.

- Тогда, возможно, вы согласитесь выпить со мной? - поинтересовался лорд Бирн, сверкнув глазами.

После того танца на празднике Зимнего Солнцестояния, сегодня был первый день, когда Милдред Уорд показалась ему на глаза, и так быстро отпустить ее ему не хотелось.

- Только если чаю, - немного поколебавшись, согласилась она.

- Вы, как и прежде, предпочитаете травяные сборы? - уточнил глава тайной службы, приглашая посетительницу присесть в одно из кресел.

- Да. А вы, как и прежде, терпеть их не можете и пьете исключительно кофе? - с насмешливой, но крайне притягательной улыбкой, вздернув одну бровь, в ответ уточнила она, занимая предложенное место.

- Да. Мои предпочтения за эти годы не изменились, - кивнул мужчина, пристально смотря в глаза молодой женщине, будто желая сказать что-то еще.

- Отрадно слышать, - снова улыбнулась Милдред и спросила. - Чему же вы обязаны таким

постоянством взглядов?

- Я изначально выбираю лучшее, поэтому мои взгляды не нуждаются в пересмотре, - ответил лорд Бирн и дернул за шнурок, вызывая лакея. На то, чтобы принять заказ и принести его, идеально вышколенному слуге понадобилось не более шести минут, после чего он вновь оставил комнату без своего и так не слишком приметного присутствия.

Перед тем, как приняться за свой кофе, Гаррет Бирн придвинул к себе папку, принесенную Милдред, открыл и стал просматривать, откладывая изученные документы в стопку на столе. Спустя недолгое время он нахмурился и произнес:

- Здесь должны быть сводки со статистикой, но я не нахожу их.

Леди Уорд отставила кружку и блюдце, поднялась и обошла стол. Встав рядом с креслом лорда Бирна, она заглянула ему через плечо в содержимое папки, затем протянула руку и стала пролистывать листы, задевая ладонью его пальцы, держащие документы.

- Они должны быть где-то здесь. Я точно помню, как сама их сюда складывала, - пробормотала секретарь первого проректора, а затем чуть наклонилась, чтобы достать уже просмотренные листы. Взяв из, снова приняла вертикальное положение. А пальцы мужчины вцепились в папку со всей силой. На секунду его окутал знакомый аромат рыжеволосой женщины, пряный, сладкий с цитрусовыми нотками.

Шумно перебирая листы, Милдред неожиданно остановилась и протянула бумаги обратно главе тайной службы со словами:

- Вот же они, Гаррет. Наверное. Вы их не заметили.

Глава тайной службы - и не заметил? Он бы усмехнулся, если бы от одного звука ее голоса, произносящего его имя, внутри все не скрутило в толстый звенящий жгут. Лорд Бирн повернулся, перехватил одной рукой ее запястье, а второй освободил от стопки документов.

- И правда, не заметил, - ответил он, глядя ей в глаза и поглаживая большим пальцем чувствительную кожу запястья. - Как я мог быть так слеп?

Молодая женщина ничего не ответила, а только едва уловимо прищурила глаза. Гаррет Бирн поднялся со своего кресла и теперь смотрел на посетительницу сверху вниз.

- Я не замечал очевидного, - снова произнес он, не отрывая от нее взгляда, а в его голосе стали прорываться хриплые нотки

- Случается, - нарочито легко ответила леди Уорд, пожимая плечами, не делая попыток освободить руку.

- Милдред, - выдохнул он и притянул молодую женщину к себе, свободную ладонь расположив у нее на талии, а захваченную в плен руку поднимая к своим губам, чтобы прижаться ими к тонкой бархатной коже.

От такого близкого прикосновения леди Уорд вздохнула. Недостаточно тихо, чтобы глава тайной службы не услышал.

- Милдред, - повторил лорд Бирн, наклоняясь ближе и целуя уже порозовевшую щечку.

Молодая женщина подняла голову и заглянула в глаза мужчине, явно намеревавшемуся поцеловать ее и в третий раз. Его ярко-синие омуты сверкали едва сдерживаемой страстью. В них отражалась она одна. Много лет назад она бы все отдала за такой его взгляд, а сегодня... сегодня она просто улыбнулась хитрой, будто испытывающей улыбкой и ответила:

- Гаррет?

В следующую секунду она почувствовала себя в объятиях неистового шторма чужих чувств и желаний, в котором хотелось одновременно раствориться и обрести себя. Неистовый поцелуй все длился и длился, не нарушаемый даже звуком снова рассыпавшихся бумаг.

* * *

Убедившись, что дыхание лежащего рядом мужчины стало ровным и спокойным, свидетельствуя о том, что его обладатель крепко спит, Милдред Уорд аккуратно выбралась из-под приятно тяжелой

руки и стала тихо и неспешно одеваться. Приведя себя в порядок и заколов волосы в пучок на затылке, она присела рядом со спящим. Легко погладив его волосы цвета воронова крыла, она грустно улыбнулась и прошептала:

- Гаррет, - кто знает, доведется ли ей снова назвать его по имени...

Коснувшись пальцем небритой щеки, она провела от скулы к подбородку невесомую дорожку, а потом убрала пальцы.

- Спи крепко, - на прощание едва слышно прошептала она, а затем встала, еще раз расправила одежду и выскользнула из кабинета, а затем и из приемной.

Ночью коридоры королевского дворца были освещены куда менее интенсивно, но ступеньки проглядывались, так что опасности упасть не было.

Добравшись до своей комнаты, и закрыв за собой дверь, Милдред опустилась в кресло и закрыла глаза ладонью. Она запретила себе вспоминать и прокручивать в памяти события этой ночи, но ощущения не мысли, они так быстро не исчезали и уж тем более не внимали ее приказам. Тело, наполненное истомой, казалось податливым и мягким, как тесто. Леди Уорд усмехнулась и тряхнула головой. Хватит. Все это в прошлом.

Внезапно ее тишину прервал короткий и нервный стук в ее апартаменты. Недоумевая, кто это может быть в такой час, Милдред подошла к двери и открыла ее. На пороге стоял Маркас, и вид его не предвещал ничего хорошего.

- Что произошло? - взволнованно спросила молодая женщина своего начальника.

- Произошло, - ответил первый проректор. - Несчастный случай на задании студентов. Таллия Хейс в больнице. Я еду сейчас туда.

- Я еду с тобой, - немедленно заявила секретарь и вышла в коридор.

- А остальные студенты? Я хотел попросить тебя присмотреть за ними, - попытался было возразить мужчина.

- Сейчас ночь, Маркас, все спят. К тому же они не маленькие. А если что - Ханлей справится, - заверила его Милдред и добавила. - Идем скорей.

Через полчаса они были в главной городской больнице, где их уже ожидал Даррак Кейн и доктор. Первым заговорил проректор:

- Меня зовут лорд Маркас Двейн. Я куратор молодой леди, что поступила к вам в больницу около пары часов назад. Что с ней?

Доктор окинул испытывающим взглядом прибывших и, не найдя причин сомневаться в словах почтенного лорда, ответил:

- Девушка при падении получила сильный удар головой. Пока не придет в себя, будет находиться здесь. Других серьезных повреждений нет. Что-либо еще смогу сказать только после осмотра, когда она очнется.

- Значит, нам остается только ждать? - уточнил лорд Двейн.

- Именно так, - подтвердил целитель.

- А перевезти ее можно? - немедленно задал следующий вопрос первый проректор.

- До осмотра и уточнения обстоятельств я бы не рекомендовал, - ответил доктор и откланялся, - Пока мне больше нечего сообщить. Прошу прощения, но работа не ждет.

Маркас Двейн кивнул, отпуская сотрудника главной городской больницы. Заглянув в палату, он убедился, что студентка пока не пришла в себя, и повернулся к напарнику пострадавшей, чтобы крайне хмуро и серьезно произнести:

- Оллам Даррак, я вас внимательно слушаю.

* * *

Вздыхнув, я почувствовала себя в сознании. Нос заполнил характерный резковатый запах дезинфицирующего средства, запах больницы, я как будто вынырнула из колодца: вокруг была тишина и темнота Единственное чего не было, так это холода. Очередной вздох отозвался ноющей болью в голове, она растекалась волнами по черепной коробке и реагировала яростным штормом на попытку оторвать голову от горизонтальной поверхности. Тело покалывало от ощущения дурноты и слабости. Открыв глаза, ничего не увидела. Конечно, ведь наверняка уже глубокая ночь... Внезапно насторожилась. Тишина... Такой тишины я никогда не слышала, обычно она разбавлялась прозрачным шелестом ветра за окном, криками ночных птиц, темно-зелеными пятнами вкрапляемыми в ночную палитру, да хотя бы звуками моего собственного дыхания. Эта тишина была совсем-совсем однотонной, непроглядно черной. Я выдохнула с силой. Ничего. На мрачном небосводе не блеснула ни одна даже самая маленькая звездочка. Все части моего тела сковало напряжение и предчувствие беды, неизбежной и страшной. Я прикусила до боли губу, а потом позвала, вернее попыталась позвать, спросить, есть ли кто-нибудь поблизости, но... не услышала ни единого звука. Я почувствовала вибрацию своих голосовых связок, почувствовала резонирование звука в районе переносицы, но не услышала. Не услышала совершенно ничего...

О, небо, нет! Нет! Нет! Нет! Этого не может быть... Нет! Только не это! Нет, нет, нет... НЕТ!!!

Я всхлипнула, почувствовала, как первые слезы скатываются по моим щекам, и заскулила. Я выла и не слышала звука собственного голоса. Небо, ну как же это?!...

С каждым всхлипом мой плач должен был становился все громче. Я надрывала связки, я кричала, до боли обдирая горло, напрягая его, не обращая внимания на усилившуюся головную боль, но не слышала абсолютно ничего. Вокруг меня был только мрак. Одина лишь непроглядная тьма. И я была в ней совершенно одна. Небо, почему?! Почему?! Пожалуйста, нет!!! Нет!!!

Я сжимала кулаки, впиваясь ногтями в ладоши до крови, и выла. Поток слез не прекращался, но я и так ничего не видела, вытирать их не было смысла. Внезапно я почувствовала на мертво сжавшихся кулаках чьи-то руки. Здесь, рядом со мной кто-то есть. Но кто. Я никого не вижу. Кто может прийти ко мне ночью, когда рядом никого нет? О небо, неужели это...

Я стала вырываться со всей силой которая еще у меня оставалась, кричать, чувствуя только боль в связках, но не слыша ни единого шороха. Чужие руки перестали пытаться разжать мои кулаки, и через мгновение я почувствовала, как их берут в твердый захват и крепко прижимают к моему телу. Кто-то чужой навис надо мной так низко, что я почувствовала его дыхание. О небо! Только не это!!! Отпусти меня!!! Дар!!! Дар, где же ты?!! Дар!!!

Скоро у меня не осталось сил на сопротивление, и я затихла в чужих руках, обездвиженная и потерянная. Мне стало все равно, Грейни ли это и что он со мной сделает. Плевать... Какая разница...

Всхлипнув в последний раз, отвернула голову в другую сторону от человека, прижимающего меня к кушетке. Светопреставление в голове стало потихоньку униматься и стихать. Скоро мое дыхание выровнялось. В какой-то из вдохов обоняние различило знакомые нотки. Запах. Этот запах я знала. Как и эти руки. Самые надежные на целом свете. Уже не рассчитывая что-то услышать в ответ, прошептала:

- Дар?

Вязкий мрак не подернулся цветом ни на секунду, но в следующий миг хватка ослабла. Одна рука человека, держащего меня, запуталась в моих волосах, другая по прежнему обхватывала оба запястья, прочно прижимая руки к телу. Спустя секунду я почувствовала легкий поцелуй на скуле, потом на лбу, на брови, на мокрой щеке. Его дыхание, запах, нежные, такие знакомые движения рук. Это был он. Мой Дар. Он здесь.

- Дар - снова прошептала я, чувствуя направление воздуха от гортани к губам, - Дар, я ничего не слышу... я ничего не слышу...

Всхлип, затем еще один. Он отпустил мои запястья, а я в ту же секунду обхватила Даррака обеими руками за шею, притянула к себе, со всей силой или, вернее, слабостью, что у меня была, прижалась к его груди, уткнулась носом в шею, только чтобы чувствовать, что он рядом, что я не одна, и разрыдалась. Громко, безудержно, не в силах остановиться. В какой-то момент, я почувствовала укол в бедро, но в сравнении с мраком, окружавшим меня и болью, плещущейся в голове, эти ощущения были настолько слабы, что не привлекли внимания. А вот отстраняющийся Дар вызвал новую волну страха.

- Нет! Не уходи! Не бросай меня одну в этой темноте, Дар, прошу!!! - не знаю, шептала я это или кричала, но мои пальцы судорожно вцепились в его плечи.

Очень мягко он отцепил от себя мои руки, но, отстранившись, не выпустил их из своих ладоней, успокаивающе поглаживая.

А я все повторяла то ли в мыслях, то ли на яву:

- Не уходи. Не уходи. Не уходи...

Зная, что он рядом, держа его руки со всей возможной силой, к чужим неожиданным прикосновениям я отнеслась легче. Дар рядом. Он никому не позволит причинить мне вред.

Тонкие теплые гладкие пальцы аккуратно повернули мою голову в другую сторону, приподняли веки, затем повернули в другую сторону и поправили что-то на моей голове, скорей всего, повязку. Контакт продлился недолго. Скоро я снова чувствовала только сильные ладони Дара. Он крепко держал мои руки в своих, поглаживал их, целовал, был рядом. Я не разжимала судорожно вцепившихся в него пальцев, и всхлипывала, пока милосердный сон не скрыл от меня непроглядно черную реальность.

* * *

Таллия давно крепко спала, а Даррак все никак не решался отпустить ее руки. Его девочка... Она не слышит. Не слышит и не видит. Она одна в темноте. А он ничего не может сделать, только сидеть и держать ее за руку. Даррак Кейн до скрипа сжал зубы. Когда успокоительное подействовало, и доктор попросил его покинуть палату, молодой мужчина посмотрел на него с таким выражением лица, что больше тот с подобными просьбами не обращался.

Его малышка, его Талли... если бы он знал, чем все обернется, убил бы этого подонка Грейнна еще в праздничную ночь. Сломанные пальцы и разбитая физиономия не идут ни в какое сравнение с потерянным слухом и зрением. Даррак шумно выдохнул и потер переносицу усталым жестом. Через пару часов наступит рассвет. На его плечо легла твердая проректорская рука.

- Оллам Даррак, вам лучше вернуться во дворец, вам нужно отдохнуть. Оллема Таллия проснется еще нескоро. Да и мы мало что можем сделать в этой ситуации, - метр Двейн был, как всегда, прав, но ведь это не его женщина сейчас лежала на больничной койке, изредка вздрагивая в беспокойном сне.

- Нет, метр. Я останусь, - непреерекаемо ответил Даррак.

После недолгого молчания лорд Двейн произнес:

- Хорошо, раз вы так решили. А мы вернемся утром, чтобы справиться о состоянии оллемы, - еще раз сжав его плечо в жесте поддержки, первый проректор покинул палату.

Его секретарь, Милдред Уорд последовала за ним. Поравнявшись с Дарраком, она коснулась его плеча и, поймав опустошенный взгляд молодого человека, сказала:

- Все будет хорошо.

Даррак Кейн кивнул и спустя секунду остался в палате со спящей девушкой один. Он нежно поглаживал расслабленную ладошку Таллии и не мог оторвать взгляда от любимых, сейчас закрытых глаз.

Спустя полчаса после рассвета в палату зашел доктор, чтобы проверить состояние больной, а еще через несколько минут на пороге больничной комнаты оказался лорд Гаррет Бирн.

- Даррак, - произнес он, привлекая внимание племянника.

Обернувшись, молодой мужчина громко выдохнул «дядя» и поник плечами.

- Лорд Двейн мне обо всем доложил, - продолжил глава тайной службы, заходя в палату и приглашая последовать за собой еще одного посетителя: мастера Диглана, дворцового доктора.

Закрыв за ним дверь, лорд Бирн дал знак целителю осмотреть девушку, а сам подошел к племяннику.

- Ее уже осматривал врач, дядя. Она потеряла слух и зрение, в лучшем случае ей лежать тут месяц. Гарантий, что вернется хотя бы что-нибудь одно, никто не дает, - Даррак перевел взгляд на Таллию. - Я не могу оставить ее. Мне придется взять академотпуск.

- Не спеши с решениями, Даррак. Посмотрим, что нам скажет мастер Диглан, - ответил ему глава тайной службы.

Тем временем дворцовый доктор совершал что-то странное: он уже снял повязку с головы девушки и теперь держал ладонь прямо над раной, развернув голову так, чтобы место ушиба было предельно доступно. В какой-то момент Дарраку показалось, что с пальцев целителя срываются маленькие искорки. Он тряхнул головой и снова посмотрел на протянутую руку доктора, но ничего необычного не заметил... Кроме отсутствия раны.

В недоумении оллам вскочил и хотел ринуться вперед, но был остановлен твердой рукой лорда Гаррета Бирна.

- Не мешай ему. Он - единственная надежда этой девочки.

Тишина, воцарившаяся в помещении, искрила разрядами нервного напряжения.

Прошел уже час, когда мастер Диглан, наконец, убрал руку и сделал тяжелый шаг назад от койки. Его колени подогнулись, и он грузно осел на соседнюю пустую койку.

- Говорите, мастер Диглан, - приказал глава тайной службы.

- Я сделал все, что в моих силах, лорд Бирн, - севшим от усталости голосом произнес целитель. - Теперь нужно только ждать. Зрение вернется к девушке без проблем: проснувшись в следующий раз, она уже будет видеть.

- А слух? - хриплым шепотом перебил его Даррак Кейн.

- Слух тоже должен начать возвращаться. Я осмотрю ее еще раз, когда она проснется и тогда смогу сказать точнее, - ответил мастер.

- Теперь девушку можно перевозить без вреда ля здоровья? - сухим деловым тоном уточнил лорд Бирн.

- Вполне, - кивнул целитель и, тяжело вдохнув, поднялся. - Прошу прощения, лорды, но мне необходимо восстановить силы. Пошлите за мной, когда девушка придет в себя.

- Конечно, мастер Диглан. Благодарю вас, - кивнул глава тайной службы и проводил целителя до двери.

Вернувшись, он проследил обеспокоенный взгляд племянника, направленный в сторону по-прежнему бессознательной девушки, хмыкнул и произнес:

- Надеюсь, нет нужды пояснять, что то, что здесь произошло - государственная тайна?

Даррак невесело усмехнулся и ответил:

- Нужды нет, но ты все равно пояснил, - а потом повернулся, внимательно посмотрел на главу тайной службы и спросил. - Сколько же еще у тебя козырей в рукаве, дядя?

- Достаточно, Даррак, - усмехнулся лорд Бирн и направился к выходу.

Когда он уже взялся за ручку, молодой мужчина окликнул родственника:

- Дядя, - глава тайной службы обернулся, вопросительно приподняв брови. - Спасибо.

Лорд Гаррет Бирн улыбнулся и ответил:

- Мы семья, Даррак, а семью в беде не бросают. К тому же, как я понял, эта девушка скоро вольется в нашу маленькую ячейку общества.

Племянник улыбнулся одними уголками губ, а потом попросил:

- Насчет Грейнна, - имя скрипача он выплюнул, как будто оно пачкало своим звуком его рот. - Держи меня в курсе.

Глава тайной службы кивнул и вышел из палаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Даррак Кейн снова повернулся к спящей Таллии. Он погладил ее безвольную ладошку, а потом сжал ее чуть крепче и прошептал.

- Все будет, хорошо, малышка. Все будет хорошо.

* * *

Когда я открыла глаза в следующий раз, то увидела над собой знакомый потолок выделенных мне дворцовых комнат. Зажмурилась, а потом снова распахнула глаза. Тот же потолок. Робкая улыбка подернула мои губы. Наверное, мне просто приснился плохой сон. Это должен был быть до ужаса реальный кошмар. Я с силой выдохнула, чтобы оковы страшного сна окончательно спали, но... ничего не услышала. Должен был быть звук. Обязан! Но я ничего не слышала. Несмотря на яркий дневной свет, заливавший комнату, вокруг меня по-прежнему клубилась мрачная чернота, гулко поглощающая любой звук. Слезы полились сами собой. Горло болело, как будто я сорвала его криком, выходящий из него воздух клокотал в гортани, наверняка отзываясь сипом. Не знаю. Я ничего не знаю. Я не могла его слышать. О, небо! Это был не сон! Это все произошло на самом деле!

Внезапно яркой картиной в памяти всплыла сцена: занесенная над Даром рука с ножом. Дар! Даррак! Что с ним? Где он? Небо! Только не он! Слух, зрение... но не он!!! Я резко села поднялась с подушки и застыла. Голова закружилась, но боли не было. А ведь совсем недавно она болела, я точно это помню. Как и сильные надежные руки, держащие меня в непроглядной черноте. Дар. Я должна увидеть его!

Как будто в ответ на мои мысли, я вдруг почувствовала прикосновение к плечам. Подняв голову, увидела любимое лицо совсем рядом с моим. Дар. Живой. Подавшись вперед, обняла его за шею и прильнула всем телом. Слезы облегчения катились по щекам. Его руки обхватили меня и крепко сжали. Он словно не хотел меня отпускать, боясь, что если разожмет объятия, я исчезну.

Почувствовав, что я немного успокоилась, он отстранился, посмотрел в глаза и улыбнулся, после чего промокнул мокрые дорожки слез платком и поцеловал, сначала глаза, затем щеки, нос, а потом прижался губами к моим губам, лоя мой всхлип, словно желая выпить мои страдания. Я ухватилась за его плечи, словно он был единственной моей опорой в темном и стремительно опустевшем мире. Мой Дар.

Отстранившись, Даррак снова заглянул мне в глаза, а я глубоко вздохнула и прошептала одними губами:

- Я ничего не слышу...

Его лицо на секунду будто окаменело, он снова притянул меня к себе и стал нежно гладить по спине, а я пыталась снова не заплакать.

Теперь уже я по прошествии нескольких минут отодвинулась от Даррака, чтобы снова посмотреть на него и поверить, что с ним все хорошо и он здесь, рядом со мной. Нежно погладив мою щеку, молодой мужчина поднялся с моей кровати. Его губы шевельнулись, я снова остро почувствовала вязкий мрак вокруг себя и затрясла головой.

- Не уходи! Дар, не уходи! - горло болело, но я не обращала на это внимания.

Он наклонился ко мне и снова что-то сказал. Я посмотрела на губы и разобрала «я не уйду». Сглотнув, кивнула в знак того, что поняла, и стала неотрывно следить, как он поднимается, отходит к столику, что-то пишет на бумажке, складывает ее и отходит к двери, открывает, протягивает листок лакею и снова закрывает, чтобы вернуться ко мне. Устроившись на краю постели, Даррак протянул мне руку, я протянула ему свою, чтобы уже через несколько секунд оказаться у него на коленях в крепких надежных объятиях, в которых не страшна даже гулкая, всепоглощающая чернота.

* * *

Мастер Диглан постучал в дверь и, толкнув ее, зашел в комнату, в которую этим утром под его руководством перевезли леди Галлию Хейс студентку-практикантку консерватории имени Вилмара Аберга Миронса. Войдя, он увидел пациентку, жмущую испуганным воробышком к племяннику главы тайной службы Дарраку Кейну. Не самая целомудренная картина, но дворцовый доктор давно научился не обращать внимания на такие вещи. Подойдя, он поклонился и поприветствовал молодых людей, не сменивших позы при его появлении:

- Надеюсь, утро доброе, лорд Кейн.

- Не для меня, мастер Диглан. Моя невеста по-прежнему ничего не слышит.

- Я осмотрю молодую леди, если позволите, - уже сугубо деловым тоном произнес мастер и,

дождавшись кивка, подошел к паре на расстояние шага.

Молодой лорд, поднялся вместе с леди и аккуратно поставил ее на пол, после чего отошел всего на полшага. Целитель приблизился к пациентке, дружелюбно улыбнулся, медленно поднял руки к ее голове и легко обхватил ее обеими ладонями.

Диагностика заняла несколько минут, после чего он опустил руки и отошел, чувствуя легкую сонливость, которая всегда накатывала после подобного рода процедур. Девушка, в тот же миг шагнула к лорду Кейну, который, не колеблясь, взял ее за руку, переплетая пальцы, и, переведя напряженный взгляд на целителя, спросил:

- Что скажете, доктор?

- Физиологически у леди все в порядке и функционирует. Как видите, зрение вернулась. Возвращение слуха тоже весьма вероятно, но тут есть загвоздка. Судя по всему, момент получения травмы сопровождался состоянием сильнейшего шока. Поэтому проблема со слухом скорее психологическая. Говоря простым языком: ваша задача - заставить мозг леди Таллии Хейс «поверить» в то, что он все слышит, - ответил мастер Диглан.

- И как это сделать? - напряжение молодого человека передалось теперь еще и голосу.

- В этом-то и состоит загвоздка, лорд Кейн. Я не имею об этом ни малейшего понятия. Возможно, пройдет какое-то время, и слух восстановится сам по себе, возможно, нет. Тут я помочь не в силах. Все, что я мог как целитель, я сделал: физических нарушений и последствий травмы нет, - мастер Диглан извиняющееся пожал плечами. - Поймите, это просто не в моих силах. И не по моей специализации.

Даррак Кейн кивнул и ответил:

- Благодарю вас, мастер Диглан. Вы спасли моей невесте жизнь.

- Вы преувеличиваете мои заслуги, лорд Кейн. Жизни молодой леди ничего не угрожало, - склоняя голову, произнес дворцовый доктор.

- Нет, мастер, я знаю, о чем говорю, - со всей серьезностью ответил ему Даррак Кейн.

Целитель не стал спорить. Еще раз поклонившись и пожелав скорейшего выздоровления молодой леди, он покинул комнату, плотно закрыв за собой дверь.

* * *

Милдред сидела в кресле в комнате Маркаса Двейна и внимательно слушала начальника:

- Я думаю, теперь, когда девочку можно перевозить, а вся возможная и невозможная медицинская помощь ей оказана, лучше всего будет отправить ее обратно в консерваторию. Но одна, как ты понимаешь, в ее состоянии она поехать не может, - первый проректор устало взъерошил себе волосы.

- Я понимаю, Маркас, я поеду, - кивнула секретарь.

- Тогда начинай собираться. Отъезжаете завтра утром, - произнес лорд Двейн и добавил. - Спасибо, Мила.

- Глупости, - фыркнула женщина. - Хорошо еще, что к девочке вернулось зрение. Хоть как-то сможем общаться, не то я вообще не знаю, что бы мы делали, - неожиданно она задала вопрос. - Кстати, Маркас, а как быть с ее учебой в консерватории?

- Мастер Диглан сказал, что возвращение слуха возможно. Будем стараться это самое возвращение спровоцировать. До следующей сессии отчислять ее никто не собирается, а там, надеюсь, что-нибудь да прояснится. Девочка невероятно талантлива. Будет очень жаль потерять такую одаренную оллему.

- Будем надеяться, этого не произойдет и слух к ней вернется, - ответила Милдред и встала с насиженного места. - Если ты не против, я пойду собираться. Да и Таллии нужно сказать, что мы завтра уезжаем.

- Конечно, Мила, иди, - Маркас встал и проводил секретаря до двери.

На прощание она обернулась, погладила его маленькой ладошкой по небритой щеке и произнесла:

- Не переживай, Маркас, все образуется.

Поймав вымученную улыбку начальника, женщина развернулась и направилась к покоям студентки, а первый проректор закрыл дверь. Не успела она дойти до нужной ей двери, как сзади раздалось вежливое покашливание и негромкое:

- Леди Уорд?

Милдред обернулась и увидела знакомого молодого человека, секретаря лорда Гаррета Бирна. Улыбнувшись одними губами, она вежливо спросила:

- Да. У вас ко мне какое-то дело?

- Да, леди Уорд. Лорд Бирн просил вас зайти к нему, - склоняя голову, ответил мужчина.

На лице Милдред не дрогнул ни один мускул, она все так же неизменно вежливо и ровно произнесла:

- Благодарю, я зайду, к лорду Бирну, как только у меня освободится минутка, - и, не обращая внимания на опешившее выражение лица секретаря, означавшее что-то вроде «как это, на приглашение главы тайной службы не ринулись немедленно!», отвернулась и продолжила свой путь.

Молодой человек не зря занимал свое место и глупостью отнюдь не отличался, поэтому тоже развернулся и отправился на свое рабочее место, попутно размышляя, как передать слова леди Уорд начальнику, чтоб они не звучали, как вежливый посыл куда подальше.

Дверь комнаты Таллии Хейс открыл Даррак Кейн, но Милдред ничуть не удивилась.

- Оллам Даррак, разрешите войти, - поприветствовала она явно уставшего, а потому осунувшегося молодого человека с глазами, горящими твердой решимостью.

Оллам отступил, освобождая проход. На кровати, облаченная в ночную рубашку и халат сидела сама Таллия, очень бледная и с невероятно потерянными глазами, которые оживали только, когда наткнулись на выпускника композиторского.

Улыбнувшись и кивнув в знак приветствия девушке, секретарь первого проректора консерватории подошла к столику, на котором лежали письменные принадлежности, и стала писать. Даррак тоже подошел к столику и стал следить за тем, как появляются буквы на белом листе бумаги, ставшим единственным проводником слов для потерявшей слух девушки.

Пробежав глазами по написанному, молодой мужчина взял в руки перьевую ручку и к информации об отъезде приписал размашистым мужским почерком «Я еду с тобой». Милдред встретилась взглядом с молодым мужчиной и улыбнулась. Возражать она не собиралась.

После чего дождалась, когда Талиия прочитает протянутую ей записку и неуверенно кивнет в знак согласия, ободряюще улыбнулась и покинула комнату. Дел еще предстояло много: завершить все собственные, собраться, вернуть инструмент Таллии мастеру-кладовщику, закрыть ее практику у маэстро Диармэйда и не попасться на глаза Гаррету Бирну.

* * *

Ближе к вечеру, когда мои веки уже смежал сон, навязываемый успокоительным, прописанным мастером Дигланом, Даррак неожиданно поднялся с кресла, придвинутого к кровати, и направился к дверям. Кто-то постучал? Я поднялась и села на постели, пытаюсь угадать, кому могла понадобиться. Дар открыл дверь, и после нескольких секунд заминки зашла Ния. Моя замечательная солнечная Ния, свет голоса которой не сможет рассеять пелену мрака, окружающую меня. Слезы не полились неконтролируемым потоком только благодаря все тому же успокоительному.

Вот ее губы пошевелились, и она с сияющей улыбкой что-то произнесла. Влажная капелька соскользнула с моих ресниц на щеку. Ния остановилась и перевела озадаченный взгляд на Дара. Его губы зашевелились, а темнота вокруг меня как будто стала плотней. Мне не нужно было слышать, что он говорит моей подруге, я и так это знала.

По мере того, как двигались губы моего Дара, лицо Нии тускнело, глаза заполняло отчаянное неверие, а улыбка давно стекла с ее собственных губ. Она сделала шаг, затем другой, третий.

Присела на кровать рядом со мной и посмотрела на меня с вопросительным криком в глазах. Я уже привычно сглотнула набежавший ком и кивнула, чтобы в следующее мгновение оказаться в теплых и неожиданно крепких объятиях подруги. Не знаю, сколько мы так просидели, но уснула я окруженная ощущением тепла от рук солнечной девушки.

* * *

Почувствовав, что тело Таллии обмякло, а дыхание выровнялось, Орния Бэрк попросила оллама помочь. Вместе они аккуратно устроили девушку на постели, после чего вокалистка тяжело вздохнула и вытерла ладонями мокрые щеки.

- Как это произошло? - тихо спросила она, не потому что боялась разбудить Таллию, а потому что громко говорить не было ни сил, ни желания.

- Несчастный случай, - коротко и так же негромко ответил ей Даррак. - Неудачно упала, после того, как ее оттолкнул Грейнн.

- Грейнн? - солнечная девушка вскочила с насиженного места и повернулась к молодому человеку. Ее глаза искрились жаждой справедливости, а волосы, казалось, готовы были зашевелиться бы от переполняющего хозяйку гнева. - Да сколько можно?! Долго он еще будет ломать чужие судьбы?!

- Недолго, - спокойно ответил Даррак, впрочем, разделяя эмоции Орнии. - В этом году он совершенно точно не вернется в консерваторию.

От таких слов девушка как будто сдулась и успокоилась, негодование уступило место печали.

- Даррак, что же теперь будет? Как она будет учиться? Как она будет жить дальше?! - мутная пелена слез снова застелила глаза девушки.

- Целитель сказал, что слух может вернуться, - без особой уверенности в голосе ответил оллам.

- Дай небо, - прошептала Орния и направилась к двери.

У самой створки она остановилась и, оглянувшись, произнесла:

- Спасибо, Даррак, за то, что заботаешься о ней, - после чего вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Даррак Кейн развернулся к кровати и посмотрел на лежащую девушку, бледную, как простыни, на которых она спала. Сжав кулаки, он пообещал сам себе, что ее глаза цвета безоблачного неба еще будут лучиться счастьем, что бы ни пришлось для этого сделать.

* * *

Милдред уже собиралась лечь спать - сегодня был очень тяжелый и насыщенный день, а завтра предстояла дорога, так что выспаться точно бы не помешало - когда в дверь ее комнаты постучали. Накинув халат, она открыла и оказалась под прицелом суженых ярко синих весьма гневных глаз. Запахнув полы халата, женщина приподняла брови и спокойно спросила:

- У вас ко мне какое-то дело, лорд Бирн?

- Милдред, что происходит? - мужчина решил не рассусоливать, оставив придворный этикет и вежливость, сейчас было не до них.

- А что-то происходит, лорд Бирн? - с самым независимым видом осведомилась секретарь первого проректора консерватории.

- Ты мне скажи, - глаза главы тайной службы опасно блеснули. - Я просыпаюсь - тебя нет. Весь день ищу и не нахожу. Зову - ты не являешься, а сейчас выясняется, что ты завтра утром уезжаешь, даже не поставив меня в известность, - мужчина говорил тихо, но зло.

- С каких пор я должна ставить вас в известность о своем расписании, лорд Бирн? Смеею напомнить, что моим непосредственным начальником является лорд Маркас Двейн и только он в праве предъявлять мне претензии. Да и те могут касаться исключительно сферы моих служебных

обязанностей, - голос леди Уорд был сух и абсолютно нейтрален, в нем не было даже намека на какие бы то ни было чувства.

- Мила... - Произнес было Гаррет Бирн и сделал шаг к женщине, но та не только не отступила в комнату от его напора, но и не дала ему не то, что закончить - начать фразу:

- Леди Уорд.

От холодного тона женщины еще недавно плавящейся в его руках глава тайной службы оцепенел и застыл. Потекли секунды молчания, сопровождаемые только битвой взглядов. Вернее, это его глаза метали молнии. В ее не было ничего кроме отчетливого равнодушия и желания поскорей окончить беседу.

- Леди Уорд, я не понимаю мотивов ваших недавних действий, - сквозь зубы произнес Гаррет Бирн.

- Это все? - приподняв бровь, уточнила Милдред.

- Да, - срываясь на рык ответил мужчина.

- Не забивайте голову ерундой, лорд Бирн. Доброй ночи, - и с этими словами рыжеволосая красавица с непроницаемым лицом закрыла дверь комнаты прямо перед носом главы тайной службы.

Тот несколько секунд не мог поверить своим глазам, а потом занес кулак и снова постучал. Ответа не последовало. Тогда он позвал «Милдред», но ответом снова стала тишина. Не сдержав эмоций, он с силой ударил по двери неприступной и непостижимой красавицы и, тихо ругнувшись, ушел.

А с той стороны двери, прислонившись к стене и запрокинув голову вверх, стояла Милдред и улыбалась, очень грустно улыбалась.

Глава 17

В кабинете главы тайной службы царил мрачная атмосфера, все присутствующие хмурились. Предгрозовую тишину прервал звук отрывшейся двери, в которую вошел человек, ожидаемый всеми присутствующими. Лорд Гаррет Бирн сделал знак молодому человеку садиться, что тот и исполнил. Расторопный секретарь закрыл дверь, и снова тишина вступила в свои права. Но ненадолго. Первым слово взял первый проректор консерватории Аберга Маркас Двейн:

- Оллам Грейнн, думаю, вы осознаете причину своего появления в этом кабинете, - молодой человек едва заметно кивнул, но не проронил и звука. - Ваши действия стали причиной серьезных, возможно, необратимых увечий оллемы Таллии. Вы пытались напасть на оллама Даррака. И тому и другому есть весьма весомые доказательства. Но здесь мы собраны не для того, чтобы озвучивать подтвержденные факты, а для того, чтобы разобраться в мотивах и принять решение о вашем, оллам Грейнн, наказании.

Грейнн Бойл легко вздрогнул и моргнул.

- Перед тем, как мы начнем, - продолжил лорд Двейн. - У вас есть возможность рассказать все самому.

Снова в кабинете повисла тишина. Оллам не спешил раскрывать рот, а остальные не торопились его поощрять. В итоге все, что Грейнн сказал, было следующим:

- Я не могу объяснить этого.

Первый проректор хмыкнул и повернулся к стоящему рядом маэстро Диармэйд:

- Тогда дело за вами, маэстро.

Первый оллам королевства сделал несколько шагов и встал перед студентом.

- Оллам Грейнн, я сейчас буду напевать мелодию. Ваша задача - запомнить ее и подпевать мне столько, сколько я буду ее исполнять. Все ясно? - довольно жестким и суровым тоном осведомился он.

Студент кивнул и весь обратился в слух.

Маэстро Диармэйд, не отрывая взгляда от глаз студента, начал напевать странную ритмичную мелодию, она была довольно короткой, но повторялась раз за разом, пока голос молодого оллама не вплеся в рисунок, напеваемый маэстро. После того, как Грейнн Бойл перестал прислушиваться, опасаясь не попасть в ноту, что было интуитивным страхом всех музыкантов, первый оллам королевства стал постепенно увеличивать громкость и темп. Студент консерватории

подсознательно следовал за ведущим, подстраиваясь и перенимая характеристики мелодии. Необычная музыка заполнила пространство кабинета главы тайной службы напряжением. Лорд Двейн и хозяин кабинета, хоть и выставили блоки, все равно ощущали себя неудобно и оттого еще больше хмурились.

Все прекратилось внезапно: маэстро просто замолчал, доведя мелодию до логического завершения и не начиная нового витка. Голос Грейнна оборвался на долю секунды позже, но даже этого мгновения хватило, чтобы различить в нем натужность. Когда дуэт, как и визуальный контакт, распался, Грейन्न, будто без сил, откинулся на спинку кресла. И прикрыл глаза, а маэстро Диармэйд задумчиво потер подбородок тыльной стороной пальцев.

- Кто-то очень сильно на вас зол, оллам Грейन्न. Невероятно зол. Хотя, если принять во внимание ваш характер, я этому ничуть не удивлен, - произнес после продолжительной паузы маэстро.

Грейन्न Бойл в искреннем удивлении распахнул глаза и уставился на первого оллама королевства, взиравшего на него с некоторой долей разочарования и презрения. Странное дело, обычно такое открытое пренебрежение будто спускало какую-то пружину, и на лицо сама собой наплывала маска надменности, а с языка начинали слетать колкости, но сейчас, парень чувствовал себя настолько изможденным, что сил у него хватило только на вздох.

- Что можете нам сказать, маэстро? - прервал очередную паузу лорд Гаррет Бирн.

- Оллам находится под влиянием, - спокойно и с интересом ожидая реакции молодого человека, произнес маэстро Диармэйд.

- Продолжительность и сила влияния? - сухим надтреснутым голосом уточнил лорд Маркас Двейн.

- Приблизительно три с половиной - четыре месяца. Уровень дара соответствует вашим вокалистам.

В снова воцарившейся тишине отчетливо стал слышен хруст сдавленных костяшек первого проректора. Глава тайной службы повернулся к нему и озвучил то, понимание чего уже висело в воздухе:

- Это кто-то из твоих студентов, Маркас.

- Я с этим разберусь, - жестко ответил первый проректор.

- Уж постарайся, - кивнул Гаррет Бирн, а затем снова обратился к первому главному музыкальному распорядителю. - Маэстро, нужны подробности.

Первый оллам королевства отошел от молодого человека, потрясенно взиравшего на него с той самой секунды, как услышал о влиянии, и произнес:

- Влияние рассчитано на несколько лет и направлено на изменение восприятия вполне определенных эмоций, а именно: в случае, если оллам Грейन्न испытал бы ощущение влюбленности, воздействие должно было запустить в нем жажду причинить объекту трепетных чувств боль. И чем сильнее влюбленность, тем кровожадней должны были быть его желания и, соответственно, действия.

- Что? - потрясенно выдохнул Грейन्न.

- По-моему я говорю вполне членораздельно, молодой человек, - ответил ему маэстро Диармэйд. - Позволю себе предположить, что вы обидели юную неопытную и весьма чувствительную оллему, которая в ответ на обиду выбрала жестокий способ отмщения. В результате чего и вам, и юной леди грозит запечатывание дара.

Грейन्न Бойл от резких хлестких слов первого оллама королевства бледнел и с силой сжимал подлокотник уцелевшими пальцами правой руки.

- Оллам Грейन्न, назовите мне имена вокалисток-первокурсниц, с которыми вас связывали отношения, - непререкаемым тоном произнес Маркас Двейн, темным взглядом сверливший студента.

Молодой человек перевел взгляд с маэстро на первого проректора и сжал подлокотник еще сильнее.

- Оллам Грейн, сейчас на кону стоит не репутация девушки. Оллема нарушила устав консерватории, и должна быть наказана. Такие проступки не прощаются. Это не мордобой из-за понравившейся девушки. Не скажете вы - я найду ее сам, как только вернусь в консерваторию. Но вы можете сэкономить мне время, - с каждым словом голос лорда Двейна становился все более гулким и как

будто заполнял собой каждую щель кабинета.

Резко дернув головой, будто пытаясь скинуть наваждение, Грейнн Бойл выдавил из себя:

- Зачем мне это делать?

- Затем, чтобы показать людям, от которых зависит не только ваша дальнейшая судьба, но и жизнь, что к такому, как вы, возможно, стоит быть милосердными, - сказал – словно ножом пырнул первый проректор.

- Идаоин Киан, с ней у меня был... были отношения как раз в начале учебного года, - скрипнув зубами, сознался оллам.

Маркас Двейн и Гаррет Бирн переглянулись, после чего последний перевел тяжелый взгляд на молодого человека и произнес:

- Оллам Грейнн, в свете выясненных обстоятельств, того, что агрессивное поведение было вам навязано, мое изначальное решение о наказании меняется. Я не стану настаивать на вашем отчислении из консерватории. Как оллам вы не позволили себе ничего, за что можно было бы вас выгнать, - в глазах Грейнна Бойла затеплился слабый огонек надежды, - Однако, вы не сможете вернуться в консерваторию в следующем учебном семестре. Откровенно говоря, я даже не представляю, когда это вам удастся...

- Но почему? – отчаянно перебил его студент. – Вы ведь сами сказали.

- Оллам Грейнн, - повысил голос глава тайной службы. – Вы опасны. Как бы это ни было удивительно, но если вас снова угораздит в кого-нибудь влюбиться, что тогда? Вы понимаете, что под действием влияния можете сделать с объектом чувств все, что угодно, в самом мрачном смысле этих слов? Я уже не говорю о том, что в случае вашего постоянства – чем мрак не шутит - оллама Таллия в следующий раз может и не пережить встречу с вами, судя потому, что из-за нее вы бросились с ножом на оллама Даррака.

Еще немного и можно было бы услышать потрескивание разрядов в воздухе.

- Я... Я прошу прощения, лорд Бирн, - смог выдавить из спазмированного горла Грейнн Бойл.

- Прощение – дело хорошее. Но вам, оллам Грейнн, довольно им пользоваться, - сурово отрезал глава тайной службы – Итак, вот мое решение: ваш дар подлежит запечатыванию, вы возвращаетесь в дом своих родителей и нанимаете целителя души. На тот срок, на который затянется лечение и реабилитация вы получаете академический отпуск и будете находиться под негласным домашним арестом: никаких посторонних контактов, никакой светской жизни. Освидетельствовать ваше исцеление от влияния будет маэстро Диармэйд, так что не советую жульничать.

Краска окончательно стекла с лица Грейнна Бойла, пальцы здоровой руки безвольно разжались, а сам он не мог отнять потрясенного взгляда от человека, разом перечеркнувшего его будущее.

- Оллам Грейн, вы и сами должны понимать, что в таком состоянии опасны для общества, - произнес первый проректор, не сглаживая эффекта уже отзвучавшего приговора.

Грейнн Бойл не отреагировал. Он не мог поверить, что все планы и мечты вот так просто рушатся прямо на его глазах. Не став ожидать осмысленного выражения на лице оллама, лорд Гаррет Бирн обратился к следящему за ситуацией главному музыкальному распорядителю дворца:

- Маэстро Диармэйд, приступайте.

Первый оллам королевства не зря носил такое звание. Из ныне живущих олламов он был самым сильным. С высочайшим уровнем композиторского дара, он мог очень и очень многое. Например, запечатать довольно высокий дар вполне обученного оллама, не прибегая к помощи инструментов.

Маэстро снова развернулся к студенту, который сейчас смотрел на него затравленно, будто дикий зверь. Грейнна Бойла от буйной истерики предостерегало лишь воспитание аристократа в мрак его знает каком поколении.

Установив зрительный контакт – молодой человек не мог отвести взгляд от того, кто в скором времени должен был отнять у него все, чем он гордился, заморожено смотря на пожилого мужчину с глазами, лучащимися незаурядной внутренней силой – маэстро Диармэйд стал петь старинную балладу о войне. Войне, который отчаянно любил свою родину, отстаивал ее благоденствие во многих битвах и умер за нее со счастливой улыбкой на устах, увидев напоследок развевающийся флаг победы, несущей его стране свободу и процветание.

С первыми звуками Грейнн Бойл хотел было вскочить с кресла и скрыться из этого кабинета, но почувствовал, что не может пошевелиться. Его тело перестало ему подчиняться, кости будто превратились в железо, подчиненное чужой воле. С каждым словом, с каждой нотой он как будто покрывался прочной чешуеобразной броней, начиная от пальцев ног и заканчивая теменем. В тот момент, когда иллюзорные железные пластины закрыли ему лицо, Грейнн почувствовал, что не может дышать. Он стал, подобно рыбе, выброшенной на берег, открывать рот, пытаясь сделать вдох и одновременно не понимая, зачем ему это. Воздух ворвался в легкие с последним звуком баллады. По кабинету расплзлась тишина. Грейнн пытался отдышаться и неверяще заглядывал в глубину глаз первого оллама королевства, в которых читалось подтверждение только что произошедшему кошмару: его дар запечатан, и на какой срок – неизвестно.

Не выдержав наплыва эмоций, Грейнн Бойл уронил голову обреченным движением, с силой прикусил губу и зажмурил глаза, пытаясь не дать не то что пролиться – набежать ни капли предательской влаги.

Спустя минуту тягостной тишины, лорд Гаррет Бирн произнес тихим неперерекаемым тоном без капли жалости в голосе:

- Вы можете идти, оллам Грейнн. На выходе из приемной вас будет ждать мой человек, который проследит, чтобы вы направились в семейный особняк. Малейшие нарушения наложенного на вас наказания будут караться жесточайшим образом.

Молодой человек медленно поднял голову, окинул присутствующих в кабинете невидящим взглядом, кивнул, поднялся и неверным шагом направился к двери, которую аккуратно за собой прикрыл.

Как только дверь оказалась заперта, Маркас Двейн повернулся к главе тайной службы и спросил:

- Лорд Бирн, сейчас Грейнн Бойл в шоковом состоянии, но кто знает, что он выкинет завтра или послезавтра.

- Нет причин для беспокойства, Маркас. За ним будут присматривать мои люди, - ответил ему лорд Гаррет Бирн, - а потом обратился к главному музыкальному распорядителю. - маэстро Диармэйд, благодарю за помощь.

- Не стоит, лорд Бирн, - махнул рукой маэстро. - Мне это вовсе не доставило удовольствия. Но что поделает, если хороший оллам может быть скверным человеком, - с этими словами, он кивнул на прощанье и тоже удалился из кабинета.

* * *

Трое суток, которые мы добирались обратно в консерваторию я практически все время спала, укачиваемая движением кареты и действием успокоительного. Дар все время был рядом и держал меня за руку, а леди Уорд, сидящая напротив, в периоды моего бодрствования была очень задумчива. Апатия и опустошенность заполнили, казалось, каждую клеточку моего тела, я не могла ни о чем думать, просто безразлично следила, как сменяют друг друга пейзажи за окном кареты, а потом плавно проваливалась в сон. Чернота вокруг меня не становилась привычной. Мгновения превращались в минуты, часы, дни, а мрак, окутывающий меня мягким, но неумолимым коконом все так же навевал отчаяние и спазмы в горле. Плакать я уже не могла, слезы будто закончились или высохли. Со мной случилось самое страшное, что только могло случиться, навряд ли я смогла бы испытывать какие-то эмоции, кроме уже испытанных, да и они слегка притупились. Неизменным оставалось лишь глухое отчаяние, от которого хотелось выть, биться головой о стену и царапать уши до крови. Сдерживаться мне помогало ощущение теплой ладони Дара и да - неизменное успокоительное.

Разувериться в собственных убеждениях мне пришлось довольно быстро. После того, как карета доставила нас к зданию консерватории, а меня Дар проводил к женскому общежитию, поднявшись на свой этаж и зайдя в знакомую комнату, я осмотрелась. Ничего не изменилось с момента нашего отъезда: все так же были заправлены кровати, все так же торчал кусок Нииноного платья между закрытыми дверцами шкафа, все так же аккуратно стопкой возвышались учебники на столе. В знакомой обстановке я почему-то очень остро ощутила собственную ущербность, уязвимость и одиночество. Пальцы разжались, и я не услышала, как сумка упала на пол с гулким, возможно слегка позвякивающим звуком. Я одна, а вокруг меня, несмотря на ранний вечер, одна только тьма, съедающая оттенки и яркость красок окружающих предметов. Заставив себя сделать несколько шагов, опустилась на собственную кровать, скинула сапоги и подтянула ноги к груди. Зачем мне теперь все это? Зачем оставаться в консерватории? Это бессмысленно, ведь я не слышу даже самого громкого звука. Я оглохла. Разве оглохший может быть олламом? Надо уезжать домой к семье. Но

там я буду обузой. Я не смогу работать в музыкальной школе, только если помогать родителям с семейным делом. Вернуться и увидеть слезы в глазах матери, жалость сестры и боль отца... О небо! Что же мне делать?! Ведь если я уеду, то больше никогда не увижу моего Дара... Возможно, лучше бы я умерла? Умерла... Нет. Я хотела жить. Жить и слышать!

За раздумьями я не заметила, как провалилась в забытие. Пробуждение было резким. Я распахнула глаза и оказалась в кромешной темноте. Страх. Дикий ужас вернулся огромной волной и накрыл с головой. На минуту стало даже трудно дышать. Я опять одна во мраке. Должно быть, я начала подвывать от ужаса. Казалось, мрак тянул ко мне свои дымные щупальца, стремясь забраться в уши и глаза. Я обхватила голову руками и уткнулась в колени, стремясь отгородиться от беспросветного пространства. Не знаю, сколько я так просидела. В какой-то момент меня обхватили чьи-то руки и крепко прижали к сильному телу, от которого исходил знакомый родной запах. Я несмело подняла голову от собственных коленей и открыла глаза. В комнате было светло, а Дар сидел рядом. Он успокаивающе гладил меня по спине, а я, должно быть, шептала о том, как страшно было очнуться одной в темноте, как будто то кошмарное пробуждение вернулось.

Когда я немного успокоилась, то спросила у Дара, как он оказался в такое время в женском общежитии? Ведь не может же быть, чтобы госпожа Кин егопустила. Или может? Дар усмехнулся, но не стал размыкать объятий, чтобы что-то объяснить, а я не стала настаивать. Главное, что он рядом. Очень скоро я снова заснула, чувствуя себя в самых надежных на свете руках.

Утром Дар настоял на том, чтобы еще до завтрака мы отправились к консерваторскому мастеру-целителю, с ним мой оллам что-то обсуждал минут двадцать, после чего, вручил мне листок с пояснениями, в котором говорилось, что до начала учебного полугодия, пока не приедет Ния, я буду ночевать здесь, и он будет со мной, потому что испытывать на прочность нервы почтенной госпожи Кин угрозами пробраться в мою комнату через окно, если его не пустят через дверь, все это время ему не позволяет воспитание, а оставлять меня одну он не собирается. Если бы у меня еще оставались слезы, они бы непременно покатались сейчас по щекам. Мой Дар.

Следующие три дня, вернее три ночи, были самыми спокойными для меня за последнее время. Когда мастер-целитель уходил, Дар перебирался ко мне, и я засыпала под мерное движение его груди, в которую утыкалась носом, ища защиты. В эти моменты мне почти казалось, что все будет хорошо.

В последнюю ночь перед первым днем очередного учебного полугодия я перебралась обратно в свою комнату в общежитии. Ния и другие практиканты вернулись из столицы. Даррак проводил меня до дверей, сама не знаю, каким образом убедив госпожу Кин выдать ему одноразовый пропуск, практически передал из рук в руки соседки и, поцеловав на прощание, ушел.

Солнечная девушка встретила меня крепкими объятьями, от которых на душе стало чуточку теплей. Напоив меня чаем с привезенными из столицы сладостями, подруга вооружилась письменными принадлежностями и стала вводить меня в курс событий. Оказалось, что слухи о произошедшем все-таки разлетелись, правда, непонятно с чьей подачи, да и очень смутные: одни утверждали, что имел место летальный исход, другие, что потерпевшая отделалась легким испугом, но ни те, ни другие доподлинно не знали из-за чего. Грейнна вынудили взять академический отпуск, и в ближайшее время на горизонте он маячить не будет. Всем студентам-олламам очень интересно, что же со мной все-таки произошло, так что хорошо бы начинать морально готовиться к тому, что внимания, направленного на меня, будет много.

Чужой холодно-любопытный интерес представился так отчетливо, что по спине побежали мурашки. Взяв ручку, я ответила:

«Ния, я не могу. Как представляю эти жадные глаза и расспросы, которых не услышу...нет. Я никуда не пойду завтра. Все равно ничего не услышу, а значит, делать мне на лекциях нечего. А на занятиях по специальности - тем более»

Подруга прочитала и нахмурилась, а потом ответила:

«Талли, но как же ты будешь сдавать экзамены в конце года?»

Я грустно усмехнулась.

«Не знаю, будут ли меня здесь держать до конца года. Даже я не вижу в этом смысла»

Я с усилием сглотнула набежавший ком в горле и вымучено улыбнулась солнечной девушке. Спустя минуту она снова протянула мне листок, на котором было написано:

«Нет, Талли, ты не должна сдаваться! Ни в коем случае! Возможно, слух вернется и довольно скоро. Так что я попрошу кого-нибудь из твоих одноклассников принести тебе лекции и задания, а с индивидуальными занятиями тоже решим, когда придет время»

Я посмотрела на подругу, стараясь передать ей взглядом всю степень своей благодарности за то, что даже в такой ситуации она пытается меня подбодрить, что она со мной и не отводит смущенно глаз. Ния все поняла. Она поднялась со стула, на котором сидела, подошла ко мне и снова крепко обняла. Я чувствовала вибрацию ее грудной клетки, которая обычно возникает при произнесении слов. И хоть я не слышала ни единого слова из сказанных ею, от осознания, что у меня есть ее поддержка, становилось пусть немного, но легче.

С наступлением первой учебной недели второго полугодия в общежитии и самой консерватории стало шумно илюдно. Конечно, я этого не слышала, но ведь такое количество людей в одном месте просто не может быть тихими.

Уже после обеда и окончания занятий Ния вернулась в комнату и принесла с собой поднос, обернутый плотной тканью. На мой вопросительный взгляд лишь многозначительно улыбнулась и сдернула ткань, открывая вид на обед от мастера Аодха, еще горячий испускающий аппетитный пар. Я просияла. Но оказалось, что Ния принесла мне не только обед. Вслед за ней в нашу комнату вошел Байл Флинн. Парень явно чувствовал себя неловко: он бросил на меня взгляд, полный смущения и жалости, потом быстро перевел его на поднос, а после него - на собственные руки. Байл открыл было рот, но потом смутился еще больше, помрачнел и закрыл.

Я грустно улыбнулась. Мне пора привыкать к подобной реакции. Уже скоро слух о происшествии на зимней практике во дворце с первокурсницей композиторского факультета разнесется по всей консерватории, и так смотреть на меня будет каждый.

Байл сжал руки в кулаки, а потом резко расслабил и вымучил из себя ответную улыбку, за что схлопотал хмурый взгляд Нии. Перестав топтаться на пороге, он прошел к столу, на котором теперь лежали письменные принадлежности, полоджил пару тетрадей и стал писать, после чего протянул листок мне.

«Талли, мне очень жаль... правда... если бы я только мог помочь... Я буду приносить тебе лекции и задания, чтобы ты ничего не пропустила, ты же не против?»

Я подняла глаза на одноклассника, улыбнулась и кивнула в знак согласия, а потом написала в ответ «спасибо». Уголки его губ дернулись, но ответная улыбка так и не появилась, пальцы вцепились в листок, на который он даже не смотрел, потому что смотрел на меня. Я отвела взгляд. Видеть столько жалости и отчаяния в чужих глазах было невыносимо.

Спасла ситуацию Ния. Она, насколько я поняла, поблагодарила Байла и вежливо выдворила из нашей комнаты. Вздохнув и уже привычно не услышав собственного вздоха, я взяла принесенные тетради со стола и стала их просматривать. И почти сразу же обнаружилась проблема: почерк у Бала был, откровенно говоря, просто ужасный. Я вглядывалась в крючочки и закорючки и в лучшем случае распознавала лишь половину. Лекции по основам олламии и этике всегда были мне интересны, но оказалось, что возникла новая преграда на пути к тому, что раньше доставалось так просто.

В какой-то момент меня наполнила злость. Не на Байла, не на его почерк, а на то, что судьба, казалось, всеми силами препятствовала мне даже в мелочах. Я резко встала с кровати и перебралась за стол. Касанием активировала настольный светильник, достала из ящика собственные тетради для конспектов, вооружилась перьевой ручкой и принялась за расшифровку. Не отдам! Я уже и так слишком много потеряла, чтобы отдавать еще и это!

Не знаю, сколько я просидела за тетрадями, но в итоге, когда последняя Байловская закорючка - позор его учителям чистописания! - была расшифрована комбинированным методом догадки, ассоциации и антинаучного тыка, я перечитала сегодняшние лекции и с облегчением откинулась на спинку стула. Кажется, я все транскрибировала верно, потому что основная мысль лекции ни разу не терялась, и логических ляпов видно не было. Улыбнувшись, подняла голову от тетрадей и наткнулась на взгляд подруги. Она улыбалась робкой неверящей улыбкой. Заметив мое внимание, Ния демонстративно нахмурилась и обличительно указала в сторону подноса с давно остывшим обедом, после чего протянула мне, кажется, заранее заготовленную бумажку, на которой было написано:

«Немедленно садись есть!»

А я вдруг поняла, что каждый день заниматься расшифровкой клинописи Байла у меня ни злости, ни терпения не хватит, поэтому выхватила листок из рук подруги и решительно написала:

«Завтра пойду на занятия. Буду списывать из тетрадей девчонок. Это же невозможно так писать!!! Как он вообще понимает, что у него за заклинания зарисованы в конспектах?!»

Ния прочла мою записку и странно дернулась, а потом не выдержала и рассмеялась. Я смотрела на нее и понимала, что смех без звука выглядит очень странно, но от этого не менее заразительно, и на моих губах тоже появилась улыбка.

Именно в этот момент дверь открылась, и в комнату вошел Даррак. Увидев меня, он застыл на пороге, будто не веря своим глазам. Я улыбнулась шире, в подтверждение, что ему не показалось. Он перевел непонимающий взгляд на уже успокоившуюся Нию и спросил, что произошло, по крайней мере, именно так я интерпретировала движения его губ. Солнечная девушка протянула ему мою записку и стала пояснять, попутно указывая то на меня, то на конспекты.

Закрыв дверь, Дар подошел ко мне и взял в руки одну из тетрадей Байла. Открыв, пролистал и вчитался, после чего его иронично приподнял бровь и на той же записке приписал:

«Очень верное решение, Талли. Так ты сэкономишь кучу времени»

Грусть снова стала окутывать меня будто пледом, который не греет. Времени... Для чего? Чему я буду посвящать свободное время. Раньше все оно принадлежало роялю, потом я стала делить его между роялем и псалтирью, а теперь... что мне с ним делать теперь?

Даррак будто прочел мои мысли, потому что следующей записью на листке стала:

«Талли, делай упор на теорию. Хорошо бы тебе всю ее пройти, да поскорей, пусть и самостоятельно. Потому что, когда слух вернется, тебе придется очень старательно и в бешеном темпе нагонять практику, не говоря уже о специальности и композиции».

Я снова посмотрела на Дара. В его глазах не было жалости, не было стыда или неловкости, только твердая непоколебимая уверенность. Небо, если он так уверен, почему же я отказываюсь бороться? Неужели для меня это менее важно?! Улыбнувшись ему, я кивнула в знак согласия. Да, Дар, я постараюсь. Ведь слух действительно может вернуться, шанс есть, а значит, мне нужно удержаться в консерватории, сдать все экзамены, которые смогу, потому что второго шанса может и не быть, а терять все это я не хочу!

Любимые губы проговорили «умница» и прижались к моим волосам, а я сжала его руку, благодаря за любовь и поддержку.

Следующий день начался с чая и медленного таяния вчерашней решимости. Одеваясь и приводя себя в порядок, я никак не могла понять, зачем мне понадобилось вчера обнадёживать Дара и Нию, ведь теперь я не могу обмануть их ожиданий, а идти на занятия не хотелось всеми фибрами души. Тем не менее, выбора не было, и я упорно собиралась на лекции.

На улице и в самом здании консерватории на меня почти не обращали внимания: студенты спешили по своим делам, делясь друг с другом то ли впечатлениями от каникул, то ли мыслями о продолжении учебы, то ли еще чем. Ния проводила меня до лекционной аудитории, обняла, будто желая удачи, и ушла, то и дело оглядываясь, на свои занятия. В ее глазах плескалось беспокойство за меня. Попытавшись обуздать внутреннее волнение, я улыбнулась солнечной девушке и, выдохнув, зашла в раскрытую дверь. И вот тут нервы разыгрались не на шутку.

В аудитории уже присутствовало около двух третей студентов нашего потока, и метресса Дервила Хьюз стояла у кафедры, ожидая сигнала к началу занятия. Не знаю, насколько шумно было в помещении, но как только я переступила порог, губы олламов прекратили двигаться, а глаза остановились на мне с выражением удивления, любопытства и жалости. Не самое приятное сочетание. Мне захотелось развернуться и уйти, но воспоминание о твердой уверенности в глазах Дара не позволило этого сделать.

Я перевела взгляд на метрессу Хьюз и поприветствовала ее кивком головы. Линзы пенсне преподавателя блеснули отбликом. Она кивнула, переложила указку из правой руки в левую и свободной кистью сделала мне знак присаживаться, при этом не размыкая губ. В ее глазах было только внимание и не переходящий границ вежливости интерес. От этих сдержанных эмоций мне даже стало легче, и я смогла сдвинуться с места, чтобы двигаться дальше. Справа от меня, как обычно сидела моя одногруппница Аерин, а на незанятом пока месте слева секундой позже оказался Байл. Улыбнувшись сокурснику, я достала его тетради с запиской «спасибо» сверху и вернула их, а потом достала чистый лист, на котором написала:

«Аерин, ты не против, если я буду переписывать лекцию из твоей тетради? У Байла просто ужасный почерк», - и передала записку одногруппнице.

Та прочитала, кивнула, ободряюще улыбнулась и ответила:

«Конечно! Надеюсь ты скоро поправишься. Я как-то брала у Байла конспект, ты права - это тихий ужас».

Я улыбнулась в ответ, и в этот момент с другой стороны показалась записка от, судя по всему, подглядывающего Байла.

«Нормальный у меня почерк! Это вы еще почерка моего младшего брата не видели!»

Аерин мне лукаво улыбнулась и, перехватив листок, что-то написала, и придвинула обратно так, чтобы видел и Байл, и я:

«У нас тут вообще-то конфиденциальная переписка. Не подглядывай!»

Больше никто ничего написать не успел, потому что началась лекция. Я поняла это по тому, что метресса Хьюз встала перед кафедрой, ровная, как собственная указка, а мои соседи вооружились первыми ручками.

Переписывать лекцию из конспекта Аерин оказалось гораздо, гораздо легче, чем из конспекта Байла. У девушки был красивый, разборчивый почерк, и конспектировала слова преподавателя она очень тщательно, это я помнила еще по прошлому полугодю.

Следующим занятием после истории музыки была специальность, на которую мне идти было не нужно, а после нее – физкультура, от которой меня освободили. Я могла бы пойти в столовую, но мне не хотелось снова становиться предметом всеобщего любопытства, особенно без поддержки идущих рядом друзей, так что я отправилась обратно в общежитие. До обеда мне было, чем заняться.

Сердце снова сжалось, когда на входе в здание общежития я поймала полный горького сочувствия взгляд комендантши. Я вздохнула. Ничего. Все образуется. Рано или поздно народ успокоится... или я привыкну к их реакции и вороватым алчным до информации взглядам, бросаемым в те моменты, когда им кажется, будто я не вижу: окружающие будто испытывали болезненную необходимость разглядеть каждый сантиметр меня, при этом стыдливо отводя глаза, едва увидев, что их интерес замечен.

Оказавшись в своей комнате, за закрытой дверью, отделяющей от жадных взглядов и скрываемых движений губ, я выдохнула. Разувшись, направилась к стеллажу с учебниками, а от него – к кровати, на которой и расположилась с единственным сейчас моим богатством и источником информации. Следующие несколько часов книги затянули меня так, что очнулась я только тогда, когда почувствовала, что кто-то осторожно положил ладонь мне на плечо.

Подняв взгляд, увидела улыбающуюся Нию, держащую записку, гласившую:

«Талли, идем обедать!»

Именно с восклицательным знаком в конце. Похоже, Ния взяла на себя заботу обо мне, за что я была ей неопишимо благодарна. Без Дара и соседки-подруги мне было бы куда тяжелее привыкать к новому миру, лишенному звуков.

Вполне привычное действие – обед – стало для меня еще одним испытанием. Я привыкла проводить его в компании веселых, иногда немного шумных улыбающихся друзей. В этот раз друзья не улыбались. Ни Кеннет, ни Делма, ни Кейдн. Мы с Нией заняли свои места за столом, за которым, судя по обездвиженным губам ребят, повисла неловкая тишина, когда не знаешь, что сказать и как. Тот факт, что говорить не нужно, ибо адресат все равно тебя не услышит, только еще больше сковывал друзей. В какой-то момент их взгляды переместились мне за спину и стали очень удивленными. Настолько, что я повернулась, чтобы увидеть за собой Даррака с двумя подносами. Он смотрел на меня со спокойной сдержанной улыбкой.

«Подвинешься?», – спросили его губы.

Я кивнула и пересела поближе к Ние, он устроился рядом, поставил один поднос передо мной, другой оставил для себя. Напротив Нии и ребят уже стояли их порции. Видимо, друзья захватили еду для солнечной девушки, а меня попросту не ожидали увидеть так скоро.

Даже не слыша не звука, я ощущала неловкость, сковывшую друзей и заполнявшую пространство вокруг нашего стола. В какой-то момент мне даже подумалось, что лучше было поесть в комнате, но в следующую секунду Делма подалась вперед и протянула мне руку. Я грустно улыбнулась и ответила зеркальным жестом. Подруга крепко сжала мои пальцы. Мгновением позже на наши руки опустилась ладонь Кейдна. Парень поймал мой удивленный взгляд и улыбнулся, выражая поддержку и сочувствие. Еще через секунду Кеннет положил сверху свою руку, в его глазах была бездна сожаления. Не жалости, а именно сожаления. Последней была Ния. Она обеими ладонями обхватила наши руки в согревающем и соединяющем жесте. Другой рукой я вцепилась в скамью, силясь не заплакать, но когда ей завладели пальцы Даррака, не выдержала. Одинокая слеза скатилась по щеке вниз к улыбающимся губам. Мои дорогие. Мои любимые. Как же я благодарна небу, что вы все у меня есть.

* * *

Постепенно жизнь входила в новое русло, становящееся все более привычным. Тоска по цвету звука не покидала меня ни на мгновение, но появились силы стараться и верить. Лекционные занятия я посещала все. После них, в то время, когда у моих одноклассников были индивидуальные занятия по специальности или композиции, я занималась сама по учебникам. Теперь уже мои полки ломились от книг. И не только полки, но и стол. В какой-то момент я пришла к Милдред с вопросом, у кого могу попросить учебный план лекционных занятий. Секретарь первого проректора выдала мне все в течение пяти минут и пожелала удачи. Я решила, что изучать темы наперед - хорошая идея. Учеба так увлекла меня, что свободного времени оставалось совсем немного, а занятый новой информацией мозг мгновенно погружался в сон, едва голова касалась подушки. Успокоительное мне больше не было нужно, и плакать я тоже перестала.

Даррак проводил со мной гораздо меньше времени, чем раньше, но ежедневно обедал в нашей компании и перед сном всегда появлялся на пороге моей комнаты, чтобы пожелать спокойных снов, обнять и заглянуть в мои глаза. Не знаю почему, но для него это было важно, а я была рада, что он хочет быть со мной даже короткое время.

В один из дней, когда я сидела за столом, штудируя очередной учебник, меня отвлекло движение двери. В комнату зашел Дар. Не написав ни строчки, он улыбнулся мне и протянул руку, а его губы сказали мне «пойдем». Я, не колеблясь ни мгновения, оделась и последовала за ним из общежития в главный корпус консерватории прямо на третий этаж. Проведя по коридору, он толкнул дверь знакомой мне аудитории и пропустил перед собой.

В помещении стоял знакомый рояль-учитель. Он как будто с укоризной смотрел на меня, не понимая, почему я так долго не прихожу заниматься. Он словно был хмур и немного обижен. Прекрасный, полный силы инструмент с великолепным звуком, не концертный, но совершенный в своем роде. Я еще помнила его звук, чистый, звонкий, сильный, как струи горной реки. Погладив инструмент по крышке, вздохнула. Как бы я хотела услышать его вновь... Как бы я хотела снова учиться у него, почувствовать под пальцами черно-белые клавиши, реагирующие на малейшее движение, подсказывающие, помогающие. Даррак подошел и обхватил мое лицо руками. Его глаза горели энтузиазмом, он смотрел на меня с твердой уверенностью. Только вот в чем?

Отстранившись, я достала из кармана блокнот и карандаш, которые теперь всегда носила с собой, и написала всего одно слово: «Зачем?»

Да, мне было больно от осознания, что я не слышу, но от понимания, что я не слышу музыку - еще больней, и Дар об этом знал. Он никогда намеренно не причинил бы мне страданий, я верила в это, поэтому и должна была узнать, что побудило его привести меня в музыкальный кабинет.

Дар забрал у меня письменные принадлежности и принялся за ответ.

«Талли, я хочу, чтобы к тебе вернулся слух, и ты этого желаешь всем существом. Но одного желания мало. Нужно что-то делать. Мы олламы. Мы знаем о музыке больше кого бы то ни было. Если музыка способна исцелять от плохого настроения и грустных воспоминаний, почему она не может исцелить нашу проблему? Доктор сказал, что на физическом уровне все в порядке. Это значит, что ты уже слышишь, Талли. Тебе просто нужно поверить в это. Я хочу помочь. Ты ведь позволишь мне?»

По мере прочтения его слов, мое сердце стало биться чаще. Я даже надеяться боялась, но ведь других вариантов не было. Ни у кого. Даже у преподавателей, регулярно совещавшихся по этому поводу. А Даррак - он не мог бездействовать. Он делает это ради меня. Как же я могу отказать ему?

Сглотнув подступивший к горлу комок, я кивнула в знак согласия и, наверное, прошептала:

- Конечно, Дар.

Мой оллам ободряюще улыбнулся, скинул теплое пальто, придвинул второй винтовой табурет к тому, что стоял напротив, и сел за рояль, откидывая крышку. Я присела рядом. Мгновение - и пальцы Дара стали порхать по клавишам инструмента. Его тело, руки, кисти двигались слажено, единым музыкальным механизмом. Я смотрела на этот своеобразный танец и отчаянно желала услышать, что именно он сейчас играет, о чем поют его пальцы, о чем говорит его душа, но не слышала. Мир по-прежнему был серым и блеклым, и черное марево вокруг не пропускало ни единого просвета, заточив меня в безрадостный черный непроницаемый кокон.

Это было тяжело, очень тяжело - быть совсем рядом с музыкой, чувствовать ступнями вибрации пола от звуковых волн и не слышать ни самой коротенькой нотки. Я сцепила руки скрюченными пальцами и старалась дышать ровно. Получалось плохо. Дыхание все время срывалось на рыдающий ритм. Но хуже этого было понимание, что я пропускаю, не слышу не просто музыку и даже не

музыку души, а мелодию, исполняемую Даром для меня. Не знаю, сколько я продержалась. Мне каждая секунда казалась тянущейся патокой болезненной вечностью. В какой-то момент я просто встаю с табурета и отошла к окну, чтобы не видеть того, чего не могу слышать.

Слезы набежали, но я не дала пролиться ни одной из них. Хватит. Скоро я почувствовала ладони Дара на своих предплечьях. Он стоял вплотную ко мне, положив щеку мне на макушку. Постепенно, чувствуя его дыхание, я успокоилась и сама повернулась. Подняв голову, встретилась с ним взглядом и произнесла, стараясь, чтобы мои слова звучали тихо - я еще помнила ощущение шепота:

- Это трудно, Дар. Очень трудно.

Его глаза блеснули отражением моей боли, а губы ответили:

- Я знаю.

Он поцеловал мои щеки затем глаза, а потом отошел к инструменту, чтобы что-то написать в моем блокноте. Подойдя, я прочитала: «Я знаю, маленькая моя, но так нужно. Ты ведь сама это чувствуешь, верно?»

Я кивнула. Да. Это было правильно. Если что и поможет мне вернуть слух, так это музыка, музыка, которую я так жажду слышать, по оттенкам и цвету которой так истосковались мои глаза.

* * *

Милдред сжала пальцы в кулак, вздохнула и постучала в дверь кабинета первого проректора консерватории и своего прямого начальника. Услышав с той стороны громкое «заходи!», она нажала на ручку и вошла внутрь, неосознанно растягивая каждое действие. Маркас сидел за столом. Увидев на пороге своего секретаря, он оторвался от очередной стопки документации, которая, как ей давно было известно, наведала на него тоску и скуку, и которой он планомерно и методично заставлял себя заниматься.

- Мила, что-то случилось? - спросил он, откладывая исписанные листы бумаги.

- Не то, чтобы... - замялась молодая женщина, а потом решительно закрыла за собой дверь, прошла к столу и села в кресло напротив начальника.

- Маркас, нам нужно поговорить, - произнесла она и замолчала.

Лорд Двейн кивнул и ответил.

- Я тоже так думаю. В последнее время ты сама не своя. Что произошло, Мила? - документы были забыты. Теперь все его внимание принадлежало ей.

Милдред Уорд улыбнулась. Вот за что она так любила Маркаса: его дружба была крепче гранита.

- Маркас, я увольняюсь, - решительно выдохнув, произнесла секретарь.

- Что произошло, Мила? - снова задал тот же вопрос лорд Двейн.

- Мне нужно уехать. По личным причинам... - попыталась ответить секретарь, но была прервана очень серьезным, сопровождающимся внимательным взглядом, четвертым по счету «что произошло»

Приложив ладонь ко лбу, Милдред Уорд крепко зажмурилась, а потом открыла глаза, положила руку на колени и, глядя в глаза первому проректору, спокойно ответила:

- Я беременна, Маркас.

На десяток секунд в кабинете повисла тишина, которую разбил столь же спокойный голос лорда Двейна:

- Какой срок?

- Два месяца, - ответила молодая женщина, не отводя взгляда.

- Отец - Гарретт Бирн? - все так же спокойно уточнил проректор.

- Да, - Милдред снова тяжело вздохнула. - Как ты догадался?

Лорд Маркас Двейн фыркнул.

- А кто еще это мог быть?

Милдред грустно улыбнулась.

- Теперь ты понимаешь, почему я должна уволиться. Я не хочу, чтобы ребенок рос в атмосфере осуждения, не хочу, чтобы его называли незаконнорожденным. Я уеду на север страны, в какой-нибудь маленький городок. Беременная вдова не такое уж и редкое явление.

- Значит, ставить в известность лорда Бирна ты не собираешься, - констатировал проректор.

- Нет, - леди Уорд покачала головой.

- Ты не считаешь, что он имеет право знать? - осторожно спросил мужчина.

- Маркас, не будем об этом, - мягко, но безапелляционно произнесла Милдред.

- Твой план хорош, - после небольшой паузы кивнул Маркас, соглашаясь с ее доводами.

- Я знала, что ты поймешь, - ответила женщина и протянула ему лист бумаги, который все это время держала в руках. - Подпиши, пожалуйста. Печать я могу поставить сама.

Маркас принял бумагу, пробежал ее глазами, взял в руки перьевую ручку, постучал ей по поверхности стола, отложил и произнес:

- У меня есть встречное предложение.

- Что? - удивленно посмотрела на него Милдред.

Первый проректор не обратил внимания на ее удивление и стал излагать свою мысль:

- Ты остаешься и выходишь замуж. За меня. Даже если кто-то заподозрит, что младенец не семимесячным родится, ничего не скажет. Думаю, для людей с фантазией предположить роман между нами совсем не сложно. У ребенка будет имя и, какой-никакой, отец. Через год или два оформим развод. Таким образом, тебе не нужно будет уезжать, а мне - искать нового секретаря. Что скажешь?

- Удивление сменилось непониманием. Нет, Милдред расслышала каждое слово лорда Двейна и осознала их смысл. Непонятными остались лишь мотивы, поэтому она и спросила:

- Зачем это тебе, Маркас? Фиктивный брак, чужой ребенок... зачем?

- Во-первых, я люблю детей, - невозмутимо ответил первый проректор. - А во-вторых, расторопного верного секретаря днем с огнем не найти.

- Маркас! - голос леди Уорд стал звенеть от напряжения.

- Мила, ты мой друг. Я своих друзей в беде не бросаю. К тому же при всех предосторожностях, твой план уязвим: он не подкреплён документально. А мой - наоборот, - пояснил свою позицию лорд Двейн.

- Допустим, я соглашусь, - после короткой паузы произнесла Милдред, - чего ты хочешь взамен?

- Во-первых, чтобы ты обуздала гормоны, пришла в себя и больше никогда не задавала мне подобных вопросов, - сухо ответил Маркас Двейн.

- А во-вторых? - решила уточнить молодая женщина.

- А «во-вторых» я еще не придумал. «Во-первых» у меня на эмоциях вырвалось, - буркнул первый проректор.

Губы Милдред тронула улыбка.

- Маркас... я не знаю... мне очень хочется принять твое предложение, но по отношению к тебе это будет нечестно, - простонала леди Уорд, откидываясь на спинку кресла.

- Интересно ты мыслишь, Мила. Все-таки беременность на женщин сильно влияет, - хмыкнул мужчина и продолжил. - Послушай, я предложил это сам. Я ничего не теряю, ничего себя не лишаю. Наоборот. Я приобретаю пару лет спокойной сытой семейной жизни без нервотрепок на тему: «ты не так посмотрел на нашу соседку, ты что, меня больше не любишь?!»

- Ох, Маркас... - снова вздохнула Милдред.

Лорд Двейн вопросительно-иронично приподнял брови, и она решилась:

- Я не могу отказаться от такого предложения.

- Вот и хорошо. Завтра ходим в мэрию, подадим заявление, - кивнул лорд Двейн и порвал заявление об увольнении, после чего добавил. - И да, Мила. До какого срока тебе будет не тяжело работать? Когда мне начинать искать тебе замену?

- Не беспокойся, Маркас. Я сама подыщу себе временную замену, когда почувствую, что больше не могу справляться, - ответила Милдред, особенно подчеркнув интонацией слово «временную» и нахмутив брови.

- Как скажешь, - легко согласился мужчина и вернулся к стопке документов, лежащей перед ним.

Леди Уорд поднялась с кресла и направилась к выходу. Уже у самой двери она остановилась и, обернувшись, негромко произнесла:

- Маркас, спасибо.

В ответ первый проректор тепло улыбнулся, а в следующую секунду нарочито нахмурил брови и изобразил выпроваживающий жест означающий «давай, иди отсюда, не мешай работать».

* * *

Байл Флинн сидел на подоконнике напротив двери одного из музыкальных кабинетов. И смотрел в окно. Звукоизоляция не давала услышать, что происходит за дверью, поэтому все, что оставалось парню - это ждать, а ждать он привык.

Вскоре дверь открылась и в проеме появилась девушка, с глазами, полными слез. Увидев это, Байл спрыгнул с подоконника, скрестил руки на груди, нахмурился и обратился к молодому мужчине, идущему сразу за студенткой:

- Когда ты прекратишь ее мучить?

Таллия Хейс, перевела непонимающий взгляд с него на Даррака Кейна, а потом обратно, а выпускник спокойно ответил:

- По какому поводу претензии? - его голос был сух и сдержан, что разозлило Байла даже больше, чем вид непролитых слез девушки.

- Твоя методика не помогает. Слух к ней не возвращается. Может, хватит над ней издеваться? Разве ты не видишь, как ей тяжело смотреть, как ты играешь, и не слышать?! - на последних словах он повысил голос, не справляясь с эмоциями.

- А тебе не кажется, что это не твое дело, оллам Байл? - спросил Даррак Кейн, выражение глаз которого стало острее лезвия.

- Это мое дело. Я ее друг. Я не могу смотреть, как она плачет! - зло ответил парень.

- Байл, не будь идиотом, - с проскальзывающими рычащими нотками в голосе произнес выпускник композиторского. - Лечение редко бывает приятным.

- Это не лечение, - стоял на своем Байл Флинн.

Таллия снова вопросительно посмотрела на Даррака и привлекла внимание, коснувшись его руки. Подарив девушке теплую успокаивающую улыбку, молодой человек произнес, обращаясь к собеседнику:

- Этот разговор бессмыслен. Если ты друг, то будь другом: поддерживай ее и помогай. А в наши отношения не лезь, - Даррак предупреждающе свернул глазами, взял Таллию за руку и повел прочь, оставляя Байла наедине с собственными мыслями, гложущей тоской и непонятным чувством вины.

Он смотрел вслед удаляющейся паре и понимал, что эта девушка никогда не будет с ним. Байл вспоминал свой ступор и желание уйти, спрятаться от взгляда грустных голубых глаз, не видеть в них звериной тоски и отчаяния. Ему было стыдно за то, какое облегчение он почувствовал, когда узнал, что ему не придется приходить к Таллии каждый вечер, чтобы принести конспекты. Ему было бы слишком тяжело наблюдать за ней, такой потерянной. Байл понимал, что Талли сейчас намного тяжелее, но ничего не мог поделать ни с собой, ни с тем отравляющим, сковывающим

чувством неловкости, что он ощущал, находясь рядом с ней. Понимал, но не мог простить себя за малодушие. Щемяще-тянущий комок эмоций в районе солнечного сплетения хотелось выдрать голыми руками. Если бы только это было возможно. Тяжело вздохнув, Байл Флинн тоже направился к выходу на лестницу, впрочем, не стремясь нагнать ушедшую пару.

* * *

Лорд Гаррет Бирн скакал во весь опор на свежей лошади. Карета с уставшей двойкой самых крепких коняг осталась в городе: глава тайной службы гнал во весь дух, чтобы добраться до консерватории не в привычные три дня, а за сутки с небольшим без сна и отдыха. Остановив животное напротив главного входа в здание, он соскочил и стал быстро подниматься по лестнице. За это время гнев несколько не утих, а только больше разгорался. Знакомым маршрутом, он поднялся на второй этаж и, пройдя до нужной двери, без стука ее распахнул. Та с громким звуком ударилась о стену. В небольшой приемной сидела красивая рыжеволосая женщина. Подняв голову от бумаг, она окинула изучающим взглядом фигуру нежданного посетителя и произнесла спокойным холодным тоном:

- Лорд Бирн, чем обязана честью видеть вас?

- Я скажу вам, чем, - прорычал в ответ ей едва сдерживающий ярость мужчина.

Зайдя в кабинет, он захлопнул дверь с таким же громким хлопком, в два шага оказался у стола секретаря, достал из кармана конверт и швырнул на стол прямо перед женщиной.

- Вот чем!

Милдред Уорд спокойно взяла в руки конверт, открыла и ожидаемо увидела там отосланный недавно пригласительный на собственную свадьбу.

- Вам не понравилась форма приглашения, лорд Бирн? - спросила она, приподняв бровь.

- Нет! - пророкотал мужчина. - Мне не понравилось содержание! Какого бешеного зверя, Милдред?!

- Я вас не понимаю, - холодно отчеканила леди Уорд.

- Все ты понимаешь! Ты уже второй раз сбегаешь от меня замуж! Не надоело создавать семью не по любви? - голос глава тайной службы не повышал, но сама интонация подавляла почище заправского ора корабельного боцмана.

- Какая вам разница? Вы не можете знать о моих чувствах! - поднялась с кресла Милдред и теперь лишь слегка запрокидывала голову, чтобы посмотреть мужчине в глаза, сверкающие решимостью и злостью. Однако Милдред не собиралась так просто уступить.

- О чувствах... тут я бы поспорил! Но ладно. Я знаю о твоём воспитании, о твоих принципах! Этого мне вполне достаточно, чтобы не верить в то, что ты способна обманывать собственного возлюбленного с его же непосредственным начальником. Это не в твоей природе, Мила. А значит, Маркаса ты не любишь. Зачем же тогда тебе выходить за него замуж, притом, что ты молодая, самодостаточная и свободолюбивая женщина, да еще в такой спешке? Уж точно не по прихоти. А значит, появились обстоятельства, требующие немедленного решения. И если в качестве решения ты выбрала брак, значит, обстоятельства весьма серьезные. И не будь я глава тайной службы, если это не беременность! - лорд Гаррет Бирн сжал кулаки. Его глаза сверкали.

Милдред сощурила глаза и очень тихо ответила:

- А с какой это радости я должна отвечать на подобные выпады, лорд Бирн? - от столкновения взглядов пространство только почти заискрило.

- А с той, дорогая моя, что у меня есть все основания предполагать, что ребенок мой, - рыкнул глава тайной службы.

- С чего вы это взяли? - прошипела в ответ рыжеволосая женщина.

- Все с того же. Ты слишком принципиальна, чтобы одновременно спать с двумя мужчинами. А судя по назначенной дате свадьбы, у тебя срок не меньше двух месяцев. Напомнить тебе, где и с кем ты была два месяца назад? - слова вырывались резко и рвано. Мужчина контролировал свою злость, но ему явно приходилось нелегко.

Окинув досадливым взглядом лорда Бирна, после небольшой паузы леди Уорд отодвинулась от стола и произнесла:

- И что с того?

- А то, что женщина - моя, ребенок в ней - мой, а женится на ней мужчина, не имеющей к ней никакого отношения! Какого бешеного вепря, Милдред?! - рокочущие нотки в голосе разъяренного мужчины приобрели угрожающий оттенок.

- Это не твое дело! - повысила тон леди Уорд, начиная покрываться злым румянцем.

- Мое, Мила! Очень даже мое! - категорически не согласился с ней глава тайной службы.

- Маркас - мой друг! По крайней мере, он видит во мне человека, а не выгодное вложение средств и времени! - не сдержавшись, выпалила женщина и, осознав, что именно сказала, сомкнула губы.

- Так, я не понял. Это заявление сейчас относилось ко мне? - еще больше помрачнел лорд Бирн. - Милдред, ты считаешь, что я вижу в тебе выгодное поле для инвестиций? Какой идиот тебе это сказал, милая?

- Ты. Это сказал ты. - тихо ответила леди Уорд. И, видя непонимание в глазах мужчины, добавила. - Много лет назад. В разговоре с моим отцом. Вы обсуждали меня, как кобылу на торгах, Гаррет. А я не хочу быть с мужчиной, который видит во мне лишь полезное приобретение. Да, Маркас не любит меня, но он ценит меня как человека, как друга и как работника.

Лорд Гаррет Бирн ошарашено смотрел на прекрасную рыжеволосую женщину, в которую превратилась юная трепетная девушка, воспоминания о которой он хранил все эти годы.

- То есть, ты услышала наш разговор и поэтому сбежала и вышла замуж за того мальчишку, лорда Уорда? - потрясенно спросил глава тайной службы.

Милдред не ответила. Она просто отвернулась. Гаррет Бирн разжал пальцы и произнес, смотря на женщину перед собой со смесью вины и нежности во взгляде:

- Мила, прости меня. Я был самонадеянным напыщенным ослом. Но я не позволю тебе выйти замуж за Маркаса.

Леди Уорд грустно хмыкнула и повернулась.

- Он хороший человек и друг, не бросающий в беде. С ним мне спокойно. Назови мне хоть одну причину, почему мне не стоит выходить за него?

- Ты ведь не любишь его, - произнес глава тайной службы и стал медленно обходить стол.

- Верно, но это не причина не заключать брак. Иначе большая часть семейных союзов не заключалась бы вовсе, а остальные расторгались после первых трех лет совместной жизни, - фыркнула рыжеволосая женщина и сделала шаг назад.

- Ты права, - слишком покладисто согласился лорд Бирн и сделал последний шаг, останавливаясь вплотную к секретарю. - Тогда вот тебе другая.

С этими словами он быстрым и четким движением обхватил ее за талию, прижал к себе и коснулся губами ее таких желанных и манящих губ. Несколько секунд Милдред пыталась оттолкнуть от себя мужчину, но с каждым его движением ее сопротивление становилось все слабей. В какой-то момент упирающиеся ему в грудь руки схватились за отвороты зимнего пальто в попытке придвинуть его владельца еще ближе к себе. Сетуя на слабость собственного сердца, Милдред Уорд ответила на поцелуй. Ответила, потому что хотела. Хотела, чтобы этот мужчина ее целовал, и хотела, чтобы он был в ее жизни.

Через некоторое время, оторвавшись от губ любимой женщины, лорд Гаррет Бирн произнес хриплым полупшепотом:

- Я люблю тебя, несносная женщина, и хочу, чтобы ты стала моей женой.

- Это не вопрос, - улыбаясь, констатировала очевидный факт леди Уорд.

Глава тайной службы коварно улыбнулся, хитро блеснул пронзительно-синими глазами и согласился:

- Не вопрос, - после чего, снова стал опускать голову к ее лицу, не в силах противостоять желанию постоянно целовать свою женщину.

- Значит, свадьба отменяется? – донесся от двери знакомый обоим голос.

- Маркас... - Милдред повернула голову к выходу и стала пытаться высвободиться, но лорд Бирн не позволил. Он еще крепче прижал к себе свою женщину, перевел взгляд с ее губ на хозяина кабинета и своего подчиненного, лукаво прищурился и ответил:

- Почему же отменяется? Ни в коем случае. Она просто несколько видоизменяется. Состав брачующихся претерпит некоторые изменения, а в остальном меня все устраивает, особенно дата. Верно, дорогая? – глава тайной службы с предвкушающей улыбкой снова повернулся к Милдред и увидел, как щеки той медленно, но верно покрываются смущенным румянцем, чего не случалось последние лет двенадцать.

Глава 18

С каждым разом посещения музыкального кабинета вместе с Дарраком давались мне одновременно и сложнее, и проще. Я привыкала к виду его танцующих по клавишам пальцев, старалась представить мелодию, которую он играл, и одновременно накатывало чувство бесполезности и безысходности. Все чаще мелькали мысли, что все это зря и ничем не поможет.

В один из дней, зная, что он зайдет за мной, в три часа пополудни, как всегда, я просто заблаговременно ушла из комнаты. Я давала себе мысленные пинки и оплеухи за то, что не могу пересилить себя, но упорно удалялась от здания женского общежития. Мне было стыдно перед Дарраком, но объяснять, почему не хочу сегодня присутствовать на его занятиях, казалось невозможным. Как можно написать то, чему нет слов? Мои чувства в полной мере могла бы передать только музыка. Музыка...

Какое-то время я бродила по парку, но сердце все сильнее сжимало чувство острой потребности. В итоге, я тяжело вздохнула и направилась в сторону главного корпуса консерватории, не переставая повторять про себя, что делаю глупость. Тем не менее, остановиться я уже не могла.

Третий Этаж. До боли знакомая дверь. Не знаю, издала ли она хоть малейший скрип. Наверное, нет. Ведь раньше-то не скрипела. Пустой кабинет и одинокий рояль. Инструмент будто излучал тихую печаль. Я закрыла дверь и подошла. Учитель... Как бы я хотела снова слышать твой голос. Грустно улыбнувшись, провела подушечками пальцев по крышке и, поддавшись порыву, привычным движением откинула ее.

Черно-белый ряд клавиш, незыблемый и спокойный, как всегда, находился на своем месте и постоянном ожидании музыканта. Я аккуратно, словно боясь, легко прикоснулась указательным пальцем к белой глянцево-пластине и тут же отдернула руку, так и не нажав на нее. Усмехнувшись собственным чувствам, села на винтовой табурет. Тишина вокруг меня словно еще больше сгустилась. А мне вдруг так захотелось если не услышать, так хоть почувствовать механическую часть музыки, причаститься невесомой материи души, что руки сами потянулись к черно-белому ряду.

Все свои мелодии я знала досконально: я могла играть их с закрытыми глазами. Найдя первые ноты на клавиатуре, опустила пальцы на пластины и закрыла глаза. Руки ничего не забыли. Они помнили каждое, даже самое короткое движение и совершали его с филигранной точностью. Клавиши рояля под моими пальцами казались то мягкими, словно воск, то непробиваемо-твердыми, как гранит.

Я играла и старалась представить, вспомнить, как выглядела эта мелодия в моей любимой тональности Лунный Сапфир. Я силилась воскресить в памяти ощущение маленьких мокрых брызг моря на своем лице, его волшебные переливы от самого темного синего до почти небесного голубого, веяние прозрачного немного лазурного ветерка, который, казалось, еще чуть-чуть - и разметает мои волосы в порыве игры. Я подавалась вперед все сильнее, желая всем сердцем тех ощущений. Той яркости и насыщенности цвета, той благодатности звука. Моя душа алкала, стонала и молила, будь у нее голос, стены содрогнулись бы от ее отчаянного воя. Нет. Я не слышу. Ни звука.

Руки безвольно соскользнули с клавиш и упали на колени. Слезы, одна за другой, покатались из глаз. Я склонила голову над белыми глянцево-пластинами и с силой зажмурила глаза. И в этот момент в темноте вокруг меня полыхнула маленькая тусклая вспышка... вспышка, имеющая короткий глуховатый плоский звук. Затаив дыхание, я открыла глаза и медленно подняла голову, не отрывая взгляда от клавиатуры. Звук... Звук! Как если бы капля упала на одну из клавиш. О, небо... неужели...

Я снова подняла руку. Пальцы мелко дрожали, а сердце стучало так быстро, что казалось, сейчас разорвет грудную клетку и вырвется на свободу. С силой сжала пальцы в кулак, а затем резко отпустила и нерешительно нажала на клавишу. Тихий отзвук тоники моей любимой тональности цвета ультрамарина, проникающий, словно луч, сквозь окутавший меня коконом мрак был мне ответом. Тихий, немного тусклый, но он был! Я слышала! Неужели, неужели, неужели?!!!

Боясь даже вздохнуть, я снова начала играть ту же мелодию. С каждой нотой оттенков добавлялось

все больше, цвета становились все ярче. Они острыми лезвиями пронзали темноту, ярившуюся отчаянными клубами, сопротивляющуюся из последних сил, но неотвратно тающую под светом новых и новых нот, звучащих все громче и сочнее.

Мой мир постепенно яркими красками наполнял цвет. Дыхание сбивалось от обилия оттенков, которых становилось все больше и больше. В голове пульсировала только одна мысль: я слышу! Лунный Сапфир обволакивал меня и заполнял пространство музыкального кабинета темно-синими волнами с гребнями цвета индиго, волнующимися, радующимися, искрящими голубыми искрами восторга. Мелодия разрядами срывалась с пальцев, стремясь впитаться в клавиши. Руки не могли оторваться от пластин, даже самую короткую паузу воспринимая как невыносимо долгую разлуку. Музыка сквозила между пальцами, огибала меня мягкими стремительными подводными течениями, пронизывала все мое существо своим светом. Мир вокруг меня снова обретал яркость и смысл.

Я играла испуганно, пытаюсь вобрать в себя все богатство оттенков, напитать истомившиеся глаза, насытить отчаявшуюся душу. В тот момент, когда мелодия закончилась, уступая место тишине, я не испугалась, потому что уже слышала шум собственного сбившегося дыхания и чей-то судорожный вздох.

Повернув голову к двери, я встретилась глазами с Даром. Он неотрывно смотрел на меня, словно боясь пошевелиться. Напряженно вглядываясь в мои глаза, он негромко произнес:

- Талли?..

- Дар, - ответила я, не только ощущая вибрации собственных связок, но и слыша звук своего голоса.
- Дар, я слышу!

Эти слова словно оборвали натянутые в тугую тетиву нервы молодого мужчины. Он стремительно приблизился ко мне и обнял крепко-крепко. Подхватив на руки, он поднял меня с табурета и стал покрывать короткими легкими поцелуями мое лицо, шепча:

- Моя маленькая. Я верил, что у тебя получится. Ты сделала это, Талли. Ты смогла. Ты слышишь.

Я же только и могла, что счастливо улыбаться и чувствовать, как он выцеловывает непросохшие соленые следы с моих глаз, щек и губ. Мой дар! Сердце готово было разорваться от переполнявших его эмоций: от того, что я снова слышу, снова вижу звуки, и Дар разделил этот момент со мной.

Когда первая волна безудержного восторга схлынула, Даррак присел на винтовой табурет и, все так же, не спуская меня с рук, произнес с ощущаемым на физическом уровне, невесомо-облачным облегчением:

- Люблю тебя.

Я улыбнулась и в этот раз первой потянулась к его губам, стремясь передать всю глубину ответных чувств и благодарность за то, что был со мной все это время. За то, что верил в меня каждое страшное безрадостно-темное мгновение, за то, что облек в слова то, что я так хотела услышать.

Отстранившись, я посмотрела в его глаза цвета расплавленного серебра и ответила:

- Люблю тебя.

Я знала, этот миг я сохраню в душе навсегда, потому что прямо сейчас в ней рождалась новая мелодия.

Немного позже, когда мы оба пришли в себя, я спросила:

- Дар, а как ты нашел меня?

Я почувствовала, как любимый прячет улыбку в моих волосах, а потом услышала насмешливое и в то же время невероятно нежное:

- Музыка - твоя жизнь, Талли. Где же мне было еще тебя искать, как не в музыкальном кабинете, моя небесная девочка?

Я снова счастливо улыбнулась. Поколебавшись минутку, не удержалась чтобы задать уточняющий вопрос:

- А почему небесная, Дар?

Даррак легко вздохнул и ответил:

- У тебя невероятно-красивые голубые глаза. Мой маленький кусочек неба.

- Кусочек? – переспросила я. – Кому нужен кусочек, когда за окном целый небесный океан.

- Мой мир серый, Талли. Я не различаю цветов с восьмилетнего возраста. И только твои глаза дали мне шанс вспомнить кого цвета небесная высь, – он обхватил мой подбородок двумя пальцами и заставил посмотреть на себя. – И я сделаю все, чтобы они всегда лучились счастьем, как сейчас.

Я улыбнулась моему Дару, подняла руку и провела подушечкой указательного пальца сначала по одной дуге брови, потом по другой. В его глазах цвета дождевых капель мелькнули голубоватые отблики, и я не смогла не спросить:

- Почему ты не видишь цветов, Дар?

- Последствия травмы, – ответил слегка хрипловатым голосом он. – Сорвавшаяся груженная телега на большой скорости врезалась в нашу карету. Мать с отцом погибли, а я ударился головой. С тех пор мой мир раскрашен только в черно-белые цвета.

- Мне жаль, – прошептала я и обняла его, прижавшись всем телом.

В таких ситуациях слова не помогают, они не могут выразить сочувствия – слова вообще мало что могут выразить.

Руки Даррака сомкнулись вокруг меня, и он ответил:

- Это было давно. Меня забрал к себе дядя. Он водил меня от одного целителя к другому, но все заявляли одно: способность видеть цвета осталась, монохромное зрение – следствие сильного стресса и психологической травмы. Дядя разглядел во мне потенциал оллама и после музыкальной школы направил в консерваторию, надеясь, что музыка души поможет мне, и в чем-то он оказался прав: я нашел свой островок цвета, ту, чья музыка эхом отзывается в моей душе, – он заглянул мне в глаза и продолжил. – Ты мое небо, Талли. Я хочу провести с тобой всю жизнь. Хочу просыпаться с тобой в одной постели. Хочу смотреть, как растут наши дети.

- Дар... – потрясенно выдохнула я.

- Я хочу, чтоб ты была моей женой. Хочешь ли ты этого, Таллия? – он пил мой взгляд, как путник холодную воду, а я не могла насмотреться на игру голубоватых отбликов вокруг радужки его глаз.

- Хочу, – выдохнула я прямо в его губы и закрыла глаза, растворяясь в поцелуе любимого мужчины.

* * *

Следующим утром после звуковых фейерверков, устроенных друзьями и одноклассниками, когда те узнали, о переменах в моем состоянии, я сидела в знакомом музыкальном кабинете и не в силах остановиться перебирала клавиши в ожидании преподавателя. Я не могла находиться рядом с инструментом и не извлекать из его струн мелодий, даже самых простых: слишком долго я не слышала его богатого чистого сильного голоса. Наигрывая арпеджио различных гамм, я с улыбкой вспоминала вчерашние события.

Из музыкального кабинета первым делом мы направились в кабинет первого проректора и по совместительству моего куратора и преподавателя композиции. Все мое существо бунтовало против малейшего промедления. Мне хотелось приступить к практическим занятиям немедленно. Мозг едва сдерживал безумные порывы. Дар только смотрел на это извержение энтузиазма и улыбался.

Милдред на ее привычном месте в приемной не оказалось, так что мы беспрепятственно подошли к двери в кабинет, и Дар постучал. Звук отозвался усиленным боем дождевых капель о дощатый настил, веселый и звонкий. Мои уши, казалось, вбирали в себя малейшее звучание, словно оголодавшие после его долгого отсутствия.

Дождавшись приглашения войти, Даррак открыл дверь и пропустил меня перед собой. Лорд Маркас Двейн при виде посетителей удивленно приподнял брови и обратился к моему спутнику:

- Оллам Даррак, что-то случилось?

Но ответила ему я:

- Случилось, метр Двейн, я снова могу полноценно учиться. И очень хочу поскорей приступить к занятиям.

Первый проректор перевел потрясенный взгляд с Даррака на меня и медленно встал с кресла.

- Оллема Таллия, вы слышите меня?

- Слышу метр, и вполне отчетливо, - с широкой улыбкой подтвердила я.

Выражение недоверия на его лице сменилось искренней радостью.

- Замечательно! Признаться, я и не надеялся, что все произойдет так быстро. Я поздравляю вас, оллема Таллия, от всей души.

- Спасибо, метр Двейн. Так когда мы сможем возобновить занятия композицией?

Из-за моей спины донесся смешок - маленькая колючая вспышка - и отразился в таком же, но шедшем уже от преподавателя.

- Расписание еще не пересматривали, оллема. Так что наше плановое занятие композицией как раз завтра.

- Замечательно! Спасибо! - просияла я и хотела уже попрощаться, как меня остановил насыщенный голос цвета горького шоколада:

- Не так быстро, оллема. Мне об этом еще отчет писать, так что проходите, присаживайтесь и рассказывайте, как так получилось, что к вам вернулся слух? Оллам Даррак вы тоже можете остаться.

После этого мы около часа беседовали с подчиненным главы тайной службы, рассказывая обо всех аспектах и мелочах, сохраняя только самые личные, которые касались лишь нас двоих. Опросив меня и Дара, лорд Двейн еще раз поздравил меня и выдворил нас из кабинета, сославшись на то, что ему всю эту путаницу еще записывать, да так, чтобы начальство потом не решило, что у него временное помешательство.

Метр Двейн не опоздал ни на секунду. Это я пришла раньше и всю перемену гладила черно-белые пластины, приветствуя инструмент после долгой разлуки.

- Добрый день, оллема Таллия, - поприветствовал он меня. - Чем порадуете сегодня?

Я, едва произнеся ответное приветствие, повернулась обратно к роялю и опустила пальцы на клавиши. Тональность Солнечный Гелиодор как нельзя более точно сейчас отражала мои чувства. Мне не терпелось ими поделиться, да даже не поделиться, а выплеснуть в пространство, в воздух, в просторы вселенной.

Солнечная тональность вызолотила пространство, в котором, словно маленькие пылинки, парили крошечные янтарные искорки, и каждая из них звучала радостным восторгом. Солнечные зайчики весело играли друг с другом на поверхностях стен, потока, пола и блестящего глянецом рояля, а в центре развернувшегося действия была я. Меня пронизывали лучи света так, что не было понятно, то ли они стремились ко мне, то ли исходили из самого моего естества. Мелодия искрилась под пальцами, переливалась солнечными бликами зеркал, пела и звенела. Она несла счастье, чувство целостности. Мне хотелось обнять весь мир, подарить каждому его обитателю хоть по маленькому лучику, а лучше искупать в этом море света и радости. Старая композиция, наполненная новыми чувствами, закончилась пусть на тихой, но жизнеутверждающей ноте, будто уверяющей, что все будет хорошо и даже лучше.

Когда тишина растворила в себе всю сверкающую желтизну моей мелодии, я повернулась к преподавателю, ожидая его слов. У лорда Двейна был весьма задумчивый вид, а брови так и норовили снова поползти вверх, выдавая изумление. Я нахмурилась и спросила:

- Метр Двейн, что-то не так?

Мужчина перевел сосредоточенный взгляд на меня и ответил:

- Нет, оллема Таллия. С вашей игрой все замечательно и даже более того. Вы открылись с первых нот и даже раньше.

Я улыбнулась. В голове яркой вспышкой пронеслась мысль: «У меня получилось!»

- Должен сказать, вы молодец, Таллия, - продолжил уже более спокойно первый проректор, - и как ваш преподаватель я вас хвалю... - мужчина допустил короткую паузу и добавил, - за освоенный навык раскрытия души. А вот насчет техники. Работать, оллема Таллия, работать и еще раз работать. Нет, она пока не хромает, но ее срочно нужно подтягивать до прежнего уровня. Все-таки время, которое вам не представлялось возможным практиковаться, свое дело сделало, и теперь, оллема, нужно догонять. В ускоренном темпе.

Я кивнула, соглашаясь с замечанием преподавателя, и выпалила;

- Конечно, метр Двейн, я теперь не отойду от рояля, разве что только к псалтири!

Первый проректор усмехнулся и ответил:

- Главное на еду, сон и лекции прерывайтесь.

Я часто закивала, повернулась к инструменту и принялась играть другую мелодию: времени до конца занятия оставалось еще много, а мне так хотелось поделиться с роялем и преподавателем своими эмоциями и музыкой!

* * *

Мы пробирались в концертный зал тихо и по возможности бесшумно, что крайне забавляло Даррака, предложившего отметить мое исцеление именно там, а не в тесном музыкальном кабинете. Конечно, его идею мы с восторгом поддержали: когда еще почувствуешь себя хозяином концертного зала? Дар предупредил сразу, что никаких взломов не будет, и у него есть ключ, но от этого нам было не менее весело делать вид, что мы боимся попасться на глаза преподавателям, словно собирались шкродничать, как первоклашки.

После заветных трех щелчков замка мы оказались в знакомом просторном пыльно-бархатном зале, правителем и господином которого был возвышающийся на сцене концертный рояль. Сегодня место всех нас было именно там: на возвышении. Ребята принесли стулья. Сегодня вечером мы хотели играть и петь друг для друга. Сегодня был вечер радости, когда голоса рояля, псалтири, флейты, скрипки, никельхарпы и вокал сплетались, распадались и вновь танцевали то вместе, то по отдельности, то образуя более маленькие ансамбли. Сегодня даже лунные мелодии звучали радостно, а солнечные искрились счастьем и смехом, а пространство переливалось радугой старых и новых звучаний. Я делилась с друзьями своей музыкой без малейшего страха или опасения и видела в глазах цвета расплавленного серебра напротив себя только поддержку, любовь и гордость за меня. Мой Дар, мои друзья, как же я благодарна небу за вас всех и за каждого в отдельности!

* * *

Я остановилась, постучала и вошла в дверь, ведущую в вотчину мастера Имона. По просьбе метрессы Линдберг нужно было сдать мастеру-кладовщику цитру, которая преподавателю в ближайшее время не должна была понадобиться. Старого мастера за невысокой деревянной стойкой не оказалось, поэтому я решила проверить, нет ли его в мастерской, дверь в которую была приоткрыта. Я подошла и уже занесла руку, чтобы снова постучать, когда услышала знакомый играющий сапфиновыми гранями голос:

- Мастер Имон, вам не кажется, что позолота – это слишком вычурно?

Даррак? Что он может делать в мастерской?

- Нет, молодой человек. Мы же сразу решили возвращать инструменту его первоначальный вид, а значит немного позолоты – это именно то, что нам нужно, - ответил ему голос цвета коры старого дерева, принадлежащий хозяину помещений.

После того, как голоса утихли, раздался другой звук. Как будто умелые пальцы пробежались по клавишам рояля. И было в нем что-то до боли, до тоски в сердце знакомое. В странном порыве я без предупредительного стука толкнула дверь. Та открылась даже без намека на скрип, открывая мне невероятную картину: мастер Имон перегнулся в поясе и с головой ушел в струны и молоточки внутренностей рояля, а Дар сидел на винтовом табурете и тщательно прорисовывал золотой краской орнамент с противоположного бока. Но поразила меня вовсе не картина Даррака, вооруженного кисточкой, а то, на чем он рисовал.

Это был мой рояль. Мой старый добрый черный лебедь. Я точно это знала: я изучила каждый изгиб, каждую черточку этого инструмента и ни за что не спутала бы его ни с каким другим. Это был оставленный мною друг, но будто переродившийся. Не было потрескавшегося и отколуывающегося лака, трещины и царапины не бороздили деревянную поверхность иссушенными венами. Он был обновлен от основания и до верха. Реставрация практически подошла к концу. Теперь он красовался новым слоем черного лака, клавиши обзавелись новыми пластинами, блестящими белоснежным глянцем, педали сверкали в лучах солнца, падавших на них из окна. Красота, благородство и величие – вот что я видела перед собой. Старость и безысходность остались

только в моей памяти.

Не в силах справиться с волнением, я произнесла, нарушая тишину:

- Дар, как? Я больше ничего не смогла из себя выдавить, любясь и оглаживая взглядом старого друга.

Мастер имон поднял голову и вопросительно посмотрел на меня, а Даррак сначала напрягся, потом развернулся и произнес:

- Талли, ты не должна была этого видеть. По крайней мере, пока.

- Почему? Это же... - начала было я, но была перебита фразой:

- Это мой тебе свадебный подарок.

- Что? - потрясенно прошептала я.

Даррак вздохнул, отложил кисть, встал и подошел ко мне.

- Лорд Двейн рассказал мне, где и при каких обстоятельствах нашел тебя. А из опыта общения могу сказать, что инструмент для тебя всегда гораздо больше, чем полая деревянная коробка с натянутыми струнами. Я думал, тебя это порадует, и перевез рояль сюда, - заправив выбившуюся прядь мне за ухо, Дар продолжил. - Мастер Имон любезно согласился помочь, особенно когда узнал возраст и имя мастерской, из которой вышел этот красавец. Вернее, согласился терпеть мою помощь. Я думал перевезти его в свой дом и там показать тебе уже после свадьбы.

Я смотрела в любимые глаза и не могла насмотреться. Мой Дар. Мой любимый. Я неосознанно подалась вперед, чтобы услышать сухое и ворчливое:

- Молодые люди, не вздумайте ненароком задеть инструменты.

Мои щеки стали покрываться румянцем. Даррак весело улыбнулся и позвал следовать за собой, разворачиваясь, чтобы вернуться обратно:

- Пойдем. Раз уж ты все увидела, думаю, тебе не терпится рассмотреть его поближе.

Я согласно кивнула и последовала за ним.

Оказавшись рядом с роялем, я первым делом протянула руку и погладила его привычными еще забытыми движениями, теми, что я стирала с него пыль на протяжении двух лет. Поверхность инструмента оказалась гладкой, будто и не было никогда старой искореженной, иссушенной краски-кожи, которая теперь сменилась новой, молодой. Мой черный лебедь как будто сам тянулся к ладони, принимая приветствие и ласку, нежась в знакомом тепле почти родного существа. Затем прошлась кончиками пальцев в практически невесомом касании по черно-белому блестящему новизной ряду. Мой старый друг, как, должно быть сейчас хорошо. Твоя душа томилась в дряхлой оболочке без надежды и будущего, но теперь... Теперь у тебя будет новая долгая звучная жизнь в обновленном теле, полная радости, звуков и мелодий.

Подушечки пальцев при соприкосновении с клавишами стали тихонько зудеть от желания снова услышать родной голос старого знакомого.

Подняв взгляд от черно-белого ряда на мастера, закончившего копаться в струнах рояля, я несмелым, но полным затаенной надежды голосом спросила:

- Мастер, а можно мне немного побеспокоить вашего временного подопечного? - у старого кладовщика было одно непреложное правило: его мастерская - его правила.

Мастер с сомнением посмотрел сначала на меня, потом на рояль, после перевел взгляд на Даррака, а в конце - снова на меня.

- Думаю, можно. Я уже закончил с настройкой. По сути, тут осталось только наведение красоты, а в общем, инструмент отреставрирован.

Честно признаться, я перестала слушать речь почтенного мастера после слова «можно».

Опустившись на заблаговременно придвинутый Дарраком табурет, я подняла руки над клавиатурой. Замерла на мгновение, а затем опустила, пальцами погружая клавиши глубоко в штутьраму.

Тональность Лунный Сапфир на золотой нити разливается мягкой струей прозрачно-синей озерной воды, заполняя собой мастерскую. Подвес клавиш отрегулирован великолепно, а настройка звука - идеальна. Теперь мой старый черный лебедь не дряхлая развалюха, а невероятной красоты

звучания концертный рояль, который и в королевском дворце поставить не то, что не стыдно – почетно! Звук моей мелодии, стекающий каплями с клавиш, словно чистой озерная вода, арпеджио протяженностью на три октавы добавляют звучанию оттенков. Мелодия изливается из моей души прямо на инструмент. Мой старый друг, тебе не страшно рассказать, с тобой хочется поделиться музыкой, рожденной любовью и радостью, музыкой, которую пробудил во мне тот, кто давным-давно стал моим Лунным Сапфиром, тот, кто и тебе подарил второе дыхание. По мере звучания вода как будто набирается, углубляется и начинает играть всеми оттенками синего: от ультрамаринового до нежно-небесного. На ее поверхности мелькают голубоватые отблики, точь-в-точь, как в глазах Дара. Мелодия везде. Она увлекает меня, кружит, мягко и нежно касается цветными нотами моей кожи. Она и внутри меня и снаружи. Она пронизывает все вокруг и яркой звездочкой загорается в душе мужчины, стоящего рядом со мной. Это мои чувства, которые не страшно отпустить. Моя мелодия то нежная, то стремительная, но всегда неизменно близкая и родная. Моя музыка – одновременно и звучное признание и тихий разговор. Диминуэндо – постепенное затихание – как будто ветер стихает, и успокаивается мелкая рябь поверхности озера, делая ее большим зеркалом сине-прозрачного цвета.

В тот момент, когда мои пальцы прощались со знакомыми, но еще непривычными клавишами старого друга я почувствовала, словно его отеческое тепло теперь окружает не только меня, но и Дара - нас двоих, будто он молчаливо, но весомо одобряет мой выбор, благословляет и желает счастья.

Улыбнувшись и легко погладив напоследок черно-белый ряд, я встала с табурета и повернулась к Дарраку.

- Дар, я тут подумала... может, нам перенести дату свадьбы с лета на весну?

В его глазах сверкнули голубоватые отблики, а жидкое серебро будто заворожило игрой собственных оттенков. Мой любимый мужчина сделал шаг и, оказавшись ко мне вплотную, произнес голосом, полным искорок легкой хрипотцы:

- Я бы перенес на эти выходные. Но пусть будет весна.

Сильные руки Дара обняли меня и прижали к себе так крепко, как это было возможно, и я потерялась в безумно нежном поцелуе, уже не слыша добродушно-ворчливого «молодые люди... эх, молодость!».

Конец